

Александр Шинков

Феномен

АТАТЮРКА

*Турецкий правитель,
творец и диктатор*

ЦЕНТРОЛОЖКА

Александр Ушаков

Феномен
АТАТЮРКА

*Турецкий правитель,
творец и диктатор*

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отец народа. <i>Вместо предисловия</i>	3
Книга первая. РОДИНА И СВОБОДА	7
Книга вторая. В ТЕНИ ЭНВЕРА	53
Книга третья. ЗЕМЛЯ ЭРТОГРУЛА	153
Книга четвертая. НОВЫЙ ПОРЯДОК	259

ББК 66.2(5Туц)
У93

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

У93 **Ушаков А.Г.**
Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 383 с.

ISBN 5-227-01926-6

Беллетризованная биография крупнейшего политического деятеля, основателя турецкой государственности Мустафы Кемала Ататюрка, первого президента Турции, под руководством которого страна начала восхождение к политической стабильности и экономическому процветанию.

ББК 66.2(5Туц)

© А.Г. Ушаков, 2002
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Издательство
«Центрполиграф», 2002
© ЗАО «Издательство «Центр-
полиграф», 2002

ISBN 5-227-01926-6

ОТЕЦ НАРОДА

Вместо предисловия

Редкий правитель удостоивается вечной славы. Проходит время, и боготворившие его подданные вдруг начинают замечать, как с еще вчера неприкосновенной иконы слетает позолота. Много воды утекло в Босфоре за прошедшие после смерти Ататюрка шесть с лишним десятилетий, но тем не менее всемогущее время не стерло ярких красок с портрета Отца турок. Для современных жителей Турции его образ остается однозначным, и они по сей день хранят благодарную память о человеке, который не только построил республику на руинах Османской империи, но и спас турецкую нацию от уничтожения. И далеко не случайно этот давно уже входящий в первую десятку самых выдающихся политиков всех времен и народов человек продолжает привлекать к себе пристальное внимание историков, политологов, философов и даже психологов во всем мире.

В то же самое время для большинства россиян Отец турок продолжает оставаться тайной за семью печатями. Создатель Турецкой Республики и диктатор — вот, собственно, и все, что знают о нем в России. Впрочем, чего удивительного! Еще совсем недавно о написании без ретуши портрета такой сложной и противоречивой личности, какой был Ататюрк, не могло быть и речи. Да и сейчас сделать это далеко не так просто. Слишком уж долгий и мучительный путь прошел он в своей духовной эволюции, прежде чем превратился из романтически на-

строенного молодого офицера в искусного и беспощадного политика.

Тюрьма, ссылки, революции, войны, семейные драмы, покушения — все это было в его не очень долгой, но такой яркой и богатой событиями жизни. Но была и постоянная внутренняя работа, благодаря которой он и стал одним из самых просвещенных людей своего времени.

И тем не менее автору этой книги удалось дать достаточно точный психологический портрет своего сложного героя. Смелый и решительный, жестокий и сентиментальный, порой близкий к отчаянию и в то же время всегда видящий свет в конце тоннеля, он предстает перед читателями в высшей степени живым человеком, со всеми своими страстями, слабостями и переживаниями. Жизнь Ататюрка тесно переплетается со многими историческими событиями, но автору удалось весьма искусно избежать пространных путешествий в историю и в то же время достаточно полно рассказать о них. Хотелось бы сказать и вот еще о чем: столько сделавший для любимой им с юных лет Турции, Ататюрк сыграл известную роль и в истории нашей страны на одном из самых драматических ее поворотов, и именно поэтому он представляет особый интерес для российского читателя. И конечно, очень хочется верить в то, что давно уже ожидаемое жизнеописание Ататюрка займет достойное место среди произведений исторической литературы.

Директор Института стран Азии и Африки при МГУ,
доктор исторических наук *М.С. Мейер*

Феномен
АТАТЮРКА

*Турецкий правитель,
творец и диктатор*

*С великой благодарностью
Михаилу Серафимовичу Мейеру
и Вячеславу Ивановичу Шлыкову
за помощь в написании книги...*

Человек входит в человечество
через национальную индивиду-
альность...

Николай Бердяев

Книга первая

РОДИНА И СВОБОДА

Глава 1

Али Риза положил на могилу последний камень и взглянул на застывшую в скорбном молчании жену. «Ну вот и все! Теперь они не достанут его!» Зюбейде не ответила. У похоронившей своего последнего ребенка матери не то что слов, слез и тех не осталось! Али Риза вздохнул. Что там говорить, Чайагзы оказался для них страшным местом! Дикая природа, жалкая хижина в горах, постоянные угрозы контрабандистов, потеря Омера, вырытого из могилы шакалами, и вот теперь новая напасть — смерть Ахмета! Нет, больше им оставаться здесь нельзя! Скорее в Салоники, где готов их новый дом! Пора и им зажить по-человечески! И черт с этой приносившей только одни несчастья должностью начальника таможенного поста! Если так пойдет и дальше, то скоро у него не останется и жены!

Сказано — сделано! И вот уже позади тревожные ночи и вой шакалов, забывалось и горе. Зюбейде снова забеременела, и семья жила в радостном ожидании появления наследника. И он наконец появился! Да еще какой! Белолицый, с голубыми глазами и светлыми шелковистыми волосами! И, глядя на его уже успешнее стать для нее таким дорогим личико, счастливая мать от всей души благодарила не оставившего ее своими заботами Всевышнего!

Да и куда прохладнее своей правоверной супруги относившийся к нему Али Риза тоже был готов уверовать в его всемогущество в эту радостную для него минуту. Ласково потрепав малыша по розовой щечке, он выхватил из ножен саблю и описал над колыбелью широкий круг, отгоняя от новорожденного злых духов. На великих радостях никто не удосуживается записать, в какой же все-таки день декабря 1881 года родился Мустафа. Впрочем, особой необходимости в этом нет, у мусульман не принято отмечать дни рождения. Официальных записей в старой Турции не велось, и рождение ребенка обычно отмечали на пустой странице Корана или на полях жития какого-нибудь святого. Ну а потом...

Али Риза покинул этот мир задолго до того, как его сын стал великим, а Зюбейде-ханым могла вспомнить только то, что он родился в то самое время года, которое у мусульман принято называть эрбаин, что означает сорокадневные холода. Не вдаваясь особенно в мистику, нельзя все же не заметить, что великие люди, как правило, рождаются именно тогда, когда им это и предписано делать. И Ататюрк не составил исключения в этом ряду. По извечной иронии судьбы будущий «отец турок» родился чуть ли не в тот самый день, когда и без того дышавшая на ладан империя, получив от Запада очередную звонкую пощечину, утратила контроль над своими финансами. Впрочем, ирония иронией, но вряд ли дело здесь обошлось и без воли Провидения. Являвшая собою самые настоящие авгиевы конюшни, Османская империя уже давно нуждалась в своем собственном Геракле, ибо простым смертным на таких крутых поворотах истории подобные подвиги были не под силу. И такой герой наконец-то явился...

Но что это? Малыш и не думал умолкать. Зюбейде-ханым решительно выпроводила мужа и, на-

клонившись над колыбелью младенца, начала тихонько напевать: «Спи, мой серенький волчок...» И... странное дело! Словно вняв просьбе матери, малыш умолкает, дыхание его становится ровнее, и через минуту он уже видит свой первый в жизни сон. А Зюбейде-ханым смотрит и все никак не может насмотреться на уже ставшее для нее таким дорогим личико. Но начинают слипаться и ее глаза, голова склоняется на грудь, и через несколько минут она засыпает. Изгнанный с женской половины Али Риза продолжает бодрствовать, и ему даже в голову не приходит, что, если сто с лишним лет спустя его более чем скромное имя и будет упоминаться в книгах, фильмах и учебниках истории, то только благодаря тому самому малышу, который так мирно посапывает в соседней комнате. Ведь ни он сам, ни его жена ничего особенного собой не представляли. Так, самые обыкновенные македонские турки...

Отец Али Ризы был коренным жителем Салоник и отличился единственно тем, что в 1876 году принял участие в стихийном возмущении мусульман, в результате которого были убиты французский и германский консулы, и вынужден был скрываться в горах, где и умер семь лет спустя. Куда больше в Салониках был знаменит дядя Али Ризы по отцовской линии Мехмед, работавший учителем начальной школы. Выделялся же он необычайным цветом бороды и знанием Корана, за что и получил свое прозвище Кырмызы Хафыз — Красный знаток Корана. А вот сам Али Риза особыми талантами не блистал, а посему и перебивался в должности мелкого чиновника. Сначала в управлении мусульманскими религиозными обществами — вакуфами, а затем в таможенном ведомстве. В 1874 году он был назначен комендантом таможенного караульного поста на турецко-греческой границе в поселке Чай-агзы, куда по бурным горным рекам сплавлялся с

отрогов Олимпа заготовленный на экспорт лес. Али Риза должен был бороться с контрабандой, и занятие это было не только весьма беспокойным, но и в высшей степени небезопасным. А с женой ему просто повезло. Успешно занимавшийся торговлей и имевший свою землю отец невесты мечтал о куда более выгодной партии для своей дочери и поначалу встретил предложение какого-то там мелкого чиновника в штывы. И только заступничество давшего бедному жениху на положенный в таких случаях выкуп деньги сводного брата Зюбейде Хуссейна-аги помогло тому сломить сопротивление непреклонного родителя.

С будущей женой Али Риза увиделся только на свадьбе и остался несказанно доволен увиденным. Совсем еще юная, всего-то пятнадцать лет, Зюбейде, с ее редкими для турчанок светлыми волосами и голубыми глазами, была действительно хороша. После свадьбы молодая поселилась в родительском доме Али Ризы, а он сам... отправился в Чайагзы. Но уже очень скоро, не выдержав раздельной жизни с молодой и красивой женой, он увез ее в свое глухое горное селение. И хотя Зюбейде-ханым совсем не горела желанием сменить благоустроенный городской дом на убогую хижину в горах, перечить мужу она не осмелилась и, наступив на горло собственной песне, отправилась в свою добровольную ссылку. За прожитые в очень быстро осточертевшем Зюбейде Чайагзы три года у них родилось трое детей, но по никому не ведомым причинам уже очень скоро Всевышний призвал их к себе. И вот теперь все их надежды были на только что появившегося на свет Мустафу. Али Риза еще раз поздравил себя с рождением сына, выпил последнюю рюмку и через несколько минут уснул. Оставим счастливое семейство и мы. Но уже очень скоро мы снова вернемся к маленькому Мустафе и вместе с ним проживем, может быть, не

очень долгую, но такую насыщенную событиями жизнь, вместе с ним познаем горечь поражений и радость побед, тоску одиночества и мучительные раздумья...

Глава 2

Как и солдатами, великими не рождаются, и, словно подтверждая эту простую истину, маленький Мустафа ничем не напоминал собою будущего героя, а если чем и отличался от своих сверстников, так это только еще большей капризностью и непослушанием. Но ослепленная любовью мать прощала ему все и спешила исполнить любую его просьбу. А стоило ей только повысить на сына голос, как в его глазах мгновенно загорался какой-то недобрый огонь, и тогда ей казалось, что на нее смотрит не маленький ласковый волчонок, а способный на все взрослый матерый волк...

Пройдут годы, и уже совсем другие люди отметят удивительную способность 'глаз Мустафы менять свою окраску в зависимости от испытываемых им чувств. Темневшие в минуты хорошего расположения духа, они становились почти стальными в минуты наивысшего нервного напряжения, как это бывало на фронтах.

Но до этого было еще далеко, мальчику исполнилось всего шесть лет, и между родителями разгорелись ожесточенные споры о его будущем. Правовой из правоверных Зюбейде-ханым хотелось видеть сына духовным лицом, а куда более просвещенный Али Риза горел желанием отдать его в светскую школу. И в конце концов не пожелавший обижать жену Али Риза принял соломоново решение. В положенный день ходжа отвел Мустафу в медресе, а еще через неделю отец перевел его в знаменитую на все Салоники светскую школу

Шемси-эфенди. И больше всех этому переходу радовался сам Мустафа! Уж очень ему не понравилось сидеть на коленях в полутемной комнате и, заучивая наизусть суры, то и дело получать удары указкой от ходжи! Но существует и другая версия перехода Мустафы в светскую школу. Согласно ей подрастающий волчонок впервые показал свои острые зубы и в одно далеко не такое прекрасное для матери утро наотрез отказался ходить в медресе. Для Зюбейде-ханым это было настоящим ударом, и чего она только не делала, чтобы наставить взбунтовавшегося сына на путь истинный! И грозила, и требовала, и умоляла! Но Мустафа был непреклонен. И кто знает, может быть, именно эти часы, проведенные в полутемной комнате за насильственным изучением сур, породили в мальчике ту неприязнь к служителям культа, которую он пронес через всю свою жизнь. Матери пришлось уступить, и, к великому ее огорчению, белоснежное одеяние, ветка вербы и позолоченный тюрбан за их полной ненадобностью были навсегда убраны в старый шкаф. А маленький бунтарь с превеликим удовольствием отправился в светскую школу того самого Шемси-эфенди, о которой говорил Али Риза на памятном для всех семейном совете.

Конечно, его новой школе тоже было далеко до совершенства, но по сравнению с медресе это был все же шаг вперед. И уже очень скоро Шемси-эфенди во весь голос заговорил о необычайном математическом таланте мальчика. Не уступал он своим сверстникам и в других науках, на лету схватывая то, что с трудом давалось другим детям. Но, как это ни печально, учился Мустафа недолго. От чахотки умер потерпевший фиаско во всех своих коммерческих начинаниях и постоянно топивший свое горе на дне бутылки Али Риза, и семья оказалась на грани нищеты. Чиновничья пенсия составляла сухие гроши, и, дабы хоть как-то сво-

диль концы с концами, Зюбейде-ханым стала сдавать часть дома, но денег все равно не хватало, и увидавшая в долгах вдова была близка к отчаянию. И, как это часто бывает, помощь подоспела с совершенно неожиданной стороны. Вместе с Мустафой и его младшей сестрой отчаявшуюся женщину пригласил к себе ее сводный брат Хуссейн-ага, который работал управляющим крупного поместья всего в каких-то двадцати пяти километрах от Салоник. Правда, и по сей день остается неизвестным, на самом ли деле испытывал приложивший руку к несчастливому браку Зюбейде-ханым «братец» угрызения совести, или был, как поговаривали злые языки, весьма равнодушен к голубым глазам своей названной «сестрицы», выглядевшей, несмотря на все ее пять родов, все еще достаточно привлекательной. Как бы там ни было, так своевременно следовавшее предложение было принято, и совершенно неожиданно для себя маленький Мустафа оказался в деревне, где царили первозданная тишина и полное отсутствие каких бы то ни было занятий.

Очень скоро сельская идиллия начала угнетать мальчика, чья деятельная натура настоятельно требовала хоть какого-нибудь занятия. Но когда его дядька нашел ему таковое, Мустафа только презрительно скривил губы. Ему совсем не улыбалось гонять ворон с полей, и он стал еще более дерзким и неуправляемым. Понимавшая состояние сына мать не обижалась. Да, чистый воздух и хорошее питание стоили дорогого, но и они не могли заменить чтения книг и общения с образованными людьми! И дабы хоть чем-то занять сына и дать выход его постоянно бившей через край энергии, Зюбейде-ханым устроила его в расположенную в соседнем селе христианскую школу. Но и здесь ее ждало разочарование: у мальчика не было ни малейшей охоты изучать все эти старые и новые заветы из пришедшей на смену Корану Библии. Ее взор упал на ме-

стного письмоводителя, но уже с первых уроков тот проявил такое потрясающее невежество, что изумил им даже маленького Мустафу. Договор был расторгнут, и... снова началось вынужденное безделье.

А где-то в школах скрипели перья, исписывались тетради и сверстники Мустафы уходили все дальше и дальше по ведущей в просторные чиновничьи кабинеты светлой дороге знаний. В деревне время явно замедлило свой бег, и каждый проведенный в битве с воронами день все дальше отдалял Мустафу от намеченного ему матерью светлого будущего. И ей не осталось ничего другого, как отправить сына в Салоники, в рюшдые — среднюю гражданскую школу. Соскучившийся по занятиям Мустафа принялся поражать учителей своими недюжинными способностями и непостижимым умением схватывать все сказанное ими на лету.

Но и на этот раз Зюбейде-ханым недолго радовалась успехам сына, прошло всего два месяца, и он снова оказался не у дел! За ссору с одним из учеников его жестоко избил помощник директора школы Каймак Хафыз, и тетка Мустафы сразу же забрала его из ненавистной ей светской школы. Но существует и другая версия этой истории, согласно которой Мустафа сам убежал из школы. И напрасно возмущенная его поступком мать требовала от него объяснений, мальчик только хмурился и смотрел на нее своими удивительными глазами, в которых горели так пугавшие ее огоньки. Он так и не произнес ни единого слова в свое оправдание. А оправдаться ему, жестоко избитому за пустяковый проступок помощником директора школы Каймаком Хафызом, было чем! Мустафа так и не «сдал» матери своего обидчика, но в школу возвращаться отказался, несмотря на все ее увещевания и мольбы. И только когда ее требования стали совсем нестерпимыми, Мустафа приподнял завесу тайны. «Хорошо, — с каким-то поразившим Зюбейде-ха-

ным спокойствием произнес он, — я вернусь в Салонки, но только для того, чтобы рассчитаться с Каймаком!» Испуганная его решительностью мать даже не нашла что ответить, но настаивать на возвращении в школу перестала. В том, что Мустафа способен исполнить свою далеко не детскую угрозу, Зюбейде-ханым не сомневалась, интуитивно чувствуя в сыне какую-то ей совершенно непонятную внутреннюю силу.

Снова потянулись однообразные деревенские будни с их вынужденным бездельем, и снова Зюбейде-ханым потеряла с таким трудом обретенный было ею покой и сутками напролет размышляла о будущем сына. Но на этот раз Мустафа не пожелал идти у нее на поводу и, к великому огорчению матери, пожелал стать... военным! Расстроенная до глубины души, она ответила решительным отказом. Но... нашла коса на камень, и жестоко завидовавший щеголявшему по городу в форме учеников военной школы сыну их соседа майора Кадри Мустафа упрямо стоял на своем. Невзлюбивший мусульманское одеяние, мальчик страстно мечтал о том счастливом для него дне, когда и он наденет на себя военный мундир. Вторил ему и видевший страдания сестры Хуссейн-ага. «Ты же сама видишь, — убеждал он сестру, — что с его раздражительностью и вспыльчивостью из него никогда не получится коммерсанта и уж тем более духовного лица! А в военном училище и учат хорошо, и дисциплина строгая, да и будущее его будет обеспечено! Почему ты упрямишься?» Но Зюбейде-ханым только качала головой. Да, все так, и учили в военных училищах хорошо, и дисциплина была в них строгая, и будущее офицера в Османской империи было обеспечено! Но любое военное училище в ее глазах являло собой не только светлый храм знаний, но и самый настоящий вертеп, где курсантов учили не только наукам, но и всем существовавшим

на свете порокам! И только при одной мысли, что ее любимый Мустафа будет служить этим порокам, ей становилось не-по себе. К тому же султанская армия постоянно воевала, и сына могли просто-напросто убить, и напуганная столь страшными для нее перспективами мать упрямо стояла на своем. Все, что угодно, но никогда ее милый Мустафа не будет офицером! Не пожелавший уступать маленький волчонок снова показал свои острые зубки и... поступил в военное училище без ведома матери.

К несказанному изумлению преподавателей, мальчик с какой-то непостижимой легкостью сдал экзамены, и это был первый бальзам, пролитый на уже порядком измученную душу продолжавшей оплакивать потерянного, как ей казалось, навсегда сына Зюбейде-ханым. Но стоило ей только увидеть Мустафу в так идущей ему военной форме, как она, сразу же позабыв про все свои опасения, с неподдельным восхищением воскликнула: «О, мой маленький паша!» Лед тронулся, и с этой минуты Зюбейде-ханым ни о какой другой карьере для своего «маленького паши» и не помышляла. Утешало ее и то, что трое сыновей ее родственников — Салих, Нури и Фуад Булджа — тоже решили посвятить свою жизнь служению в армии. Ну а для самого Мустафы наступили довольно суровые после безмятежной и вольной жизни на природе времена. И не знавшему дома, что такое «надо» и «нельзя», ему приходилось терпеть. Но подобные мелочи не особенно огорчали мальчика. Он учился, а все остальное мало волновало его! И уже тогда он мечтал о будущем! Ведь рюшдие была только первой ступенью среднего военного образования, после которой предстояла учеба в военном лицее, а затем и в Харбие, как называлась высшая военная школа. А попасть в нее было нелегко: если средних военных училищ в Турции хватало, то лицеев насчитывалось всего семь, а столичная Харбие и вообще была только одна. И учиться в ней было

верхом мечтаний любого курсанта, поскольку наиболее способные ее ученики, получив лейтенантский чин, зачислялись в классы генерального штаба, откуда выходили в чине капитана. Эти офицеры являли собою армейскую номенклатуру, с уже, по сути дела, обеспеченной карьерой, и Мустафа решил во что бы то ни стало войти в офицерскую элиту империи. Благо, что все предпосылки у него для этого были.

И все же, как ни велика была тяга Мустафы и его товарищей к так выгодно отличавшейся от мусульманских одеяний военной форме, решающую роль в их выборе играла все же не она. Стремление защищать родину молодое поколение тех трудных для империи лет впитывало с молоком матери, поскольку именно Македония больше других областей страдала от военных угроз, и будущие офицеры с младых ногтей попадали в обстановку, где слово «патриотизм» было далеко не пустым звуком! Да и честолюбие играло далеко не последнюю роль, и вместе с врожденным в каждом из них инстинктом самосохранения и патриотизмом именно амбиции заставляли многих юношей становиться офицерами. Не обходилось, конечно, и без романтики. Другое дело, что не всем удавалось достичь на этом славном поприще тех вершин, какие было суждено покорить самому Мустафе. Сразу же начав выделяться среди сверстников, он прекрасно успевал по всем предметам, но особое предпочтение отдавал французскому языку и математике. И уже тогда в нем стало заметно стремление к лидерству везде и во всем. Проявлял он свои недюжинные способности и вне школы и часто становился победителем всевозможных математических конкурсов, организованных «Руководством для детей».

Тогда же в его жизни произошло знаменательное событие. Дабы не путаться, учитель математики, тоже Мустафа, предложил ему взять второе имя — Кемаль. Гордый от сознания того, что ему предла-

гают получить имя, означавшее «совершенство», он с радостью согласился и очень быстро оправдал его, получив сержантское звание и став старостой класса. Он намного превосходил знаниями математики других учеников, и со временем преподаватель стал поручать ему проведение репетиторских занятий с одноклассниками.

И вот тогда все с некоторым удивлением увидели совсем другого Кемалья: нетерпимого к чужим слабостям и требовательного! Его властный и вспыльчивый характер нравился, конечно, не всем, но, как только его пытались поставить на место, он начинал говорить о своем особом предназначении. Конечно, над ним смеялись, но Кемаль только презрительно морщился и продолжал пребывать в своем, как тогда многим казалось, весьма неприятном для него заблуждении.

Доставалось от него и учителям. Он не признавал никаких авторитетов и всегда оставался при своем мнении. Но наиболее ярко его нежелание оставаться на вторых ролях проявилось во время второго замужества матери, вышедшей замуж за служащего салоникского отделения французской табачной концессии «Режи» Рагыб-эфенди. Конечно, будь Кемаль постарше, он без особого труда понял бы жившую на скромные подаяния родственников и смертельно уставшую от нищеты мать и без особого насилия над собой смирился бы с появлением в своем доме «нового папы». Но куда там! Самолюбие его болезненно задето, и в знак протеста он... решил оставить родительский дом! Да и что ему было делать там, где теперь первую скрипку играл другой мужчина! И, несмотря на отчаянные попытки испытывающей несказанные страдания матери объяснить сыну неизбежность подобного шага, лед между ними тоньше не становился. Никто не мог убедить Кемалья играть второстепенные роли, и, озлобленный на весь мир, он с мрачной решимостью говорил ничего не

понимавшим в его странном поведении однокашникам: «Они еще узнают, кем я буду!»

Пребывая в те трудные для себя дни далеко не в самом лучшем расположении духа, он ссорился со всеми, кто только подворачивался ему под руку, и, обрекая себя на полное одиночество, продолжал жить обособленной от всех жизнью. Да и зачем ему был кто-то нужен, если у него были книги и любимая математика! А когда надоедало читать, он отправлялся гулять по Салоникам, любуясь великолепными памятниками римской и византийской архитектуры.

Это был крупный по тем временам город с населением более 150 тысяч человек, и большую часть его составляли бежавшие сюда еще в конце XV века из Испании от гонений Великого инквизитора Торквемады евреи. Значительными по численности были общины греков и болгар. Турок было всего 14 тысяч, приблизительно столько же было других мусульман: албанцев и так называемых дёнме — обращенных в ислам евреев. И к великому удивлению Кемалья, те самые турки, к которым принадлежал и он сам, не только не процветали в Салониках, а находились в них на положении униженных и оскорбленных. Разница была во всем! В одежде, в жилищах, в манере вести себя! И, попадая из центра города с его великолепной набережной, европейскими отелями и утопавшими в зелени особняками иностранцев в районы живших на окраинах мусульман, Кемаль видел огромную разницу! Он с тоской смотрел на закутанных в паранджу женщин, однообразно и серо одетых мужчин и никак не мог понять, почему же и они не могут жить той же радостной и красивой жизнью, которая царила в немусульманских районах города.

Но еще больше поражало его то презрение, с каким иностранцы обращались с его соотечественниками, унижая их везде, где только было можно!

Любой чиновник входил во дворец губернатора как на завоеванную территорию и всегда добивался того, чего хотел! И он с недоумением и обидой наблюдал за тем, как простой консульский курьер своей длинной палкой преграждал путь турецкому должностному лицу. А что творилось в гавани, куда безо всякого на то разрешения заходили иностранные корабли и матросы с видом победителей разгуливали по городу! Особенно безобразные сцены разыгрывались по вечерам, когда основательно подогретые вином иностранные моряки шатались по городу, задирая прохожих и приставая к женщинам. И странное дело! Все эти оскорбления Кемаль воспринимал так, словно они были направлены против него. И однажды, когда какой-то полупьяный матрос вдруг ни с того ни с сего влепил не успевшему уступить ему дорогу пожилому турку пощечину, Кемаль не выдержал и кинулся на него, и от страшной расправы его спасло только чудо, поскольку с трудом сохранявший равновесие «морской волк» просто не смог догнать его. Целый вечер бродил он по берегу моря, в сотый раз задаваясь вопросом, почему эти лощеные иноземцы ведут себя как победители и ни у кого из его соотечественников не возникает желания дать им достойный отпор. Разве не достойны лучшей жизни они, завоевавшие пол-Европы и Африку? Так почему же они пресмыкаются перед всеми этими французами и англичанами?

Усталым и хмурым вернулся Кемаль в училище, но еще долго не мог уснуть. А потом целую неделю не выходил в город. И дело было не в какой-то особой его слабости и ранимости. По всей видимости, в Кемале было все же нечто идущее сверху, что каждый раз заставляло его душу болезненно сжиматься от обиды за таких же турок, каким он был и сам, и именно тогда в наполненной обидой душе появлялись и крепи первые ростки того самого

чувства, которое и принято называть национальным самосознанием! Унижение себе подобных всегда порождает в душах избранных желание избавить их от этих страданий. Да и в самом сострадании изначально заложена великая истина тайного знания, так или иначе освещавшего внутренний мир такого избранного. И именно это тайное знание в конце концов зажигает в душах великих тот самый костер, который рано или поздно сжигает окружавшие их ветхие формы, а рождающаяся при этом мудрость постепенно складывает пока еще смутные контуры будущей жизни.

Тем временем учеба в рюшдие подходила к концу. Кемаль решил еще раз больно ударить по чувствам матери и, несмотря на то что в Салониках имелся прекрасный военный лицей, переехал в находившийся на западной границе империи Монастыр. Лепившийся по склонам гор город из серого камня не шел ни в какое сравнение с великолепными Салониками. И тем не менее Монастыр был важным торговым, административным и военным центром. Население имевшего около шестидесяти мечетей Монастыра приближалось к 40 тысячам человек, и жившие в нем мусульмане в большинстве своем имели албанское и славянское происхождение. Хватало в нем и занимавшихся торговлей греков. Чего в городе не было, так это спокойствия, и расположенным здесь воинским частям то и дело приходилось сталкиваться с постоянно возмущенными болгарскими, македонскими, сербскими и греческими националистами. А вот сам лицей Кемалю понравился. Для полноценной учебы в нем были созданы все условия, и он справедливо считался самым передовым учебным заведением подобного типа во всей Османской империи. Пройдут годы, и Мустафа Кемаль с большой теплотой будет вспоминать уроки истории, которые вел майор Мехмед Тевфик-бей. Ведь именно от него юноша

впервые узнал, что, помимо истории ислама, существует еще и история турецкого народа и состоит она не только из жизнеописаний султанов и великих везирей. Наряду с математикой и историей Кемаль увлекся риторикой и часами упражнялся в ораторском искусстве. Эти занятия не пройдут для него даром, и он всегда будет поражать аудиторию прекрасным изложением своих мыслей, говоря по нескольку часов подряд и не пользуясь конспектами. А это, что бы там ни говорили, показатель!

Как и в каждом учебном заведении, в лицее существовало несколько борющихся между собой за лидерство группировок. Одну из них — салоникскую — возглавлял сам Кемаль. Выяснения отношений между ребятами зачастую кончались кровавыми разборками, и однажды только чудо спасло Кемалья от верной смерти. Он проснулся в тот самый момент, когда один из обиженных им накануне ребят уже занес над ним нож. Еще немного — и... никому и никогда не понадобилось бы писать подобную книгу. Но все кончилось благополучно. Увидев, что его обидчик проснулся, парень бросил нож и убежал. Конечно, стычки продолжались и позже, однако Кемаль довольно жестоко пресекал любые попытки других группировок посягать на его власть. И, глядя на то, с какой яростью он отстаивал свое первенство, можно было подумать, что он взял на вооружение провозглашенный много веков назад Ганнибалом принцип «Умри, но завуюю!». Тем не менее в лицее у него было много приятелей, но особенно близко он сошелся только с тремя — Омером Наджи, Али Фетхи и Кязымом. Переведенный из Бурсы за какие-то неблагоприятные проступки Омер Наджи станет видным трибуном «Единения и прогресса», примет активное участие в революционном движении в Иране, будет там арестован и приговорен к смерти. И только с большим трудом правительству удастся добиться освобожде-

ния отчаянного Омера. Он и умрет как самый настоящий поэт в 1915 году в том же Иране, где попытается поднять на борьбу с Союзниками местные племена. И именно он познакомил Кемалья с новой турецкой литературой, возникшей под влиянием Танзимата, как стали называть прогрессивные реформы середины XIX века, и борьбы новых османов за конституцию. Рискуя многим, Омер Наджи давал Кемалю читать запрещенные стихи Ибрагима Шинаси, Зии-паши и Намыка Кемалья, который стал к тому времени властителем дум молодого поколения.

Я милостей чьих-то не клячю и крыльев чужих не прошу.
Я сам в своем небе летаю, и светит мне собственный свет!
Ярмом мне шею сдавили, оно тяжелее, чем цепи раба.
Я мыслью вольный, и разумом вольный,
и совестью вольный поэт!

И, читая эти строки Тевфика Фикрета, лишний раз убеждаешься в том, что большие поэты страшнее десятков философов, исписывавших сотни страниц, чтобы выразить одну простую мысль. «Я сам в своем небе летаю, и светит мне собственный свет!» Лучше не скажешь...

Свободолюбивые идеи падали на благодатную почву, и стремление к познанию мира, желание жить красивой и светлой жизнью переполняло душу романтически настроенного Кемалья. И если Ибрагим Шинаси и Зия-паша только лишний раз убеждают Мустафу в том, что без образования и европейской цивилизации невозможно стать настоящим человеком, то у Намыка Кемалья он нашел то, о чем пока только смутно догадывался. И воспеваемые мятежным поэтом идеи родины, нации и пусть пока еще и не национального турецкого, а османского патриотизма находили горячий отклик в душе юноши. Потрясенный глубиной и в то же время простотой изложения, Кемаль заучивал наизусть многие стихотворения знаменитого поэта и посто-

янно повторял несколько патетические и грубоватые слова Намыка Кемалья:

«Пусть придут, соберутся все силы, любые превратности рока, низкой шляхой я буду, если нацию брошу и с пути ее вспять возвращусь...»

По большому счету эти стихи и стали для Кемалья той самой клятвой, от которой он в течение всей своей жизни не отступил ни на йоту! А ведь против него собирались oh какие могучие силы, да и рок был не всегда на его стороне, и тем не менее Кемаль даже и не подумал возвращаться «вспять» с того усеянного шипами и терниями пути, по какому он в конце концов и привел нацию к независимости. Он настолько увлекся стихами, что стал их писать сам. Однако один из преподавателей лица сразу же остудил его пыл, заметив, что писание стихов недостойно офицера. Музы музами, но военная карьера прежде всего!

Али Фетхи был на год старше Кемалья. Происходивший из родовой и обеспеченной семьи, этот красивый юноша был хорошо воспитан и прекрасно владел французским языком. Он исправно учился военному делу, но куда больше его привлекали абстрактные науки, и от него Кемаль впервые услышал знаменитые на весь мир имена Вольтера, Руссо, Монтескье и Огюста Конта. Уже начиная, по его собственным словам, «кое-что понимать в политике», он часами говорил с приятелем о Великой французской революции и ее идеалах. И именно эти беседы заставили Кемалья обратить особое внимание не только на французский язык, но и на историю республиканской Франции. Что же касается третьего приятеля, Кязыма, то никакими особыми талантами сей молодой человек не блистал, а если чем и отличался, так это только своей невероятной преданностью Кемалю. Именно с этими ребятами Кемаль проводил все свое свободное время, и чаще всего они отправлялись в кафе, где подолгу беседо-

вали на самые различные темы и играли в триктрак. Кемаль оказался азартным игроком и не любил проигрывать. Ну и конечно, нельзя не сказать еще об одном однокашнике Кемалья, который на долгие годы стал его злым гением. Будущий правитель Турции Энвер-паша был ровесником Кемалья, но учился двумя годами старше, и молодые люди прекрасно ладили между собой.

Постоянно беседуя с приятелями о Великой французской революции, Кемаль стал интересоваться историей своей собственной страны и с восторгом слушал рассказы Тевфик-бея о том, как новые османы, как называли первых турецких революционеров, готовили покушение на великого везира Али-пашу. Предатель выдал смельчаков, и все они были вынуждены бежать за границу. Но борьбы не прекратили и в конце концов все же уговорили султана принять конституцию! Конечно, знай Тевфик-бей побольше, Кемаль услышал бы от него совсем другую историю о том, как выдающийся государственный деятель Мидхат-паша возвел на престол тридцатичетырехлетнего сына наложницы бывшего султана Абдул Хамида II, и тот, изгнав его из страны и разогнав совершенно ненужный ему парламент, установил самое страшное в истории Османской империи правление. И никто, включая даже самых высокопоставленных чиновников, не был защищен в ней от насилий, утраты имущества, свободы, а нередко и самой жизни. Люди исчезали ночью, и не всегда было даже понятно, за что их брали. В министерствах и ведомствах ряды чиновников редели буквально на глазах, а многие молодые офицеры армии и флота заплатили за свои либеральные убеждения жизнью. Десятки, если не сотни тысяч султанских шпионов работали в армии, учебных учреждениях, в чиновничьих палатах и даже в семьях, и на основании их доносов султан каждый день отдавал приказы об арестах, ссылках и тайных убийствах.

«Темные улицы застыли от страха, — описывал в своих мемуарах известный писатель Халид Зия те страшные времена. — Чтобы перейти из одной части города в другую, нужна большая смелость... Шпионы, шпионы, шпионы... Все без разбора боялись друг друга: отцы — детей, мужья — жен. Открытых главарей сыска уже знали, и при виде одних их теней головы всех уходили в плечи, и все старались куда-нибудь укрыться...» И при страдавшем маниакальной подозрительностью султানে иначе не могло и быть! Спрятавшись в своем дворце, он постоянно менял здания и комнаты, отведенные ему для сна. Абдул Хамид спускал курок при каждом подозрительном шорохе, и нередко его выстрелы попадали в слуг и идущих к нему на прием чиновников. В своей подозрительности султан дошел до того, что даже на территории дворца его сопровождала целая армия телохранителей, а сам дворец был окружен войсковыми казармами с особо преданными ему частями. Из своего добровольного заточения Абдул Хамид выходил только по пятницам, когда ездил молиться в Святую Софию. Но, увы, Тевфик-бей или не знал всего этого, или же просто боялся говорить со своим учеником на тему, которая могла стоить ему головы...

Как и многие его сверстники, юный Кемаль не имел представления и о десятой доли того, что творилось в стране, и не питал к султану ни малейшей злобы. Да и откуда ей взяться, этой самой злобе, если сам великий Намык Кемаль и не думал посягать на престол и боролся только с ненавистными ему чиновниками! Что, впрочем, и понятно. Пусть все эти революционеры и были уже новыми, но все же еще османами, и никто из них не только не замахивался на основы османской государственности, но даже не осмеливался подвергнуть сомнению само ее существование. И идеалом для них служила не какая-то никому не известная на Востоке рес-

публика, а совмещенная с мусульманским правом конституционная монархия. Ну и конечно, ни о каком предоставлении свободы завоеванным странам не шло и речи. Да и зачем? Ведь все они «дети одной родины», османы, и конституция была лучшим тому подтверждением. Увлечение поэзией не прошло для Кемалья бесследно. Война с Грецией вызвала у него необыкновенный патриотизм, и он решил отправиться на фронт. И вряд ли мать, к которой он заехал по дороге, сумела бы отговорить его от этой безумной затеи, если бы так своевременно не закончилась война. Греческая армия была разбита, и Кемаль ликовал так, словно сам принимал участие в сражениях! Дорога на Афины была открыта, и газеты на все лады славили армию.

Но, увы, победная эйфория длилась недолго. Подобный исход пришлось не по нраву западным странам, и они быстро указали воспрянувшей было духом империи на ее место, заставив подписать совершенно ей ненужное перемирие. И вместе с другими Кемаль не мог скрыть своего недоумения. Как же так, вопрошал он! Его родину унизили в глазах всего мира, и она покорно проглотила обиду! Наряду с этим законным недоумением в нем появилось и недоверие к управлявшим страной людям. В значительной степени оно подогревалось молодыми офицерами из стоявших в Монастыре частей, имевшими все причины быть недовольными существующим режимом, опорой которого являлись крупные феодалы, вожди племен, высшее мусульманское духовенство и бюрократия. Образованность любого человека рассматривалась как первый признак его политической неблагонадежности. Среди османских министров не было ни одного человека с высшим образованием, а в армии предпочтение отдавалось выслужившимся из унтеров невеждам. Конечно, Кемаль еще не мог понимать всего зла, какое являла для страны абсолютная султанская власть, и всю вину за свалившиеся на

империю беды возлагал на ее высших чиновников и министров.

ОГЛ

Изменилось к тому времени и его отношение к матери. Обида стерлась, а отчим оказался веселым и добрым человеком. После примирения с матерью Кемаль все свои каникулы проводил в Салониках, где и познал свою первую любовь. Ею оказалась дочь военного коменданта Салоник Шевки-паши Эмине. Расстался с нею Кемаль только после поступления в Харбие. «Если бы ты только знала, — глядя в грустные и полные любви глаза девушки, говорил он, — как мне тяжело расставаться с тобой! Но я клянусь тебе, что никогда не забуду тебя, и надеюсь на тебя!» И как вспоминала затем сама Эмине, Кемаль часто виделся с нею и даже хотел жениться на ней. Да и сам Кемаль не забыл свою первую любовь и много лет спустя, слушая в своей президентской резиденции в Чанкайя песню «Моя Эмине», был тронут воспоминаниями юности и с несказанной грустью в голосе заметил, что в сердце каждого мужчины живет своя Эмине! Правда, в другой раз он говорил о том, что его первой любовью была молодая гречанка из Салоник, которую он намеревался увезти с собой в Монастырь, и только его дядя Хуссейн-ага отговорил его от этой безумной затеи. И надо ли говорить, как боялась за него уже познавшая властный характер сына мать! Впрочем, она быстро успокоилась: несмотря на все свои увлечения, Кемаль не собирался жениться и все его мысли были заняты военной карьерой! Но главное в его отношении к женщинам проявилось уже тогда. Ему нравилось вызывать у них восхищение и оказывать покровительство, но он совершенно не терпел от них ни требований, ни тем более нравочений.

Во время одного из отпусков он познакомился с дочерью брата отчима полковника Хюсаметтина Фикрие, в чьей судьбе ему было суждено сыграть

столь трагическую роль. Но куда более печальным было увлечение Кемалья посещать увеселительные заведения и под негромкую музыку потягивать вино, заедая его мезе, как называлась дешевая закуска. Закончив пить, красивые девушки присаживались за столик к молодым людям, и те угощали их вином. И, ловя на себе их призывные взгляды, Кемаль ощущал, как его с головы до ног окатывала сладостная волна желания. К счастью для него, посещения злчных заведений пока еще не сказывались на его успехах, и осенью 1898 года он блестяще сдал выпускные экзамены, став четвертым по успеваемости. Это был настоящий успех, и счастливый Кемаль поспешил в Салоники, где его с нетерпением ожидали любящая мать и всегда дружелюбно настроенный к нему отчим.

Устроенная ему встреча превзошла все его ожидания: мать, отчим, сестра — все несказанно гордились им, ловили каждое произнесенное им слово и спешили исполнить любое его желание. Но, как это ни печально, Зюбейде-ханым продолжала видеть в нем все еще маленького мальчика и, даже не замечая, как каждый раз хмурился недовольный всеми этими нравоучениями Кемаль, постоянно делала ему замечания. И, не пожелав обострять отношения, он стал чаще уходить из дому. «Есть два пути общения с родственниками, — говорил он, — либо вы полностью подчиняетесь им, либо не обращаете на них внимания. Я не хотел ни слушать мать, ни тем более ссориться с нею, дабы лишней раз не расстраивать ее. А потому и предпочитал проводить дома как можно меньше времени!» Конечно, матери не нравилось его почти постоянное отсутствие, и тем не менее он вместе с верным Фуадом Будджой целыми днями пропадал в кафешантанах и ресторанчиках. Занятые таким образом каникулы пролетели быстро, и в марте он уехал в столичную Харбие.

Стамбул поразил Кемалья своим блеском и великолепием. Как замороженный, бродил он по древнему городу. Великолепные дома, старинные дворцы, роскошные виллы и магазины, элегантно одетые мужчины и красивые женщины — все радовало глаз молодого человека и возбуждало воображение. А сколько здесь было развлечений! Кабачки, рестораны, кафешантаны с их веселой музыкой, блеском огней и никогда не бывающими грустными красивыми девушками! Ему очень нравилось подниматься на знаменитую Галатскую башню и оттуда подолгу смотреть на распростертый внизу город и горевшее бирюзой и малахитом Мраморное море. А чего стоил великолепный Босфор с утопающими в густой зелени роскошными виллами и дворцами! В глубокой задумчивости бродил Кемаль по берегу, где каждое дерево и каждый камень были свидетелями многих исторических событий.

Да, в Стамбуле было от чего закружиться голове! И она действительно кружилась у Кемалья от бившего со всех сторон великолепия. Но стоило ему только оказаться в мусульманских районах города, как все его оживление исчезало! И без того безрадостный пейзаж казался еще более унылым из-за совершенно одинаково одетых мужчин и прятавшихся за паранджой женщин. Извечное противопоставление Востока и Запада здесь было явно не в пользу последнего, и Кемаль продолжал задаваться мучившим его еще в Салониках вопросом о том, почему же турки вынуждены жить какой-то совершенно другой жизнью, даже отдаленно не напоминавшей ту блестящую жизнь, какую он мог наблюдать в Пера. Разве они хуже всех этих французов, англичан и немцев? Разве не доказали они, славные потомки великого Эртура, свою силу и мощь на полях сражений? Доказали, и не раз! Тогда в чем же дело и кто виноват в той

пропасти, которая разделяла, по сути дела, один и тот же город?

Это были трудные вопросы для молодого человека, и однажды в кафе, где Кемаль любил бывать, какой-то подвыпивший преподаватель истории весьма доходчиво объяснил ему, что вся беда была в капитуляциях и в ашаре! Что такое капитуляции? Да своего рода «хартии», жалуемые могущественными турецкими султанами в пользу разрозненных и слабых европейских стран. И первая из них, дарованная Западу самим Сулейманом Великолепным, выглядела скорее подачкой с барского стола. Ну а затем пошло-поехало! И теперь в Османской империи процветал кто угодно, но только не ее подданные! Да и как можно было соперничать с иноземцами, не только свободными от османских законов, но освобожденными от налогов и таможенных пошлин?

Преподаватель сделал несколько больших глотков вина, и в следующую минуту Кемаль услышал небольшую лекцию по сельскому хозяйству. Как он узнал, ашар взимался натурой при посредстве откупщиков, и до его уплаты крестьянин не имел права даже прикасаться к своему урожаю. И хотя официально ашар составлял около двенадцати процентов от всего урожая, откупщики в результате всевозможных махинаций доводили его размер чуть ли не до половины. Заплатив ашар и другие налоги, крестьянин оставался с одной третью своего урожая. Да и тот чаще всего принадлежал ростовщику, и таким образом, турецкое крестьянство постоянно крутилось в самом настоящем заколдованном круге и было обречено на нищету. И где уж там говорить о какой-то его заинтересованности в расширении своего убогого хозяйства и повышении производительности труда!

Преподаватель замолчал и, по-видимому сам очень расстроенный нарисованной им печальной

картиной, снова потянулся к вину. Выпив, он с наслаждением закурил. Выпустив огромный клуб дыма, на какие-то секунды закрывшего лицо, он горестно усмехнулся и сказал: «И до тех пор, пока мы не...» Неожиданно для Кемалья он осекся на слове и, встав из-за стола, быстро пошел прочь. За ним двинулся сидевший за соседним столом неприметный человек. Кемаль вздохнул. Судя по всему, не в меру разговорившийся преподаватель прочитал свою последнюю в жизни лекцию...

Конечно, будь этот преподаватель истории немного пообразованнее, он мог бы рассказать внимательно слушавшему его молодому человеку куда более интересные и глубокие вещи. Ведь дело было не только в действительно наносивших огромный вред турецкой экономике капитуляциях и ашаре, но и в куда большей степени в том, что в силу определенных исторических причин Османская империя оказалась в стороне от мирового капиталистического развития, что цементируя ее идеи уже давно изжили себя, а новых старые правители предложить так и не смогли. И единственное, на что они оказались способны, так это только затянуть агонию с помощью всевозможных реформ. Так потерпевшие кораблекрушение матросы в отчаянной надежде спастись цепляются за обломки своего совсем еще недавно красавца фрегата. Но вот налетает девятый вал, и... все кончено. Как и история, море не знает пощады...

Начались занятия, и Кемаль сразу почувствовал разницу между предыдущими военными школами. Дисциплина в Харбие царилла строжайшая, и нередко сержанты лупили особо нерадивых кадет. Как и повсюду, в Харбие следили буквально за каждым шагом кадет. Газет молодым людям не давали, а книги разрешали читать только после тщательного отбора. Большое внимание уделялось религии, алкоголь был строжайше запрещен. Кемаль был на-

значен сержантом и, раз и навсегда уверовав в свои и на самом деле блестящие способности, с головой окунулся в развеселую столичную жизнь.

Часто он засиживался за карточным столом и только под утро вспоминал, что надо спешить на занятия. Но странное дело — бессонные ночи с вином и картами совершенно не сказывались на нем, и когда он появлялся на занятиях, то выглядел так, словно превосходно выспался. Его выносливость изумляла многих, и там, где другие валились от усталости, Кемаль продолжал как ни в чем не бывало восседать за накрытым столом. Конечно, он никогда не предавался этому занятию в одиночку и чаще всего делил компанию с Али Фетхи, Кязымом и Нури. Обрел он новых друзей и в Стамбуле, и среди них выделялся уже тогда безоговорочно признававший его лидерство Мехмет Ариф. Вместе со своим кумиром он пройдет славный путь борьбы за независимость, но потом их пути разойдутся с весьма трагическими для Арифа последствиями. Другим приятелем Кемалья стал сын известного генерала Мехмета Эмин-паши Кязым Карабекир. И все же ближе всех он сошелся с Али Фуадом, красивым молодым человеком высокого роста с мягкими и изысканными манерами. Он был внуком известного на всю страну маршала Мехмета Али-паши, а его отец Измаил Фазил-паша служил в генеральном штабе. Семья Али Фуада была достаточно влиятельной, чтобы заниматься политикой, и достаточно образованной, чтобы иметь собственные взгляды. Именно эти взгляды и служили причиной весьма медленного продвижения по службе отца Али.

К великой радости Кемалья, его новый приятель не относился к рьяным поклонникам ислама, и они сразу же ударились во все тяжкие, проводя все свободное время в кафе и клубах, где покупали вино и закусывали его каштанами и мелким турецким горошком — леблеби. Ну а в тот самый день,

когда они совершили путешествие по Мраморному морю на Принкипо — один из Принцевых островов, куда ссылались неудобные султанам принцы крови, Кемаль впервые в жизни попробовал раки. Выпив свою первую рюмку этой производимой греками анисовой водки, Кемаль изумленно взглянул на улыбавшегося Али Фуада. «Этот божественный напиток, — произнес он, — может сделать любого пьющего его поэтом!» И он был недалек от истины, поскольку именно в раки зачастую черпали свое вдохновение многие османские писатели и поэты. С той поры «божественный напиток» прочно войдет в жизнь Кемаля и сыграет в ней достаточно трагическую роль.

Они часто бывали на островах. Лунные ночи, близость моря, уже прочно вошедшая в их жизнь раки — все это действовало на молодых людей возбуждающе. Они читали стихи и часами говорили о будущем. Очень понравился Кемалю и Алемдаг, живописная лесная местность на западном берегу Босфора, где он вместе с приятелем катался на лошадях и устраивал веселые пикники. И все же главное для Кемаля в его знакомстве с Али Фуадом заключалось не в веселом и беззаботном времяпровождении и скитаниях по кафе. Али Фуад ввел Кемаля в свой в высшей степени аристократический дом на берегу моря в Саладжаке, где тот мог видеть высших офицеров империи. Общение с офицерской элитой заставило так гордившегося собою Кемаля взглянуть на себя совсем в ином свете. На фоне блестящих столичных офицеров молодой курсант казался серым и неловким провинциалом. Но Кемаль не был бы Кемалем, если бы не постарался встать рядом с этими блестящими офицерами или хотя бы походить на них. В своем желании стать таким же лощеным и непринужденным, он начал брать уроки танцев у прекрасно вальсировавшего Али Фуада и к окончанию Харбие уже не выглядел

таким серым и неуклюжим увальнем среди блестящих посетителей дома приятеля.

Слушал ли он их весьма фривольные разговоры? Да, конечно, слушал! И тем не менее его собственные политические взгляды оставались еще весьма туманными. Конечно, он был наслышан о тайной деятельности турецких, болгарских и других революционных организаций в постоянно бурлившей Македонии, но вряд ли мог понимать тогда существовавшую связь между набравшим все больший размах на его родине четничеством и султанским режимом. А посему и расценивал волнения в Македонии лишь как результат слабости управлявших Османской империей чиновников. Да и какие по большому счету у него могли быть в то время взгляды, если он даже толком не знал того, что творилось в его собственной стране! Да и небезопасно было! У всех перед глазами стоял печальный пример создавших в 1889 году тайное общество курсантов Военного медицинского училища, моментально отправленных султаном в ссылку.

Страх перед султаном и полнейшее отсутствие свобод делали свое дело, и до поры до времени будущим борцам за свободу оставалось только тайком читать опального Намыка Кемалья и восхищаться Великой французской революцией, перед свершениями которой Кемаль преклонялся всю жизнь. Оно и понятно! Ведь именно она дала мощный толчок к созданию победоносной армии и отождествлялась у молодых офицеров с маршальскими жезлами и славой Наполеона. Но если Франция только подогревала воображение молодых офицеров, то Пруссия вызывала самое неподдельное восхищение. И неудивительно! Ведь им преподавали такие известные специалисты военного дела, как прославившийся своим реформаторским отношением к учебе барон фон дер Гольц и прошедшие стажировку в Германии полковники Эсат и Хасан

Риза. «Запомните! — постоянно вдалбливал курсантам последний, — сила немецкой армии в абсолютной дисциплине!»

Кемаль учился с охотой, но, как это ни печально, частые посещения значных мест сделали своё дело, и после первого курса он оказался по успеваемости только на... двадцать седьмом месте. И, как ни нравилось будущему офицеру бывать в кафе с их непринужденной обстановкой и ласковыми танцующими, ему пришлось на время забыть о них. Самолюбие человека, который везде и всегда стремился быть первым, было задето самым жесточайшим образом, и ему не оставалось ничего другого, как только засучить рукава и приняться за учебу. На следующий год он был уже одиннадцатым и окончил Харбие восьмым! Слишком много было потеряно, да и выйти на первые места оказалось не так-то легко: в Харбие учились способные ребята, и далеко не случайно один из будущих лидеров войны за Независимость Кязым Карабекир получил кличку Смышленный. Вместе с долгожданным офицерским званием Кемаль получил направление в классы генерального штаба. Вместе с ним его радость разделяли и мать с отчимом, и надо ли говорить, какая гордость светилась в глазах Зюбейдеханым, когда она шла с одетым в красивую офицерскую форму сыном по своему кварталу! Да и соседи были восхищены успехами совсем еще недавно мучившего ее своими капризами мальчишки, словно по мановению волшебной палочки превратившегося в стройного и красивого офицера с блестящим, как теперь все понимали, будущим. И теперь каждый считал своим долгом пригласить Кемаля к себе или оказать ему какую-нибудь услугу. Конечно, он был польщен и тем не менее делал вид, что не замечает ни почтения взрослых, ни восхищенных взглядов мальчишек и девчонок, ни великой радости в глазах матери. А та не только

окончательно смирилась с выбранной сном профессией, но и серьезно полагала, что сам Аллах подтолкнул его на этот путь. А как же иначе объяснить его успехи? Способности, конечно, способностями, но ведь все, что ни делается на земле, делается по воле Всевышнего! Жалко, конечно, что отец не дожил до этого счастливого дня, ну да... ничего не поделаешь, видно, и на то была воля Аллаха...

Глава 4

И все же пребывание в этих самых классах оказалось для него далеко не таким безмятежным, каким оно представлялось ему в родительском доме. Едва он приступил к занятиям, как вся империя была взволнована «делом» приговоренного военным судом к пожизненному заключению маршала Фуад-паши. Он никогда не плел интриг и не оказывал никакого вооруженного сопротивления полиции, и вся вина прозванного за бесстрашие и независимое поведение «неистовым пашой» маршала заключалась только в том, что он был порядочным и независимым человеком. И мало кто сомневался в том, что все выдвинутые против него обвинения являлись лишь плодом распаленного воображения шпионов и власть в очередной раз пыталась запутать непокорное офицерство. В конце концов офицерам запретили посещать кофейные, а чиновникам — бывать без особого на то разрешения вышестоящих начальников на свадьбах, праздниках и ходить друг к другу в гости. Не обошли запреты и министров, которым было строжайше запрещено собираться вне султанского дворца. Конечно, все эти озадачившие многих молодых офицеров события наводили Кемаля на определенные размышления, и он все больше убеждался в том, что в их стране и на самом деле что-то не так...

Кемаль стал много читать, благо что в классах можно было достать практически любую запрещенную цензурой литературу. И поначалу он читал все подряд: от бульварных романов до «Духа законов» Шарля Монтескье и социологических трактатов Джона Милля, но постепенно стал отдавать предпочтение истории. Особенно военной. С огромным интересом изучал он жизнеописания выдающихся полководцев, среди которых по военному гению сразу же стал выделять Наполеона. Не ослабевал его интерес и к современной турецкой литературе, и наряду с Намыком Кемалем его все больше привлекал выходявший на вершину своего таланта Тевфик Фикрет.

Только с большой долей условности можно говорить о том, почему человек выбрал тот или иной путь. Но как показывает жизнь, чаще всего подобное происходит под влиянием какого-то внешнего события. И как утверждали хорошо знавшие Кемалья люди, для него такими событиями стали восстание в Македонии летом 1903 года и массовая гибель османских солдат и офицеров в Йемене. Бесцеремонное вмешательство иностранных государств во внутренние дела его родины и массовая гибель его братьев по оружию произвели на Кемалья удручающее впечатление и заставили задуматься о многом. Подлил масла в огонь и сам Абдул Хамид. И дело было уже не в каких-то там демократических и просветительских идеях, а в том самом презренном металле, за который гибли люди на протяжении всей своей истории. И когда султан в своей попытке уравновесить бюджет значительно сократил чиновничье и офицерское жалованье, он сразу же оттолкнул от себя очень многих выпускников высших учебных заведений, вынужденных перебиваться от зарплаты до зарплаты. И офицеры на все лады проклинали высших чиновников, по чьей, как им, во всяком случае, казалось, вине армия влачила са-

мое незавидное существование. Да и что еще могли чувствовать люди, неспособные прокормить свои семьи и водившие детей и жен в солдатские столовые!

И все же во многом обострение обстановки в империи было связано с появлением на ее политической сцене младотурок, как стали называть вторую волну турецких революционеров. Созданный ими в 1889 году в Стамбуле тайный политический комитет «Единение и прогресс» выступал за восстановление конституции, проведение буржуазных реформ и замену Абдул Хамида на «более прогрессивного» султана. Вскоре почти все члены комитета были арестованы и... тут же выпущены, поскольку даже Абдул Хамид не решился накалять и без того напряженную обстановку в военных училищах. Стараниями главного идеолога движения Ахмеда Ризы «Единение и прогресс» был восстановлен, и уже летом 1896 года младотурки попытались произвести государственный переворот. Ничего из этого не вышло, и многие из них были арестованы. Их лидеры бежали за границу, и младотурецкие организации стали возникать во многих крупных городах Европы и даже в Египте. В начале февраля 1902 года в Париже состоялся первый конгресс младотурок, среди которых были турки, армяне, греки, арабы, албанцы, черкесы, курды и евреи. В центре внимания стояли два наиболее важных вопроса: о привлечении к участию в движении армии и о возможности использования вмешательства иностранных государств для обеспечения конституционных реформ в Турции. Сразу же разгорелась жаркая дискуссия, ни о каком единстве взглядов не могло быть и речи, и после конгресса политическая активность расколовшихся на два лагеря младотурок начала снижаться. Да иначе и быть не могло! Суровые репрессии внутри страны и оторванность неспособной оказывать хоть какое-то заметное вли-

яние на события в стране политической эмиграции сыграли свою роль. И дальнейший подъем движения начнется только после 1905 года, когда Россия подарила миру свою первую революцию...

Знал ли о новой волне турецких революционеров и их деятельности Кемаль? Судя по тому удивлению, какое он испытает, вернувшись из Сирии, вряд ли. И тем не менее он не пожелал оставаться в стороне от охвативших страну революционных настроений и создал тайное общество «Родина». Ну а чтобы лучше понять, какой опасности он подвергался, достаточно еще раз вспомнить о тех «застывших от страха» улицах и всех тех, кто заплатил за свои либеральные убеждения свободой, а зачастую и самой жизнью. Тем не менее Кемаль продолжал свои игры с огнем и стал выпускать бюллетень, в котором со свойственным молодости радикализмом обличал окружавшую их жизнь. «Мы, — говорил позже Кемаль, — уже начинали понимать, что имеются пороки в управлении страны. Нас охватило страстное желание поведать о нашем открытии, и мы создали рукописную газету. На нашем курсе существовала маленькая организация. Я входил в состав ее руководства и написал большую часть статей для нее...» Его «революционная деятельность» могла закончиться самым печальным образом уже в самом начале, когда в комнату, где Кемаль с двумя приятелями готовил очередной номер газеты, неожиданно вошел начальник классов Риза-паша. Однако он ограничился лишь отеческим внушением, подвергая тем самым страшной опасности и себя самого: кого-кого, а султанских шпионов хватало и во вверенных ему классах!

Безнаказанно прошла для Кемалья и его весьма опасная по тем глухим временам просьба к преподавателю по тактике прочесть несколько лекций о методах ведения «герильи», как тогда называли партизанскую войну, которую вот уже столько лет

вели против империи болгарские и македонские повстанцы. И тот не только не донес на него, но и посвятил несколько занятий по подготовленному Кемалем плану гипотетических военных действий против партизанских отрядов, нападавших на столицу из Анатолии. Модная по тем временам революционная настроенность Кемаля, его начитанность, прекрасные знания и склонность к абстрактному мышлению, которую он так блестяще демонстрировал на занятиях по тактике, выделяли его среди остальных учащихся, и он пользовался на курсах в общем-то заслуженным уважением как у своих однокашников, так и у преподавателей академии. В то же время в его характере явно просматривались черты, которые вызывали вполне понятную неприязнь к нему. Он не терпел чужих мнений и замечаний, всегда стоял на своем, а неспособные схватывать с той же быстротой, что и он сам, суть явлений вызывали у него раздражение и даже гнев. И желание быть всегда и везде только первым становилось в нем все ярче.

Напряженная учеба, издание газеты, руководство «Ватаном» и ночные прогулки не проходили даром, и Кемаль постоянно находился в возбужденном состоянии. «Во время учебы в классах генерального штаба, — много лет спустя скажет он своей приемной дочери и верной спутнице последних лет жизни Афет Инан, — мое внутреннее «я» испытывало душевную тревогу. Я постоянно ощущал в себе столкновение чувств, смысл и сущность которых еще не всегда мог понять и которым не мог придать ни положительного, ни отрицательного значения». Измученный бесконечными мыслями, он почти перестал спать и только под утро впадал в забытьё. «Поднимаюсь, — вспоминал он, — но самочувствие не в порядке. Голова и тело утомлены. Товарищи, с которыми встречаюсь в классе, гораздо живее и здоровее меня...»

Каково было его отношение к главному виновнику всех бед империи — султану, о котором он в своей газете, несмотря на беспощадную критику высших чиновников, не написал ни слова? Как это ни странно, снисходительное! По всей видимости, и Кемаль, и его приятели все еще верили в расхожую у многих народов сказку о «хорошем царе и плохих министрах». Другое дело, что эта самая вера в хорошего султана слабла у него с каждым днем, и со временем он превратится в глазах Кемалья из эдакого обманутого нехорошими министрами владыки в одного из истинных виновников ослабления государства. Ну а если он порою очень резко и высказывался против Абдул Хамида, то его выпады носили скорее личностный характер и до отрицания султаната как политической системы ему было еще очень далеко. В последний год пребывания в классах с Кемалем приключилась весьма интересная история. В один прекрасный вечер он вместе с Али Фуадом отправился в давно облюбованное ими кафе и, усевшись за столик, попросил подать виски с содовой в бокалах для лимонада. И можно только представить себе их изумление, когда в кафе появился директор Харбие вместе... с главным шпионом султана Фетхим-пашой и его помощником полковником Гани. Фетхим-паша попробовал поданный молодым людям «лимонад» и, по достоинству оценив его... пригласил Кемалья и его спутника поужинать с ним в ресторане. В казарму они вернулись поздно и явно навеселе. Но когда дежурный офицер узнал, с кем «веселились» его подчиненные, у него сразу же отпала всяческая охота поднимать шум. Ну а о чем Фетхим-паша беседовал в тот памятный вечер с двумя подозрительными молодыми людьми, так навсегда и осталось тайной. Ни Али Фуад, ни сам Кемаль никогда не рассказывали о той встрече.

В январе 1905 года Кемаль получил звание капитана. С учебой было покончено, и начиналась

новая жизнь! Жизнь солдата и патриота! И можно понять охватившее новоиспеченного капитана чувство гордости, когда он облачился в парадную форму офицера генерального штаба с золотыми эполетами, капитанскими знаками различия на расшитом блестящими галунами высоком воротнике и с точно такими же, как у пашей и султанских адъютантов, витыми аксельбантами.

Но, увы, радовался он рано. Вместе с Али Фуадом его выдал секретный агент Измаил-паши, и, обвиненный в издании подпольной газеты и создании тайной организации, он оказался в тюремной камере. О многом передумал он в долгие часы своего заточения, и только здесь, в тюремной камере, до Кемалья в полной мере дошло то, что, по сути дела, именно так и жили миллионы турок, даже если они и не находились за толстыми тюремными стенами. Кемаль не был трусливым человеком, но порою ему становилось не по себе. Да и кто он для облеченного огромной властью Абдул Хамида? Так, самая что ни на есть обыкновенная мошка, которую тому ничего не стоит прихлопнуть!

Но как видно, не напрасно молила Зюбейде-ханым Всевышнего, услышал тот ее страстные мольбы, и, к его великой радости и не менее великому изумлению, Кемалья выпустили из тюрьмы. Правда, перед самой «амнистией» он прошел через новое унижение, представ перед самим Измаилом Хаккыпашой. Когда Кемалья ввели в комнату, генерал кивком отпустил конвойных и сквозь линзы своих очков в золотой оправе уставился на Кемалья с таким зловещим видом, словно собирался расстрелять его в собственном кабинете. И, говоря откровенно, расстрелял бы! Ведь именно в таких, как этот самый Кемаль, он видел вызов всему тому, что было ему так дорого.

Даже не пытаясь скрыть неприязни к молодому человеку, он долго и нудно говорил о том, что ве-

ликий и мудрый султан сделал все, чтобы он получил прекрасное образование и высокий офицерский чин, а он отплатил своему благодетелю самой черной неблагодарностью. И уж кому-кому, а ему, молодому и способному, следовало бы направить все свои помыслы на служение султану и империи, а не на расшатывание ее устоев. Да и зачем ему, будущему руководителю турецкой армии, нужны какие-то подозрительные газетенки и стишки давно просившихся на виселицу рифмоплетов, не говоря уже о крамольных речах в присутствии еще не окрепших умов, склонных в силу своей легкомысленности к смуте и неповиновению? Да и личная жизнь молодого офицера не вызывала у инспектора особого восторга, и на протяжении своей нудной речи он несколько раз упомянул о ресторанах и кафе, в которых так любил бывать Кемаль. Чего он вообще хочет? Навсегда похоронить себя в той камере, откуда его только что привели? Если так, то ему можно пойти навстречу! Выдержав долгую паузу, Измаил-паша наконец проскрипел о том, что его величество так бы, наверное, и сделал, если бы Кемаль не был так молод. И на этот раз он прощает его. Конечно, у султана были совсем другие виды на его будущее, ему нужны способные люди, но он сам испортил себе карьеру, и теперь, вместо ожидавшей его Македонии, он отправится в Сирию. Однако во второй раз, зловеще блеснул золотой оправой инспектор, ни на какое снисхождение он пусть не рассчитывает! И если до его величества дойдет хотя бы малейший слух о его вольнодумии, он сразу же вернется в знакомую ему камеру. И на этот раз навсегда!

С непроницаемым лицом слушал Кемаль разглазгования этого чиновника от армии, который еще больше убедил его в том, что именно такие люди и довели некогда могучую и непобедимую империю до того жалкого состояния, в каком она

пребывала сейчас. И чем больше говорил этот человек, тем больше он не нравился Кемалю. Измаил Хакки-паша являл собою ярчайший образец тех бюрократов, которых так ненавидел всю свою жизнь Мустафа Кемаль. И даже голос у него был под стать внешности: неприятный и скрипучий, словно он не говорил, а открывал и закрывал несмазанную и плохо подогнанную дверь. Выслушав приговор о своей ссылке и так и не проронив ни слова, Кемаль щелкнул каблуками и поспешил... к Али Фуаду, у которого вместе с Мюфидом Оздешем и отвел душу за бутылкой виски.

На следующий день друзья отправились на австрийском судне в Бейрут, и основательно подогретый виски Кемаль долго не уходил с палубы. Да, что там говорить, первые шаги в его капитанской жизни особого оптимизма не вызывали. «Они оказались, — заметит он позже, — шагами не в жизнь, а в тюрьму...» Что ждало его в Сирии? Служба в каком-нибудь захолустном гарнизоне или настоящая армейская школа, так необходимая каждому молодому офицеру? А потом? Очередное звание, если его, конечно, ему дадут, и новый гарнизон? И неужели он, испугавшись этого брюзгу в позолоченных очках, больше не будет заниматься еще больше манившей его к себе политикой, которая, как он убедился на собственном опыте, была далеко не игрой, а серьезным и крайне опасным делом? Кемаль поморщился. Ну нет! И ему надо не бояться всех этих султанских пристяжных, а бороться с ними, чего бы это ему ни стоило. Бросать политику он не собирался, и не только из-за все увеличивавшегося интереса к ней. Армия армией, но, как он уже успел узнать из истории, только высокая политика возводила людей на совершенно иной уровень и только политик мог стать носителем национальной идеи и вершителем общенародной судьбы! Да и кто бы сейчас помнил

того же Наполеона, если бы он так и остался пусть и прославленным, но всего-навсего полководцем? Конечно, с Наполеоном он себя пока еще не сравнивал, но и в своем высоком предназначении не сомневался...

Глава 5

Встретивший молодых офицеров в Бейруте майор многозначительно улыбнулся: «Если останетесь здесь, не пожалее!» И он знал, что говорил! Столица получившего автономию Ливана представляла собою процветающий город, с прекрасными отелями и нарядными улицами и площадями. Хватало в нем ресторанов и зланных мест, но особой популярностью у служивших здесь османских офицеров пользовались немецкие пивные. Но в Бейруте остался один Али Фуад, хорошо знавший сына командующего Пятой армией, а сам Кемаль отправился в расквартированный в Дамаске Тридцатый кавалерийский полк.

И уже очень скоро он по достоинству оценил иезуитство сославшего его на позабытые богом и людьми задворки империи чиновника. Да и сама служба вызывала у молодого капитана крайнее недоумение, очень скоро сменившееся брезгливостью. Под высоко поднятым знаменем борьбы за целостность империи его полк попросту грабил якобы посягавших на нее местные племена друзов. И поначалу поверившего в рассказы о постоянно бунтовавших арабских племенах Кемаля под разными предлогами не допускали до участия в «боевых операциях». Порядочный и принципиальный капитан не внушал доверия главным мародерам, и они весьма справедливо опасались совершенно ненужного им шума.

Первые подозрения относительно этих таинственных «боевых операций» появились у Кемаля

после одного из обедов у командира полка. Увидев ломящийся от яств стол, он заявил, что не сможет расплатиться за расставленные по столам роскошные кушанья. Ответом ему послужили дружные раскаты хохота, и по этому неудержимому веселью Кемаль понял, что все эти деликатесы отобраны у арабов. Брезгливо поморщившись, он покинул собрание. Но окончательное прозрение наступило все же после того, как Кемаль сам побывал на очередном «усмирении бунтовщиков». И когда адъютант командира полка принес ему его «долю», Кемаль вспыхнул уже не на шутку и выгнал удивленного его странным поведением офицера. Привыкшему к определенному кругу образованных и патриотически настроенных столичных офицеров, ему было трудно понять годами живших в глуши провинциалов. Он попытался было разобраться с мародерами, но все его возмущенные речи так и остались гласом вопиющего в пустыне в буквальном смысле этого слова! Его окружала глухая стена непонимания, и он с ужасом видел то, во что превратили армию все эти измаил-паши! Честь офицера, желание послужить отечеству, стремление воспитать настоящих солдат — ничего этого не было и в помине! Вместо этих святых для каждого настоящего офицера понятий в армии процветали интриги, взяточничество и склоки. Но когда он решил «просветить» военное министерство и сам подготовил очередной отчет об «успешно проведенной операции», жандармский подполковник изумленно взглянул на него. «Да как же можно посылать в столицу этот бред? — с нескрываемой насмешкой спросил он. — Вы совершенно не понимаете того, что нужно султану!» — «Возможно, — холодно ответил Кемаль, — зато я твердо уверен в том, что султан обязан знать, какие люди служат ему!» Недоуменно пожав плечами, жандарм посоветовал составить новый отчет, и Кемаль с нескрываемой брезгливостью ответил, что

подобных документов составлять не будет, поскольку это не соответствует его пониманию офицерской чести.

Конечно, ничего нового Кемаль в Сирии не узнал, коррупция давно процветала пышным цветом по всей Османской империи. Но одно дело — обличать ее в студенческих газетках и совсем другое — столкнуться с нею лицом к лицу! Недвусмысленное замечание жандарма несколько не поколебало его решимости бороться с набивавшими себе карманы чиновниками. И кто знает, может быть, именно в это время у Кемалья и родилась одна из его основных идей о том, что для возрождения и процветания любой страны в ней достаточно установить тот самый железный порядок, при котором чиновники перестанут врать и воровать, а благодарный народ сразу же пойдет по светлой дороге в мировую цивилизацию! Несомненно другое: безрадостная армейская действительность заставила его еще больше задуматься над тем, что же все-таки происходит в стране. В учебных классах генерального штаба и на пропитанных духом юношеской романтики революционных сходках все выглядело гораздо безобидней. И всем им, таким, в сущности, наивным, казалось, что стоит только захотеть, как все устроится само собою! Ничего подобного, и в этом затерянном на задворках империи гарнизоне, где его окружали не начитавшиеся Намыка Кемалья юноши, а потянувшие лямку гарнизонные офицеры, все выглядело совсем иначе! Да, многие из его сослуживцев были еще молодыми, но жаркий ветер пустыни давно уже высушил в их душах остатки романтики, и на жизнь они взирали совсем другими глазами, нежели пришедший к ним из совершенно другого измерения Кемаль. Он начал чрезмерно увлекаться спиртным, стал еще более раздражительным и однажды выложил все, что думал, полковому коман-

диру. К его удивлению, тот не подумал возражать и поговорил с ним, что называется, по душам. Да, во многом Кемаль прав! Но что делать? Такова была их жизнь, ему тоже не нравилось разложение армии, но стоит ему запретить грабить арабов, как он тут же получит пулю в спину! Да и что он мог посоветовать офицерам, месяцами не получавшим жалованье? Бунтовать? Нет, это не его путь, он уже не так молод и должен вырастить детей! Да и есть ли в этом смысл? Ведь и сам Кемаль уже познал всю бессмысленность брошенного им вызова! Служил бы себе припеваючи в своих распрекрасных Салониках, так нет, полез в политику! Вот и сиди теперь в этих осточертевших песках! И сказать по правде, он еще хорошо отделался! Сколько их, таких вот мятежных, рассталось с жизнями за куда более мелкие прегрешения! Впрочем, он может сам поговорить с державшим в Дамаске лавку бывшим студентом, сосланным в Сирию за участие в каких-то там бунтах!

Кемаль так и сделал и отправился к Мустафе Джантекину, как звали бунтовщика. Один из создателей тайной организации в Военной медицинской школе, он был исключен из нее, затем арестован и в конце концов сослан в Дамаск. Что же касается желанья служить делу общего прогресса, то его у бывшего студента ничуть не убавилось, и он создал тайную организацию «Родина». Восхищенные смелостью потрясателя государственных основ Кемаль и Мюфид тут же стали членами этой организации и предложили назвать ее «Родина и свобода». Впервые за последние месяцы Кемаль почувствовал прилив сил, он напрашивался в командировки, знакомился с нужными людьми и за короткое время создал несколько филиалов своей организации. На тайных собраниях они много и горячо говорили о восстановлении конституции и создании правительства, способного обратить вни-

мание на нужды всем им дорогой армии и других государственных институтов.

Но куда важнее для самого Кемалья были все же не его пафосные речи, а происходившие в его взглядах перемены. И в один прекрасный день он вдруг с поразившей его ясностью осознал ту простую истину, что не было на свете никаких «равных друг другу османов», а были турки, арабы и представители других национальностей. Именно в Сирии, по словам Али Фуада, Кемаль впервые заговорил о турецком национализме, и случилось это так. Как-то на сержанта, выведенного из себя тупостью арабского новобранца, набросился наблюдавший за обучением турецкий офицер. «Этот араб, — на весь плац кричал он, — принадлежит к великой нации, давшей миру Пророка, и ты недостоин даже мыть его ноги!» И оказавшийся рядом Кемаль не выдержал. «Да как вы смеете утверждать подобное? — обрушился он в свою очередь на недоуменно взиравшего на него офицера. — И если вы забыли, что мы с этим самым сержантом принадлежим к не менее великой нации, то я вам напомню об этом!» В другой раз он потребовал отдать под суд турецкого сержанта, зверски избившего несообразительного араба. «Во мне, — говорил он, — возмутилась совесть турка, именно турка, а не османа или вообще мусульманина!» И по всей видимости, он уже тогда начинал осознавать не только всю иллюзорность османизма, но и разлагавшего самих османов права угнетать другие народы.

Но взгляды взглядами, а деятельная натура Кемалья требовала дела. А его-то как раз и не было! Да, он создал тайное общество и красиво говорил на тайных сходках, но ничего так и не изменилось в их жизни! И говорить о какой-то революционной работе в Сирии было в высшей степени бессмысленно. Да и на что могла рассчитывать, по сути дела, небольшая горстка романтиков в совер-

шенно чужой им стране? И снова начались бессонные ночи в убогой комнатушке. Кемаль похудел, осунулся, стал еще более раздражительным, почти перестал спать и много пил. Когда ему становилось совсем плохо, он шел к строившим железную дорогу итальянским рабочим и до утра пил с ними под сладкий лепет мандолин вино. И однажды, когда он, куря одну сигарету за другой, беспокойно ворочался на кровати, ему в голову пришла шальная мысль. А что, если... уехать в Салоники? Судя по слухам, в Македонии начинались серьезные дела, его там, как он, во всяком случае, думал, ждали, а один весьма влиятельный в империи паша обещал ему помощь! Рискованно? Да, очень! Он вдруг словно воочию увидел холодный блеск позолоченных очков Измаил-паши и его тусклый надменный взгляд. Да, этот шутить не будет! Ну и пусть не шутит! Поймают? Что ж, значит, ему снова не повезло, но сидеть сложа руки у него больше не было сил. Оказавшись в очередной командировке в Яффе, Кемаль нашел чужое отпускное удостоверение и... в тот же день поднялся на борт уходившего в Стамбул парохода. Его отсутствие в гарнизоне прикрывали друзья, и по-настоящему он начал беспокоиться только перед прибытием в Салоники. Но и здесь ему повезло, и он чудом избежал полицейской проверки.

Едва ступив на родную землю, он поспешил к обещавшему ему свое покровительство генералу Шюкрю. Увидев перед собою опального офицера, генерал сразу позабыл о данных им обещаниях. «Я, — с генеральской прямоотой заявил он, — ничего не могу сделать для вас и прошу меня больше не беспокоить!» Отказ генерала осложнил его положение, и тем не менее с помощью друзей Кемаль сумел-таки получить столь необходимое ему медицинское свидетельство его отпуска по болезни и сразу же взялся за дело! Собрав старых друзей, он объявил им о создании в

Салониках филиала «Родины и свободы». Таинство посвящения в его члены происходило на квартире Хаккы Баха, которого Мустафа до сих пор знал только понаслышке. А когда он наконец увидел этого патриота в его достойных паши великолепных апартаментах, его несколько удивила не только их роскошная обстановка, но и сам представший перед пришедшими в японском кимоно и с флейтой в руках хозяин.

Выпив по чашечке кофе, заговорщики приступили к торжественной церемонии. Кемаль произнес напыщенную речь о стоящих перед ними задачах, затем Хюсрев Сами вынул из кобуры браунинг, и шестеро карбонариев поклялись на «отныне священном» пистолете в верности революции. Правда, дальше присяги дело так и не пошло. Какой-то «благодетель» донес о появлении в Салониках опального капитана, и опасавшийся ареста Кемаль поспешил на Синайский полуостров, где в то время находилась его часть в связи с англо-турецким конфликтом из-за Анабы. До вооруженного выступления дело так и не дошло, и Кемаль отправился в штаб Пятой армии. Стажировка подходила к концу, и, очень опасаясь того, что его могут оставить в Сирии, Кемаль попросил Али Фуада подыскать ему с помощью отца хорошее место...

Книга вторая

В ТЕНИ ЭНВЕРА

Глава 1

И тот нашел ему таковое в штабе командующего расквартированной в Салониках Третьей армии маршала Хайри-паши. Кемаль был на седьмом небе. Наконец-то сбылась его мечта и он сможет развернуться по-настоящему! Но не тут-то было! Никто в Салониках не проявил особой радости по поводу его появления, и даже товарищи по «партии» встретили своего лидера без особого энтузиазма. Вместо подробного доклада о проделанной работе, они с величайшими предосторожностями отвели его на конспиративную квартиру, и там несколько удивленный Кемаль... снова вступил, как ему, во всяком случае, казалось, в «Родину и свободу». Правда, на этот раз не было ни флейты, ни кимоно и церемония вступления почему-то сопровождалась масонским ритуалом. И после того, как ему завязали глаза и обрядили в красную рубаху, он предстал перед тремя незнакомцами в масках и принес на револьвере и Коране клятву на верность революции.

Несказанно удивленный всем увиденным, он потребовал объяснений и тут же узнал, что с «Родinou и свободой» давно покончено и сегодня он, как и все его боевые соратники, стал членом другого, куда более мощного подпольного комитета «Едине-

ние и прогресс», возглавившего борьбу за восстановление конституционного режима и проведение буржуазных реформ. Выслушавший эти откровения с непроницаемым лицом Кемаль с трудом скрыл охватившие его разочарование и гнев. Все его сокровенные мечты пошли прахом, а его «боевые соратники» просто-напросто предали его и работали с совершенно неизвестными ему людьми. И даже не зная их, Кемаль сразу почувствовал сильнейшую антипатию к ним! Он приехал руководить, а ему предлагали какие-то там второстепенные роли!

И снова начались бессонные ночи с раки, кофе и сигаретами и бесконечные размышления над тем, что же ему теперь делать. Впрочем, особого выбора у него не было, и ему оставалось либо смирить свою гордыню и, примкнув к «Единению и прогрессу», пробиться на младотурецкий олимп, либо наступить на горло собственной песне и так и остаться рядовым «подносчиком снарядов». И конечно, он выбрал первое!

Но, увы, принцип «Умри, но завойуй!» здесь уже не работал! И дело было даже не в его уже намечавшихся расхождениях с лидерами комитета. Сланный в Сирию Кемаль оказался напрочь отрезанным от назревавшей революции, он опоздал занять свое место, и она нашла других лидеров. Как и природа, революции не терпели пустоты! Конечно, все это было совершенно неожиданно для него, поскольку он не имел никакого представления о тех событиях в Османской империи, во многих из которых была «повинна» отгремевшая на всю Европу первая русская революция 1905 года. Страна бурлила, бастовали торговцы и жандармы, и все выше поднимали голову замученные ашаром и ростовщиками крестьяне. В начале 1906 года в Эрзуруме была создана первая в Анатолии буржуазно-революционная организация «Джан верир» («Жертвующий собой»), и ее члены действительно были гото-

вы на все! Не остались в стороне от нового революционного подъема и младотурки, принявшие на состоявшемся в 1907 году в Париже съезде постановление о вооруженном восстании, практическую подготовку которого взял на себя салоникский комитет «Единение и прогресс». Комитет сразу же приступил к усиленной вербовке в свои и без того постоянно растущие ряды офицеров расквартированной в Македонии Третьей армии. Ну а свое решительное выступление лидеры младотурок наметили на конец августа 1909 года, собираясь именно таким достойным образом отметить тридцать третью годовщину восшествия Абдул Хамида II на престол. И как это было ни прискорбно для Кемалья, но именно в его отсутствие Македония превратилась в центр революционного движения, и ему уже нечего было создавать в ней и нечем руководить! Все руководящие роли были давно распределены, никто не пожелал делиться с ним завоеванным, и, как только он попытался «качать права», ему сразу же указали на его место!

Конечно, он был расстроен и в его душе бушевала самая настоящая буря! Подумать только! Рожденный для великих свершений, он был вынужден подчиняться! И кому? Какому-то почтовому служащему Талаату и преподавателю математики Митхату Шюкрю! Впрочем, входившим в руководство «Единения и прогресса» и хорошо ему знакомым майорам Энверу и Джемалю он подчиняться тоже не хотел! Разочарованный и обиженный, он принялся к месту, а чаще всего и без всякого повода критиковать обошедших его людей. Но особенно бесило его то совершенно, как он считал, незаслуженное восхищение, какое испытывали в те дни рядовые члены движения к своим лидерам. Особенно они преклонялись перед совершенно серым, на его взгляд, Джемалем, и всякий раз, когда кто-нибудь начинал петь дифирамбы этому

«великому человеку», Кемаля передергивало. Да и как можно было восхвалять это ничтожество, недоумевал он, поражаясь слепоте окружавших его людей, когда рядом находился он, стоявший на несколько голов выше и Джемалья, и Талаата, и Энвера, вместе взятых?

И был не прав! Гениальными этих людей назвать было сложно, но определенными дарованиями они обладали! Талаат являлся блестящим организатором и тактиком, Энвер был энергичен, смел и решителен, а Джемаль отличался потрясающим хладнокровием и беспощадностью к врагам. Но уязвленному самолюбию Кемаля не было никакого дела до их способностей, и он видел в них лишь сумевших опередить его выскочек! В своей неприязни к ним он, по всей видимости, уже и сам не мог разобраться, что же это было на самом деле: реальная оценка хорошо известных ему людей или обычная зависть обойденного посредственностями непризнанного гения! И тем не менее, несмотря на все свои разочарования и обиды, Кемаль уже не был тем романтически настроенным молодым человеком, каким уезжал в Сирию, и не думал рвать отношения с «серым» Джемалем, чувствуя в нем не только покровителя, но и потенциального союзника. А вот другим лидерам движения он выдавал по полной программе!

Конечно, ничего хорошего в огульной критике обошедших его людей не было, и все же понять Кемаля было можно! С самого начала своей революционной деятельности он думал не только о своих амбициях, но и о судьбах страны! Проникнутый страстной верой в прекрасное будущее, он много и красиво говорил о самопожертвовании и желании драться за свободу, его страстные проповеди производили впечатление, и у него появилось собственное окружение, готовое слушать его в любое время и по любому поводу. Что-что, а поговорить Кемаль лю-

был, и, распалаясь, он все чаще вел себя так, словно был не скромным работником штаба Третьей армии, а по крайней мере претендентом на престол! И в один прекрасный вечер он договорился до того, что стал раздавать своим слушателям государственные посты в предполагаемом им правительстве и место премьера обещал близкому к нему Нури. «Ну а кем будешь ты?» — улыбнулся тот. «Человеком, который назначает премьер-министров!» — совершенно серьезно ответил Кемаль. Пройдут годы, и Нури спросит президента, помнит ли он то застолье. «Помню, — пристально взглянет на него Кемаль, — как помню и то, что ты мне тогда не поверил!» И смущенный Нури только виновато разведет руками...

Слышали ли его критику лидеры «Единения и прогресса»? Да, конечно, слышали, но особого внимания на нее не обращали. Да и зачем? Они сами выступали за свободу и не собирались лишать права на нее другого человека. Во всяком случае, пока! Ну а после того, как получивший звание майора Кемаль был назначен военным инспектором линии Салоники—Монастыр, лидеры «Единения и прогресса» доверили ему осуществление связи между своим штабом и расположенными на этой ветке филиалами. Возможно, это и на самом деле было очень важно, однако сам Кемаль не испытывал ни малейшего восторга от такого доверия к себе. Да и какой там мог быть еще восторг, если его, как ему, во всяком случае, казалось, намеренно удаляли от главных событий! А они действительно приближались, и после того, как весной 1908 года Австро-Венгрия получила концессию на строительство железной дороги к Салоникам, а Россия и Англия намеревались ввести в Македонию десятитысячную армию, младотуркам не оставалось ничего другого, как только сыграть на опережение.

3 июля комендант гарнизона небольшого македонского городка Ресна майор Ахмед Ниязи-бей

ушел со своей знаменитой четой в горы и оттуда прислал отчаянное письмо султану, полное угроз и оскорблений. Вслед за ним в горы ушла и другая чета во главе с Энвером, и уже очень скоро восстанием была охвачена почти вся европейская часть султанских владений. Но после того как Энвер заявил на всю страну о начале революции, Кемаль только презрительно усмехнулся. «Это авантюра сумасшедших, — небрежно бросил он окружавшим его офицерам. — Через сорок восемь часов о ней все забудут!» И можно только представить себе его разочарование, когда через отмеренные им на революцию сорок восемь часов она приняла еще более широкий размах. Отряды Ниязи и Энвера росли с каждым днем, но им так и не пришлось ни с кем сражаться, поскольку посланные на их усмирение воинские части и не собирались воевать. 23 июля 1908 года центральный комитет «Единения и прогресса» в ультимативной форме потребовал от султана восстановления конституции, и повисший над пропастью Абдул Хамид во второй раз в своей жизни был вынужден даровать ее стране. И надо было только видеть, с какой радостью отмечала та свою первую большую победу в борьбе с абсолютизмом. Оно и понятно: измученные отсутствием свобод люди были счастливы хотя бы тем, что наконец-то могли ни от кого не прячась ходить по улицам! Цензоры были мгновенно изгнаны, газеты вовсю славил революцию, и осмелевшие люди вершили жестокую расправу над агентами султана, вешая их прямо на улицах! Темницы рухнули, и на свободе оказалось сразу 40 тысяч политических заключенных, от тайной полиции и тридцатитысячной армии доносчиков остались одни воспоминания, и каждый день в стране появлялись общественные организации, ассоциации, клубы и политические партии.

Ну и конечно, началось поголовное братание! В одном из городов председатель болгарского коми-

тета объявил о примирении с греческим архиепископом, в другом — революционные офицеры посадили в тюрьму турка за оскорбление христианина. Единая конгрегация турок и армян повторяла молитвы своих священников во время службы поминовения жертв массовой резни армян.

Полнейшая эйфория охватила и Стамбул, где разгуливающие по улицам огромные толпы жителей кричали: «Да здравствует конституция!» и «Долой шпионов!». По городу разъезжали повозки, в которых обнявшись сидели турецкие муллы, еврейские раввины и христианские священники! Славили и султана, и тот по требованию своих подданных молился в Святой Софии, где не был более четверти века. Майоры Энвер, Ниязи и Ейюп Сабри были объявлены «героями свободы» и буквально купались в лучах славы.

Глава 2

С хмурым видом взирал Кемаль на охватившую страну эйфорию. Да и чему радоваться? Это была не его победа, и он так и остался чужим на этом празднике победителей! И надо ли говорить, как болезненно била по его самолюбию каждая новая здравица в честь новоиспеченных «героев». Даже в самые мрачные дни своей ссылки в Сирию он с такой ненавистью не вспоминал одним росчерком пера сломавшего его судьбу чиновника. И останься он тогда в Македонии, звучащие сегодня фанфары славили бы его, а не всех этих джемалей и талаатов! А пока он имел то, что имел...

Не обладавшие опытом управления огромной страной и широкой сетью своих комитетов, младотурки повели себя довольно странно. Правительство продолжали возглавлять представители консервативной бюрократической знати, и в стране сложилось

опасное двоевластие. Младотурки не только не вошли в состав правительства, но и, вопреки всем решениям своего же собственного конгресса, оставили на престоле Абдул Хамида. Да и зачем? Свое они уже сделали, и контроля над армией и парламентом было для них, как они весьма наивно полагали, вполне достаточно! Они почти не уделили внимания важнейшим социальным и экономическим вопросам в своей новой программе, отделавшись самыми что ни на есть туманными обещаниями. И только в национальном вопросе была полная ясность! «Мы, — заявил Джемаль-паша, — ведем не турецкую политику, а политику оттоманского единства, в которой турецкий народ является «краеугольным камнем» всей империи». И хотя сам Кемаль связывал неспособность младотурок к руководству империей с отсутствием у них надлежащих талантов, на самом деле все было намного серьезнее. Их умеренность в решении важнейших экономических и социальных задач определялась отнюдь не отсутствием у них блестящих способностей, а сложным социальным составом их движения, слабостью нарождавшейся национальной буржуазии и политической незрелостью почти полностью неграмотного народа.

Разочарованный в революции, ее лидерах и результатах Кемаль охладел ко всему, и кто знает, до каких пор продолжалась его депрессия, если бы «Единение и прогресс» не вспомнил о вечно недовольном всем майоре и не решил послать его в Триполитанию, где бунтовали арабы. «У вас, — даже не спросив его согласия, заявил Хаджи Адиль, — уже есть большой опыт общения с арабами, и мы очень надеемся на то, что и на этот раз вам удастся оправдать наше доверие и усмирить бунтующих!» Даже не сомневаясь в том, что речь идет о его новой ссылке, Кемаль только хмыкнул в ответ. А зря! Как это ни странно, но на этот раз видный представитель комитета говорил чистую

правду: он и его коллеги были полны желания с помощью на самом деле прекрасно знавшего местных условия члена своей партии доказать всем подданным империи, что им нечего бояться их и они способны навести в империи порядок! Да и какую угрозу его лидерам мог представлять по тем временам не имевший никакого политического веса и мало кому известный майор?

Получив на подкуп шейхов кругленькую сумму в тысячу золотых лир, Кемаль отправился в Африку и на глазах у изумленного шейха в ключья порвал правительственные бумаги. Пораженный таким необычным началом араб удостоил эмиссара Порты долгим внимательным взглядом, в котором уже сквозило нечто похожее на интерес, и... согласился свернуть военные действия. Как утверждали многие свидетели этой сцены, Кемаль и на самом деле был неотразим, и все же куда большее впечатление на шейха произвело привезенное им золото.

Ободренный таким началом, Кемаль поспешил в Бенгази, где бунтовал другой могущественный шейх — Мансур. Он и там попытался было пустить в ход то же оружие, но не тут-то было! Мансур остался совершенно равнодушным и к его красноречию, и к предложенной ему взятке! И, уже понимая, что для этого сделанного из железа война нужны совсем другие аргументы, Кемаль сменил тактику и под видом инспекции устроил... военный парад! Зрелище возымело действие, и смущенный игрой мускулов Мансур заговорил о мире!

Блестяще исполнив порученное ему задание, Кемаль возвратился в Салоники и торжественно отrapпортовал лидерам «Единения и прогресса» о своих успехах. Но, к его великому разочарованию и обиде, те даже не поблагодарили его и заткнули им очередную дыру, назначив начальником штаба Семнадцатой резервной дивизии. И, снова отрезанному от политической жизни, ему не оставалось

ничего другого, как только заняться своими прямыми обязанностями. Но и здесь его ждало сплошное разочарование! Все его начинания упирались в глухую стену непонимания, и он все больше убеждался в том, что до столь любимой им армии никому не было никакого дела!

Устав от бесплодных попыток пробить стену отчуждения, он решил махнуть на все рукой, но... не получилось! Живший в нем дух противоречия и амбиции не отпускали, и снова началась депрессия с ее бессонными ночами, тягостными размышлениями и, конечно, раку. Время от времени он оживал и даже пытался поговорить с лидерами «Единения и прогресса», что называется, по душам, но тем было явно не до него. Обстановка в стране осложнялась с каждым днем, и во многом в этом были виноваты они сами. Добившись свержения самодержавия и введя турецкую буржуазию в высшие эшелоны власти, «Единение и прогресс» посчитал свою задачу выполненной. И очень, надо заметить, ошибся! Мало того что реакция очень быстро восстанавливала свои силы, не было единства и в рядах самих младотурок. Как это и всегда бывает в таких случаях, после победы над общим врагом главные идеологи движения сразу же разделились на два лагеря, которые придерживались совершенно различных взглядов на будущее страны. И в то время как принц Сабахеддин выступал за децентрализацию и религиозно-национальную автономию, его противники были приверженцами строгой централизации и насильственного отуречивания народов империи. В результате Сабахеддин создал целый ряд политических группировок, среди которых особенно выделялись «Либералы». В своей борьбе со сторонниками «Единения и прогресса» их лидеры быстро нашли общий язык с консервативной османской бюрократией и правым крылом парламентариев. Парламент оказался рас-

колотым и так и не принял ни одного сколько-нибудь важного решения. Так ничего и не сделав в социальной сфере, младотурки быстро теряли былую популярность у турецкого населения империи, получившего взамен сладких обещаний еще больший налоговый гнет. Косо смотрели на них и не-турецкие народы, поскольку младотурки с непостижимой быстротой забыли все свои обещания, и на деле «политика оттоманского единства» свелась к отуречиванию других национальностей.

В высшей степени печально для младотурок складывались их дела и во внешней политике. И после того как 5 октября Болгария объявила о своей полной независимости от султанской власти, а на следующий день Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, за считанные месяцы империя потеряла больше, нежели Абдул Хамид за все время своего правления. Что сразу же дало ему прекрасный повод обвинить «Единение и прогресс» в «оскорблении нации и ее религии». В стране появились многочисленные недовольные, и Абдул Хамид даже не сомневался в том, что уже очень скоро он и на этот раз сумеет покончить с ненавистной ему конституцией. В ход снова пошла религиозная пропаганда, и в столице начались бесконечные демонстрации учеников религиозных школ, требовавших восстановления старых порядков. Волновались и казармы, где реакционно настроенные офицеры подстрекали солдат на выступления против новой власти. Как и всегда в подобных случаях, для решающего выступления нужен был только хороший повод, и его, конечно, нашли! На одном из собраний одетый в офицерскую форму неизвестный убил близкого к клерикальным кругам журналиста Хасана Фетми-бея, и с быстротой молнии по столице распространились слухи о том, что это дело рук младотурок.

В ночь с 12-го на 13 апреля солдаты Первой армии и многочисленные горожане окружили парла-

мент и потребовали немедленной отставки правительства, восстановления шариата и власти султана. Затем озверевшая толпа штурмом взяла здание парламента и убила двух депутатов. Великий везир Хусейн Хильми подал прошение об отставке, и с несказанным удовольствием султан приказал новому правительству удовлетворить требования «восставшего народа». На великих радостях он закрыл глаза на начавшуюся в Стамбуле вакханалию, и опьяненные победой мятежники с великим знанием дела грабили столицу в течение целых двух дней. Причем доставалось, как и всегда бывает в таких случаях, и правым и виноватым! И все же больше всех били, конечно, не успевших бежать в Салоники младотурок.

Однако лидеры «Единения и прогресса» и не думали сдаваться на милость победителей. За ними стояла расквартированная в Македонии Третья армия, и именно в эти дни Кемаль получил великолепную возможность проявить себя в полном блеске. Назначенный начальником штаба созданной при его самом активном участии сотысячной «Армии действия», он двинулся в поход на мятежную столицу! Конечно, начальник штаба не командующий, но все же фигура не из последних, и он очень надеялся отличиться в боях и наконец-то занять достойное его дарованиям место в политическом руководстве «Единения и прогресса».

19 апреля «Армия действия» вступила в пригороды Стамбула, и Кемаль от имени командующего пообещал наказать всех «преступивших через конституцию и позорящих всех честных офицеров Османской армии мятежников» и простить раскаявшихся. И в том самом почтовом отделении, откуда он давал свои телеграммы, он познакомился с морским офицером Хусейном Рауфом, будущим командиром легендарного крейсера «Хамидие» и его соратником в борьбе за Независимость. Ну а затем

случилось то, что и должно было случиться! Командование «Армии действия» было заменено, ее возглавил командующий Третьей армией Махмут Шевкет-паша, и с ним первые скрипки в ней стали играть Энвер и «герой революции» майор Ниязи. Кемаль снова оказался на вторых ролях. Впрочем, ему в любом случае ничего не светило, за время похода он умудрился напрочь испортить отношения с командующим, и, как указывают некоторые документы, он был снят с должности и отослан в Салоники еще до смены руководства армией.

22 апреля члены разогнанного парламента приняли решение о смещении султана, а еще через несколько дней произошло кровопролитное сражение со стоящими на стороне султана воинскими частями. Прекрасно организованная стараниями Кемалья «Армия действия» одержала победу и вошла в Стамбул, где встретила не менее яростное сопротивление особо рьяных защитников Абдул Хамида. Особенно жестокие бои шли у здания правительства, где мятежники заблаговременно возвели баррикады. Снова отличился взявший штурмом казармы бунтовщиков Энвер, и после того, как Вторая дивизия с боем взяла султанский дворец, победители прошли победным маршем по столичным улицам, толкая перед собой длинную вереницу евнухов, шпионов и рабов султана.

Назначив сам себя военным комендантом, Махмут Шевкет-паша ввел в городе военное положение, и суды военного трибунала приступили к своей кровавой работе. Да, именно так, и отныне всех замеченных в сопротивлении властям ждала либо казнь, либо арест, либо ссылка. Затем последовали и совсем уже неординарные меры, и Шевкет-паша послал своих офицеров в провинции для сбора налогов. Так под знаменем конституции и демократии армия на какое-то время установила в стране свой собственный контроль.

Ну а окончательная развязка наступила 27 апреля, когда на совместном заседании палаты депутатов и сената в Святой Софии бывший великий везир Саит-паша зачитал столь долгожданную фетву шейх-уль-ислама о низложении самого кровавого в истории Османской империи султана и лишении его сана халифа. Депутаты отправились во дворец, и глава делегации зачитал Абдул Хамиду фетву о возведении на престол его брата Решида. «Это судьба! — гордо ответил султан. — И все же Бог покарает творящих зло!» Ночью султана посадили на уходящий в Салоники поезд. На пустом вокзале не было ни почетного караула, ни блестящих орденами царедворцев. Выполнявший роль тюремщика Али Фетхи небрежно махнул рукой, и поезд медленно тронулся в ночь. Так прозаично закончилась самая страшная эпоха в истории Османской империи...

Апрельские события означали окончательное завершение младотурецкой революции, и, что бы там ни говорил о ней сам Кемаль, начатая как военный путч, она обрела свое историческое значение, открыв простор сдерживаемым султаном новым социальным силам. Стамбул стал центром политической активности, и в него сразу же устремились деятели эмиграции, балканские и иранские революционеры, деятели арабской культуры и даже представители тюркских народов России. Вместе с ними в страну широким потоком хлынули идеи мусульманской реформации, популизма, национализма и социализма. И благодаря этому эпоха младотурок была самой интересной с точки зрения борьбы мировоззрений, поскольку именно тогда в непримиримой и, что самое главное, открытой схватке сошлись между собою сторонники османизма и уже зарождавшегося национализма, либералы и консерваторы, демократы, автократы и выразители прочих идей. Да, это были тяжелейшие для пережившей

подряд четыре тяжелых войны Турции времена, но именно тогда на стыке танзиматской и младотурецкой эпох зарождались те самые идеи, которые спустя всего два десятка лет станут основой строительства новой Турции...

Безвольный и болзненный Мехмет V Решид только царствовал, но не управлял, и хозяином империи стал «Единение и прогресс», надежно прикрытый штыками и военным авторитетом Махмута Шевкет-паши. Суды военного трибунала продолжали свою кровавую «жатву», однако превратившийся, по сути дела, в военного диктатора Шевкет-паша и не думал злоупотреблять своей практически безграничной властью. Твердо веривший в идеалы конституции, он тесно сотрудничал с гражданскими членами комитета. Ну а Кемаль ждало новое разочарование! Для проведения столь долгожданной им военной реформы лидеры «Единения и прогресса» пригласили немецкого генерала фон дер Гольца, и немецкие фирмы начали поставлять империи новейшее вооружение, боеприпасы и экипировку. Внимательно наблюдавший за всеми этими свершениями Кемаль испытывал к происходящему двойственные чувства. С одной стороны, он был несказанно счастлив тем, что вот наконец-то сдвинулся с места и армия начала свое великое возрождение. Но с другой — ему совсем не нравилось то, что первую скрипку в ее реформировании играла германская военная миссия. Но делать было нечего, и ему в какой уже раз пришлось смириться.

Да и не до скандалов ему сейчас было: он был назначен в управление по подготовке кадров Третьей армии, и перед ним открывалось достаточно широкое поле деятельности! Кемаль с редким для него удовлетворением погрузился в работу. Его блестящие лекции имели огромный успех, и офицеры быстро прониклись уважением к прекрасно образованному и энергичному преподавателю. Но Ке-

маль поражал сослуживцев не только обширными знаниями, но и своей поистине нечеловеческой выносливостью. Он последним уходил из казино и первым появлялся на службе. А в перерыве между этими достойными занятиями успел перевести книгу бывшего директора Берлинской военной академии генерала Литцемана. Но Кемаль не был бы Кемалем, если бы только слепо копировал чужие сочинения, и он по возможности исправлял давно устаревшие идеи немецкого генерала.

Вскоре начались военные маневры, и Кемаль отправился в Кепрулу, где сразу же предложил главе германской военной миссии маршалу фон дер Гольцу свой собственный план учений. И фон Гольц с явным интересом ознакомился с ним. «Конечно, — говорил довольный Кемаль друзьям, — одобрение такого блестящего военного, как фон дер Гольц, имело большое значение, но куда более важным мне казалось доказать все-таки то, что мы и сами могли кое-что предложить для защиты своей страны». И для обеспечения этой самой защиты он буквально лез из кожи! Он проводил полевые занятия и постоянно изыскивал возможность повысить эффективность ведения боевых действий. Жесткий и требовательный, он нередко срывался и, возмущенный несообразительностью и неумением своих подчиненных, вел себя так, что многим за него становилось стыдно. Точно так же он повел себя и с давно уже отслужившими свое старшими офицерами, обвинил их в совершенном непонимании принципов управления войсками. «Нашей армии, — ничуть не смущаясь присутствием «старой гвардии», во всеуслышание заявил он в офицерском клубе, — совершенно не нужно ее высшее командование. И было бы прекрасно, если бы ее командная структура заканчивалась майорами, поскольку уже завтра из их рядов выйдут прекрасные командиры!» В конце концов «старая гвардия» ре-

шила проучить наглеца и поставила Кемаля командовать пехотным полком, очень надеясь на то, что на практике этот воинствующий теоретик сломает себе шею. Но Кемаль быстро разочаровал их, блестяще справившись со своими обязанностями.

Ну и конечно, еще одну причину слабой подготовки офицеров Кемаль видел в их чересчур активном занятии политикой. «Какой толк, — вопрошал он собравшихся на очередном конгрессе «Единения и прогресса», благо что сам Шевкет-паша придерживался точно такого же мнения, — от заседавшего в парламенте генерала? Его дело учить солдат! Повальное участие офицеров в политической жизни губительно для армии. И именно поэтому Третья армия, многие офицеры которой являются членами «Единения и прогресса», не может считаться современной армией!» И какова же была радость Кемаля, когда такие видные деятели движения, как Исмет и Кязым Карабекир, поддержали его предложение. Но, увы, дальше разговоров дело так и не пошло. Да, офицеры перестали посещать партийные клубы, но комитет по-прежнему продолжал опираться на военных. Да и сам Кемаль не спешил покидать ряды комитета, хотя его отношения со многими его функционерами ухудшались с каждым днем. Более того, выступление Кемаля на конгрессе чуть было не стоило ему жизни, и когда он возвращался домой после очередного заседания, в него выстрелил какой-то человек. Нападавший сразу же скрылся, и тем не менее Кемаль успел узнать в нем... дядю Энвера Халиля. Ну а что же произошло в тот далеко не такой прекрасный для самого Кемаля вечер на самом деле, теперь уже не узнает никто...

Летом 1910 года с группой османских офицеров Кемаль был послан на учения французской армии в Пикардию. И надо ли говорить, с какой радостью и интересом ехал он в даровавшую миру великую

революцию страну! Как только они переехали границу, он сменил феску на фуражку, и майор Саяхеттин недовольно заметил: «Что ты делаешь? Разве ты забыл, что мы представляем наше государство? И все должны видеть, что мы османы!» Кемаль только пожал плечами. Но когда поезд остановился на одной из сербских станций и один из мальчишек заорал пронзительным голосом на весь перрон «чертов турок!», майор тут же достал из своего чемодана фуражку. Кемаль с огромным интересом наблюдал за всем происходящим на полях Пикардии. Но, увы, в империи снова обострилась обстановка, и вместе с военным министром Махмудом Шевкет-пашой его отправили на подавление восстания в Албании. Шевкет-паша сдержал данное им в Стамбуле слово и со свойственной ему жесткостью принялся уничтожать бунтовщиков.

Сам Кемаль почти не принимал участия в боевых действиях и занимался в основном разведкой. Албанцы получали оружие из пограничных с ними стран, и он был обязан перекрыть эти пути. И надо полагать, он не был в восторге от своего участия в исполнении в общем-то жандармских функций по подавлению восстания. Ведь это был уже не просто бунт, а борьба двух царивших в Османской империи идеологий: османизма, за который все еще цеплялись младотурки, и национализма нетурецких народов. И, судя по его поведению в Сирии и дальнейшим высказываниям, Кемаль оказался в весьма затруднительном положении: прогрессивно мыслящий человек, он был обязан самым жестоким образом подавлять ростки национального самосознания. Да и чего особенного требовали албанцы? Независимости? Так это естественное стремление любого народа! Развития своего собственного языка? Так и здесь не было ничего удивительного, поскольку язык являлся неотъемлемой частью национальной культуры, и любой народ имел право

говорить на своем собственном языке! Да и в желании албанцев видеть на всех ключевых постах в управлении страной своих соотечественников тоже не было ничего странного. И когда на званом обеде в Салониках немецкий полковник фон Андертен произнес здравицу в честь «великой Османской империи, сокрушившей сопротивление албанцев», Кемаль демонстративно поставил свой бокал с шампанским на стол. «Турецкая армия, — заявил он, — выполняет свой долг, когда защищает страну от иностранной агрессии и освобождает нацию от фанатизма и интеллектуального рабства! К сожалению, турецкая нация намного отстает в своем развитии от Запада, и главной нашей целью является как можно быстрее вхождение в современную цивилизацию! И как турецкий офицер, я не могу гордиться подобными победами!»

Конечно, все были шокированы его поведением, и особенно словом «турецкий», которое в Османской империи означало «невежественный». Да и само слово «турок» служило не обозначением национальности, а употреблялось как ругательство. Кемаль продолжал развивать свои идеи в кругу друзей и не раз заявлял о том, что вся сложность нынешнего положения Османской империи кроется в ее имперском мышлении и что в национальных движениях заложен глубокий исторический смысл.

Конечно, подобное понимание приходило к нему не только под влиянием всего увиденного им за эти годы. Определенное влияние оказал на него и великий турецкий мыслитель того времени Зия Гёкальп. Отдав неизбежную по тем временам дань османизму, он в конце концов начал склоняться к турецкому национализму, который представлял у него уже не какое-то отвлеченное и чисто философское понятие, а реальное явление со своими традициями, фольклором, языком и всем тем, что формирует национальное сознание. Дабы облегчить

проникновение своих идей «в народ», Зия стал излагать их в стихах, сказках и легендах, прославлявших прошлое турецкого народа и доказывавших его неразрывную связь с Центральной Азией. И, посещая облюбованное знаменитым философом кафе, Кемаль с интересом слушал его в высшей степени неординарные по тем временам рассуждения о качественно новой турецкой нации, имевшей крепкие корни и обеспеченное будущее. Больше всего Кемаль интересовало отношение философа к цивилизации и культуре, которую надлежало не только сохранять, но и всячески развивать. «Да, — часто повторял Зия, — мы должны перенять у Запада его цивилизацию, но при этом опираться только на собственную культуру, игравшую решающую роль в становлении национального самосознания». Что для этого в первую очередь надо? — вопрошал философ и тут же отвечал: как можно скорее заменить малопонятный народу османский язык на турецкий и таким образом облегчить единение нации. И в то же время, продолжал он, надо избегать простого копирования западной модели жизни и подходить к любому взятому из него явлению творчески, тщательно взвешивая все за и против.

Являясь ярким сторонником светского государства и считая ислам не только частью национальной культуры, но и величайшим источником этического воспитания, Зия тем не менее был уверен в том, что церковь должна быть как можно скорее отделена от государства. Конечно, турецкие мусульмане должны поддерживать отношения со своими братьями во всем мире, но на первом месте все же должны стоять интересы турецкой нации. И именно поэтому арабские традиции в исламе необходимо заменить турецкими, а службы отправлять только на турецком языке. Да и сам Коран надлежало изучать только на турецком языке, дабы верующие могли лучше понимать свою религию, а не выхва-

тивать из нее малопонятные отдельные фразы на чужом языке. Прекрасно понимая роль семьи в становлении здоровой нации, Зия выступал за предоставление женщине равных прав с мужчиной, упразднение полигамии и прочих пережитков старины. В противовес панисламистам он обосновывал необходимость разделения светской и духовной власти и развития турецкой нации на основе достижений европейской цивилизации. Ну а чтобы как можно скорее добиться успеха на этом пути, считал он, надо было объединить все тюркоязычные народы в рамках единого государства...

Слушая знаменитого философа, Кемаль не раз ловил себя на мысли о том, что на многие вещи он уже давно смотрит его глазами. Да, все так: и культура должна быть своя, и цивилизация европейская, и женщина должна обладать равными с мужчиной правами! И только одного он не принял в учении Гёкальпа — его пантюркистских настроений, открывавших широкую дорогу воинственно настроенным людям! Но как бы там ни было, он с большим уважением относился к философу и все больше попадал под влияние его националистических идей. И когда на учениях Пятнадцатого артиллерийского полка немецкий офицер в очередной раз поздравил его «с успешным завершением миссии в Албании», Кемаль в довольно резких тонах высказал немцу все, что он об этом думал! Затем ему под горячую руку попался один из самых ярких представителей столь нелюбимой им «старой гвардии» командующий Пятой армией Хасан Тахсин-паша, в какой уже раз продемонстрировавший свою полную неспособность управлять войсками на очередных учениях. Конечно, позволь он себе подобное еще несколько лет назад, и от него сразу бы отделались. Однако теперь, когда сам Энвер стоял за омоложение армии, он мог позволить себе критиковать генералов и полковников!

И все же критика не прошла ему даром, и в сентябре 1911 года при содействии «старой гвардии» его сослали в Первый отдел генерального штаба. И эти люди знали, что делали! Шли дни, недели, месяцы, но никто и не думал обращаться к Кемалю ни с какими вопросами! А когда он и здесь попытался поднять бунт и проломить глухую стену непонимания, его решили заслать еще дальше! В Триполи! И надо ли говорить, с какими чувствами поднимался Кемаль на борт стоявшего под парами парохода! Один из лучших командиров османской армии, он был изгнан из нее в самый ответственный для нее момент. Но до Африки он так и не добрался из-за начала войны с Италией.

Итальянцы давно мечтали заполучить в свои руки две африканские провинции Османской империи — Триполитанию и Киренаику. Эти пустынные африканские территории имели весьма важное стратегическое значение, и, заполучив их, Италия могла существенно усилить свои позиции в Средиземном море. К тому же итальянцы уже тогда рассматривали Триполитанию как плацдарм для дальнейшей экспансии. 4 октября Триполи подвергся ожесточенной бомбардировке и в Тобруке высадился итальянский экспедиционный корпус. Османский гарнизон в Триполи и Бенгази насчитывал всего около пятнадцати тысяч человек, и в начале военных действий итальянцы без особого труда одерживали победы. Несмотря на начало войны, военный министр Махмут Шевкет-паша не собирался посылать в Африку войска, однако Энвер убедил «Единение и прогресс» в необходимости ведения партизанской войны против итальянцев с помощью арабских племен. «Герой революции» был обручен с племянницей султана Наджие и даже не сомневался в том, что, будучи членом семьи самого халифа, добьется в Триполитании успеха. Вместе с сотнями других искавших приклю-

чений офицеров он отправился в Африку, и Кемаль решил последовать его примеру. В Стамбуле ему было нечего делать, а там, на фронте, он наверняка сумеет обратить на себя внимание и попытается занять достойное своим дарованиям место. Да и где еще отличиться военному человеку, как не на войне!

Глава 3

Дело было за малым, и оставалось только на этот самый фронт попасть! Прямого сообщения с Ливией не было, и добровольцам было предложено добираться туда не только на свой страх и риск, но и за собственный счет, и после долгих мытарств Кемаль отправился в Африку на русском пароходе. Вместе с ним в опасное путешествие отправились главный оратор «Единения и прогресса» Омер Наджи и уже успевшие прославиться своей любовью к приключениям и сумасбродными планами Сапанджали Хаккы и Якуб Джемиль. И Рауф был весьма удивлен, увидев его в столь странной для него компании. «Да, — пожал плечами Кемаль, — в свое время мы были очень дружны с Омером и мне всегда нравилось беседовать с ним. Но это совсем не значит, что я разделяю идеи прибывших вместе со мной людей, и вынужден путешествовать вместе с ними только волею обстоятельств!»

В Александрии Кемаль заболел и лег в госпиталь. Поправился он быстро и вместе с друзьями детства Нури и Фуадом Будджой отправился в Ливию. Но как только они попытались перейти границу, их задержал отряд под предводительством египетских офицеров. Положение было серьезным, и перебить в песках пусть и отчаянных, но малочисленных ту-рок для вооруженных с ног до головы арабов не составляло ни малейшего труда. И тогда Кемаль

сам перешел в наступление. «В чем дело? — без тени смущения спросил он. — Почему нас не пускают дальше? Разве это не территория Османской империи?» Покоренные спокойствием этого голубоглазого человека и его властным тоном арабы с некоторым смущением заявили, что границы изменены и теперь эта земля принадлежит Египту. Но Кемаль и не подумал отступить и стал взывать к... религиозным чувствам своих собратьев по религии, пустив в ход все свое недюжинное красноречие. Неужели верные слуги Аллаха, с непередаваемым пафосом вопрошал он, не пропустят своих братьев сражаться с неверными? А может, они желают победы гяурам? Как тут же выяснилось, арабы вовсе не желали победы неверным и отпустили путников на все четыре стороны, от всей души пожелав победы! Более того, им дали пищу и ценившуюся в пустыне на вес золота воду. И тем не менее путешествие едва не закончилось для Кемалья и его друзей трагически, поскольку уже очень скоро они попали в жесточайшую песчаную бурю, которая чуть было не стоила им жизни. Да и путь через раскаленные пески, где глоток воды воспринимался как величайший подарок судьбы, здоровья им не прибавил! Но когда, обгоревшие дочерна и умирающие от жажды, они все же добрались до места назначения и представились Энверу, тот приветливо поздоровался со всеми и поздравил Кемалья с присвоением ему майорского звания.

На следующий день Кемаль получил боевое крещение и с честью вышел из него. Отбив атаки итальянцев, он начал свои знаменитые сражения... с Энвером, который повел себя так, словно находился в своей собственной вотчине! С чем, принимая во внимание его близость к султану, никто и не думал спорить. Кроме самого Кемалья! Да, он не мог отказать Энверу в личной храбрости, и он был незаменим там, где были нужны решительность и

личное мужество. Но на настоящей войне этих чисто солдатских качеств было мало, а так необходимых для нее знаний у Энвера не было, и Кемаль очень быстро разочаровался в «герое революции».

Военачальником он и на самом деле оказался неважным и в своих по большей части авантюрных планах надеялся куда больше на порыв, нежели на понимание обстановки и тонкий расчет. Ослепленный революционными успехами, он видел только то, что хотел видеть, и именно отсюда вытекала вся его тактика — тактика скорее мечтателя, нежели полководца, и авантюриста, нежели штабного работника. И напрасно Кемаль пытался убедить Энвера в том, что они слишком слабы для того, чтобы выбить итальянцев из их укрепленных пунктов, и его ставка на арабов несостоятельна. Энвер был уверен в обратном, то и дело бросая в бой малочисленные османские гарнизоны, и его совершенно не волновала бессмысленная гибель вверенных ему солдат. Да и что ему были какие-то там жертвы, если он был уверен в том, что рано или поздно справится с итальянцами и с новым триумфом вернется в ждавший от него теперь только побед Стамбул! И чего стоило сдерживать Энвера Кемалю, знал только он сам.

Да, он жаждал славы не меньше Энвера, но, в отличие от него, был прекрасно образован и не мог бросать на алтарь энверовских амбиций ни в чем не повинных людей. Отчаявшись хоть как-то сдерживать Энвера, он стал настолько умело корректировать его приказы, что они принимали совершенно другой вид. Энверу подобное поведение не понравилось, и после очередной стычки Кемаль в отчаянии заявил Рауфу: «Если Энвер будет разрушать все, что я делаю, и углублять раскол, я буду вынужден вернуться в Стамбул!» Энвер продолжал, и уже очень скоро непримиримые противники не могли спокойно видеть друг друга, несколько раз они дого-

варивались до того, что были готовы застрелить друг друга, и только невероятным усилием воли сдерживали себя от этого рокового шага. Накричавшись до хрипоты и так и не достигнув соглашения, они расходились в разные стороны, но уже на следующий день все начиналось сначала! Справедливости ради надо заметить и то, что сам Кемаль тоже бывал далеко не всегда прав и нередко стоял на своем из-за жившего в нем духа противоречия.

Не заладились отношения у Кемалья и с близким к Энверу Али Четинкайя, по кличке Лысый Али, который поразил своей отчаянной дерзостью и бездумьем даже своего хозяина. И все же, помимо личной неприязни, расхождения между Кемалем и Энвером имели куда более глубокие причины. Являясь одним из руководителей стоящей у власти партии, Энвер был обязан во что бы то ни стало продемонстрировать ее твердую решимость сохранить целостность империи. И в то же время рядовой член движения Кемаль решал в общем-то свои личные задачи. В своем желании сделать карьеру в Ливии он был не одинок, и в этой самой горячей точке на огромной карте империи собралось достаточно честолюбивых офицеров. И хотя сам Кемаль сразу же понял всю обреченность затеянной Энвером кампании, тем не менее он был преисполнен желания утвердиться в армии и с гордостью писал друзьям о поставленной ему и его товарищам благородной задаче восстановления прежних границ империи!

Большую часть времени Кемаль проводил в выстроенном Энвером лагере в Айн-Мансуре, где тот создал военную базу, на которой османские офицеры обучали военному делу арабов — свою главную ударную силу в войне с Италией. Османские гарнизоны были слишком малочисленны, и основными поставщиками военной силы стали местные племена сансуси. В конце января итальянцы в ка-

кой уже раз попытались прорвать турецкую оборону и продвинуться в глубь страны, и Кемаль снова показал, как надо руководить боевыми операциями. Проведенная им жестокая контратака надолго отбила у итальянцев охоту к подобным экспериментам. Правда, для самого Кемалья этот бой кончился весьма печально: он получил инфекцию в глаз и на несколько дней перестал им видеть. Почти месяц пролежал он в госпитале лагеря, но полностью вылечиться так и не успел. В начале марта итальянцы снова пошли в наступление, и он в течение нескольких суток сдерживал их отчаянные атаки. Ну а в госпиталь он вернулся в настолько серьезном состоянии, что врачи сняли с себя всю ответственность и настоятельно советовали ему как можно быстрее ехать на лечение в Египет.

Выйдя из госпиталя, Кемаль пошел на повышение и теперь имел в своем распоряжении восемь османских офицеров, 160 солдат и добровольцев и 8 тысяч арабов. Эти войны находились как бы в двойном подчинении: ими, что было вполне естественно, командовали шейхи и османские офицеры. И надо отдать им должное: почти в течение года они изрядно потрепали нервы пятнадцати тысячам итальянцев с их мощной артиллерией. Вся беда заключалась в том, что арабы были людьми настроения, и его постоянно приходилось поднимать с помощью звонкой монеты. Но чем больше платили арабам, тем невыгоднее им становилось прекращать войну, и они попросту саботировали приказы своих османских командиров.

Кемаль много раз беседовал с шейхами на эту деликатную тему, и всякий раз те клятвенно заверяли его, что это недоразумение и их воины будут сражаться как львы! Тем не менее перед каждой операцией они устраивали самый настоящий торг, который напоминал скорее стамбульский рынок, нежели военный совет! В конце концов Кемалю

осточертело уговаривать арабов, и он стал хитрить. И когда при подготовке важной операции шейхи затеяли очередную торговлю, он не стал изощряться в красноречии и взывать к чувствам «своих братьев по религии», а сразу же взял быка за рога! Неожиданно для всех он достал записную книжку, долго смотрел в нее, а затем обратился к одному из самых влиятельных шейхов. «Нам давно уже известно, — холодно произнес он, — что вы являетесь итальянским агентом, шейх Мебр! А я пришел говорить не со шпионами, а патриотами! Бог с вами, шейх Мебр, я найду с кем воевать! Ну а с вами на эту тему поговорят другие люди...»

Расчетливо нанесенный удар попал точно в цель, и по мере того как до Мебра доходил смысл услышанного, изумление на его лице сменялось неподдельным испугом. Беседовать с молодчиками из «Особой организации», созданной Энвером для разборок со всеми, кто вставал на пути «Единения и прогресса», да еще по обвинению в шпионаже, у него не было никакого желания. Он уже видел, как они «разбирались» с предателями, и тут же заверил Кемаля в том, что завтра сам поведет своих людей в атаку. Мебр не обманул и не только выбил итальянцев с важной для них высоты, но и захватил в плен 200 человек. Обобрав их до нитки, он чуть ли не голыми отпустил их в пустыню.

Конечно, подобные истории куда больше говорили скорее о наивности самих арабов, нежели о какой-то там тактической мудрости Кемаля. И тем не менее он уже начинал выделяться среди остальных офицеров. Пунктуальный и требовательный, он умело организовывал работу разведки и отличался высочайшей требовательностью к подчиненным. Никто не видел его в грязной рубашке или невыглаженных брюках. Поднимая моральный дух своих солдат, он постоянно твердил им о тех великих целях, за которые они сражались. Нравились ему и

патриотически настроенные офицеры, и он с восхищением рассказывал о них Салиху. «Сегодня, — писал он ему в одном из своих писем, — у нас была встреча всех офицеров и командиров, и, глядя на этих героев, я читал на их лицах желание умереть за родину. И, чувствуя, как мое сердце наполняет гордость за них, я сказал: «Наша родина должна быть счастлива, поскольку у нее есть много детей, готовых пожертвовать за ее безопасность и счастье свои жизни!»

Да, здесь много патетики и романтики, но не надо забывать о том, что носившие арабские наряды османские офицеры на самом деле смотрели на себя как на романтических воинов пустыни. Именно в пустынях Ливии Кемаль получил превосходный урок военного мастерства и приобрел бесценный опыт при всей условности этой странной во многих отношениях войны. Он много раз принимал участие в учениях, но только сейчас по-настоящему понял, что, несмотря на весь их размах и ту важность, с какой проводили их генералы, в сущности, все они оставались игрой в солдатики. А здесь, в Ливии, шла самая настоящая война, на которой солдаты становились солдатами. И именно здесь Кемаль с «помощью» Энвера убедился в правильности уже однажды сделанного им открытия: для того чтобы стать великим, мало быть хорошим солдатом, и место под солнцем обеспечивают отнюдь не знание тактики и одержанные победы, а нахождение на самых верхних этажах политической власти. Да и кем бы остался тот же Наполеон, не добейся он в конце концов политической власти? Пусть и великим, но всего-навсего полководцем! Какими остались такие талантливые генералы, как Карно, Дюгомье и Моро, которых, кроме военных историков, не помнил никто! А раз так, то и все его военные победы должны быть не самоцелью, а служить трамплином для еще более высокого прыжка!

Политика, и только политика может дать обладание высшей властью, которую уже почти получил не блиставший военными талантами Энвер! Только политический гений поднимает любого полководца на иной уровень, где политик становится носителем общественной судьбы, и он обязан стать таким носителем, чего бы это ему ни стоило...

Прошло несколько месяцев, и пылкие, но нетерпеливые итальянцы, которым уже смертельно надоела вся эта возня в песках, предложили перемирие. Империя не согласилась. Италия захватила Додеканесские острова и начала бомбардировку Бейрута и устья Дарданелл, а несколько ее торпедных катеров попытались прорваться в Проливы. Не желая осложнений на и без того взрывоопасном Ближнем Востоке, Россия, Франция и Англия потребовали от Османской империи начать мирные переговоры. Но младотурки стояли насмерть, и разгневанная их упорством Италия, пользуясь родством с правящей династией в Черногории (король Виктор Эммануил III был женат на дочери короля Черногории Николая I) и отказом султанского правительства предоставить автономию Македонии и Фракии, сумела-таки натравить Черногорию на Османскую империю! Утром 9 октября 1912 года та открыла военные действия, еще через неделю в войну вступили Сербия, Болгария и Греция, и впервые в своей истории Балканские страны выступили против своего извечного врага единым фронтом.

Продолжать в таких условиях войну в Ливии стало не только бессмысленно, но и опасно, империя подписала мирный договор, и Триполитания и Киренаика стали колониями Италии. Взбешенный Энвер завалил военного министра гневными шифровками, требуя продолжения войны в Африке. Кемаль в очередной раз выступил против этой бредовой идеи и... отправился на родину. Терпение Энвера лопнуло, и он был не намерен терпеть до-

стававшего его с каждым днем все больше и больше Кемалья! Но тот был только рад такому повороту. Даже при всем желании в Ливии делать было уже нечего, и по дороге домой он собирался посетить Вену и серьезно заняться больным глазом...

Глава 4

Вернувшись в Стамбул в ноябре 1912 года, Кемаль сразу же обрушился на высшее руководство, но никто так и не смог ему объяснить, как командовавший турецкими войсками генерал умудрился сдать его без единого выстрела! И надо ли говорить, какую тревогу испытывал Кемаль за мать и сестру, вынужденных вместе с тысячами других турецких беженцев покинуть Салоники. Понятно, Кемаль пожелал отправиться в действующую армию, и его назначили начальником оперативного управления штаба оборонявших Проливы войск. Положение на фронте было отчаянным. Слишком уж неподготовленной оказалась османская армия для войны, и от европейских владений империи остались лишь Стамбул с западными окрестностями, Галлиполийский полуостров и три осажденные противником крепости — Ишходора, Янина и Эдирне. Армия откатилась на последний рубеж обороны перед Стамбулом — линию Чатаджи. И только здесь всегда упорные в обороне турки сумели остановить продвижение болгар. Впрочем, ситуация была напряженной не только на фронте, но и внутри самой империи, где к власти пришла сыгравшая на военных неудачах младотурок «Свобода и согласие». Намеченные младотурками реформы коснулись в основном только государственного аппарата, просвещения и армии. Да и велись они не со знанием дела, а простым наложением европейских порядков на совершенно другие социально-экономические и

культурные контуры. Тесные связи с помещиками и полное равнодушие к задыхавшемуся в тисках ашара крестьянству, угнетение нетурецких народов и наступление на рабочее движение — все это мало напоминало те щедрые лозунги, с какими они пришли к власти. И вполне естественно, что полное нежелание заниматься радикальными социальными и экономическими преобразованиями, отход от обещаний и неготовность противостоять давлению западных государств вызвали широкое недовольство среди населения, и особенно у нетурецких народов — армян, арабов, албайцев и курдов. Чем не замедлили воспользоваться объединившиеся вокруг созданной в 1911 году партии «Свобода и согласие» их политические противники, основную роль среди которых играли дворцовая бюрократия, духовенство и компрадорская буржуазия.

В 1912 году «Свобода и согласие» добилась роспуска парламента и привела к власти правительство, полностью составленное из представителей оппозиционных партий. Только теперь нависшая над младотурками опасность окончательно потерять власть заставила их встрепенуться. Снова первую скрипку сыграл оказавшийся в своей стихии Энвер. «Вы доверяете правительству?» — только и спросил он. «Нет!» — последовал дружный ответ. «В таком случае, — пожал он плечами, — мы завтра же покончим с ним!» Что ж, все правильно, в столице уже не надо было изнывать от жажды в сыпучих песках пустыни, от здания правительства его отделяли какие-то сотни метров, и снова все решала дерзость!

23 января 1913 года Энвер совершил свой знаменитый «рейд на Блистательную Порту», Якуб Джемиль застрелил военного министра, и великий везир под дулом приставленного к его виску пистолета написал прошение об отставке. Что же касается самого султана, то он безропотно принял

известие о назначении великим везиром верного «Единению и прогрессу» Махмута Шевкет-пашу. Население с восторгом восприняло новый подвиг «героя революции», и стоило Энверу только появиться на улице, как вокруг него сразу же собирались огромные толпы и дружно скандировали: «Паша, спаси Эдирне!»

Конечно, «паша» обещал спасти священный для всех мусульман город, в стране снова началось прославление великого героя, и уже успевший хорошо узнать на деле военные таланты Энвера Кемаль только пожимал плечами. Наверное, он был прав, и не надó быть семи пядей во лбу, чтобы под дулом пистолета заставить человека написать прошение об отставке. Как он сам относился к случившемуся? Наверное, все же отрицательно, поскольку к власти снова пришел Энвер, и особых иллюзий на свой счет Кемаль не питал! Вместе с другими недовольными он заявил, что военный переворот может быть оправдан только спасением Эдирне, и предложил свой собственный план спасения окруженного неприятелем города! Однако Энвер убедил великого везира провести операцию под Шаркёе, и после ее полного провала Кемаль и Али Фетхи подали в отставку!

Их откровенный демарш до глубины души возмутил главнокомандующего Ахмета Иззет-пашу, и он послал гневную телеграмму великому везиру. «Если правительство бессильно справиться с этими безответственными господами, — писал он, — презревшими воинскую дисциплину, оно должно обратиться к их друзьям и попросить их заставить подчиняться приказам и распоряжениям своих начальников во имя нашей несчастной родины...» И тому не осталось ничего другого, как попытаться навести мосты с мятежными офицерами. Но легче было выбить болгар из-под Эдирне, нежели примирить непримиримое, и, дабы еще более не

нагнетать обстановку, Кемалья вывели из подчинения Энвера. Но Эдирне это не спасло. Воодушевленные взятием бывшей столицы Османской империи болгары попытались прорвать и Чатаджи. Но турки стояли насмерть, и в этих боях снова отличился Энвер, возглавивший отряды добровольцев из революционно настроенных офицеров и кадет стамбульской Харбие.

13 мая 1913 года в Лондоне был подписан мирный договор, и теперь уже бывший великий везир принялся за подготовку государственного переворота. Но агентура Энвера сработала четко, и он был арестован. Тем не менее через несколько дней Махмут Шевкет-паша был застрелен по дороге в Порту, и младотурки с великой охотой подняли брошенную им перчатку! Назначенный губернатором столицы Джемаль сразу же ввел военное положение, и военный трибунал без промедления поставил точку на жизненном пути двенадцати заговорщиков. «Единение и прогресс» назначил великим везиром египетского принца Мехмета Сайта Халим-пашу, ну а во избежание возможных неожиданностей министром внутренних дел стал сам Талаат. Так было положено начало диктатуры младотурок, а уставшая от потрясений страна наконец-то получила так необходимую ей передышку. Наученные горьким опытом постоянной борьбы за власть младотурки позаботились об укреплении своих позиций и значительно пересмотрели как свою экономическую, так и идейную доктрины. Взяв курс на усиление роли государства в развитии промышленности и сельского хозяйства, они приняли закон «О поощрении промышленности» и создали благоприятные условия для местного предпринимательства за счет отмены пошлин на ввозимые машины, предоставления земельных участков для промышленного строительства и обеспечения кредитов. Обратили они свои взоры и на раз-

витие капиталистических отношений в деревне, приняв законы о земельном кадастре, о порядке наследования недвижимого имущества и продаже государственных и вакуфных земель. Конечно, делалось все это крайне медленно и непоследовательно, но тем не менее делалось. Стремясь расчистить путь для национальной буржуазии, младотурки начали осуществлять политику жестоких репрессий против греческого и армянского населения. Эта политика проводилась «Особой организацией». Но ни к чему хорошему она не привела, поскольку заменить грамотных и знавших свое дело христиан оказалось не так-то просто. Триполитанская и Балканские войны окончательно разрушили иллюзии «османизма». После потери империей европейских владений арабы стали в ней второй по численности этнической группой. Не считаться с этим было нельзя, и младотуркам пришлось заговорить о связывающих их религиозных узах, продолжив пропаганду абдулхамидовского панисламизма. Ну а другой идеологической основой их национальной политики стал появившийся на основе идей молодого турецкого национализма Зии Гёкальпа пантюркизм. Как это ни печально, но именно эти идеи получили широкую популярность среди младотурок, и наиболее шовинистически настроенные из них развили их в пантюркистскую доктрину, требуя объединить все тюркоязычные народы под властью турецкого султана.

Не успели высохнуть чернила на лондонском мирном договоре, как обделенная при дележе османского пирога Союзниками Болгария открыла боевые действия против обидевших ее сербов и греков, и началась вторая Балканская война. В июле в нее вступила Румыния; явно не рассчитавшая свои силы Болгария оказалась между двух огней, и младотурки решили воспользоваться удобным случаем и вернуть Эдирне. Для империи это был во-

прос чести! Добрая половина кабинета министров, опасаясь втягивания в новую разорительную войну, высказалась против, но Энвер и Талаат были непреклонны, и турецкие войска вступили в Восточную Фракию! Болгары не сумели оказать даже слабого сопротивления, и жители древней столицы Османской империи розами и оливковыми ветвями встретили въехавшего в Эдирне на белом коне Энвера! Возвращение Эдирне вызвало в отвыкшей от военных триумфов стране бурный восторг, и ни о какой оппозиции «Единению и прогрессу» не могло быть и речи. И Кемалю оставалось только удивляться бесконечному везению этого человека, поскольку критиковать купавшегося в лучах славы Энвера после его очередного «подвига» было уже просто неприлично. Войдя в оставленный болгарями без единого выстрела город, он в какой уже раз сумел повернуть к себе фортуны и стать самым настоящим идолом, которому поклонялись и взрослые и дети!

Воспользовавшись передышкой, Кемаль, к великой своей радости, нашел мать и сестру целыми и невредимыми и поселил их в прекрасном доме с террасой на улице Акаретлер, рядом с дворцом Долмабахче. Вместе с ними он встретил и превратившуюся в прелестную шестнадцатилетнюю девушку Фикрие, и началась их так трагически закончившаяся для нее связь. Фикрие была мила, воспитанна и образованна, и тем не менее Кемаль куда больше времени проводил у дочерей военного врача итальянского происхождения Ферид-паши Корины и Эдит. Особенно близко он сошелся с Кориной, вдовой его погибшего на Балканах товарища Юмера Лютфи. Получив прекрасное образование, она великолепно знала итальянский и французский языки и в свое время окончила Парижскую консерваторию. Товарища мужа Корина приняла со всем радушием, на какое только была способна, и

пораженный ее изысканными манерами Кемаль увлекся ею с первого же взгляда. Да что там говорить, таких женщин у него еще не было, а все виденные им до сих пор настолько меркли в сравнении с блестящей Кориной, что ему было даже стыдно вспоминать о них. Да и сама Корина сразу же прониклась глубокой симпатией к молодому и выделявшемуся среди всех остальных офицеру. С присущими ей чутьем и проницательностью Корина видела в нем нового героя, и однажды, когда Кемаль покинул по делам службы званый вечер, она проводила его долгим внимательным взглядом и неожиданно для всех заявила: «Попомните мои слова, этот офицер еще заставит говорить о себе!»

Конечно, подсматривание в замочную скважину никогда не было в чести, но похоже, Кемалья связывали с Кориной не только общие интересы, и уже очень скоро они перешли ту хрупкую грань, за которой друзья превращаются в любовников. Но главное было даже не в той прелести, какую ему доставляло обладание великолепной Кориной, впервые в своей жизни Кемаль получил в ее лице именно тот образец европеизированной женщины, о которой мечтал. И вполне возможно, что в своей будущей жене он видел не что иное, как продолжение своей блестящей любовницы.

После победы над болгарами и разгрома оппозиции лидеры «Единения и прогресса» приступили к неизбежным в таких случаях разборкам. Три войны показали полную несостоятельность османской армии, и начались поиски виноватых! Впрочем, их особенно и не искали и всю вину за поражения османского оружия списали на верный султану офицерский корпус. Понимая, что изменения необходимы как воздух, Энвер не стал изобретать ничего нового и решил продолжить военную реформу с помощью все тех же немецких специалистов, доверив им ключевые позиции османской армии.

И снова Кемаль выступил против! Конечно, он понимал, что только своими силами им не справиться, и в то же время с нескрываемой тревогой следил за маневрами уже ставшего к этому времени народным героем Энвера. И он не зря тревожился! Стоило только Энверу заполучить кресло военного министра — и дорога наверх ему была заказана, хотя у него еще и оставалась весьма призрачная надежда на Али Фетхи, в доме которого он жил в то время. Полностью решив посвятить себя политике, тот ушел с военной службы и за заслуги перед движением был назначен генеральным секретарем исполнительного комитета «Единения и прогресса». Но и этим надеждам не суждено было сбыться! Из-за чрезмерно раздутого бюджета «Особой организации» Али Фетхи вступил в конфликт с Энвером, его положение осложнилось, и в конце концов Талаат предложил ему пост посла Османской империи в Софии. «Мы, — доверительно сообщил он ему, — должны уже в ближайшее время отобрать у Греции некоторые острова в Эгейском море, и твоя задача всячески настраивать Болгарию против нее!» Али Фетхи предложил Кемалю ехать с ним в качестве военного атташе, и после недолгого размышления тот согласился. Да и что ему еще оставалось делать! В столице все пути наверх были для него обрублены и бороться со стремительно набиравшим силу Энвером было бессмысленно! И все же Стамбул он покидал с грустью. Он оставлял в столице не только свои нереализованные амбиции, но и любивших его Фикрие и прекрасную Корину, которая как никто другой понимала его...

Глава 5

В Софии Кемаль намеревался остановиться в здании посольства, однако Али Фетхи был не расположен делить с ним жилище. И ему не осталось

ничего другого, как отправиться в великолепный «Гранд-отель», с его широкими светлыми комнатами, венской мебелью, китайским фарфором и известным на всю Софию уютным ресторанчиком, где часто обедали и пили кофе болгарские политики. Но там было слишком дорого, и после недолгого скитания по другим гостиницам он в конце концов снял квартиру в частном доме Густафа и Хильды Кристинаусов. И сразу же принялся за изучение немецкого языка. Общительная женщина оказалась прекрасной преподавательницей, и, к великому ее восторгу, Кемаль дарил ей при каждом свидании так любимые ею розы. Ну а после того, как Кемаль начал довольно сносно говорить по-немецки, он преподнес немке прекрасной работы турецкий ковер, и растроганная до слез Хильда с радостью приняла дорогой во всех отношениях подарок. Да и сам Кемаль был доволен, роль галантного офицера была ему явно по душе.

Высшее общество болгарской столицы уже успело забыть об ужасах недавних войн и вовсю предавалось танцам, интригам и флирту. И в турецком после и его атташе их извечные враги видели теперь европеизированных турок, пользовавшихся в болгарской столице большой популярностью. Кемаль принимал участие во всех сколько-нибудь выдающихся событиях, и уже очень скоро он стал завсегдаем знаменитого «Юнион-клуба», где собирались сливки общества. На одной из опер он был представлен самому королю Фердинанду, и тот даже поинтересовался его впечатлениями. Волочился он и за дамами, не забывая о своей прекрасной Корине. «Я получил ваше письмо вчера, — писал он ей, — и только одна мысль, что вы читаете его, помните обо мне и находите время, чтобы заниматься мною, делает меня счастливым...» И тем не менее со временем его письма Корине становились

все грустнее. «Я не знаю почему, — сообщал он своей подруге, — но мне невесело... я скучаю...»

Что это? Откровенное признание, мгновенная слабость или поза уставшего от жизни светского льва? Ни то и ни другое! И в конце концов Кемаль откровенно объяснил Корине причину своей постоянной грусти. «У меня есть амбиции, — отбросив всякую условность, писал он, — но они ни в коей мере не касаются ни хорошей карьеры, ни денег. Я ищу реализации моих амбиций в успехе великой идеи, которая касается моей страны, и только служение родине может дать мне чувство глубокого удовлетворения исполненного долга. Именно это стало принципом всей моей жизни. И пока я молод и полон сил, я исполню свой долг и буду верен ему до самой смерти...»

Да, все это было именно так, но после того, как военным министром стал произведенный в бригадные генералы Энвер, ему уже не на что было надеяться! «Конечно, — говорил Кемаль Али Фетхи, — Энверу не откажешь в энергии и воле, но ему не хватает мудрости! И если бы начальником генерального штаба он назначил меня, дела у нас пошли бы!» Конечно, он лукавил, и, вспоминая их недавнюю работу в Африке, нетрудно себе представить, во что превратилось бы их сотрудничество! Впрочем, Энвер и не собирался приглашать Кемалья и назначил своим помощником одного из самых блестящих выпускников военной школы Хафызз Хаккы. Не удивился Кемаль и назначению морским министром тоже произведенного в генералы Джемалья. И теперь разве что слепой не мог видеть того, что вся власть в стране была сосредоточена в руках «триумvirата»: военного министра Энвера, министра внутренних дел и председателя ЦК «Единения и прогресса» Талаата и морского министра и военного губернатора столицы Джемалья. Ну а первую скрипку в этом далеко не музыкальном «трио» на-

чинал играть Энвер. И даже при всей своей антипатии к обошедшим его на одном из самых крутых виражей истории людям Кемаль не мог не признать: эта далеко не святая троица как нельзя лучше дополняла друг друга. Прекрасный тактик и мастер политической игры Талаат, энергичный, всегда готовый к действию Энвер и безжалостный к врагам Джемаль были способны на многое. Как на хорошее, так и на плохое!

Назначение Энвера военным министром не добавило ему оптимизма, и ничего хорошего для себя Кемаль не ждал: При всей своей дальновидности он вряд ли забыл их битвы в Триполитании. Да и зачем он ему нужен? Критиковать и при каждом удобном случае доказывать свое превосходство? И все же в глубине души он отдавал ему должное. Каким бы случайным человеком в кресле военного министра Энвер ни был, он сразу же принялся за военные реформы. Он был в восторге от силы и эффективности германской военной машины и теперь пытался внедрить ее методы в пребывавшую в полном упадке после Балканских войн османскую армию. Убивало Кемаля другое! Возглавивший немецкую военную миссию Лиман фон Сандерс принялся внедрять своих людей в военное министерство и генеральный штаб. Делал он это с благословения Энвера, и патриотически настроенным офицерам пришлось на какое-то время забыть о своей гордости и всячески помогать немцам. Армия быстро преобразалась, ее годовой бюджет увеличился вдвое, в Европе закупалась амуниция, был приведен в порядок Имперский арсенал, и в срочном порядке модернизированы работавшие на оборону фабрики. Старые офицеры отправлялись в отставку, и им на смену шла способная молодежь. Давно мечтавший об омоложении офицерского корпуса Кемаль был до того обрадован этим событием, что послал Энверу свои поздравления. И как

говорили, Энвер был весьма польщен похвалой всегда рубившего правду Кемалья и даже просил своего дядю Халиля показать его письмо всем видным деятелям «Единения и прогресса». Новый военный министр всячески поощрял инициативных офицеров и стремился возродить в офицерской среде ту самую атмосферу доверия, которой им так не хватало на войне!

Не остался без внимания и военно-морской флот. Было реорганизовано морское министерство, и на верфях Самсуна, Измира, Бейрута и Басры вовсю шло строительство военных кораблей. Тем не менее начинавшие себя чувствовать гостями в собственном доме османские офицеры роптали при виде немецкого засилья, и их отношения с германскими специалистами оставляли желать много лучшего. Не нравилось это самое засилье и Кемалю. Общаясь по роду службы с высшими офицерами многих стран, он прекрасно знал о желании немцев подчинить себе османскую армию и заваливал Энвера шифровкой с требованием прекратить подобную практику. Шел 1914 год, и то рвение, с каким Германия взялась за реорганизацию османской армии, предельно ясно говорило о желании немцев использовать ее на своей стороне в будущих сражениях. И уже очень скоро работавший в разведывательном управлении генерального штаба Кязым Карабекир предупредил Кемалья о все возрастающем в отношении него раздражении, с каким воспринимались его послания немецкими офицерами. На что Кемаль со свойственной ему прямоотой заявил, что подобную информацию он предоставляет, руководствуясь чувством долга, а реакция немцев его мало волнует!

Кемаль продолжал светскую жизнь. Правда, теперь он не только ходил по балам, но и установил тесные отношения с проживающими в Болгарии влиятельными турками, а затем объехал турецкие

поселения. К его удивлению, уровень жизни в них был очень высоким. Болгарские турки успешно занимались коммерцией и торговлей. Да что там торговля! Недалеко от Плевны у них были свои собственные промышленные предприятия! Во всех селениях имелись школы, и Кемаля встречали веселые и спокойные дети. Местные турецкие женщины были куда раскрепощеннее своих живших в Турции соотечественниц и совершенно спокойно ходили по улицам без паранджи. Он внимательно следил за работой болгарского парламента, в котором заседало 17 турок, и установил тесные отношения с группой македонских турок, переселившихся в Болгарию после второй Балканской войны, помогая им деньгами из секретных фондов своей миссии. И Болгария все больше и больше удивляла его. Совсем еще недавно провинциальная София словно по мановению волшебной палочки превратилась в современный европейский город и вызывала неподдельное восхищение всех попадавших сюда.

«Страна, — восторженно восклицал его приятель Али Фетхи, — в которой я был послом, всего пятьдесят лет назад была самой обыкновенной имперской провинцией. И для нас, прекрасно помнивших все то, что было совсем недавно, подобное превращение выглядело потрясающим!»

Но у Кемаля великолепная София вызывала не только восхищение и вполне понятную зависть, но и желание добиться того же самого у себя на родине! Удивительное превращение болгарской столицы заставило его обратить еще более пристальное внимание на развитие болгарского общества, и уже очень скоро он пришел к выводу, что во многом этот подъем был обязан большому количеству народных учителей. Вывод напрашивался сам собой, и, видимо, уже тогда он раз и навсегда поставил знак равенства между культурой и цивилизацией, принимая следствие за причину со всеми вытека-

ющими отсюда последствиями. И весьма характерна в этом отношении следующая история. Как-то раз в опере он был настолько восхищен мастерством певцов, что даже поинтересовался, какой они нации. А когда узнал, что болгары, воскликнул: «Теперь я понимаю, почему они выиграли войну!» Впрочем, подобные мысли занимали не одного Кемалья, и практически все патриотически настроенные офицеры задумывались о будущем своей собственной страны.

История Великой французской революции, полнейшая отсталость собственной страны, нарождавшийся турецкий национализм, пример Болгарии и блестящая западная жизнь — все это лишний раз убеждало Кемалья в том, что спасение его родины только в ее скорейшем вхождении в мировую цивилизацию! И когда один из высокопоставленных чиновников посольства выразил свое неудовольствие тем, что военный атташе разгуливает по Софии не в феске, а в шляпе, взбешенный подобной дикостью Кемаль навсегда отбил у него желание делать ему подобные замечания! Правда, сразу же после этого он появился на костюмированном балу в военном клубе, на котором присутствовал сам король Фердинанд, в... форме янычара, специально для этого знаменательного случая присланной ему из стамбульского военного музея по разрешению Энвера.

Появление турецкого офицера в столь экстравагантном одеянии произвело настоящий фурор, и польщенный вниманием Кемаль целый вечер рассказывал... о былых победах империи!

На маскараде он познакомился с дочерью военного министра генерала Ковачева Димитриной, и прелестная девушка не осталась равнодушной к ухаживаниям молодого офицера. Кемаль стал посещать ее дом и, удачно сочетая приятное с полезным, завязывал знакомства с сильными мира сего

и продолжал шлифовать свое воспитание. И дошлифовал его до того, что сделал Димитрине предложение! И хотя брак не состоялся, Димитрина долго не забывала стремительно вошедшего в ее жизнь турецкого офицера с такими удивительными голубыми глазами, менявшими свой цвет в зависимости от испытываемых им чувств. В конце Первой мировой войны она даже собиралась встретиться с ним в Стамбуле, но события на фронте помешали ее визиту...

Вскоре Кемаль получил звание подполковника. Конечно, он был доволен, но что значило это скромное звание по сравнению с генеральскими эполетами Энвера! Так, пыль... В 1913 году в августе в Софии побывал Талаат и попытался уговорить болгар выступить в войне на стороне центральных держав и Османской империи. Но, как и предсказывал Кемаль, все его уговоры ничем не кончились. Болгария не спешила с вступлением в какой-нибудь военный блок, и тем не менее Талаат попросил его оказывать постоянное давление на болгарские политические и военные круги и постараться не только втянуть Болгарию в войну, но и добиться от ее правительства поставки оружия и боеприпасов для турецкой армии. Это была невыполнимая задача, и обеспокоенный печальными перспективами Кемаль написал Энверу докладную. После катастрофических поражений в Балканских войнах, убеждал он военного министра, Турция больше всех остальных нуждалась в мире и доведении военных реформ до конца. А посему, писал он, надо не спешить с заключением каких-либо союзов, а внимательно наблюдать за развитием событий. Кемаль вовсе не был убежден в безоговорочной победе Германии в будущей войне и считал, что в случае ее поражения Турция потеряет все! Но если даже произойдет чудо и Германия победит, то Турции, предупреждал он, лучше не станет! Она просто-напросто превратит-

ся в ее сателлита! Он был не одинок в своих опасениях, большинство министров склонялись к союзу с Антантой, а Лиман фон Сандерс и вовсе считал, что «большинство турецких политиков было настроено в пользу поддержания нейтралитета». К сожалению для страны, сам Энвер думал иначе. Он был уверен в превосходстве немецкого оружия и не сомневался в победе! К тому же он буквально бредил в то время созданием «Великого Турана» с его огромными территориями в Азии и Африке, благо что сам германский кайзер разделял его идеи.

28 июня 1914 года в Сараеве раздался роковой выстрел, и для связанной с Германией секретным союзом Османской империи начались новые испытания. Для Кемалья наступили трудные времена. Да, он был против войны на стороне Германии, но теперь, когда шла война, он уже не мог оставаться спокойным наблюдателем. Он солдат, и его место было в действующей армии! Но похоже, о нем напрочь позабыли в Стамбуле даже в эти трудные для страны дни, когда на счету был каждый офицер. Не выдержав томительного ожидания, он сам напомнил о себе Энверу, и тот с издевательской вежливостью ответил ему: «В армии всегда найдутся для вас места, но вы принесете гораздо больше пользы в той должности, какую занимаете сейчас». — «Если вы не хотите использовать меня в качестве высшего офицера, — заявил оскорбленный Кемаль, — скажите мне об этом прямо, и я буду знать, что мне делать!» Однако занятый кавказскими делами Энвер вообще не удостоил его ответом. В декабре он сам повел Третью армию в контрнаступление, намереваясь перерезать русские коммуникации и занять их главную базу в Карсе, и недостаточно модернизированная османская армия потерпела жесточайшее поражение под Сарыкамышем.

Узнав о сарыкамышской катастрофе, Кемаль не удивился. Ничего другого от человека, никогда не

командовавшего даже батальоном, он не ожидал. Война с мощной русской армией даже отдаленно не напоминала похода на Порту и требовала не только энтузиазма и смелости, но прежде всего выдержки и знаний! Да и Кавказ с его жестокой зимой мало чем напоминал собою знойную Триполитанию с ленивыми итальянцами и брошенный болгарами на произвол судьбы Эдирне! Он принялся бомбить военное министерство бесконечными телеграммами и каждый раз натыкался на все ту же глухую стену! И тогда он решил самовольно покинуть болгарскую столицу! А что ему еще оставалось? Все его просьбы направить его в действующую армию повисали в воздухе, а сидеть и ждать у моря погоды, в то время как его братья по оружию проливали кровь, у него уже не было сил. Да и не хотел он больше никуда опаздывать! Однажды он уже опоздал, и хорошо знал цену этим опозданиям! Но в ту самую минуту, когда он уже начал укладывать чемоданы, из столицы пришла столь долгожданная телеграмма с приказом явиться в военное министерство! И надо ли говорить, с какой радостью Кемаль поспешил в Стамбул. Еще бы ему не радоваться! Стоявшая перед ним глухая стена была пробита, и у него наконец-то появилась блестящая возможность заявить о себе уже по-настоящему...

Глава 6

Первым, с кем он встретился в военном министерстве, был сам Энвер. Главнокомандующий был явно не в своей тарелке. «Вы выглядите усталым!» — невольно вырвалось у Кемалья. «Ничего особенного!» — поморщился Энвер. «Как дела на фронтах?» — поинтересовался Кемаль. «Воюем!» — последовал краткий ответ. Энвер был явно не расположен продолжать беседу и, сообщив Кемалю о его назначении коман-

диром входившей в состав Пятой армии Девятнадцатой дивизии, тут же распрощался с ним. Кемаль поспешил на Галлиполийский полуостров, где находилась Пятая армия, но, как уже очень скоро выяснилось, радовался он рано. В штабе никто не слышал ни о какой Девятнадцатой дивизии, и только после долгих переговоров с генеральным штабом выяснилось, что такую дивизию на самом деле собирались создать, но почему-то так и не создали! Как видно, Энвер остался верен себе и в очередной раз решил проверить его нервы таким незуитским способом! Свое раздражение Кемаль сорвал на командующем армией, и на вопрос Лимана фон Сандерса, почему правители Болгарии не спешат вступать в войну, он и не подумал кривить душой. «Только потому, — пожал он плечами, — что в Софии не верят в вашу победу!» — «Ну а вы сами?» — с нескрываемой иронией прищурился генерал. «Я тоже! — последовал бесстрастный ответ. — И поражение на Марне является лучшим подтверждением моего неверия!»

Фон Сандерс с изумлением смотрел на Кемалья и никак не мог понять, что скрывается за его римской прямоотой: бравада или полное непонимание того, с кем он говорит. Ведь именно от него зависела сейчас судьба этого наглого подполковника, и при желании он мог загнать его в какую-нибудь дыру, но мог и оставить в штабе, где у него было не так уж много офицеров с академическим образованием. Он остановился на первом, и можно было понять разочарование Кемалья, когда, вместо обещанной ему Энвером дивизии, он получил всего-навсего полк. Но обиды обидами, а жизнь продолжалась, и Кемаль поспешил в свой полк.

Стоял солнечный день, и блестящий словно клинок пролив медленно катил свои воды мимо повидавших исторические виды берегов! Когда-то по ним проходили в Малую Азию отряды спешивших освободить Гроб Господень крестоносцев. От-

сюда переправлял в Европу свои войска Мехмед II. Здесь располагался один из самых крупных невольничьих рынков, где торговали захваченными в плен запорожцами. И вместе с Босфором эти самые Дарданеллы на протяжении многих веков являлись важными стратегическими пунктами, вокруг которых и по сей день крутилась не только европейская, но и мировая политика. С незапамятных времен в зоне Проливов торговали и воевали. Кемаль грустно усмехнулся: теперь придется повоевать на этих знаменитых берегах и ему, и кто знает, не запомнят ли они и его, как запомнили переплывавшего узкий пролив Байрона...

Начальный план англичан на проведение морской операции по захвату Стамбула провалился, и теперь они собирались взять его с помощью десанта. И когда ранним утром 25 апреля высадившиеся в Кумкале отряды пошли на штурм открывавших дорогу на Стамбул высот, Кемаль оказался на направлении главного удара. К своему великому негодованию, он сразу же наткнулся на отступавших в панике солдат. «Почему вы бежите?» — грозно спросил он. «Там враги!» — махнул рукой в сторону холма рослый сержант в разорванной во многих местах одежде. «И где же они?» — недобро прищурился Кемаль. «Повсюду!» — хором ответили ему солдаты. «И, спасая свои драгоценные жизни, — окатил их презрительным взглядом своих удивительно посветлевших глаз Кемаль, — вы решили предоставить почетное право умирать другим?» — «Но у нас нет патрон!» — в отчаянии развел руками все тот же сержант. «Зато у вас есть штыки!» — отрезал Кемаль и приказал занять оборону. «Я не приказываю вам атаковать, — обратился к солдатам Кемаль. — Я приказываю вам умереть! Я не думаю, что среди вас найдутся люди, которые не предпочтут смерть тому позору, какой все мы испытали во время Балканских войн! Но если таковые все же

найдутся, то они будут незамедлительно расстреляны!» Жестоко? Наверное! Но что делать, на войне как на войне, и подобные обращения действовали куда сильнее самых напыщенных речей!

Полк выполнил приказ своего командира: противник был отбит, а большинство его солдат погибли в жестоких боях. Встревоженный фон Сандерс сразу же дал ему еще два полка, и пусть таким образом, но Кемаль все же стал командиром уже реально существовавшей Девятнадцатой дивизии! Но радовался он рано, поскольку один из полков почти полностью состоял из... не желавших воевать арабов! Он потребовал заменить их на турок и получил твердый отказ. Кемаль был взбешен: ни арабы, ни стоявшие на всех ключевых позициях немецкие офицеры не внушали ему доверия, и он даже не сомневался в том, что никто из этих в общем-то случайных людей не будет драться по-настоящему. И не ошибся. Уже на следующий день арабы покинули позиции, и он оказался в критической ситуации. Но даже сейчас его солдаты стояли насмерть, и ему не только удалось отстоять свои позиции, но и провести успешную контратаку. За этот подвиг многие бойцы получили награды, а сам Кемаль был награжден орденом.

Однако ни полученный им орден, ни прекрасно организованная оборона не гарантировали ему хорошего отношения со стороны невзлюбившего его командующего. Не думал заискивать перед ним и сам Кемаль, и когда Лиман фон Сандерс решил усилить контроль над непокорным подполковником и заменить его начальника штаба на одного из своих офицеров, разразился самый настоящий скандал. Кемаль не шел ни на какие компромиссы, и, дабы наказать его, немцы просто-напросто перестали обращать внимание на его требования усилить занимаемую его дивизией позицию. Не помогли и его многочисленные рапорты в военное

министерство и генеральный штаб с царившими в них неразберихой и интригами. И тогда Кемаль обратился к самому Энверу. «Как я уже ранее докладывал Вам, — писал он в шифровке, — оборона порученного мне участка имеет очень важное значение, и принятые мною меры помогли остановить противника. Однако Лиман фон Сандерс, не имея ни малейшего представления ни о нашей армии, ни о стране, даже не потрудился как следует ознакомиться с ситуацией. В результате чего диспозиции сильно ослаблены и противник легко может прорвать их. Союзники уже высадили на самом слабом направлении четыре бригады. Но когда я предложил командующему опередить противника и провести мощную контратаку, тот отказался, позволив тем самым противнику наращивать силы. Все наши неуспехи я объясняю только непониманием обстановки и полным невежеством немецкого штаба, и я убедительно прошу Вас не уповать на военное мышление немецких специалистов во главе с фон Сандерсом, для которых понятие защиты нашей родины остается пустым звуком, и очень надеюсь на то, что Вы приедете к нам и на месте разберетесь с требованиями обстановки!»

В ожидании Энвера Лиман фон Сандерс попытался надавить на строптивного комдива с помощью известного османского генерала, но тот наотрез отказался. «Всеми нашими успехами в обороне, — заявил он, — мы обязаны героизму Кемалья и его людей!» Тогда немецкий генерал пошел на откровенную подлость и накануне приезда Энвера приказал Кемалю провести задуманную им контратаку... одному! И тому не оставалось ничего другого, как ввязаться в тяжелейший бой и потерпеть неудачу.

Явившийся в сопровождении подполковника Исмета и целой свиты блестящих адъютантов Энвер в довольно жесткой форме приказал ему не за-

ниматься самодеятельностью и исполнять приказы фон Сандерса! А чтобы еще сильнее унижить Кемалю, он устроил ему публичную порку! Выстроив подчиненные ему полки, Энвер произнес пламенную речь, в которой благодарил солдат за храбрость и всю вину за неудавшуюся контратаку свалил на их командира! И хотя всем было ясно, кто являлся истинным виновником поражения, никто не осмелился возразить всемогущему диктатору. Никто, кроме самого Кемалю, у которого лопнуло его и без того небесконечное терпение. Взбешенный подлостью немцев и упрямством Энвера, он ответил дерзостью, и кто знает, чем бы закончились их препирательства, если бы противник снова не пошел в наступление.

На этот раз атаки продолжались несколько суток, и только ценой невероятного мужества и огромных потерь Кемалю удалось выстоять в этом крошечном аду. И каково же было его удивление, когда он совершенно неожиданно для себя получил из рук фон Сандерса... Железный крест! И кто знает, не стремился ли тот, представляя своего неуправляемого полковника к этой награде, не только поощрить Кемалю, но и в какой-то степени подкупить его.

Но куда там! Кемалю по-прежнему доверял только своим людям, да и не могло у него быть никаких компромиссов после той бездарной контратаки, в которой погибло столько его солдат! Противник успокоился всего на два дня, и за это время Кемалю сумел похоронить погибших. Похороны произвели тягостное впечатление на его бойцов, но когда уже на следующий день Кемалю пошел в контратаку и с ходу завладел важной высотой, он с радостью убедился в том, что боевой дух его верных «мехметчиков», как стали называть турецких солдат, не сломлен! «С тех самых пор, — писал он своей обожаемой Корине, — как удача стала сопутствовать

мне, я твердо верю в то, что она больше никогда не отвернется от меня! И не надо удивляться тому, что мое имя еще мало кому известно. Да, я получил звание полковника, еще одну медаль от султана и орден Святого Александра от болгар, но тем не менее предпочитаю прославлять своих солдат! И вы должны знать, что именно ваш друг руководит теми самыми битвами, в которых турецкие войны покрывают себя славой! И на мое счастье, мои солдаты куда храбрее и настойчивее врага. Но самое удивительное заключается в том, что их внутренняя вера настолько велика, что они с легкостью исполняют самые жестокие приказы, посылающие их на верную смерть. И на это у них есть две причины: вера в победу и оправданное мученичество. Они верят в то, что после смерти гурии будут вечно ублажать их!»

Он много писал Корине и в беседах с ней видел не только отдушину от страшного нервного и физического напряжения. Через свою вхожую во многие дома подругу он хотел как можно больше знать о раскладе политических сил в столице и царившей там атмосфере. Несмотря на все свои трения с Энвером, он не оставил надежды на восхождение, и трамплином на самый верх должен был стать тот самый Галлиполийский полуостров, который он так отчаянно защищал. И конечно, он очень надеялся на то, что уже очень скоро благодарная столица будет встречать его после победы над Союзниками точно так же, как совсем еще недавно она встречала Энвера! И, говоря откровенно, он был достоин такой встречи! Несмотря на кровопролитные бои, Кемаль и не думал отступать. Он успевал повсюду и там, где другие валились от усталости, продолжал как ни в чем не бывало бить англичан. Атаки сменялись контратаками, и за каждую высоту, за каждый уже так обильно политый солдатской кровью клочок земли шли ожесточенные схватки.

Вдобавок ко всему стояла страшная жара, и люди буквально задыхались от постоянно их мучившей жажды.

Тем временем Союзники получили подкрепление, и Кемаль потребовал у фон Сандерса усилить его дивизию. К его несказанному удивлению, на этот раз тот даже и не подумал спорить. Но радовался Кемаль рано. Вслед за направленными в его дивизию свежими частями фон Сандерс расширил до немыслимых размеров участок вверенной ему обороны. Кемаль снова вступил в жестокую схватку с командующим и, так и не сумев переубедить немца, официально заявил, что не сможет выполнить поставленную перед ним задачу. Выведенный из себя фон Сандерс сообщил Энверу о нежелании командира Девятнадцатой дивизии выполнять его приказы, и через день отдел кадров военного министерства запросил Кемалья, готов ли он отправиться в Триполитанию в роли командующего армией. Прекрасно понимая, откуда дует ветер, Кемаль только покачал головой и своих нападков на командующего не прекратил. И кто знает, чем бы закончилась вся эта эпопея, если бы в самый разгар скандала к Кемалю не пожаловала делегация «Единения и прогресса» во главе с самим Талаат-пашой. Многие офицеры восприняли этот визит как знак признательности самому талантливому османскому военачальнику, и неслучайно та самая линия обороны, из-за которой и вспыхнул конфликт, была сразу же сокращена. Ну а вовремя предупрежденный разведкой Кемаль принял отчаянное решение опередить готовившихся к атаке британцев, и блестяще проведенная им вылазка на несколько дней отбила у тех охоту пробовать свои силы на его участке.

В августе 1915 года британские войска получили очередное подкрепление и собирались высадиться на побережье залива Анафарты и перерезать северо-

западные коммуникации турецкой армии, связывающие ее со Стамбулом. Положение было настолько серьезным, что прекрасно понимавший всю значимость Кемалья для обороны Энвер назначил его командиром Шестнадцатого корпуса. Да и Лиман фон Сандерс поубавил свой пыл. Вражда враждою, а терпеть поражение ему не хотелось. Ведь и над ним стояло начальство, и в случае неудачи оно вряд ли бы стало вникать в детали его дразг с турецким полковником. И в связи с этим весьма интересна данная немецким генералом Кемалю характеристика в его мемуарах. «Мустафа Кемаль, — вспоминал он, — впервые заставивший говорить о себе во время его успешных действий в Триполитании, являл собою волевого и настойчивого в своих начинаниях командира. Именно он взял на себя инициативу 25 апреля и, отразив со своей дивизией рвавшегося к Стамбулу врага, в течение трех последующих месяцев успешно сдерживал яростные атаки противника. И я верил в его энергию и решительность».

Отзыв и на самом деле прекрасный, но не надо забывать, что эти мемуары были написаны уже после того, как Кемаль стал тем, кем он стал, и любая критика прославленного полководца не добавила бы немецкому генералу популярности.

Да и сам Энвер при всей своей антипатии к Кемалю не мог не ценить его. Ведь при желании он мог загнать Кемалья куда угодно, и никто никогда бы не вспомнил о нем. Да и какая, если говорить откровенно, могла быть вражда между главнокомандующим и каким-то полковником! И тем не менее... Что же касается Кемалья, то он остался верным себе и на этот раз и, едва узнав о своем новом назначении, тут же потребовал подчинить ему все войска, находившиеся севернее Арыбурну. После недолгих размышлений Лиман фон Сандерс согласился.

Отлично организованная и боеспособная группа пировка Кемалья разительно отличалась от других соединений, и ее сразу же стали называть «Группой Анафарталар». И все же поначалу Союзникам удалось потеснить турецкие войска. «Я жил, — вспоминал позже Кемаль, — всего в трехстах метрах от линии фронта и постоянно ощущал отвратительный трупный запах». Тем не менее он сумел отбить атаки и стал готовиться к решающим боям, продолжая терзать штаб фон Сандерса своими требованиями. Но тому было уже не до него! Вместо усиления обороны, он был всецело занят укреплением своих собственных позиций, поскольку начальник немецкого генерального штаба фон Фолькенхайн решил поставить на его место оказавшегося не у дел престарелого фон дер Гольца. Замер в ожидании и его штаб, и такое пренебрежение к общему делу еще больше осложнило отношения между османскими и немецкими офицерами.

Тем временем Союзники готовились к решающему штурму, и каждую ночь английские корабли подвозили свежие войска для штурма открывавших дорогу на Стамбул высот. Как и предполагал Кемаль, его войска снова оказались на направлении главного удара, и его отчаянное положение с первого же дня боев осложнилось еще и тем, что один его помощник был смертельно ранен, а другой попал в госпиталь с дизентерией. И для всех так и осталось загадкой, как он успевал появляться на самых напряженных участках обороны и руководить ею! Но Кемаль не хотел только обороняться и намеревался вернуть захваченную высоту. И сделать это было можно только ценою новых потерь, поскольку противник не жалел снарядов, а его солдаты были измотаны до предела. «Все мы устали, — сказал им в своем обращении Кемаль, — но у всех нас есть тот самый нестигаемый дух, который помогает нам преодолевать усталость и идти вперед!

И я уже не приказываю, а прошу вас умереть, но отбить высоту!» После того как артиллерия начала массированный обстрел высоты, Кемаль сам повел своих солдат в атаку. На них обрушился целый град пуль, и мало кто из бойцов сомневался в том, что это был последний подвиг их отчаянного командира. Конечно, он должен был погибнуть, поскольку одна из пуль попала-таки в него. Но по счастливой случайности она попала в часы, и Кемаль даже не был контужен.

Удар турок был настолько мощен, что британцы не выдержали и начали отступать, и от полного разгрома их спасли только пушки стоявших на рейде английских кораблей. Взбешенный сэр Гамильтон потребовал повторить атаку и вернуть высоту, но ничего, кроме новых жертв, она не принесла. Ну а вошедший во вкус Кемаль не только успешно держал свою практически непробиваемую оборону, но и достаточно удачно контратаковал. Тем не менее воевать с каждым днем становилось все труднее, и виною тому были отнюдь не англичане. Именно в эти дни до крайности обострились отношения Кемалья с фон Сандерсом и его окружением. В довершение ко всему Кемаль заболел малярией, и после того, как приехавший с инспекцией на полуостров Энвер не удостоил его своим посещением, он написал прошение об отставке. Фон Сандерс убедительно просил через штабных офицеров не делать этого, но раздраженный и усталый Кемаль даже не стал говорить на эту тему! Впрочем, дело было не только в его нежелании воевать под началом осточертевшего ему немецкого генерала. Уже понимая, что на Галлиполийском полуострове все кончено и новых лавров ему на нем не добыть, он очень хотел возглавить одну из сражавшихся в Македонии вместе с болгарами армий.

«Противник обескровлен, — писал он другу детства Салиху, — и отсюда родине ничто больше не

грозит! Единственное, чего я хочу, так это по-настоящему служить стране! И я очень озабочен своим будущим...» Фон Сандерс обратился к Энверу, и тот послал Кемалю весьма интересную телеграмму. «С прискорбием услышал о Вашей болезни, — писал он. — Занятый множеством дел, я не смог посетить Вас во время поездки на Галлиполийский полуостров. Я очень надеюсь на Ваше скорейшее выздоровление и на продолжение исполнения Ваших обязанностей с тем же успехом, с каким Вы делали это до сих пор!» Что и говорить, бальзам на раны всегда приятен, и все же Дарданеллы были для Кемалю уже пройденным этапом, и оставаться на полуострове он не собирался. «Благодарю Вас за участие, — ответил он Энверу, — и выражаю твердую уверенность в том, что с Вашей помощью я смогу еще принести пользу во главе войск в других самых нужных местах!»

Это самое «в других» очень не понравилось Энверу, и он предложил Кемалю принять командование войсками в Месопотамии. Кемаль согласился, но вместе с должностью командующего фронтом потребовал место генерал-губернатора Ирака и право на формирование штаба по своему собственному усмотрению. И снова это «собственное усмотрение» подействовало на Энвера как красная тряпка на быка. Он вообще перестал говорить на эту тему и в конце концов поручил командование войсками в Африке все еще остававшемуся не у дел престарелому маршалу фон дер Гольтцу.

В конце октября Энвер снова прибыл на Дарданеллы, и именно тогда в штабе фон Сандерса был разыгран последний акт драмы с отставкой Кемалю. И стоило только выступившему на военном совете фон Сандерсу потребовать выдвижения Второй армии из Фракии в Салоники, где после вступления Болгарии в войну высадились Союзники, как он со свойственным ему знанием дела подверг этот

план уничтожающей критике. В конце совета он сел на своего любимого конька и обрушился на всех немецких военных специалистов. Фон Сандерс был так разъярен, что не мог даже говорить, и ни о какой дальнейшей совместной работе с Кемалем не могло быть уже и речи. Да и какая там могла быть еще работа, если все больше бравших пример с командира Шестнадцатого корпуса османских офицеров не желали выполнять приказы немцев и постоянно вступали с ними в пререкания. Но даже сейчас прекрасно понимавший, что ситуация на полуострове может измениться в любую минуту, Энвер не спешил с отставкой и заставил фон Сандерса предоставить Кемалю отпуск по болезни. Через неделю Кемаль передал командование корпусом генералу Февзи, и, к счастью для страны, тому уже не пришлось переживать выпавший на долю Кемалья и его солдат ад.

Не выдержавшие галлиполийской мясорубки англичане начали эвакуацию, и уже очень скоро тяжело переваливавшийся на свежей волне «Принц Джордж» увез с полуострова последних британских солдат. Столица была спасена, и империя смогла вздохнуть с облегчением. Так была дописана одна из самых славных страниц в жизни Кемалья и военной истории Турции. Победа на Дарданеллах вызвала огромный подъем среди населения, и надо ли говорить, с какими чувствами спешил Кемаль в столицу, надеясь на восторженный прием, интервью журналистов и высокое назначение...

Глава 7

Но, увы, не было ни оркестров, ни торжественной встречи, ни журналистов, и у обиженного до глубины души Кемалья создалось впечатление, что в столицу приехал не ее спаситель, а никому не известный

торговец овощами! В спасенном им городе никто даже не знал его имени! Впрочем, что удивительно-го! У империи был только один герой — Энвер! И пока он правил бал, ни одно издание не посмело даже заикнуться о победах его недруга! А на состоявшихся уже очень скоро в столице торжествах в честь победы на Дарданеллах Энвер окончательно добил строптивного полковника. В своей приветственной речи он даже не упомянул о Кемале, словно его там и не было, зато султан был объявлен Гази — воином за веру! И этот самый воин за веру, отмечая в своем указе особо отличившихся на Дарданеллах, тоже почему-то забыл о главном виновнике торжества!

Правда, один военный журнал опубликовал-таки статью о шести героически погибших офицерах из знаменитой «Группы Анафарталар». Но по странному стечению обстоятельств имени командовавшего этой группой полковника он так и не упомянул. И только в 1918 году журнал «Новый обзор» в связи с трехлетней годовщиной победы на Дарданеллах впервые описал совершенные Кемалем подвиги, и страна наконец узнала имя истинного героя тех событий.

Но все это будет потом, а пока Кемаль выдавал желаемое за действительное и писал своему начальнику штаба Иззеттину об оказанном ему в Стамбуле торжественном приеме! Понимая, что прямым штурмом возведенные против него Энвером бастионы ему не пробить, Кемаль решил обойти их с тыла и попытался сойтись с ведущими политиками и с их помощью получить высокую командную должность в Македонии. Но и здесь его ждало полное разочарование. Никто не хотел хлопотать за мятежного полковника и ссориться из-за него со всемогущим диктатором! А один из влиятельных членов «Единения и прогресса» Халиль, едва он заговорил на эту тему, сразу же посоветовал обратиться с этим вопросом к военным. И Кемаль не выдержал. «Не-

ужели вы серьезно полагаете, — с нескрываемой иронией воскликнул он, — что я найду с ними общий язык? Можно подумать, что вам неизвестно, что эта страна с некоторых пор управляется немецким генеральным штабом, первейшей обязанностью которого является унижение таких офицеров, как я?» Не пожелавший отвечать на столь провокационный вопрос Халиль только пожал плечами, и Кемаль отправился... в военное ведомство. Эмоции эмоциями, а должность выбивать было надо. Но и там его ждала все та же глухая стена отчуждения. Да, его знали и ценили, но добиваться назначения на какой-либо значительный пост человека, не ладившего с самым могущественным лицом империи, не пожелал никто! И будь он хоть трижды героем Дарданелл, своя голова была дороже!

Единственное, в чем обивавший пороги высоких кабинетов Кемаль не испытывал недостатка, так это в советах! И везде ему советовали одно и то же: не лезть на рожон и научиться подчиняться! Кемаль только морщился. Хорошо им, сидя в теплых и светлых кабинетах, не лезть на рожон! Посмотрел бы он на всех этих умных людей там, в окопах, где рвались снаряды и каждый день уносил сотни жизней из-за тупости высшего командования! Впрочем, им никогда не понять друг друга! Они играли совсем в другие игры, вызывавшие у боевого генерала только презрение. И все чаще у него создавалось впечатление, что для всей этой занятой «своими делами» чиновничьей массы война представляла нечто ирреальное, настолько они были далеки от нее.

Устав от бесплодных скитаний и отчаявшись пробить окружающую его стену, он стал подумывать о возвращении на Галлиполийский полуостров. Но стоило ему только заикнуться об этом, как знаменитая «Группа Анафарталар» была тут же распущена, а его непобедимый Шестнадцатый корпус возглавил немецкий полковник. Вконец расстроен-

ный, он махнул на все рукой и, воспользовавшись вынужденным бездельем, уехал в Софию, где ему было необходимо доделать кое-какие дела. Но в болгарской столице ему стало еще хуже. Каждый считал своим долгом спросить, почему он не в армии, в конце концов Кемаль стал избегать встреч со знакомыми и проводил время в уединенных кафе. Он пил раки, курил и... продолжал предаваться мрачным размышлениям. Оно и понятно! Шла война, и гибли его соотечественники, а он, боевой и заслуженный офицер, оставался не у дел!

И все же Энвер не забыл о нем, и в одно прекрасное утро Кемаль с превеликой радостью узнал о своем назначении командиром... переведенного в Эдирне Шестнадцатого корпуса! Да, это был подарок так подарок, и он поспешил в древнюю столицу империи. Конечно, он давно перерос должность командира корпуса и куда больше пользы принес бы «на армии», но... выбирать не приходилось. В Эдирне он прибыл в пятницу и вместе со своим штабом отправился в мечеть султана Селима на молитву. К его великому удивлению, по дороге в мечеть его встречали толпы людей, которые громко скандировали: «Слава Мустафе Кемалю, герою Дарданелл!» Конечно, ему было приятно, и, на свое счастье, он так никогда и не узнал, что все эти «торжества» были организованы его начальником штаба Иззеттином. Верный майор пусть и таким сомнительным образом, но все же постарался отметить приезд своего блестящего командира. А в это самое время встревоженный его появлением генерал-губернатор Эдирне справлялся в Стамбуле о том, как ему надлежит вести себя со свалившимся ему на голову вечным изгоем.

Однако радовался Кемаль рано, Энвер и на этот раз сыграл с ним одну из своих злых шуток, и едва он появился в Эдирне, как тут же получил новый приказ отправляться... на Кавказ, где снова обо-

стрилась обстановка и куда была переведена Вторая армия. И Кемаль поспешил в Диярбекир. Что же касается его Шестнадцатого корпуса, то местом его диспозиции был определен юго-западный берег озера Ван. И в какой уже раз Кемаль помянул своего злого гения недобрым словом! И все же надо отдать ему должное: он подсластил горькую пилюлю и присвоил-таки Кемалю давно заслуженное им генеральское звание! По понятным причинам он долго не подписывал указ о присвоении герою Дарданелл звания генерала и однажды сказал напомнимшему ему, о Кемале Талаат-паше: «Указ о присвоении Мустафе Кемалю звания генерала у меня в кармане. Но вы совсем не знаете этого человека. Он никогда ничем не бывает доволен. Дайте ему звание генерала, и он захочет быть султаном, а став им, потребует места Бога!» И Кемаль отреагировал на эти в общем-то весьма справедливые слова соответствующим образом. «Никогда не предполагал, — с тонкой усмешкой заметил он, — что Энвер может иметь такие мудрые взгляды!» Кемаль достойно отметил свое генеральство. Как-никак, а сбылась его мечта и он попал в элиту османского офицерства, о чем когда-то мечтал в салоницких кофейнях! И звание паши он рассматривал не только как награду за свои заслуги, но и как пропуск в большую политику! Что бы там ни говорили, но генерал — это уже судьба! Он просидел за столом почти всю ночь, а рано утром его разбудили громкие крики. Перед штабом из-за куска хлеба дрались нищие. Кемаль поморщился. Неприглядное, а порою и страшное зрелище представляла собою Восточная Анатолия в те дни. После депортации армян сюда хлынули десятки тысяч мусульманских беженцев из занятых русской армией районов и повсюду царил хаос. И в Диярбекире, по улицам которого в поисках пищи бродили тысячи полураздетых и

голодных людей, уже давно привыкли к подобным зрелищам. Но вот к дерущимся подошли двое солдат, и те сразу же пустились бежать, а оспариваемая ими горбушка засохшего бурого хлеба так и осталась лежать на земле. Кемаль еще раз поморщился и закурил первую сигарету. Он не был сентиментальным человеком, и все же ему было жаль обездоленных и всегда голодных людей.

Послышался стук в дверь, и в комнату вошел адъютант. «Вас вызывают в ставку, паша!» — доложил он. Кемаль сразу даже не понял, кого называют пашой, а вспомнив, улыбнулся. Да, все так, и некогда гонявший с полей ворон мальчишка стал генералом! Выпив кофе, он отправился в ставку, где и получил приказ усилить правый фланг Третьей армии и парализовать действия русских войск на Эрзурумско-Сивасском направлении. Кемаль прекрасно знал, на что способен его уже имевший изрядный боевой опыт корпус, и тем не менее сразу же приступил к занятиям с солдатами и офицерами, поскольку война в горах имела свою специфику.

Тем временем положение продолжало ухудшаться, и к августу 1916 года русская армия занимала огромный фронт от Черного моря до озера Ван, прижав Вторую армию к Диярбекиру и заняв господствующий в этом районе пункт Муш. Бои шли страшные, и снова оказавшемуся в самом пекле Кемалю только ценой невероятных потерь удалось избежать окружения и перейти в контрнаступление. А затем он совершил невероятное и, выбив русских из Муша, занял Битлис. Это были настоящие подвиги, и он получил за них золотую медаль Имтияз. Правда, уже очень скоро собравшиеся с духом русские сумели вернуть Муш, но его вины в этом не было: он и так сделал все, что мог. Однако русские торжествовали рано, наступила ранняя зима, и стороны перешли к позиционной войне. Голод, раны

и сильный мороз делали свое дело, и сотни обмороженных людей напрасно ожидали помощи. Конечно, Кемаль пытался хоть как-то облегчить их страдания, но даже он не мог ничего поделать в условиях царившего на фронтах хаоса.

В конце ноября командующий Второй армией уехал на лечение в Стамбул, его обязанности перешли к Кемалю, и он снова продемонстрировал свои блестящие способности. Только его несгибаемое мужество и потрясающее умение мгновенно оценивать обстановку в самых критических ситуациях спасли турецкую армию от полного разгрома под все тем же Мушем, и окружавшие Кемалья Али Фуад, Джафер Тайяр и Исмет раз и навсегда признали его безоговорочное лидерство.

Ну а сам Кемаль особенно выделял среди них служившего у него начальником штаба полковника Исмета, невысокого и очень молчаливого человека, обладавшего прекрасными знаниями и богатым военным опытом. Являвший собою образец самого настоящего семьянина, Исмет был терпелив и спокоен. В то же время он обладал неординарным мышлением и аналитическим складом ума, чему, видимо, способствовала любовь к шахматам и бриджу, хорошо знал историю и литературу и так же, как и Кемаль, считал, что Первая мировая война кончится для Турции катастрофой. И все же, несмотря на многие общие точки соприкосновения, эти два человека разительно отличались друг от друга, и в первую очередь темпераментом. Быстрый и острый как бритва ум Кемалья не смущало никакое препятствие, и он мгновенно оценивал ситуацию. Исмет работал намного академичнее, уделяя огромное внимание деталям. Он принимал решения трудно, и, даже семь раз отмерив, еще долго не решался резать. В своей оценке ситуации или людей он все раскладывал по полочкам и всегда пытался провести четкую грань меж-

ду белым и черным. «В то время, — писал позже сам Кемаль, — Исмет мне не нравился не только потому, что был человеком Энвера, но и из-за своей ужасающей медлительности!» Впрочем, его отношения и с другими подчиненными отличались крайней неровностью. Требовательный и самоуверенный Кемаль не терпел ни малейших возражений, и горе было тому, кто пытался что-то доказать ему или не так исполнить задуманное им. В таких случаях он был беспощаден и преследовал осмелившегося бросить ему вызов смельчака самым жестоким образом!

Говоря откровенно, в этом отношении он был пострашнее того же Энвера, и нетрудно догадаться, что бы он сделал с ним, поменяйся местами со своим бывшим однокашником! Он не щадил попадавшихся ему под горячую руку даже ближайших друзей, и, когда его старинный приятель и соратник по Дарданеллам Нури не сумел выполнить, несмотря на всю свою легендарную храбрость, его приказ, он устроил ему страшный разнос и снял с должности. И в то же самое время ему часто приходилось сдерживать своего постоянно лезшего в самое пекло отчаянного офицера. «Да не спеши ты, — то и дело останавливал он нетерпеливого Нури, — в раю еще не выстроен для тебя дом!» Впрочем, его охлаждение продолжалось недолго, и очень скоро он снова приблизил его к себе. И нетрудно догадаться, в каком постоянном напряжении пребывал близкий к нему Али Фуад, уже успевший познать быстрого на расправу приятеля. Кемаль ценил своих людей и в то же время не очень-то приветствовал их возвышение, и когда командующий Кавказской группировкой войск Ахмет Иззет-паша поставил на соседний с ним корпус подчиненного ему Джафера Тайяра, он устроил страшный скандал. И неслучайно тот же прекрасно знавший Кемалья майор Иззеттин отме-

чал, что очень часто в решениях его командира преобладали эмоции и амбиции, нежели трезвая оценка обстановки и интеллект.

С наступлением зимы работы у Кемаля поубавилось, он стал вести дневник, и приведенные ниже выдержки из него дают определенное представление о занимавших его в то время мыслях.

«20 ноября... Командиры должны знать свою армию изнутри, только тогда их приказы будут соответствовать тому, чего они хотят добиться. Они должны беседовать со своими солдатами и давать им высказываться откровенно. Ведь очень важно знать, что твои подчиненные думают... И я хочу написать книгу «Военный дух, обучение и поведение».

22 ноября... Я беседовал с начальником штаба об отмене паранджи и улучшении нашей жизни. Как мне кажется, надо обязательно иметь образованных и воспитанных матерей, освободить женщин и допустить их до участия в общественной жизни, что положительно отразится на мыслях и поведении самих мужчин.

23 ноября... Прочитал книжонку «Можно ли отрицать существование Бога», и хочу заметить, что религиозные мыслители делали все для того, чтобы исказить науку и философию и укрепить свои позиции...»

Все это, конечно, очень интересно, но в то же время трудно представить себе Кемаля, который выслушивал бы от своих подчиненных правду о себе! И все же куда больше мыслей о равноправии женщин и Боге его занимало собственное будущее. На Кавказе ему было тесно, и он по-прежнему мечтал оказаться в своей родной Македонии. А поскольку разговоры об этом шли уже давно, Ахмет Иззет-паша делал все возможное, чтобы удержать блестяще знавшего свое дело генерала возле себя. В конце концов последовало бурное объяс-

нение, Кемаль остался на Кавказе и принялся за воспоминания о боях на Дарданеллах. Но как видно, время для мемуаров еще не пришло, и едва он уселся за них, как Энвер отозвал его в Сирию, где наследственный эмир Мекки Шариф Хусейн поднял восстание и провозгласил себя королем арабов, а войска командующего османской армией генерала Фахреттина оказались слишком слабы.

В Дамаске Кемаль встретился с исполнявшим обязанности генерал-губернатора Сирии Джемаль-пашой и спешно прибывшим туда Энвером, и... снова начались его хождения по мукам! Энвер в штывы встречал все его предложения, но самое печальное началось после того, как англичане заняли Багдад и разъяренный потерей столицы Ирака Энвер решил во что бы то ни стало вернуть ее. Согласно задуманному им грандиозному плану, турецкие войска должны были совершить тяжелейший марш через пустыню и с ходу взять Багдад.

Для похода на иракскую столицу был образован специальный корпус, получивший претенциозное название группы «Йылдырым» (молния). Ну а командование этой совершенно бессмысленной операцией было поручено переведенному в Африку после неудачной попытки взять Верден немецкому генералу Эриху фон Фалькенхайну. Что же касается самого Кемаля, то после долгих проволочек он был назначен командующим входившей в состав группы «Йылдырым» Седьмой армией. Но это назначение мало обрадовало хорошо знавшего себе цену Кемаля, и, поддержанный другими османскими офицерами, он потребовал для пользы дела вручить бразды правления группировкой не какому-то там немцу, а ему, боевому и заслуженному генералу, прекрасно известному в армии и имевшему опыт боев в пустыне! Прекрасно понимая праведное возмущение своих соотечественников, Энвер успокоил их тем, что это временное назначение, и

обещал вернуться к этому вопросу. Кемаль не поверил ни единому его слову и принялся нагнетать и без того напряженную обстановку. В своем стремлении возглавить группу «Йылдырым» он использовал самый малейший повод, дабы лишний раз доказать некомпетентность немецкого генерала, и в свойственной ему жесткой манере в пух и прах разбил подготовленный немецким генералом и его штабистами план по возвращению Ирака. Вернуть Ирак невозможно, безапелляционно заявил он, и любое сражение за него приведет к совершенно ненужным жертвам.

Вручив докладную Энверу, он отослал копию великому везиру Талаат-паше. Обрисовав безрадостную картину состояния османской армии, Кемаль убедительно просил его придерживаться только оборонительной тактики и продолжать концентрировать силы на Синайском фронте. Но куда там! Фон Фалькенхайн настаивал на своем, и его совершенно не смущало полнейшее незнание им страны и особенностей ведения войны в пустыне. Как и всякий немец, он был надменен и не собирался советоваться с уже надышавшимися жарким воздухом пустыни османскими офицерами. Да и вел он себя по отношению к ним настолько вызывающе и грубо, что уже очень скоро восстановил против себя практически всех поставленных под его начало турок. Но особенно дикий скандал разразился после того, как уставший от бесконечных уговоров Кемаль, не стесняясь присутствия немецких военных специалистов, в ультимативной форме потребовал передать командование группой «Йылдырым» ему. «И если вы все-таки решились на этот в высшей степени бессмысленный рейд на Дамаск, — заявил он Энверу, — то доверьте мне общее руководство этой операцией. В отличие от ваших немецких друзей я постараюсь сохранить своих людей!»

Но все было напрасно! Проще было убедить голодного тигра пощадить загнанную им козулю, нежели остановить что-либо задумавшего Энвера! Не пожелав принимать участие в этом фарсе, Кемаль попросил об отставке, но заведенный не менее его самого Энвер не только не пожелал принять ее, но и пригрозил судом военного трибунала. Это было уже слишком, рука Кемалья медленно потянулась к кобуре, и не решившийся испытывать судьбу Энвер вскочил из палатки. И тогда Кемаль разрядился на так и не проронившем во время их ссоры ни единого слова Джемаль-паше. «Ладно Энвер, — гремел он на всю палатку, — но ты-то прекрасно знаешь, что такое война в пустыне! Так почему же ты молчишь? Ждешь, когда он вместе со всеми этими фон гольцами угробит всю нашу армию? Ну что же, жди! Недолго осталось! Но нельзя же заботиться только о себе и совершенно не думать о будущем страны! Или ты думаешь, что своим молчанием обезопасишь себя? Так не надейся! Однажды тебя уже сослали в эту проклятую Сирию, а надо будет, сошлют и еще дальше!» Джемаль-паша выслушал Кемалья без особого интереса. Да, когда-то устроенная Энвером и Талаатом ссылка в Сирию огорчала его, но сейчас... Возможно, он просто устал от осточертевшей ему пустыни с ее вечно палящим беспощадным солнцем, но вернее всего, его уже мало волновала вся эта возня вокруг назначения командующего обреченной на поражение группировкой.

Кемаль подчинился приказу главнокомандующего, но отнюдь не из-за страха перед судом военного трибунала. «Этот Фалькенхайн, — пояснил он своим офицерам, — создан Аллахом на нашу гибель! И я согласился остаться лишь для того, чтобы останавливать немца во всех его начинаниях, поскольку слишком хорошо знаю, чем он руководствовался, принимая на себя командование группой «Йылдырым»!»

Он исправно исполнял свои обязанности, а когда страсти несколько поутихли, фон Фалькенхайн через своего офицера по «особым поручениям» прислал ему в подарок... эlegantную шкатулку, полную золотых побрякушек. Раз и навсегда решив, что нет на свете такого турка, которого нельзя было бы купить, немецкий генерал так и не понял, с кем имеет дело. Да и Кемаль не был бы Кемалем, если бы и здесь не дал немцу достойный отпор. Окотив порученца презрительным взглядом своих сразу же посветлевших глаз, он попросил пересчитать лежавшие в шкатулке «сокровища» и, заметив, что в средствах нуждается турецкая армия, а не Мустафа Кемаль-паша, попросил вернуть «подарок» его хозяину или отнести в интендантство. «Здесь, — написал он во вложенной им в шкатулку записке, — находится золото, но подпись Мустафы Кемаля, которая стоит несомненно дороже, никогда не будет принадлежать вам...»

Отвергнув сделку, он сжег последние мосты, и в конце концов их совместная работа превратилась в настоящую пытку. Не было ни одного предложения, сделанного немцем и не встреченного Кемалем в штыки, и в свою очередь Фалькенхайн и не думал прислушиваться к замечаниям опытного турецкого военачальника! Военные советы превратились в бесконечные перепалки между ними, ненавидевшие друг друга генералы не гнушались ничем, в ход шли оскорбления и угрозы, и в эти минуты они напоминали собой не облеченных огромной властью командиров, а не поделивших на рынке место торговцев! Впрочем, так оно и было! Только вместо шелков на прилавке лежала должность командующего фронтом! Долго подобное противостояние продолжаться не могло, и переполнившей эту наполненную взаимной неприязнью чашу каплей стало подписанное решившим приручить одно из местных племен немец-

ким генералом соглашение с ним. И Кемаль снова не выдержал. «Неужели так сложно понять, — втолковывал он немцу, — что любой договор с одним племенем восстанавливает против него другие?»

Понять такую простую вещь и на самом деле оказалось сложно, в ход пошли ставшие уже привычными оскорбления, и в конце концов Кемаль заявил о том, что не считает себя связанным заключенным договором и будет строить свои отношения с аборигенами так, как считает нужным. На этот раз Энвер даже не пытался склеить разбитую чашу и поспешил принять отставку Кемалья. Переругавшись со всеми на свете и отрезав все пути к отступлению, Кемаль оказался в весьма щекотливой ситуации, поскольку у него не было денег даже на дорогу. И он скорее застрелился бы, чем попросил их у сорившего ими Энвера! Но делать было что-то надо, и он решил продать своих лошадей. Однако никто не осмелился приобрести так нужных для армии животных, которых в любой момент могли забрать под военные нужды, и тогда их купил... генерал-губернатор Сирии и командующий Четвертой армией Джемаль-паша! Узнав об этом, Кемаль презрительно усмехнулся. Вот они, плоды генерал-губернаторства! Армия голодала, в подчиненных областях царил хаос, а владыка провинции сорил золотом так, словно это был не благородный металл, а песок! Но на этот раз он смолчал. Да и не имело никакого смысла обличать этого человека, если все его речи так и оставались гласом вопиющего в пустыне!

Кемаль покидал Африку с тяжелым сердцем и облегченно вздохнул только после того, как Энвер отказался от своего сумасбродного плана и тысячи турецких солдат так и не легли в приготовленные для них их неумными командирами могилы в жгучих песках пустыни...

В Стамбуле его ждал сюрприз, и едва он успел появиться в столице, как в строго конфиденциальной беседе один из высокопоставленных генералов предложил ему... свалить тащивший страну к гибели «триумvirат» и сформировать военное правительство! «Только при этом условии, — убеждал его генерал, — мы сможем с честью выйти из войны, а вы наконец-то займете достойное вашим дарованиям место!»

Слушая генерала, Кемаль задумчиво курил. Слухи о том, что некоторые политики собирались устранить Энвера и заключить мир с Антантой, доходили до него уже давно. И ничего удивительного в этом не было, Энвером и его немцами были недовольны многие, и он быстро терял былую популярность. Империя задыхалась от непосильного бремени содержания огромной армии в 900 тысяч человек. Экономика, несмотря на некоторые сдвиги, буксовала, крестьяне разорялись, а цены на продовольствие и предметы первой необходимости росли уже не по дням, а по часам! Непосильные налоги душили народ, и после драконовского указа Энвера об изъятии продуктов у населения люди пухли от голода. И в то же самое время в столь любимую им Германию целыми эшелонами вывозилось турецкое зерно и продукты, а чиновники купались в золоте и роскоши, наживаясь на их поставках. Главной опорой спекуляции стала созданная при «Единении и прогрессе» Комиссия по продовольствию, возглавляемая окрещенным в народе продовольственным диктатором Кара Кемалем. Не уступал ему в желании погреть руки на народном добре и сам Энвер, то и дело менявший дворцы и виллы. Под стать ему был и Джемаль, по каким-то только одному ему ведомым причинам постоянно путавший государственную казну со

своей собственной. Османская империя все больше теряла свою самостоятельность, и полностью подчинившие себе турецкое правительство немцы словно в насмешку стали называть ее «Энверландом».

Но особое негодование страны вызывало использование Энвером турецких солдат в качестве пушечного мяса для германского и австрийского фронтов. «Для нас было очень важно, — с неприкрытым цинизмом напишет в своих мемуарах так хорошо знакомый Кемалю фон Фалькенхайн, — что вместо двадцати пяти тысяч немцев кровь в Галиции проливали двадцать пять тысяч турок!» Они и на самом деле проливали ее, и тем не менее Турция продолжала терпеть тяжелые поражения на всех четырех фронтах. К 1917 году империя уже потеряла около 600 тысяч человек, около двух миллионов человек были ранены, а еще 900 тысяч навсегда остались калеками. Особенно тяжелое положение сложилось на Кавказском фронте, и казалось, еще немного, и он перестанет существовать окончательно...

Без особого энтузиазма слушавший рассуждения генерала о выходе в случае успеха из войны Кемаль только покачивал головой, поскольку даже в такой тяжелой ситуации он и не думал ни о каком сепаратном мире. «Несмотря ни на что, — часто повторял он своему ближайшему окружению, — нам никуда не деться от Германии, и мы с нею пойдем до конца!» Единственное, в чем он расходился со своими оппонентами, так это только в тактике! И в отличие от того же Энвера он был сторонником оборонительной тактики, сбережения сил и свободы выбора. К тому же он очень надеялся на так своевременную грянувшую в России Февральскую революцию, после которой подвергнутые страшной анархии русские войска стали сниматься с фронта целыми дивизиями, и полу-

чившая передышку империя смогла перебросить свои войска на Запад. К великому удивлению и, надо полагать, негодованию патриотически настроенного генерала, он наотрез отказался принять его предложение! И не столько из-за страха перед Энвером, сколько опасаясь провокаций, на которые служившие в его «Особой организации» ребята были великими мастерами! Особенно если учесть, что в это время в руки Энвера попал весьма интересный документ, подготовленный в русском генеральном штабе. И по далеко не предвзятому мнению русской агентуры, именно Мустафа Кемаль являлся «наиболее талантливым высшим командиром Османской империи и самым опасным соперником Энвера».

Для многих скомпрометированных таким образом в глазах диктатора людей подобные откровения означали смертный приговор, но Энвер и на этот раз не только не тронул Кемалья, но даже попытался навести с ним мосты. Но расчет его провалился, и, когда он на обеде в одном из столичных ресторанов предложил ему возглавить Вторую армию, Кемаль только усмехнулся. В какой уже раз им пытались заткнуть любые щели, не давая выйти на соответствующий его дарованиям простор! Недовольный Энвер даровал ему месячный отпуск и... уже на прощанье посоветовал поменьше лезть в политику, если он, конечно, не хотел окончательно испортить себе здоровье.

Намек был куда как прозрачный, но Кемаль и не подумал следовать его совету и потребовал за проявленную трусость и нерешительность судить вернувшегося в Стамбул Джемаль-пашу! Разъяренный Энвер вызвал Кемалья, и, презрев все грозившие ему опасности, тот высказал ему все, что он думал, и о нем самом, и о навязанных им армии тупых немецких генералах, и о проводимой им политике! Энвер не остался в долгу, взаимные оскорбления посыпа-

лись как из рога изобилия, и в конце концов генералы выхватили пистолеты. С минуту они стояли, сверля друг друга ненавидящими взорами, но так и не решаясь нажать на спуск. Но выстрелов так и не последовало, и еще более возненавидевшие друг друга соперники разошлись. Конечно, Кемалю не стоило бы злиться и без того не любившего его диктатора, поскольку все еще шла война и его будущее полностью зависело от главнокомандующего.

И все же он ни о чем не жалел! Что сделано, то сделано, да и вряд ли Энвер узнал что-нибудь новое для себя из его нелюбезных высказываний! Что же касается места, то, судя по тому как Энвер выбирал их для него до сих пор, ему и тут ничего не светило! В очередном послании своей милой Корине он писал: «Я постоянно погружен в те грустные мысли, которые приходят к потерявшему все человеку. И в то же самое время я каждый день успокаиваю и убеждаю себя в том, что когда-нибудь тучи на моем небосводе рассеются и я снова увижу солнце...» И он увидел его с помощью... все того же Энвера, совершенно неожиданно предложившего ему посетить Германию вместе с наследником престола!

На этот раз Кемаль не возражал. Общение с таким высокопоставленным лицом могло сослужить хорошую службу. За два дня до отъезда в Берлин он предстал перед принцем и поразился его полудебильному виду. Сев или, вернее, упав на софу после приветствий, Вахидеддин надолго закрыл глаза, а затем, с огромным трудом подбирая слова, произнес несколько невнятных фраз и снова впал в летаргию. В знаменитом романе Гашека есть замечательное по своей сути определение: слабоумный идиот. И именно таким вот слабоумным идиотом и предстал перед Кемалем шестидесятилетний принц.

Но к своему великому удивлению, в купе, куда его сразу же пригласил Вахидеддин, когда они сели

в поезд, Кемаль увидел совсем другого человека! От вялости и тупости во взгляде не осталось и следа, и теперь перед ним сидел совершенно нормальный и, что самое главное, живой человек! Ну а когда этот человек заговорил, он поразил Кемалья еще больше. Нет, принц вовсе не был слабоумным идиотом, в чем все больше и больше убеждался Мустафа Кемаль, слушая сбросившего наконец с себя так стеснявшую его маску и имевшего редкую возможность хоть немного побыть самим собой Вахидеддина. И что удивительного! В течение целых шестидесяти лет этот живший во дворце и окруженный со всех сторон шпионами своего дяди Абдул Хамида человек должен был с утра до вечера притворяться и скрывать свои мысли, дабы не возбудить подозрений.

С этой минуты почти все свое время Кемаль проводил с принцем и в его все более откровенных беседах слышал явный намек на то, что он будет совсем другим султаном, нежели его предшественники. Правда, каким именно, Вахидеддин так и не пояснил, и Кемалю оставалось только догадываться. Но как бы там ни было, после этих бесед он стал смотреть на сидевшего напротив него человека совсем другими глазами.

Султан продолжал фантазировать всю долгую дорогу до Берлина, а когда, утомленный речами, замолкал, Кемаль почтительно замечал, что и сам думает так же. Всю дорогу он делал все возможное, чтобы как можно сильнее расположить к себе будущего монарха, и, на его великое счастье, ему это удалось!

В Германии их ждала поистине царская встреча, и сам кайзер Вильгельм с необычайной торжественностью принял их в своей штаб-квартире в Вад-Креузнахе. Кайзер оказался достаточно информированным о положении дел на фронтах и, к великому удивлению Кемалья, даже поинтересовал-

ся у него, не он ли командовал тем самым знаменитым Шестнадцатым корпусом на Дарданеллах. И польщенный таким вниманием Кемаль почтительно склонил голову в знак благодарности. Но стоило только маршалу Людендорфу попытаться убедить принца в конечной победе германского оружия, как смиренное выражение сразу же исчезло с его лица и он во всеуслышание выразил свое глубокое сомнение в ни на чем не основанной убежденности маршала. Все сделали вид, что не заметили бестактности турецкого генерала, но, когда военный комиссар Эльзаса обрушился на османское правительство из-за его политики в отношении армян и Кемаль резко оборвал его, все почувствовали легкое смущение. «Мы приехали к вам обсуждать проблемы германской армии, — неприязненно глядя комиссару в глаза, отчеканил он, — а не ситуацию с армянским населением! И поверьте, нам есть о чем поговорить!»

Но настоящий скандал разразился после обеда у кайзера, на котором Кемаль с прямою римляниной заявил, что вынашиваемые Берлином планы есть самая настоящая химера и Германии ничто уже не поможет выиграть войну! Впрочем, Кемаль поражал немцев не только уже хорошо известной им непредсказуемостью, но и блестящими военными познаниями, как это было на проходившей в Эльзасе линии фронта и на заводах Круппа.

Они провели десять дней в Берлине. Все это время будущий султан даже и не думал касаться острых тем и с каким-то достойным другого применения упорством твердил журналистам о том, что женщины в Турции пользуются почти равными с мужчинами правами. Кемаль слушал эти речи с откровенной насмешкой, и когда они отправились домой и он снова занял свое место в купе, он решился поговорить с принцем по душам. «Я буду откровенен с вашим высочеством, — сказал он, —

и скажу вам следующее. Вы должны потребовать по возвращении в Стамбул армию... И в этом ничего удивительного нет, поскольку все принцы имеют свои армии. Получив ее, вы возьмете меня в нее начальником штаба...»

Вахидеддин не ответил. Поезд приближался к Стамбулу, и на его лице снова появилось тупое выражение. Да и не привык он к такому напору, какой начинал оказывать на него в последние дни Кемаль. А посему ограничился туманными обещаниями обсудить эту скользкую тему по приезду в столицу. И хотя принц так и не решился обсуждать с ним свое будущее, главного Кемаль добился. Вахидеддин проникся к нему искренней симпатией и держал его за своего самого преданного слугу...

Трудно сказать, почему выбор Энвера пал именно на Кемалья в этом путешествии в Германию. Если он хотел отправить Кемалья в очередную ссылку, то мог бы найти куда более подходящее для этого место. Ну а если все-таки надеялся на то, что более близкое знакомство с немцами хоть как-то подействует на Кемалья и заставит его симпатизировать им, то это было в высшей степени наивно. Кемаль и не подумал менять своего отношения ни к самой Германии, ни к ее военным специалистам. Но от критики правителей и бездарных немецких генералов пока воздержался: у него сильно заболели почки, и он несколько недель пролежал в кровати. Но вполне возможно, что Кемаль просто выжидал. Ведь именно в эти дни он получил военную награду в немецком посольстве и дал, по сути дела, свое первое большое интервью в доме матери на улице Акаретлер, где принял Рушена Эшрефа в небольшой комнате, заваленной военными книгами и фотографиями.

И как потом рассказывал журналист, знаменитый генерал показался ему сошедшим с полотен Рембрандта героем и он даже не мог представить

себе, что на столь еще молодом лице может быть такая потрясающая игра мысли и чувств. «В царившем в комнате полумраке, — писал Эшреф, — его словно выбитое из бронзы лицо казалось мне одновременно решительным и спокойным, скромным и достойным, мягким и жестким, простым и одухотворенным, настолько гармонично сходились в нем противоположности...»

В это время умер Абдул Хамид, и Кемаль с совершенным равнодушием встретил известие о смерти человека, который сыграл в его жизни столь значительную роль. Да и не до него ему было! Боли в почках усиливались, и он попросил Энвера предоставить ему отпуск и выделить деньги на лечение в Австрии. В Вене его осмотрели и направили в Карлсбад, где он встретил много знакомых ему людей: жену и брата Джемаль-паши, министра финансов Джавита и известного журналиста Хусейна Джахита, с которым познакомился еще на Дарданеллах. Кемаль лечился серьезно, много гулял, читал французские романы и занимался французским и немецким языками. Впервые за последние годы у него появилось много свободного времени для размышлений, и, гуляя по горам, он часто останавливался у какой-нибудь глубокой расщелины и задумчиво смотрел туда, где, постоянно меняя свою форму, клубились белые туманы. «Если я когда-нибудь достигну высшей власти, — записал он после одной из прогулок в своем дневнике, — обязательно займусь перестройкой всей нашей социальной жизни. Я не принимаю идеи о том, что для этого надо заставить людей думать на моем уровне. После стольких лет учебы и познания, почему я должен опускаться до уровня средних людей? Надо поднять их до моего! И не я должен уподобляться им, а они стать такими, как я!»

Эта запись дает многое для понимания характера Кемаля. Да, он считал себя высшим существом,

окруженным весьма средними по своим достоинствам людьми, но, даже поднявшись над ними на недостижимую высоту, он не собирался с презрением наблюдать за ползавшими у его ног простыми смертными, а желал помочь им взлететь в заоблачные высоты и познать всю радость наслаждения полетом! И в этом была его сила и слабость, поскольку в практически неграмотной стране это была невыполнимая задача.

Хорошее лечение, диета и горный воздух делали свое дело, Кемаль с каждым днем чувствовал себя все лучше, но долечиться по-настоящему ему так и не пришлось. 5 июля умер Мехмет V и на престол вступил его «старый знакомый» под именем Мехмет VI. Да, это было известие так известие, и, не слушая возражений недовольных его отъездом врачей, Кемаль поспешил в столицу. Да о каком лечении могла идти речь, если именно в эти дни в Стамбуле начиналась та самая серьезная политическая игра, которая всегда начинается после смерти любого монарха! А чтобышний раз напомнить о себе, он дал телеграмму главе султанской канцелярии, который ездил с ними в Германию. «Я безмерно скорблю о нашем последнем султани, — даже здесь оставаясь верным себе, писал он, — и в то же время выражаю надежду на то, что армия и страна перестанут быть игрушками в руках неумелых людей!»

Он прибыл в столицу только в начале августа и, надо ли говорить, с каким воодушевлением, поспешил на встречу со своим «старым добрым другом». Новый владыка принял Кемалья ласково и даже дал прикурить сигарету, что в Османской империи считалось знаком высшего отличия для подчиненного. Ободренный таким началом Кемаль сразу же завел речь о стоявших перед страной проблемах, но чем больше он говорил, тем отчужденнее становилось лицо султана. Ему стало скучно, и мгновенно сме-

нивший тактику Кемаль оставил политику и снова принялся рассыпаться в куда более приятных для султанского слуха уверениях в своей преданности престолу!

И эта самая преданность сыграла с ним злую шутку! Через несколько дней султан снова вызвал к себе Кемалья и в присутствии двух немецких генералов объявил ему о его назначении... командующим Седьмой армией в Палестине! Помрачневший Кемаль сразу же понял, откуда дует ветер. Нет, не забыл Энвер его дерзости и руками султана отправил в очередную ссылку! Не умеют воевать Джемаль и немцы? Что ж, отправляйся в Африку сам! И отомстил он ему со знанием дела! Группой «Йылдырым» командовал ненавистный ему Лиман фон Сандерс, и скорое свидание с ним означало новое испытание для его нервов. Подлил масла в огонь и один из немецких генералов. Позабыв, с кем имеет дело, он посоветовал Кемалю подтянуть своих солдат. Не смущаясь присутствием султана, Кемаль холодно ответил: «Советую вам запомнить, генерал, что турецкий солдат не знает слова «отступить»! А если кто-то и видел спины наших солдат, то происходило это в тот самый момент, когда эти люди сами бежали с поля боя!» Так и не дождавшись ответа опешившего немца, Кемаль отдал честь султану и покинул залу.

На выходе из дворца он столкнулся с Энвером, тот поздравил его с высоким назначением и выразил надежду, что с «такой прекрасно организованной армией» Кемаль сумеет добиться новых успехов. Однако Кемалья мало тронули его в высшей степени лицемерные речи, и с нескрываемым презрением он произнес: «У нас о вас разные представления о хорошей армии, и я бы посоветовал вам оставить ваше пустословие для ваших немецких друзей!» Еще несколько секунд назад оживленное лицо Энвера окаменело, и они с минуту про-

стояли друг против друга с горящими глазами. Но выстрелов не последовало, и они разошлись миром. И на этот раз навсегда! Когда в ноябре 1918 года Кемаль вернулся в Стамбул, Энвер вместе с Талаатом и Джемалем уже бежали из ставшей для них смертельно опасной столицы в Берлин. Главные инициаторы геноцида армянского народа, Талаат и Джемаль вскоре были убиты армянскими боевиками, и только Энверу удалось избежать сей незавидной участи...

Глава 9

«Прекрасно организованная армия» находилась в таком состоянии, что даже никогда не испытывавший к Кемалю симпатий фон Сандерс был вынужден признать: «Способный генерал, которого я знаю еще с Дарданелл, увидев свою сокращенную до немыслимого количества истощенную армию, сразу же понял, что в очередной раз был обманут Энвером, нарисовавшим ему в Стамбуле совершенно другую картину!» И Кемалю пришлось поломать голову, как ему, оставшемуся почти без боеприпасов и продовольствия, сражаться с прекрасно экипированными англичанами. Как-никак, а ему предстояли боевые действия на протянувшейся на 16 километров от моря до Яффы обороне.

Кемалю приходилось опасаться не только англичан. Служившие в его армии арабы были готовы в любой момент перейти на сторону своих воевавших против турок соплеменников, и в вверенных ему частях то и дело вспыхивали межнациональные конфликты. В довершение ко всему, в местных племенах успешно работал знаменитый английский разведчик Лоуренс, и подстрекаемые им арабы вели отчаянную партизанскую войну. И особенно отличался сын Шерифа Хусейна Файсал. Прекрасно во-

оруженный и знавший местность, он нападал на турецкие войска в самых неожиданных местах, отравлял колодцы и ломал телеграфные столбы. «Положение очень тяжелое, — писал Кемаль в одном из писем, — здесь нет ни гражданского правителя, ни военного коменданта, зато повсюду ведется английская пропаганда и повсюду снуют английские агенты. Народ ненавидит правительство и ждет прихода англичан. Противник куда лучше вооружен и имеет больше солдат...» И все же рук он не опустил и как мог готовился к тяжелейшим боям.

Ранним утром 19 сентября 385 английских орудий обрушили всю свою огневую мощь на турецкие позиции, и англичане пошли в атаку. Турки сражались отчаянно, и все же противнику удалось прорвать фронт. И только Кемалю ценой невероятных усилий удавалось удерживать вверенный его армии участок обороны четыре дня и ночи; но на пятый день и он был вынужден отойти на восточный берег Иордана. Это было тяжелое отступление, и тем не менее его воины дрались настолько отчаянно, что даже сам Лоуренс был вынужден с восхищением отметить их удивительную стойкость.

Но все в этом мире имело свой предел, был он и у вконец измученных солдат Кемалья, и он с грустью наблюдал за тем, как его войска начинали терять боевой дух. Да и что можно было требовать от одичавших в пустыне полуголодных людей, не имевших не только необходимого для тропиков обмундирования, но даже лишнего глотка воды! И все же Кемаль не стал пассивным наблюдателем того, как безжалостно уничтожались лучшие кадры османской армии, и, словно чувствуя, что уже очень скоро они понадобятся ему, делал все возможное, чтобы сохранить как можно больше людей.

Совершенно неожиданно для себя он вдруг стал фахри явером (адъютантом) султана, с чем его и поспешил поздравить Энвер. Конечно, ему было в

те дни не до поздравлений, и все же он был доволен: никогда не мешало иметь в запасе подобный козырь!

Ситуация ухудшалась с каждым днем, в октябре австралийская кавалерия заняла Дамаск, и назначенный командующим остатками Седьмой и Восьмой армий Кемаль получил приказ готовить новую линию обороны. Все это было бессмысленно, и в своем страстном стремлении сохранить людей он предложил вывести подчиненные ему войска в Алеппо. Фон Сандерс колебался, и Кемаль снова показал зубы. «Вы, — неприязненно глядя немецкому генералу в глаза, чеканил он каждое слово, — хотите похоронить в пустыне оставшихся в живых после тяжелейших боев бойцов! Но я не допущу подобного предательства по отношению к этим людям, своим мужеством и стойкостью заслужившим куда лучшую участь! И если вы боитесь, я беру всю ответственность по выводу турецких войск в Алеппо на себя!»

Фон Сандерс уступил, и Кемаль совершил беспримерный по своей дерзости рейд через пустыню! Солнце, жажда и голод, непрерывные бои с арабами и англичанами — все оказалось бессильным против его стальной воли. А когда до Алеппо оставалось всего несколько километров и измученные люди мечтали об отдыхе как о манне небесной, он заставил их готовить новую линию обороны. Да и в тылу у него было далеко не так спокойно, как того хотелось бы! Узнав о взятии Дамаска, население Алеппо не желало подчиняться ненавистным им туркам, и Кемалю с невероятным трудом удалось восстановить контроль над городом. Из Алеппо ему все же пришлось уйти, но едва он закрепился на новом рубеже обороны, как на него снова обрушились атаки английских войск. Целые сутки длился этот крошечный ад, и когда на следующее утро измученным непрерывными боями солдатам

оставалось только погибнуть, к их величайшему изумлению, вместо новой и еще более страшной атаки, англичане вдруг принялись петь и плясать. И еще бы им не радоваться! В самую последнюю минуту перед штурмом английское командование получило сообщение о том, что султанское правительство на борту английского крейсера «Агамемнон» на острове Мудрос в Эгейском море подписало капитуляцию. После длительной агонии так мешавший всем «больной человек», как называли Османскую империю в Европе, благополучно скончался, и она прекратила свое семивековое существование.

Воспаленными от бессонницы и солнца глазами смотрел Кемаль на расстилавшуюся перед ним пустыню и слушал давившую с непривычки тишину. Он взглянул на стоявших рядом офицеров. Все были радостны и возбуждены. Кемаль грустно вздохнул. Сколько их, вот таких же молодых и подававших надежды, навсегда осталось лежать в песках из-за тупости всех этих фон сандерсов! Но как бы там ни было, в бесславной войне была поставлена последняя точка, и с этой минуты начинался отсчет нового времени!

Повсюду царило оживление, и вырвавшиеся из настоящего ада люди от всей души радовались тому, что уже не надо зарываться в песок и ходить в штыковую!

А вот сам Кемаль был задумчив и, глядя на веселившихся людей, всем своим существом чувствовал: нет, это еще не конец, и многим из них еще придется повоевать за новую Турцию. Иначе и быть не могло, поскольку подписанное на Мудросе перемирие напоминало самый обыкновенный грабеж! Дымившаяся в развалинах империя обязалась сдать все военные корабли, демобилизовать армию, вывести войска со всех арабских территорий и передать под контроль Союзников железные дороги,

почту и телеграф. Победители оставляли за собой право оккупировать форты Проливов, армянские вилайеты в случае «беспорядков в одном из них», а также любой стратегический пункт, если обстоятельства в той или иной степени угрожали их безопасности. И не один мало-мальски уважающий себя турок, а таких в стране хватало, не мог согласиться на подобное унижение своей родины!

На следующий день Кемаль получил приказ принять командование группой «Йылдырым» и отправился в Адану, где вместе со своим штабом находился Лиман фон Сандерс. После выпавших на его долю тяжелейших испытаний Кемаль чувствовал себя настолько опустошенным, что даже не нашел повода в последний раз поругаться с фон Сандерсом. Да и у того в эти трагические для их стран дни не было никакого желания ссориться с этим попортившим ему столько крови генералом, и, пожимая ему на прощанье руку, он сказал: «Я утешаюсь только тем, что передал командование человеку, чьи способности мне хорошо известны... Прощайте!» Кемаль коротко кивнул, и они расстались навсегда.

Обиды, ненависть, разочарование — все это отходило на задний план, и теперь, когда он командовал всем Южным фронтом, у него появились новые заботы. Был ли он рад своему назначению? И да и нет! С одной стороны, оно придавало ему еще больший вес среди военных, и именно он оставался единственным турецким генералом, не сдавшимся на милость победителя и имевшим в своем распоряжении целую армию! Да, его войска были плохо вооружены, скудно питались, но в то же время они оставались боевыми соединениями. Ну а в том, что они уже очень скоро понадобятся ему и стране, он не сомневался! И, готовясь к будущей борьбе, он старался сохранить как можно больше все еще остававшейся в руках турок территории, людей и вооружения.

Конечно, он был не единственным генералом, пытавшимся остановить разрушение страны. Многие видные военачальники прятали от Союзников оружие и боеприпасы и саботировали демобилизацию армии. И Кемалю было на что надеяться! В сформированном за три недели до окончания войны его бывшим командиром Ахметом Иззет-пашой правительстве близкие к нему Али Фетхи и Рауф заняли важные посты министра внутренних дел и морского министра!

И все же к его радости примешивалась и грусть. Новый великий везир не внял его настойчивым просьбам и оставил за собой кресло военного министра. «Такой блестящий командир, как Вы, — писал он в своем послании Кемалю, — сейчас куда нужнее на южных границах! А после заключения мира я сочту за честь работать с Вами!»

Похвала была, конечно, приятна, и все же Кемаль предпочел бы занимаемой им сейчас палатке роскошный кабинет на берегу Босфора! И дело было не только в амбициях. Сейчас, когда начался дележ пирога, на месте военного министра должен был находиться человек, способный с честью пройти через предстоявшие испытания. Иззет-паша был хорошим солдатом, и все же кресло военного министра было велико для него! И он видел только одну кандидатуру на этот пост: самого себя! Как ни странно, с ним был согласен и потерявший свое министерское кресло Энвер! Узнав о новом хозяине военного ведомства, он в сердцах воскликнул: «Да какой же из Иззет-паши военный министр! Этот кабинет может занимать только один человек — Мустафа Кемаль!» Хорошо еще, что помощником военного министра стал Исмет, но по большому счету это было слабым утешением! Как быстро и не всегда в лучшую сторону менялись получавшие подобные посты люди, он знал не понаслышке, и одно дело — самому оп-

ределять политику, и совсем другое — пробивать ее через других! И какие бы ни пели ему сейчас дифирамбы, он снова оказывался вне уже начинавшейся в Стамбуле большой политической игры.

Как и предполагал Кемаль, англичане не собирались соблюдать продиктованного ими же самими условия Мудросского перемирия и заняли Мосул. Под предлогом использования порта для снабжения армии необходимыми припасами то же самое они намеревались проделать и с Александреттой. Однако Кемаль не собирался уступать ни пяди родной земли, и не на шутку обеспокоенный его решительными действиями великий везир писал ему: «В обмен на такое джентльменство мы оказали англичанам любезность, разрешив им использовать Александретту для транспорта продовольствия и военных материалов...»

Взбешенный уступчивостью правительства Кемаль в весьма резкой форме заявил, что транспорт здесь ни при чем и целью англичан является захват Александреттского вилайета для последующего нападения на Киликию и Анатолию. «Я, — написал он в ответном послании, — лишен надлежащей деликатности, чтобы оценить как джентльменство английского представителя, так и необходимость отвечать на него указанной любезностью...» Великий везир тут же сообщил, что «мы слабы и должны вести себя соответственно!», и раздраженный его трусостью Кемаль дал выход своему раздражению! «Мы только напишем одну из самых черных страниц в нашей истории, — заявил он в ответной телеграмме, — и будем дискредитировать правительство, если сами будем помогать англичанам доделать то, чего они не смогли добиться во время военных действий!» И, опасаясь совершенно ненужных ему сейчас осложнений, Иззет-паша поспешил отозвать несговорчивого командующего в столицу...

В Стамбул Кемаль приехал хмурым ноябрьским днем. После недавнего взрыва вокзал так и не привели в порядок, и, как и по всей стране, на нем царило полнейшее запустение. Не радовал и Босфор с покачивавшимися на его крутой волне серыми громадами военных кораблей Союзников. Над многими развевались флаги с британским львом, поскольку именно англичане играли первую скрипку в этом международном оркестре. Ну а самим Стамбулом правил тот самый адмирал Калтроп, который совсем еще недавно с презрительной улыбкой диктовал на борту «Агамемнона» унижительные условия перемирия. И на какие-то мгновения Кемалю вдруг показалось, что Стамбул снова завоевали крестonosцы. Впрочем, почему показалось, так оно и было на самом деле, только вместо белых плащей с вышитыми на них крестами на завоевателях красовались мундиры союзных войск. Кемаль задумчиво покачал головой. Что ж, много лет тому назад великий Мехмет Фатих завоевал Стамбул, теперь пришла его очередь возвращать его стране! Кемалю очень хотелось верить в то, что так оно и будет, и неожиданно для всех он вдруг громко произнес: «Ничего, как пришли, так и уйдут...»

«Пера-палас» и другие столичные отели были ему не по карману, и он обосновался в небольшом домике в районе Шишли, рядом с так ему хорошо знакомой Харбие. На следующее утро Кемаль поспешил к своей прекрасной Корине, и та была восхищена представившимся ей зрелищем. Да, все те же голубые глаза, те же медальные очертания лица, те же светлые волосы! И все же многое изменилось в ее поклоннике. И наверное, поэтому губы его были чуть плотнее сжаты, глаза смотрели пытливее, а речи стали куда сдержаннее, и в них то и дело слышалась боль потерпевшего незаслуженное пора-

жение солдата! После стольких лет разлуки Кемаль произвел на свою подругу еще большее впечатление, нежели производил когда-то своими пылкими речами, и в то же время Корина видела перед собой совсем другого человека, уже неспособного на совершенно ненужную ему откровенность и романтические порывы. Время закалило его, и перед ней сидел не юный мечтатель, а готовившийся к новым битвам воин. Эта никогда не испытанная ею новизна пугала Корину, но в то же самое время еще больше притягивала ее к нему. А вот встретившей Кемалья тем же вечером Фикрие было не до психологических наблюдений, и она была несказанно счастлива снова находиться рядом с тем, кому уже давно отдала свою душу и тело!

И Корина не ошибалась. Более чем когда-либо убежденный в своем великом призвании возродить страну из пепла Кемаль не смирился с поражением и был намерен продолжать борьбу. Только теперь он уже не собирался бросаться в бой с открытым забралом и внимательно наблюдал за развитием событий. После разгона парламента сменившая младотурок «Свобода и согласие» самым жестоким образом разбиралась со своими врагами. Для суда над военными преступниками был создан специальный военный трибунал, и в ссылку отправились такие известные на всю страну личности, как Кара Кемаль, Исмаил Джанбулат и приятель Кемалья доктор Тевфик Рюштю. Вместе с другими лидерами «Единения и прогресса» оказался за решеткой и Али Фетхи. А затем начались казни.

К великому счастью для Кемалья, его не тронули. Вражда с Энвером сыграла свою роль, и желающих плести козни против султанского фахри явера, только за одну неделю трижды посетившего своего владыку, не нашлось! Просто так во дворец не ходили! Да и кто знает, о чем они говорили там с глазу на глаз? Но весьма вероятно и то, что, помимо личной

симпатии Вахидеддина к его «старинному знакомому», желавшие отделаться от него люди слишком хорошо знали о глухом брожении среди недовольных проводимой правительством политикой непротивления военных и не хотели лишней раз провоцировать их на выступление! Как бы там ни было, а большинство командных постов в армии оставалось в руках близких к Кемалю патриотически настроенных офицеров. Не было оснований подозревать в чем-то предосудительном зачистившего во дворец генерала и у правивших в столице бал англичан. Бил их на Галлиполийском полуострове? Так на то она и война, чтобы бить друг друга! Выпрашивает у султана себе место под солнцем? Так и это понятно, на то и генерал!

А вот сам Кемаль встречами со своим «добрым старым знакомым» был разочарован! Султан с превеликим удовольствием слушал его страстные уверения в личной преданности, но стоило ему только заговорить о своей готовности послужить престолу, как владыку словно подменяли и он сразу же начинал смотреть на него непонимающими глазами! И служение родине на посту военного министра, на что в глубине души надеялся Кемаль, снова откладывалось на неопределенный срок. Но Кемаль не отчаивался. Военное ведомство возглавлял Февзи, и с его помощью он намеревался превратить генеральный штаб в центр сопротивления. Благо что многие работавшие в нем высшие офицеры относились к нему с уважением.

Да и не только в уважении было дело. Как и Кемалю, им не нравились ни качавшиеся на крутой босфорской волне иностранные миноносцы и крейсера, ни командовавший ими английский генерал, ни унижительное положение поставленной на колени страны!

Обнаглевшие Союзники и не думали скрывать своего желания полностью подчинить себе Турцию, и военный комендант Стамбула адмирал Калтроп с

генеральской прямою заявлял: «Ни один турок не заслуживает хорошего к себе отношения!» Ну а раз так, то незачем соблюдать и какие-то там никому не нужные условия перемирия и надо хватать все, что только попадется под руку! А под нее сразу же попались Восточная Фракия, Юго-Западная Анатолия, Киликия, Мосул, Искендерун и восточные провинции, и почувствовавшие стоявшую за ними силу армяне и греки все выше поднимали голову. Ничего хорошего Кемаль не ждал и от Парижской мирной конференции, на которой Запад собирался окончательно разобраться с наследством Османской империи. И особых надежд на уехавшего в столицу Франции Дамада Ферит-пашу у него не было. Да и что мог сделать этот состоявшийся на жалованье у англичан чиновник, если в стальных сейфах министерств иностранных дел многих стран давно уже хранились планы расчленения Турции. А чего стоило желание Запада создать на ее территории армянское и греческое государства! Да что там говорить, если самого султана собирались изгнать из Стамбула и образовать там особую зону с константинопольским правительством!

И все же Союзники не учли самого главного! Победенная, но отнюдь не покоренная страна состояла не только из послушного султана и его окружения, и царившие на занятых Союзниками землях произвол и насилие вызвали законное возмущение турецкого народа. Угол отражения оказался равным углу падения, и образованные еще в годы войны партизанские отряды уже начали ожесточенную борьбу против захватчиков! Интервенция и намечавшийся раздел Турции привели в движение турецкую буржуазию, которая создавала по всей стране общества защиты национальных прав. Помещики, торговцы, купцы, служащие, служители культа, крестьяне и даже откровенные бандиты — все брались за спрятанное

военными от Союзников оружие! И по мере того как Союзники с присущей им наглостью продолжали захватывать все новые территории, ширилась и борьба за свободу! Создаваемые по всей стране общества являли собой довольно грозную силу, но вся их беда заключалась в полнейшей оторванности друг от друга. Нисколько не сомневаясь в том, что основные события развернутся в уже горевшей в огне восстаний Анатолии, Кемаль именно в эти дни сплотил вокруг себя националистически настроенных офицеров. Бывший морской министр Рауф, приехавший в Стамбул лечиться от малярии, командир корпуса Али Фуад, начальник жандармерии полковник Рефет и командир расквартированного в Эрзуруме Пятнадцатого корпуса Кязым Карабекир — все они были частыми гостями в его скромном жилище в Шишли. Вхож был к нему и его бывший начальник штаба полковник Исмет, поначалу слабо веривший в возможность серьезной борьбы с Союзниками. Офицеры прекрасно знали друг друга, а посему говорили откровенно.

Как наиболее заслуженный из всех, Кемаль сразу же повел себя так, словно все эти известные и имевшие в армии вес командиры были обязаны подчиняться ему. И все же полной уверенности в них у него не было. Да и откуда ей было взяться, этой уверенности, если, в отличие от того же Карабекира, он все еще не имел никакой высокой должности, которая позволила бы ему влиять на происходящие события! И, слушая своих друзей, он постоянно раздумывал над тем, как поведут они себя в Анатолии, где тот же Карабекир в одночасье превратится в полновластного хозяина. Да и командир стоявшего в Анкаре корпуса Али Фуад тоже вряд ли отказался бы возглавить борьбу за Независимость! И чтобы хоть как-то сравняться со своими друзьями, ему во что бы то ни стало надо было получить высокий пост в самой Анатолии!

Иначе о роли общенационального лидера ему придется позабыть навсегда! Ему придется ехать в Анатолию в качестве частного лица, а это была уже совсем другая песня! И вряд ли тот же Карабекир потерпит его первенство, явись он к нему в подобной ипостаси.

Но особенно тяжело ему стало после того, как Карабекир и Али Фуад уехали к своим войскам. Неопределенность, к которой примешивался страх снова остаться не у дел, действовала угнетающе. Предложений из дворца так и не последовало, и было похоже на то, что его «старый друг» навсегда забыл о своем верном фахри явере! Кемаль был в отчаянии. Еще немного — и полный решимости отстоять от посягательства армян восточные провинции Карабекир возглавит борьбу за Независимость, и все его устремления и мечты уйдут так, как уходила вода сквозь песок в сирийских пустынях!

Как признавался позже сам Кемаль, даже на Дарданеллах он не тратил столько нервной энергии, сколько потерял ее за эти несколько месяцев своего пребывания в снова не принявшей его столице.

И как некогда в Софии, он решил отправиться в полыхавшую огнем восстаний Анатолию без высочайшего на то соизволения! Но когда уже совсем отчаявшийся Кемаль принялся собирать чемоданы, случилось то, что рано или поздно случалось в судьбах многих великих, и судьба дала ему тот самый шанс, который и делал Александра Великого Великим, а Наполеона Наполеоном! И, слушая военного министра, Кемаль не верил своим ушам. Рвавшемуся в Анатолию, ему предлагали место инспектора расквартированной там Девятой армии! Это казалось невероятным и тем не менее было правдой! Союзники потребовали от правительства навести порядок во все больше выходявшей из-под их контроля Анатолии, и министр внутренних дел

предложил на роль усмирителя... Мустафу Кемалья! А что? Заслуженный и верный престолу генерал не раз заявлял о своем страстном желании послужить отечеству, вот пусть теперь и служит!

Но Кемаль не был бы Кемалем, если бы даже из этого блестящего предложения не выжал все возможное и, чтобы еще лучше послужить султану, не потребовал особых полномочий! Для полного успеха дела, заверял он министра, ему должны подчиняться не только командиры Девятой армии, но и гражданская администрация Восточной и Центральной Анатолии и командование расположенных в западных и южных районах военных частей! Иными словами, он пожелал стать чрезвычайным представителем правительства чуть ли не на половине Анатолии! И хотя военный министр в глубине души уже начинал испытывать какую-то неосознанную тревогу, надевая своего посланца такой огромной властью, чинить ему препятствий не стал. А когда он поделился своими опасениями с великим везиром, тот только пожал плечами. Чего, мол, бояться, да и какие могут быть сомнения в человеке, которому доверял сам султан!

Несказанно обрадованный свалившейся на него огромной удачей Кемаль сразу же принялся за формирование своей команды, в которую включил двух врачей. Он не очень хорошо себя чувствовал в последнее время, сказывались нервные перегрузки, да и увлечение спиртным и ночной образ жизни здоровья не добавляли. Вместе с ним в Анатолию ехал и назначенный командиром Третьего корпуса в Сивасе полковник Рефет. А в ближайшие помощники он взял сражавшихся с ним на Дарданеллах и в Сирии полковника Кязыма и своего приятеля еще по военной школе подполковника Ариффа. Что же касается Рауфа, то он уже вышел в отставку и собирался принять участие в борьбе за Независимость в качестве гражданского лица.

Перед самым отъездом Кемаль посетил находившегося в тюрьме Али Фетхи, а затем имел долгую беседу с Февзи, назначенным инспектором Первой армии, и начальником генерального штаба Джеватом. Генералы в один голос заявили о своей готовности сделать все возможное, чтобы оружие и снаряжение не попало в руки Союзников и шло партизанам. Джеват дал ему личного шифровальщика, а Февзи сообщил, что уже организовал поставку оружия в Анатолию со стамбульских складов. За день до отъезда своего верного фахри явера принял султан и подарил ему на память золотые часы со своей монограммой. На прощанье Вахидеддин с нескрываемой торжественностью сказал: «Паша, вы много сделали для страны. Но все это уже история! Забудьте об этом, поскольку вам предстоит гораздо более важное. И именно вы сейчас можете спасти страну!»

Кемаль с огромным трудом подавил улыбку. Хотел того султан или нет, но он произнес пророческие слова, и неслучайно его сторонники в один голос утверждали позже, что именно Вахидеддин благословил Мустафу Кемаля на спасение нации.

Но как бы там ни было, Кемаль покидал султана в радостном настроении. Наконец-то пробил его час, и позже он скажет, что «сам Бог дал ему возможность, и он дал обет не щадить своих сил до тех пор, пока не увидит свою нацию независимой, а родину освобожденной». И по всей видимости, так оно и было на самом деле.

Несмотря на все основания стать безнадежным пессимистом, а многие его из-за постоянно хмурого вида таковым и считали, он им все же не стал и даже в самые тяжелые дни был преисполнен веры в будущее. И далеко не случайно на своем портрете, подаренном им молодому журналисту Рюшену Эшрефу весной 1919 года, он написал: «Несмотря ни на что, мы идем к светлой заре, и сила, питаю-

шая во мне эту уверенность, проистекает не только из моей беспредельной любви к дорогой отчизне и нации, но также из того, что среди сегодняшнего мрака и безнравственности я вижу молодежь, которая с чистой любовью к родине стремится искать правду и излучать свет...»

Тем временем уже начинавшая терять веру в султана Англия решила удавить национально-движение руками Греции, которая всегда считала себя преемницей Византийской империи. 15 мая 1919 года армада английских, французских и американских кораблей бросила якорь в Измире и на берег высадилась греческая дивизия, с несказанной радостью встреченная греческим населением. Целый день в городе звонили колокола, священники осеняли крестом и целовали сошедших на берег солдат, а христианское население города на коленях приветствовало «освободителей». Несмотря на приказ военного коменданта города не оказывать сопротивления, кто-то убил греческого знаменосца, и греки сразу же открыли огонь по мусульманам. Ну а потом началось то, что и должно было начаться: массовые погромы и зверские убийства. Мусульмане не остались в долгу, и Измир сразу же превратился в кровоточащую рану. Греки ввели военное положение, но мусульмане не думали смиряться, и знамя турецкого национализма поднималось все выше по всей округе. Захват Измира сильно ударил по и без того слабой турецкой экономике, а наличие многочисленного греческого населения в этом районе лишний раз говорило о том, что новые хозяева пришли сюда навсегда. И именно отсюда греческая армия начала свое продвижение в глубь Анатолии, продолжая зверствовать на всем пути. Но в планы Англии пока не входили широкомасштабные действия, и уверенная в том, что игра мускулами произвела должное впечатление на турок, она остановила

греков на так называемой линии Милна. В эти же дни Союзники «справили» в Париже греческий мандат на Измир и заставили высадившихся в Западной Анатолии итальянцев уйти южнее. Правительство Италии попыталось протестовать, но на его возмущение никто не обратил ни малейшего внимания: Ведь греческая армия, по образному выражению одного из турецких офицеров, была только перчаткой, за которой скрывался все тот же английский кулак!

Об оккупации Измира Кемаль узнал в резиденции великого везира, и, как позже рассказывал он сам, в ответ на отчаянное восклицание последнего: «Что же нам делать? Ситуация самая критическая!» — спокойно ответил: «Быть твердыми и решительными! Сделайте все, что можете, здесь, а потом присоединяйтесь ко мне!» В этот же день Кемаль поднялся на борт уходившей в Самсун старенькой «Бандырмы». Но прежде, чем пароход поднял якорь, его с особой тщательностью обыскали.

«Какие болваны! — презрительно поморщился Кемаль, с нескрываемой брезгливостью наблюдая за рыскавшими по судну ищейками. — До них так и не дошло, что мы везем не контрабанду и оружие, а веру и решимость! Но они никогда не поймут этого, поскольку в трюмах нельзя найти ни стремления к независимости, ни желания сражаться!» Стоявший рядом Рефет невесело улыбнулся и, заметив вопросительный взгляд Кемалья, сказал: «У меня есть сведения из надежных источников, что наш пароход постараются потопить в открытом море... Может быть, отложим поездку?» На какое-то мгновение Кемаль задумался, а потом покачал головой. Да и какой смысл? Если его хотят убить, то рано или поздно убьют, независимо от того, отправится он в Анатолию на «Бандырме» или пойдет туда пешком! И когда тяжело перевалившийся с бока на бок на свежей черноморской волне па-

роход дал прощальный гудок и взял курс в открытое море, Кемаль еще долго стоял на корме и задумчиво смотрел на таявшую в туманной дымке столицу.

Ему было грустно. Он надеялся обрести в столице власть и влияние, и в какой уже раз Стамбул не принял его, и при желании он и сейчас мог смотреть на свою куда более важную в общем-то только для него командировку как на очередную ссылку! Кемаль глубоко затянулся. Ветер гнал над головой тяжелые тучи, волнение становилось все сильнее, а горизонт затягивался мутной пеленой. Ничего, с силой швырнул он окурок за борт, он еще въедет в отвергнувший его город на белом коне, чего бы это ему ни стоило...

Книга третья

ЗЕМЛЯ ЭРТОГРУЛА

Глава 1

Пароход тащился медленно, останавливаясь почти в каждом порту. Море штормило, и всю дорогу Кемаль и его люди мучились от морской болезни. В Синопе местный правитель пригласил погостить у него, но Кемаль, сославшись на нездоровье, отказался. Он и на самом деле чувствовал себя неважно. 19 мая «Бандырма» бросила якорь в порту Самсуна, и Кемаль вступил на древнюю землю Анатолии. Яркое весеннее солнце слепило глаза, шумело все еще беспокойное море, и щуривший глаза Кемаль с интересом всматривался в даль, где за поросшими соснами холмами лежала неведомая ему земля. Где-то там много лет назад вождь небольшого племени Эртогрул помог сельджукскому султану в сражении с византийцами и, получив от благодарного султана земельный надел, сумел не только расширить его, но и, как гласила легенда, стать основателем Османской династии. По губам Кемалья пробежала тонкая улыбка. Что ж, теперь его очередь создавать новое государство!

Выслушав приветственные речи, Кемаль отправился в местную гостиницу, и за ним сразу же двинулось несколько человек. Кемаль усмехнулся. Англичане! Видно, так и не поверили ни в какие его инспекции! Но зачем тогда выпустили? Впрочем,

это их заботы, а ему надо быть трижды осторожным, слишком уж многое было поставлено сейчас на карту.

Гостиница оказалась бедной и неудобной. Внимание Кемалья привлек лежавший на повывавшем виде столе яркий английский календарь. Он вытащил из планшета красный карандаш и обвел в нем сегодняшнюю дату. Затем закурил сигарету и подошел к окну. Во дворе разгружали привезенную для штаба мебель, все было буднично, и никому даже в голову не приходило, что именно с этого весеннего дня в истории страны начинался новый отсчет времени! Как видно, не всегда новое рождалось под звук фанфар и торжественное песнопение. Кемаль потушил сигарету и поморщился: в какой уже раз за утро больно кольнула почка. И, говоря откровенно, вместо Анатолии ему надо было бы отправиться в какой-нибудь Карлсбад пить воды и гулять по горам. Но об этом можно было только мечтать! Однажды он уже уехал в Сирию и надолго сошел с политической сцены. Впрочем, теперь, по прошествии времени, прошлое представлялось ему совсем в ином свете. И по большому счету ему надо было благодарить отправившего его в ссылку чиновника! Революции имели отвратительную привычку пожирать собственных детей, не стала исключением и младотурецкая, и ее лидеры дорого заплатили за свое участие в ней.

Он закурил новую сигарету и вздохнул. Как бы ему не опоздать и на этот раз! С апреля в Эрзуруме находился герой Кавказа Кязым Карабекир, который был тоже не прочь возглавить национальное движение, и 18 тысяч аскеров служили хорошим подспорьем его желанию. Не уступал в честолюбии Карабекиру и Али Фуад, уже начавший объединять под своим началом разрозненные вооруженные отряды. Да, в Стамбуле и Смышленный, и Али безоговорочно признавали его лидерство, но то было в

Стамбуле, а вот как они поведут себя в Восточной Анатолии, где чувствовали себя полными хозяевами, ему оставалось только догадываться. И все же было бы, наверное, несправедливо, если бы судьба и на этот раз оставила его ни с чем! Да, оба его приятеля обладали многими достоинствами, и все же меч Эртогрула был слишком тяжел для них! Не было у них ни широты взглядов, ни, что самое главное, той самой дерзости, рождавшейся в человеке от грандиозности поставленных им задач! И дальше освобождения страны они даже не заглядывали, в то время как для него борьба с внешним врагом была отнюдь не целью, а только средством. Целью было возведение на руинах Османской империи республики! Мощной, свободной и независимой! На меньшее не стоило и замахиваться! И, по его глубочайшему убеждению, во всей стране был сейчас только один человек, способный эту республику построить: он сам!

Что для этого нужно? Только одно! Власть! И не просто власть, а власть абсолютная, дававшая возможность поступать так, как он считал нужным. Как получить ее? Да очень просто! Надо только сбросить султана, победить греков и заставить Запад не только считаться с созданной им новой Турцией, но и признать ее равной себе!

Кемаль усмехнулся. Да, что там говорить, планы энверовские! И тем не менее другого пути у него не было. Но все это стратегия, а пока ему нужно было решать тактические задачи: как можно быстрее объединить боровшиеся с оккупантами разрозненные отряды и завоевать так необходимый ему для лидерства авторитет. И уже со следующего дня он принялся завоевывать его, благо что еще во время войны понимавшие неизбежность краха империи и иностранной оккупации младотурки стали готовиться к партизанской войне. И тем не менее работы хватало!

С утра до вечера он встречался и переговаривался по телеграфу с командирами воинских частей, мэрами, гражданскими чиновниками, лидерами повстанцев и для каждого находил соответствующие слова. Впрочем, слова были одни и те же. Нация в опасности, и они должны ее спасти! И он был несказанно доволен увиденным в Анатолии, где в едином порыве на борьбу с захватчиками поднималась та самая турецкая нация, о судьбе которой он столько передумал за эти годы. Что бы он там ни говорил, но до сих пор понятие «нация» было для него все же куда более абстрактным, нежели реальным. Да и где он мог видеть эту самую нацию? В Стамбуле, где почти никто не говорил по-турецки? В космополитичных Салониках, с их смешением языков? Конечно, и на фронтах, и в министерствах он встречал настоящих патриотов, но все же это было нечто другое по сравнению с тем, что ему представилось в Анатолии.

И, видя всеобщее возбуждение, он с еще большей энергией продолжил работу. Не жалея красноречия, он с великой страстью говорил о том, что только они сами смогут спасти свою родину и именно поэтому надо записываться в отряды «национальных сил».

Но... не все шло так гладко, как хотелось бы, и причиной тому были многочисленные агенты султана, убеждавшие крестьян в том, что этот воинственный генерал хочет втянуть их в новую войну. Да и сами проживавшие на неоккупированных территориях крестьяне не горели особым желанием воевать! Оно и понятно! Ведь основная тяжесть пронесшихся над Турцией войн легла именно на них, обильно поливших своей кровью пески Африки и берега Дарданелл! И именно отсюда шла та настороженность, с какой они выслушивали пламенные призывы свалившегося им на голову генерала. Но Кемаля их сдержанность не смущала, и все с

тем же упорством он продолжал свои пламенные и в то же время в высшей степени откровенные речи.

Да, говорил он, у нас пока нет ничего, кроме любви к родине и желания сделать ее свободной. Но и это уже немало! «Только энергия и воля нации спасет страну! — убеждал он. — И я заверяю вас, что не покину Анатолию до тех пор, пока страна не станет свободной! Ну а если вы хотите, чтобы на вашей земле было создано греческое государство, то продолжайте сидеть в своих домах, и уже очень скоро вас выгонят из них точно так же, как наших соотечественников выгнали из них в Западной Анатолии!» И к своей великой радости, все чаще Кемаль видел на лицах слушавших его людей не только сочувствие, но и куда более важное для него сейчас понимание, все чаще к нему подходили бывшие офицеры и просили использовать их так, как он считал нужным. Лед отчуждения таял на глазах, и покоренные его страстной верой в будущее их родины крестьяне записывались в партизанские отряды. И все же, отдавая дань Кемалю и его сторонникам, нельзя не сказать и о том, что наилучшими агитаторами были все же не они, а пришедшие на их землю с мечом в руках оккупанты. И именно они, отнимая и убивая, заставляли смертельно уставших от войны людей снова браться за оружие.

С каждым днем деятельность Кемалья принимала все более широкий размах, и уже через месяц в Лондон полетела отчаянная шифровка резидента английских спецслужб в Самсуне. «Доподлинно известно, — сообщал он, — что назначенный инспектором Девятой армии Мустафа Кемаль-паша занимается в Анатолии организацией борьбы против греков! Движение принимает все большие размеры, и если не будут приняты необходимые меры, то остановить его будет весьма сложно!» В Лондоне посланию не удивились, Восток, как известно, дело тонкое, и кто знает, с ка-

кой на самом деле целью султан послал этого смутьяна в Анатолию: наводить порядок или, наоборот, нарушать его! А вот меры приняли, и попавший под давление Союзников военный министр сразу же попросил Кемаля «оказать ему честь и вернуться в Стамбул!». Тот отделался туманными обещаниями и чести министру не оказал! Понимал, откуда дует ветер, и в Стамбул не спешил. Да и не доехал бы он ни до какого Стамбула, кого-кого, а рыцарей плаща и кинжала у Интеллидженс сервис хватало во все времена!

И все же послание министра заставило его задуматься. Судя по всему, ему недолго оставалось пребывать инспектором армии и султанским адъютантом и уже очень скоро он мог оказаться в весьма незавидном положении генерала без армии и политика без партии! А раз так, надо эту партию создать! Не политическую, конечно, нет! После давно уже ставшего притчей во языцех «Единения и прогресса» об этом говорить было еще слишком рано! А вот о создании общенационального Общества защиты прав Анатолии и Румелии подумать самое время! Именно эта организация и должна стать тем самым рычагом, с помощью которого он сможет объединить и поднять на борьбу всю Анатолию! И ему надо было спешить! Англичане не собирались мириться с деятельностью мятежного генерала, и военный министр уже не просил, а требовал его возвращения в Стамбул.

Но куда там! Кемаль даже не читал сыпавшиеся на него словно из рога изобилия телеграммы и вместо столицы отправился вместе с Рефетом в Амасью, небольшой и почти полностью мусульманский городок, где намеревался провести совещание с Рауфом и Али Фуадом. Почему именно в Амасью? Да только по той простой причине, что там стояла Пятая дивизия и он мог чувствовать себя в относительной безопасности.

Два дня продолжалось «совещание четырех», и, обсудив военные проблемы, Кемаль перешел к политике. «Если правительство неспособно защищать территорию и мусульманское население, — сразу же заявил он соратникам, — значит, эту задачу должна решать другая властная структура!» — «Насколько я понимаю, — настороженно взглянул на него Рауф, — речь идет о создании национального правительства? Не так ли?» — «Именно так! — кивнул Кемаль. — И мы должны как можно быстрее объединить все общества защиты национальных прав под единым началом и придать новой организации силу законной власти на всенациональном конгрессе в Сивасе!»

И тут его таких решительных до этой минуты собеседников словно подменили. Они наотрез отказались бороться против султана, и Кемалю не оставалось ничего другого, как сменить тактику. «Да кто же вас заставляет бороться с султаном? — с трудом сдерживая гнев, обвел он удивленным взглядом своих собеседников. — Наоборот, мы будем всячески помогать ему! Султан находится в руках врагов, и мы будем бороться против тех, кто мешает ему выполнять свои обязанности!»

Что там говорить, это был блестящий тактический ход! Бороться за свержение султана с помощью самого же султана! Впрочем, во все еще верившей в политическую непорочность своего владыки стране ничего иного ему и не оставалось, и уже на следующее утро по городам и весям полетел секретный циркуляр с предложением созвать в Сивасе общенациональный конгресс и создать национальное правительство. А чтобы сразу показать всю серьезность своих намерений, Кемаль приказал прекратить сообщение со Стамбулом! Подобное самоуправство в столице не понравилось, но Кемаль выдержал стойку, и министр внутренних дел был вынужден отменить свой приказ. Так в своей пер-

вой же схватке с центром Кемаль одержал безоговорочную победу!

Как вспоминал позже Карабекир, именно в Амасье Кемаль впервые заговорил и о тактическом союзе с большевиками. Ведущим отчаянную борьбу с Западом Советам было далеко не безразлично, кто будет править Турцией, и перед националистами открывалось широкое поле деятельности. И ничего странного в том, что на дух не переносивший коммунистические идеи Кемаль шел на сотрудничество с большевиками, не было. Ленина он, конечно, не читал, но о необходимости компромиссов знал хорошо. К этому времени он и сам сотрудничал с людьми весьма сомнительной репутации. И чего в этом отношении стоил тот же Хромой Осман из Гиресуна, державший в страхе не только армян и греков, но и своих братьев мусульман. А братья-черкесы Решит, Тевфик и Этхем! Свободолюбивые, гордые и смелые, они имели свои виды на борьбу за Независимость и не собирались уступать никому!

Да, очень скоро их дороги разойдутся, и для многих из них сближение с Кемалем закончится трагически, но пока еще им было по пути, и он сквозь пальцы смотрел на их далеко не всегда благочестивые деяния. Главное — добиться своей цели, а потом... он сумеет разобраться с неугодными ему! Более того, в некоторых книгах об Ата-тюрке описывается якобы состоявшаяся летом 1919 года в Хавзе встреча Кемалья с Семеном Буденным, обещавшим ему деньги и все необходимое для того, чтобы одни люди могли как можно успешнее убивать других. Правда, вместе с пушками простоватый Семен Михайлович предложил принять и коммунистическую веру, способную, по его словам, осчастливить турецких братьев в их борьбе за светлое будущее с кровопийцами-буржуями! Но не внял Кемаль голосу кипевшего под буден-

новкой возмущенного пролетарского разума и предпочел марксизму пулеметы!

Вернее всего, это только легенда, и, говоря откровенно, вряд ли знавшие истинную цену с трудом изъяснявшегося по-русски кавалериста Ленин и Троцкий послали бы его на подобные переговоры, но то, что на его месте могли оказаться совсем другие и куда более умные люди, сомнений не вызывает. Но как бы там ни было, затягивать своего брака по расчету с большевиками Кемаль не стал, в октябре в Москву отправился Халиль-паша, а уже на следующий год Кемаль получил из России первую партию оружия.

А в это время разъяренный султан в бессильной ярости срывал зло на всех попадавших ему под руку. Он низвергал целые потоки брани, на какие только способен человек, под которым шатался трон, и требовал любой ценой остановить Кемалья! И министр внутренних дел разослал губернаторам Анатолии циркуляр, в котором доверительно сообщал, что «Мустафа Кемаль великий полководец, но он недостаточно компетентен в текущей политике, а посему не следует исполнять его приказаний!».

Но даже сейчас Кемаль оставался лояльным по отношению к султану и продолжал клеймить не его самого, а окружавших его предателей нации. Да и как он мог бороться с ним, если те же Рауф и Рефет являлись его ярыми сторонниками! Да и не только они! И бросить вызов султану означало не только внести раскол в национальное движение, но и взбудоражить миллионы все еще почитавших своего халифа мусульман. Но Кемаль не отчаивался, придет время, и он найдет способ разобраться со своим «добрым другом». А пока все его надежды были связаны с Сивасом, откуда он и намеревался начать свою победную поступь по древней азиатской земле.

Прежде чем отправиться в Сивас, ему пришлось принять участие в работе эрзурумского конгресса Общества защиты национальных прав Восточной Анатолии, весьма обеспокоенного намерением Союзников создать в ней армянское и греческое государства. Оставалось только добраться туда. Дороги кишели бандитами, и любая поездка могла оказаться путешествием на тот свет. Тем не менее презревший все опасности Кемаль отправился в столицу Восточной Анатолии.

В лежавшем в развалинах Эрзинджане его ждала телеграмма от султана. Вахидеддин по-прежнему был полон веры в своего верного факри явера и убедительно просил его... съездить куда-нибудь отдохнуть! Кемаль усмехнулся. Можно было бы выдумать что-нибудь и поумнее! И все же, несмотря на всю наивность султана, это был тревожный звонок! Да, пока он еще просил, но уже очень скоро его «старый друг» начнет приказывать, и тогда прощай звания и титулы, а значит, и реальная власть!

А снимать генеральский мундир Кемалю не хотелось! Он слишком хорошо знал, какое магическое действие оказывали на людей генеральские погоны, и желал пользоваться ими как можно дольше. Одно дело слушать адъютанта султана, доверенное лицо правительства и инспектора целой армии, и совсем другое — подчиняться мало кому известному гражданскому лицу! И уже понимая, что его дни на официальном посту сочтены, он поспешил распространить приказ среди подчиненных ему командиров всячески поощрять создание отрядов «национальных сил» и ни под каким видом не сдавать Союзникам оружие и боеприпасы. «Вы, — писал он, — должны быть в любой момент готовы отразить попытку интервентов продвинуться в глубь страны! Именно армия должна стать проводником национальной воли и гарантировать безопасность халифата!»

В десяти милях от Эрзурума Кемаль вместе со своим штабом и созданным им из потерявших родителей мусульманских детей отрядом «Детской армии» встретил Карабекир. А когда они въехали в город, Кемаль невольно вспомнил царившую на улицах Салоник эйфорию после победы революции. Карабекир постарался на славу, и не очень-то пока еще известных в Восточной Анатолии Кемалья и Рауфа встречали как героев!

На следующий день страна отмечала годовщину вступления султана на трон, и Кемаль послал своему «доброму знакомому» поздравительную телеграмму с уверениями в своей преданности. И тем не менее 8 июля случилось то, что и должно было случиться! Висевший над его головой дамоклов меч отставки упал, и Кемаль, как ни был готов к такому повороту событий, почувствовал себя весьма неудобно. Генеральский мундир служил не только символом власти, но и своеобразной охранной грамотой, и, сняв его, он испытывал те же самые ощущения, какие должен был испытывать всю свою жизнь носивший оружие человек, в одночасье лишившийся его! Ведь теперь он сразу же оказался во власти продолжавшего состоять на султанской службе Карабекира, назначенного вместо него инспектором Третьей армии. И что бы там ни говорил сам Карабекир о своей преданности ему, сейчас у него была блестящая возможность избавиться от своего главного конкурента в борьбе за национальное лидерство.

Масла в огонь подлил начальник штаба Кемалья, который мгновенно отбыл за «новым назначением», и потрясенный Кемаль в отчаянии воскликнул: «Теперь я никто даже для еще вчера преданно служивших мне людей!» — «Не расстраивайтесь, — попытался успокоить никогда не видевший Кемалья таким подавленным Рауф, — ничего страшного не случилось, и вы можете положиться на Карабеки-

ра!» — «Очень хотелось бы надеяться на это!» — без особого энтузиазма ответил Кемаль. А когда буквально через несколько минут адъютант доложил о прибывшем командире Пятнадцатого корпуса, он затравленно взглянул на Рауфа. «Ну вот и все!» — едва слышно произнес он.

И ему было чего бояться! Карабекир получил приказ не только арестовать самого Кемалья, но и разогнать делегатов. Но он и не подумал подчиняться идущим на поводу у Союзников стамбульским чиновникам и прямо с порога протянул руку Кемалю. «Я пришел, — с некоторой торжественностью произнес Карабекир, — выразить вам свое уважение от имени всех офицеров, находящихся под моим командованием. Вы остаетесь нашим уважаемым командиром, каким и были до этого дня! В вашем распоряжении машина, эскадрон кавалерии и мы все!» Кемаль бросил быстрый взгляд на Рауфа и, облегченно вздохнув, крепко пожал руку генералу. Гроза прошла мимо, и он снова был в безопасности!

И все же поведение Карабекира поразило его. Любой честолюбец сделал бы на его месте все возможное, чтобы освободиться от своего единственного конкурента на роль национального лидера, а он... либо и на самом деле безоговорочно принял его лидерство, либо при всей своей самоуверенности был очень плохим политиком! Что, кстати, постоянно отмечали в своих донесениях английские агенты. И наверное, именно поэтому он с первых же дней войны за Независимость выступал за коллегиальное руководство национальным движением, в то время как сам Кемаль видел во главе его только одного лидера: самого себя! «История, — как-то сказал он Рауфу, — убедительно доказала, что успех крупного дела требует лидера неограниченных способностей и власти!» И весьма примечательно в этом отношении написанное им в эти дни письмо

матери. «Не надо ни о чем тревожиться!» — просил он ее, — нация верит мне, и я останусь с нею до победы. И если бы я даже очень захотел, меня все равно не отпустили бы из Анатолии! И что бы тебе ни говорили, знай, что я сделаю все лучше османского правительства... И не стоит опасаться англичан, они постоянно заигрывают со мной и стараются привлечь меня на свою сторону. Но как только будет избран новый парламент и к власти придет законное правительство, я сразу же приеду в Стамбул!»

Что там говорить, послание многозначительное! И писал он его так, словно новый парламент уже приступил к работе, а он уже был признанным всей нацией лидером! Впрочем, после эрзурумского и сивасского конгрессов он стал таковым! Образованный на них Представительный комитет явился, по сути дела, анатолийским правительством, и именно в Сивасе Кемаль выработал основы того самого знаменитого «Национального обета», из-за которого был разогнан последний османский парламент. Чего он требовал? Да только одного! Сохранения за Турцией всех ее территорий, определенных в Мудросе. А это означало окончательный разрыв Кемалья с общей концепцией Османской империи, хотя в течение всего 1919 года он довольно часто пользовался терминами «османское государство» и «османская идея». И по всей видимости, уже в то время его принцип национализма получил свой законченный вид. «Когда я говорю о национальной политике, — говорил он позже, — то вкладываю в нее следующий смысл: трудиться в пределах своих собственных границ, оберегая свое существование и опираясь прежде всего на свои собственные силы, во имя подлинного счастья и процветания нации и страны».

Право на это процветание Кемаль начал отстаивать уже в Сивасе в дискуссиях со сторонниками

американского мандата. А среди них были такие весьма влиятельные патриоты, как писательница и пламенный трибун националистов Халиде Эдип, лидер «Каракола» Кара Васыф и многие другие стамбульские политики, однозначно считавшие, что только с помощью этого мандата можно будет избавиться от «других мерзавцев и в дальнейшем иметь дело только с американцами». К явному неудовольствию Кемаля, им вторил и близкий к нему Али Фуад, который просил конгресс «единодушно высказаться за американскую помощь». Однако сам Кемаль думал иначе! Да, говорил он, наша страна нуждается в помощи извне, но ни о каком мандате не может быть и речи! И конечно, дело было не только в стране, и уж кто-кто, а с таким трудом зацепившийся за власть Кемаль не собирался делиться ею ни с какими американцами! Да и не верил он ни в какую бескорыстную помощь Америки!

Помимо всего прочего, Кемаль столкнулся и с другой серьезной проблемой. Большинство делегатов были в прошлом членами «Единения и прогресса», и он заставил делегатов поклясться в том, что они не будут возрождать «Единение и прогресс». Отмежевался он и от «Каракола». Оставшись в глазах европейского общественного мнения обыкновенным мятежником, он не желал иметь ничего общего с этой одиозной полуподпольной организацией. Положение осложнялось еще и тем, что многие видные политики и общественные деятели поддерживали ненавидевшую младотурок «Свободу и согласие» и на дух не переносили сторонников Кемаля, что тоже не добавляло согласия в и без того не очень стройные ряды националистов. Но как бы там ни было, оба конгресса сыграли значительную роль в сплочении нации и выдвижении самого Кемаля. Для него они были важны еще и тем, что на них он впервые по-на-

стоящему окунулся в политическую кухню. И остался весьма недоволен представившимся ему неприглядным зрелищем!

Несмотря на общие лозунги, никакого единства среди депутатов не было и в помине, и зачастую приходилось подчиняться не разумности, а большинству! Да, это была уже не армия, и приказами сделать было уже ничего нельзя! К тому же депутаты очень любили говорить сами и совсем не умели, а чаще всего и не желали слушать других. В своем стремлении заложить основу новой власти и занять в ней достойное своих дарований место Кемаль уже с первых шагов не останавливался ни перед чем, и только благодаря этому ему удалось возглавить Представительный комитет и ввести в него предложенных им же самим депутатов! Но игра стоила свеч, и он получил в свои руки такие функции государственной власти, как руководство «национальными силами», взимание налогов и смещение и назначение чиновников.

Ну а что же правительство? Неужели смирилось с новоявленным владыкой Анатолии и осталось безучастным зрителем? Да нет, конечно! В Стамбуле не только внимательно следили за работой конгресса, но даже попытались разом покончить со всеми его участниками вместе с самим Кемалем! Правда, на открытое выступление правительство не решилось и попыталось разделаться с «анатолийскими самозванцами» чужими руками. На этот раз курдскими. Но не тут-то было! Кемаль послал два отряда кавалерии в Малатю и приказал арестовать мятежников. Однако до открытой схватки дело так и не дошло, в последний момент их предводитель Али Галип дрогнул и ушел в Сирию.

Провал этой затеи и изгнание великого везира с Парижской конференции позволили Кемалю перейти в еще более решительное наступление и уже к концу сентября установить контроль над гражданской

администрацией на большей части неоккупированной Анатолии. В своем стремлении как можно скорее покончить с центральным правительством некоторые горячие головы требовали немедленного похода на столицу, но Кемаль был против. Подобное выступление могло привести в ход такие силы, с которыми у него пока еще не было возможности бороться, и он не без основания опасался опьяненного сладким воздухом свободы командиров партизанских отрядов, способных в любой момент выйти из-под его подчинения, как это и случилось несколько позже. Да и зачем ему была совершенно пока ненужная трата сил! Имея доказательства участия великого везира в подстрекательстве курдов, он собирался сбросить Дамада Ферит-пашу и без похода на Стамбул, благо что события в Малатье вызвали волну протеста по всей Анатолии. Но и здесь все было сделано настолько тонко, что никто не мог обвинить его в давлении на султана.

В беседе со своим старым приятелем еще по Салоникам Абдулкерим-пашой Кемаль как бы невзначай обмолвился о том, что если Дамад Ферит-паша не будет отправлен в отставку и не будут назначены новые выборы в парламент, то «нация увидит себя вынужденной обратиться к необходимым действиям, и этому уже нельзя будет ничем помешать». Намек был куда как понятен, и обеспокоенный султан попросил Союзников направить в Анатолию две тысячи солдат, но те наотрез отказались! Такая незначительная сила, объяснил адмирал Калтрон, не сможет контролировать ситуацию, а посылка значительной военной силы только спровоцирует еще большую активность и без того возбужденного населения! Загнанный в тупик султан был вынужден отправить своего зятя в отставку, и довольный Кемаль принимал первые поздравления!

И ему было чему радоваться! За каких-то четыре месяца он сумел создать и возглавить свое соб-

ственное правительство, сбросить неугодного ему премьера и стать общепризнанным национальным лидером, и он очень надеялся на то, что это было только начало!

Глава 2

Состоявшиеся осенью 1919 года выборы в парламент принесли Кемалю новый успех, и большинство мест в нем получили националисты. Но стоило ему только заговорить о своем желании видеть законодательное собрание в Анатолии, как он сразу же наткнулся на глухую стену непонимания! Ни у кого из вновь избранных в парламент не было желания менять роскошную столицу на глухую провинцию!

Сам Кемаль в Стамбул ехать не собирался и переехал в Анкару, откуда намеревался руководить отбывавшими в столицу депутатами. По дороге он заехал в Эскишехир, где посетил могилу основателя ордена дервишей Бекташи Наджи Бекташа. Орден отличался своеобразным отношением к догмам ислама и пользовался большим влиянием среди населения, и покоренный обхождением лидера националистов челеби ордена Джемалеттин обещал ему свою поддержку.

В Анкаре Кемалья встретила целая делегация во главе с Али Фуадом и муфтием Рыфатом. После молитв у главной городской святыни — мечети основателя близкого к Бекташи дервишского ордена Хаджи Байрама процессия отправилась в город, и на всем пути Кемалья приветствовали всадники, дервиши и жители города. Несмотря на сильный мороз, на главной площади собралась огромная толпа, и Кемаль долго говорил о целях национального движения и тактике на ближайшее время. И все же у Али Фуада сложилось впечатление, что

куда больше он говорил для уже уехавших в Стамбул политиков. «Мы, — заявил он, — должны тщательно контролировать каждый шаг правительства и, если нужно, корректировать его!» Ну а в том, что Кемаль будет делать и то и другое, Али Фуад не сомневался! Закончил он свое выступление стихами любимого им Намыка Кемаля. «Враг нацелил свой нож в грудь отчизны, — с пафосом прочитал он с юности запавшие в память строки, — и не видно того, кто спасет нашу бедную мать!» Сделав небольшую паузу, Кемаль поправился. «Пусть враг целит свой нож в грудь отчизны, — с еще большим пафосом произнес он, — есть у нас тот, кто спасет нашу бедную мать!» В его голосе звучала страстная уверенность в своем и на самом деле высоком предназначении, и многим очень хотелось поверить в то, что этот голубоглазый человек с медальным лицом и на самом деле «спасет их бедную мать!».

Кемаль поселился в небольшом домике на склоне холма. И устроил он свое жилище вдали от города не случайно. Слишком уж неприглядное зрелище представляла собой в те глухие времена Анкара! некогда процветавший на продаже шерсти ангорских коз городок прозябал в нищете! Деревянные домишки, кофейни, чайные, убогие магазины, узкие грязные улицы — все это наводило тоску. Впрочем, у Кемаля и без этого были поводы грустить. Из видных националистов с ним остался только Али Фуад, и он в какой уже раз оказался в политическом вакууме. Депутаты были слишком далеко, и он очень боялся, что они попадут под влияние султанского окружения. Это ведь на нужды страны у правительства не было денег, а на подкуп нужных лиц оно их всегда найдет! Да и с правительством его отношения оставляли желать много лучшего. Ему не нравилось постоянное заигрывание нового кабинета с Союзниками и его намере-

ние окончательно отмежеваться от бывших членов «Единения и прогресса» и жестоко разобратся со все еще остававшимися на свободе его лидерами. Кемаль никогда не был своим в этой партии, но «охота на ведьм» могла сильно ослабить и без того хрупкое единство среди националистов, поскольку большинство из них являлись бывшими членами «Единения и прогресса». Да и что ему было делать с бывшим морским министром младотурок Рауфом, который подписал Мудросское перемирие? Расстрелять? А близкий к Энверу Карабекир? Как быть с ним? Бросить в тюрьму, а потом сослать на Мальту? Так это было проще сказать, чем сделать! А у него и без этого было чем заняться! Ведь мало было просто объединить националистов, необходимо было еще добиться их полной поддержки местными властями и населением. А сделать это было далеко не так просто.

После падения султанского режима местные князьки не испытывали ни малейшего желания снова идти к кому-то в подчинение, и сотрудничавшие с Союзниками политики с их помощью пытались расколоть ряды националистов. Не было единства даже среди отдельных групп, и родственники примкнувших к националистам черкесов как ни в чем не бывало продолжали посещать султанский дворец. Да и являвшиеся головной болью во все времена курдские племена тоже были разделены по своим мелким интересам. Не оживляли безрадостной картины религиозные деятели и игравшие заметную роль в обществе дервишские ордена, которые были настроены к националистам по-разному. Одни считали их безбожниками, другие относились к ним с пониманием, надеясь на то, что именно они смогут уменьшить оказываемое на них давление со стороны официальных религиозных деятелей. К тому же по всей стране прокатилась волна возмущения действиями националистов, ко-

торые силой взымали контрибуцию с населения и то и дело переходили тонкую грань между контрибуциями и самым обыкновенным разбоем. И стоило только Кемалю покинуть Сивас, как местный религиозный шейх Реджеп от имени местной знати дал телеграмму в Стамбул, в которой с возмущением сообщал, что Кемаль грабит местное население. А крайне недовольные поборами жители небольшого городка Адапазары на востоке Стамбула прошли по улицам города, громко скандируя: «Мы не желаем видеть на троне султана Мустафу Кемаля!»

Недовольны националистами были и жившие на азиатском берегу Мраморного моря черкесы, и султанская агентура постоянно провоцировала выступления против сторонников Кемаля по всей стране. И Кемаль не либеральничал! Жестокость, с какой он подавлял любые проявления недовольства проводимой им политикой, давала свои плоды, и именно в это время проявилась еще одна черта его характера: беспощадность ко всем тем, кто стоял у него на пути!

Обострилась обстановка и в Киликии, где французы не только заняли несколько городов, но и привели с собой изгнанных оттуда во время войны армян. И тем не менее Кемаль сумел блестяще воспользоваться ситуацией. Близкий к нему бывший адъютант Энвера Эмруллахзаде Асаф по кличке Кылыч Али (Али-Меч) затерзал противника своими отчаянными набегами, и на встречу с Кемалем поспешил сам автор знаменитой программы по разделу Османской империи Джордж Пико. Франция, заявил он, не только выведет свои войска с оккупированной турецкой территории, но и признает независимость Турции частным образом, если та, в свою очередь, обязуется соблюсти ее экономические интересы в Киликии и перестанет нападать на ее войска.

Тонкий тактик, Кемаль не стал перегибать палку! Да и зачем? Он и так добился невысказанного! Одна из самых влиятельных западных стран, по сути дела, отказывалась от своей «доли» в османском наследстве и предлагала ему свое пока еще негласное сотрудничество! В марте двадцатого случилось то, что рано или поздно обязательно должно было случиться! И как только опьяненные воздухом свободы депутаты объявили о создании независимого турецкого государства, в Стамбуле сразу же высадились английские войска и было введено военное положение. О событиях в столице Кемаль узнал на анкарском телеграфе, куда пришел для очередной связи со Стамбулом. Столичный чиновник успел сообщить о перевороте, затем сообщение было прервано, и в наступившей тишине люди заворожено смотрели на продолжавшую выходить из аппарата пустую ленту. «Что происходит в Стамбуле?» — в конце концов нарушил молчание один из служащих. «В Стамбуле происходит то, — насмешливо взглянул на него Кемаль, — что и должно было произойти...» Был ли он огорчен таким развитием событий? Вряд ли! Скорее доволен, разрыв с центральной властью был неизбежен, и теперь, когда все политики были вынуждены вернуться в Анатолию, он снова становился центром притяжения. И он знал, что ему делать! Сразу же запретив исполнять приказы Стамбула и сделав историческое заявление о том, что оккупация Стамбула положила конец существованию османского государства, Кемаль заявил о создании в Анатолии нового органа власти — Великого национального собрания Турции.

Давно уже снявший генеральский мундир Кемаль носил в те дни гражданский костюм свободного покроя, напоминая собою скорее отправившегося поохотиться джентльмена, нежели политика. Но конечно, ему было не до охоты! Работал он чуть

ли не сутками, поражая своей энергией и выносливостью. Совещания, переписка, встречи, посетители! Чтобы поддерживать себя в тонусе, он выпивая за сутки огромное количество крепчайшего кофе и выкуривал множество сигарет. Позже будут много говорить о его чрезмерном увлечении спиртным в эти напряженные дни, но на самом деле это не так. Конечно, он позволял себе время от времени взбодриться своей любимой раки, но не более того. У него просто не было для этого времени!

В пятницу 23 апреля Кемаль вместе с депутатами будущего меджлиса отправился в мечеть Хаджи. После молитв процессия во главе с держащим в руках Коран священником (другой держал над головой волос из бороды Пророка) под громкие крики «Аллах велик!» двинулась к зданию бывшего клуба «Единения и прогресса». Перед еще толком не отремонтированным зданием снова были прочитаны молитвы и принесена жертва. Затем депутаты вошли в клуб, и отныне сочетавшее в себе законодательную и исполнительную власть Великое национальное собрание Турции приступило к работе!

Избранный его президентом Кемаль поблагодарил депутатов за оказанное ему доверие и закончил свою короткую речь молитвой в честь султана! А затем с общего одобрения направил ему телеграмму. «Мы все собраны вокруг Вашего трона, — писал он, — к которому мы сейчас привязаны более чем когда-либо!» На следующий день он издал свое первое постановление к нации. «Мы, — говорилось в нем, — ваши депутаты, клянемся именем Бога и Пророка в том, что все наши претензии к султану и халифу являются надуманными нашими врагами. Все, чего мы хотим, это только спасти нашу страну от судьбы Индии и Египта!» В эти же дни в подписанном многими религиозными деятелями Анатолии послании муфтия Анкары Рыфата Кемаль еще раз напомнил верующим о том, что

халиф является пленником неверных и что дело чести веры — спасти его. И Халиде Эдип, по его словам, коробило от подобного лицемерия. Впервые, признавалась Халиде позже, она увидела истинное лицо Кемалья, который оказался самым настоящим циником! Да и чем, как не цинизмом, еще было можно объяснить его игру на чувствах глубоко верующих в своего халифа людей!

И все же в искренность этого заявления верится с трудом, поскольку остается совершенно непонятным, почему самая выдающаяся турецкая женщина тех лет решила, что Кемаль «играл на чувствах верующих». Да, Кемаль ненавидел султана уже тогда и тем не менее был вынужден в течение нескольких лет скрывать свои истинные чувства к «своему доброму другу». Но если даже Халиде Эдип и удалось каким-то сверхъестественным способом вырвать у него подобное признание, то ничего особенно удивительного и уж тем более странного в его поведении не было! И в своем стремлении к чистоте она забывала одну простую и не такую уж сложную для понимания вещь: Кемаль был политиком и слово «циник» к нему не подходило, как уже не подходили и те общепринятые нормы морали, какими жили простые смертные! На тех вершинах, на которые он пытался прорваться, царили иные законы, и подходить к ним с мерками обычных людей было бессмысленно! И как здесь не вспомнить того же Наполеона, лившего в юности слезы над «Страданиями молодого Вертера» и в конце концов заявившего в одной из бесед с Талейраном, что нет в мире такой подлости, на какую он оказался бы не способен!

Как и любой политик, Кемаль мыслил уже не нравственными категориями, а целесообразностью и пользой для себя и страны! Да и что ему еще оставалось? Объявить в мусульманской стране о своем страстном желании как можно быстрее отде-

латься от халифа и, повернув против себя миллионы верующих, лишиться заодно и поддержки извне? И именно эта целесообразность заставила его устроить пышную встречу бежавшему из Стамбула Февзи, хотя поначалу он собирался отправить его туда, «откуда он прибыл». Но и здесь Кемаль остался верен себе, и едва оттремели приветственные оваии, как Февзи передал депутатам наилучшие пожелания... от томившегося среди окружавших его врагов султана! Конечно, это был миф, и тем не менее он сыграл свою роль! В своем стремлении как можно сильнее укрепить свое положение и заткнуть рот всем недовольным Кемаль провел через меджлис закон «О высшей измене», и отныне каждого, кто осмелился выразить сомнение в законности Великого национального собрания, ждала смертная казнь!

Не остался в долгу и Стамбул и вынес смертный приговор Кемалю, Али Фуаду, Халиде Эдип и ее мужу Аднану. Узнав об этом, Кемаль только презрительно усмехнулся и принялся за составление первого анкарского правительства. И вот тут-то произошло то, что во многом предопределило дальнейшее развитие событий. Оставив своих ближайших друзей «за бортом» политической власти, Кемаль отдал кресло военного министра «стамбульцу» Февзи, а важный пост начальника генерального штаба — Исмету! И в то же время столько сделавшие для движения Карабекир, Али Фуад и Рефет не только остались при своих интересах, но еще и оказались в подчинении у «пришельцев», что сразу же вызвало у них глухое раздражение! Да иного и не могло быть! И кому, как не им, сражавшимся за свободу нации с первого дня, восседать в правительстве и руководить страной!

Но Кемаль решил иначе! Говоря откровенно, как военные и Февзи, и Исмет были на голову выше его верных соратников, но кого и когда из обойденных

интересовала подобная объективность! Впрочем, кто знает, чем руководствовался в те дни сам Кемаль, отодвигая так хорошо ему известных людей на второй план. И не желал ли он уже тогда как можно дальше удалить их от реальной власти, дабы они не мешали самому заполучить ее! Назначая на высшие военные должности «пришельцев», он тем самым как бы создавал два противовеса, и Февзи и Исмет прекрасно понимали, что обрели в лице «старой гвардии» своих самых злейших врагов и Кемалю в случае их нелояльности к нему ничего не стоит перетасовать колоду!

Тем временем снова избранный великим везиром Дамад Ферит-паша, стремясь оправдать выданные ему англичанами авансы и провоцируя одно восстание за другим, начал в стране гражданскую войну. Кемаль поднял брошенную ему перчатку и жестоко расправлялся со всеми, кто вставал у него на пути! Он арестовывал союзных офицеров и сажал их в тюрьмы, как сажали в концлагеря депутатов последнего парламента, взрывал поезда с итальянскими войсками, а когда очередь дошла до «Армии халифа», он в считанные часы разбил ее и, изгнав англичан из Измита, вышел к Мраморному морю. Гражданская война всегда отличалась крайней жестокостью, и неслучайно некоторые из соратников Кемалья носили с собою яд. Оно и понятно, попади они в руки султана, с них живых сняли бы кожу! Да и сам Кемаль находился в постоянной опасности, слишком уж много желавших заслужить вечное царствие, а заодно и крупную сумму кинулось на поиски Кемалья после того, как сам султан в своей фетве поставил Кемалья вне закона и призвал правоверных убить его! Впрочем, его гибели желал не только султан, но и англичане. И в Анкаре по обвинению в подготовке покушения на него был арестован индийский мусульманин Мустафа Сагхир. На следствии он признался, что работал на

английские спецслужбы, за что и был благополучно повешен.

«Враги, кругом враги, — писал в своем дневнике один из наиболее близких к Кемалю офицеров, — их кольцо неумолимо сжимается, и каждая ночь может оказаться его последней ночью на земле. Кемаль все время работает, и только когда за окном начинает сереть тоскливый рассвет, он наконец забывается коротким тревожным сном...»

Возможно, так оно и было на самом деле, но уже тогда Кемаль охранял не только его верный пес. Рядом с ним постоянно находились лазы из отряда того самого Хромого Османа, перед которым трепетало население его родного Гиресуна. И он неслучайно взял себе в охрану именно их! Жестокие и воинственные, они в то же время отличались неимоверной преданностью и готовы были защищать своего хозяина до последней капли крови. И хотя в Анатолии продолжала литься турецкая кровь, Англия с каждым днем все больше убеждалась в том, что стамбульское правительство не способно справиться с Кемалем и что предложенный в Париже мирный договор, который больше напоминал обыкновенный грабеж, можно было навязать только силой. А раз так, то пора было пускать в ход застоявшиеся на линии Милна греческие войска.

22 июня джинн был выпущен из бутылки, и греки двинулись в глубь страны. Националисты теряли одну территорию за другой, и англичане заставили-таки султанское правительство подписать в знаменитом своим фарфором французском городишке Севре мирный договор. И Кемаль только покачал головой, слов у него не было! Турция теряла все, что еще можно было потерять, и за нею осталась лишь небольшая территория между Анкарой и Черным морем, лишенная удобных путей сообщения и возможностей экономического развития. Подтверждался режим убивавших турецкую

экономику капитуляций, вводился полный финансовый контроль держав Антанты, а турецкая армия подлежала разоружению.

Новое унижение страны вызвало в Турции подъем освободительного движения, Великое национальное собрание отказалось признавать Севрский договор и объявило всех членов «Коронного совета» предателями нации. Но это не спасло Кемалья от ожесточенных нападок депутатов. Успехи греков и потеря священной для турок Бурсы вызвали в Анкаре целую бурю, и члены меджлиса обвиняли его в чрезмерном увлечении политикой. Да и кому, как не ему, возмущались они, следовало бы возглавить армию, а не произносить речи в собрании!

Но Кемаль на фронт не спешил! Без хорошо вооруженной регулярной армии даже самый великий полководец не смог бы остановить и уж тем более победить прекрасно экипированных греков, и первое же поражение могло поставить крест на его дальнейшей политической карьере! Ну а вооружить его армию могла только Советская Россия, с которой он начал наводить мосты сразу же после своего избрания президентом меджлиса и от которой уже получил оружие и деньги. Но из-за обострения обстановки в Закавказье, где шла война с возглавляемой дашнаками Арменией, подписание договора с большевиками затягивалось. Так Лондон надеялся не только ослабить Кемалья, но и не допустить создания общей границы Турции с Советской Россией. Но после того, как давно рвавшийся в бой Карабекир взял Карс и вышел на границы 1914 года, брошенному Англией на произвол судьбы эриванскому правительству не оставалось ничего другого, как только подписать перемирие с Турцией в Александрополе.

«Дашнакская Армения, — весьма справедливо писал по этому поводу Сталин, — пала, несомненно, жертвой провокаций Антанты, натравившей ее

на Турцию и потом позорно кинувшей ее на растерзание турок. Едва ли можно сомневаться в том, что у Армении не осталось никаких возможностей спасения, кроме одного: союза с Россией...» И как ни печально для армянского народа, поставленного в необходимость из двух зол выбирать меньшее, 29 ноября 1920 года Революционный комитет Армении объявил о провозглашении в ней советской власти, и таким образом и Анкара, и Москва получили столь необходимый им коридор! Советизация Армении и уступка нескольких городов Кемалю и по сей день в трудах некоторых историков представляются только результатом сговора большевиков с Кемалем! Но это далеко не так! Да и как могла Россия в те тревожные для себя годы заботиться о привязанной к Антанте и поддерживавшей Деникина и Врангеля дашнаковской Армении! И вполне понятно, что она пеклась в первую очередь о своих собственных интересах. Хотя определенная игра, конечно, велась! Но и в этом нет ничего странного и уж тем более удивительного. Хотел Кемаль отдавать отторгнутые от Турции Севрским договором вилайеты? Конечно нет! Могла Россия удержать их в надежде получить в составе вошедшей в ее состав Армении? По всей вероятности, нет, иначе бы обязательно удержала! Для Москвы брак по расчету с Кемалем был куда дороже судьбы, по сути дела, враждебной ей по тем временам Армении, и, заботясь о «продававших их», по словам Ленина, «Антанте националистах и октябристах», Москва думала в первую очередь о себе самой! Пролиты находились в руках Антанты, и они не могли исключать возможности новой интервенции. И уж конечно, большевикам совсем не хотелось видеть у себя на границах находившуюся под американским мандатом независимую Армению! Не оздоравливали обстановку и постоянные слухи о том, что Кемаль ведет переговоры с про-

английски настроенным султанским правительством. И как это ни печально для Армении, но она была обречена, поскольку и большевикам, и Кемалю был жизненно необходим коридор, по которому Москва могла переправлять оружие и все то, что необходимо для воюющей армии.

И искать виноватых во всей этой не такой уж и запутанной истории бессмысленно! Добровольно от территорий не отказывался никто, и больше всегда получал тот, кто оказывался хитрее и за кого были обстоятельства! На этот раз они были за Турцию, а все остальное уже не имело равным счетом никакого значения! И сам Кемаль достаточно ясно выразил все, что думал по этому поводу в связи с несколько запоздалым решением Вильсона по Армении, по которому ей отходили уже завоеванные Карабекиром Эрзурум, Ван и Битлис. «Бедный Вильсон, — с нескрываемой насмешкой заметил он, — так и не понял того, что границы защищаются только с помощью штыков, силы и чести!»

Да, Кемаль одержал свою очередную победу, но все же достигнутые им успехи выглядели не так однозначно, как это могло показаться на первый взгляд. «Прорубив окно» в Россию и сближаясь с большевиками, он приобретал весьма опасных друзей! И он нисколько не сомневался в том, что в своем стремлении проводить свои бредовые идеи они постараются оказывать на него определенное давление! Он не ошибся, и одним из созданных «его друзьями» противовесов стал не кто иной, как находившийся в Москве Энвер, который объявил себя лидером Исламской революционной организации и надеялся заинтересовать большевиков своими проектами. «Ввиду разногласий между Энвером и кемалистами, — говорилось в одной из докладных Наркоминдела, — Энвер не может издавать своих газет нигде, кроме России. И для нас очень важно поддерживать кого-либо, не принад-

лежащего к господствующей группировке кемалистов, чтобы иметь возможность оказывать на них давление. Энвер уже оказал нам большие услуги в наших сношениях с кемалистами. Это чрезвычайно тонкий политик, очень хорошо разбирающийся в положении и понимающий, что мы ему нужны. Мы предлагаем разрешить ему издание его двух газет и оказывать при этом полное содействие, и в данный момент требуется только принципиальное разрешение этого вопроса...»

Комментарии, как говорится, излишни! И конечно, Энвер страстно желал вернуться в Турцию и продолжить свои отчаянные эксперименты, о чем и писал внимательно наблюдавшему за его эскападами Кемалю. Однако ответ того был насколько краток, настолько и категоричен. «Вы, — писал он, — принесете куда больше пользы нашему движению из-за границы!» По извечной иронии судьбы он поменялся с Энвером местами, и теперь уже он сам сдерживал своего некогда могущественного противника.

Другим объектом большевиков стал не кто иной, как сам Карабекир с натянутыми отношениями с Анкарой из-за ее постоянного заигрывания с султанским правительством. Карабекир стоял против всяческих соглашений с Союзниками, о которых уже начинали поговаривать в Анкаре в случае провала Московской конференции. По его твердому убеждению, Россия являла собою «бездонный человеческий резервуар» и бороться с нею было бессмысленно! Конечно, дело было не только в «бездонном резервуаре», и воинственный генерал больше всего опасался за себя. И случись подобное, он в мгновение ока потерял бы весь свой завоеванный авторитет и неограниченную власть в Восточной Анатолии! А посему и заявлял в беседах с агентами Орджоникидзе, что «будет величайшим несчастьем для Турции и безусловно невыгодным для России, если они не поймут друг друга». И что-

бы иметь хоть какую возможность влиять на Карабекира, те настоятельно просили удовлетворить просьбу генерала и выделить ему 30 тысяч пудов мазута, 10 тысяч пудов керосина, 5 тысяч пудов бензина и подарить... «один классный вагон»!

Положение Кемаля осложнялось еще и тем, что к этому времени в Турции появилось достаточно симпатизировавших Советской России людей. И на то были свои причины. Ведь из всех воевавших с Османской империей стран только она отказалась от всех притязаний царской России и обнародовала тайные документы о разделе Турции Западом. Так и не сумев раздуть пожар мировой революции на Западе, большевики делали все возможное для распространения своего влияния на Востоке, а по-сему нехватки в коммунистической пропаганде в Анкаре не было. И далеко не случайно один из командиров карабекировского корпуса заявил на встрече с секретариатом Полномочного представительства РСФСР: «Мы только немножко красные, но мы хотим быть красными!» Но самым печальным во всей этой истории для Кемаля было то, что таких желавших «покраснеть» было достаточно и в без того не очень стройных рядах националистов и некоторые из них уже открыто высказывались за принятие коммунистических идей!

«Нам совершенно непонятно, чего мы ждем? — неоднократно заявлял видный националист Дамар из Аданы. — И почему бы нам не провозгласить коммунизм и не вдохнуть в наш народ новые идеи и энтузиазм? Ведь у нас нет ни собственности, ни богатства!» И опасавшийся подобных настроений Кемаль откровенно говорил на закрытых заседаниях меджлиса: «Намерение большевиков дружить с Турцией есть не что иное, как всего только лозунг, с помощью которого они собираются произвести впечатление на Запад и исламский мир! Но в то же самое время они сделают все возможное, чтобы

как можно сильнее привязать к себе Турцию! И ни сути дела, и у англичан, и у большевиков одна задача: так или иначе, завоевать Турцию. Только первые стараются сделать это с помощью оружия а вторые — с помощью идей!»

Но все было напрасно, и дело дошло до того что красный цвет стал самым модным, и многие прикалывали к своим шапкам красные банты и щеголяли в красных галстуках. Особенно подверженными влиянию большевиков оказались черкесы! Обещание Ленина дать свободу всем национальностям царской империи произвело на них впечатление, и самым горячим его сторонником стал их лидер Этхем! И по его собственным уверениям, он был одним из тех, кому Москва доверяла больше других! Оно и понятно! Ведь за ним стояли прекрасно вооруженные отряды, и с его помощью Москва очень надеялась оказывать известное давление на Кемаль! И далеко не случайно в мае в Анкаре появилась поддерживаемая Этхемом «Зеленая армия», чья программа представляла собою какую-то ядовитую смесь из воинствующего ислама и социализма. Он же финансировал в Эскишехире пробольшевицкую газету «Новый мир». И Кемаль не очень удивился, когда «товарищи» заговорили с ним о легализации Турецкой коммунистической партии, что, по их глубочайшему убеждению, привело бы к дальнейшему сближению с Советской Россией и позволило оказать неоценимую помощь анкарскому правительству в деле «просвещения народных масс». Прекрасно понимая, что в покое его с подобными просьбами не оставят и за все в этой жизни надо платить, Кемаль пошел навстречу большевикам. А что ему еще оставалось? Экономическая и военная помощь стоила еще одной политической интриги, и по его прямому указанию министерство внутренних дел зарегистрировало Турецкую коммунистическую

партию, в которую вошли такие видные «коммунисты», как... Исмет, Февзи, Али Фуад, Рсфет и другие наиболее близкие к Кемалю люди. В состав новой партии вошла и «Зеленая армия», и Кемаль сразу же попросил своего «товарища по партии» Этхема перевести «Новый мир» в Анкару. Редакция отправилась по указанному ей адресу, а месяц спустя ее главный редактор был арестован и отправлен в ссылку!

В Москве в искренность Кемалья не поверили. «Зная, что рано или поздно ему придется выдерживать борьбу с Турецкой коммунистической партией, и желая сразу же приручить ее и из нарастающего стройного движения устроить путаницу, — докладывали в столицу работавшие в Анкаре дипломаты, — Мустафа Кемаль пустился на провокацию. По своей старой практике борьбы провокационными методами с народниками и другими социалистическими течениями, он поручил своим ближайшим друзьям, нарастающей турецкой буржуазии и бюрократии состроить вторую партию для поддержки правительства и борьбы с левыми течениями на... платформе Третьего коммунистического интернационала. Вот из каких слоев состоят эти, с позволения сказать, революционеры по характеристике турецких товарищей-коммунистов: Мустафа Кемаль-паша, как известно всем и каждому, колеблющийся политик и эгоист... Аюп Сабри, торговец строевым лесом... Хакы Бехид, бывший министр внутренних дел, торговец и спекулянт строевым лесом... Хаджи Шюкрю, известный своей лживостью и беспутством друг Кемалья...»

И, читая этот документ, можно только удивляться наивности большевиков, благословивших на поездку в Турцию лидера «истинной» Турецкой коммунистической партии Мустафы Супхи, который уже очень скоро был утоплен со своими товарищами в Трабзоне. Как поговаривали, эту ак-

цию провели бывшие сотрудники «Особой организации» из правого крыла «Единения и прогресса». Имел ли отношение к убийству Супхи и его товарищей Кемаль? Сейчас на этот вопрос не ответит никто. И хотя сам Кемаль всегда стремился избавляться от мешавших ему людей без крови, в его распоряжении всегда имелись люди, готовые исполнить любой его приказ. «Мы, — скажет он в 1923 году журналистам о преследовании в стране коммунистов, — арестовали несколько человек, применив пусть и строгие, но тем не менее вполне законные меры, что, конечно, не понравилось русским!»

Но как бы там ни было, убийство Супхи несколько не осложнило его отношений с не заметившими потери бойца Советами, поскольку все были реалистами. Ну а сам Кемаль стал желанным гостем в советском представительстве в Анкаре, где часто отдыхал в специально отведенной ему комнате. И в этой связи весьма интересно ознакомиться со сделанными первыми работниками советского представительства «живыми» зарисовками, поскольку они дают прекрасное понимание того, какое тяжелое наследство досталось Кемалю после гибели Османской империи. О симпатии к России уже говорилось, а вот сама жизнь в Анатолии произвела на них такое тягостное впечатление, словно прибыли по крайней мере из Голландии, а не из голодавшей и разрушенной России! В экономике по-прежнему процветали свободная торговля, ростовщичество и спекуляция. Шахты, рудники и прочие созданные западными промышленниками предприятия стояли без движения. В глубине Анатолии картина была еще безрадостнее. Повсюду обнищавшее и обремененное большими податями крестьянство и полная безграмотность. Местные помещики являлись практически полноправными хозяевами целых районов. По всей стране пышным цветом цве-

ли взяточничество и коррупция. Реформа армии ограничилась снятием погон и орденов, а в остальном оставалась все та же неприглядная картина мордобития, слепого подчинения и палочной дисциплины. Жандармов ненавидели все, но особенно армия, по сравнению с которой они находились в куда лучшем положении. Лейтмотив освободительного движения был повсюду один: «Борьба за освобождение любимого султана, находящегося в плену у англичан!»

«Конечно, — говорил первым советским дипломатам сам Кемаль, — мы прекрасно понимаем, что монархический принцип правления в будущем неприемлем, и тем не менее, принимая во внимание «врожденную любовь к султану», мы опасаемся подорвать свою силу новыми контрреволюционными выступлениями в случае объявления ему открытой войны, а посему пока лишь ограничиваемся собиранием изобличающих его предательство национальных интересов фактов!» А когда один из дипломатов заметил, что «война за освобождение султана» может обернуться в конце концов против него и что невозможно вести народную войну под ложными лозунгами, Кемаль ответил: «По мере возможности мы через доверенных и подготовленных для этого людей готовим и просвещаем население. Хотя делать это очень тяжело! Война, большие расходы, постоянное повышение налогов и без того не обещают нам легкой жизни, и поэтому мы не можем сейчас рисковать и вносить раскол среди верящих в своего халифа мусульман!»

И в этой связи интересны не ответы Кемалья, а сами вопросы, демонстрировавшие полное незнание страны советскими дипломатами. А отсюда и та в значительной степени инфантильная характеристика, данная лидеру национального движения первым секретарем Полномочного представительства РСФСР в Турции Умпал-Ангорским. «Мустафа Ке-

маль, — писал он в своей служебной записке Наркоминдел, — весьма оригинальная фигура на фоне своеобразной восточной переходной эпохи монархического сатрапизма и буржуазного демократизма. Он полностью представляет турецкий государственный строй со всеми его пороками. Личность Мустафы Кемалья безусловно выдающаяся в Турции по своему уму, энергии, силе воли, способности убедить (внушением кажущейся искренности даже недоверчиво относящихся к нему лиц). Главным его движущим импульсом является большое честолюбие. Для достижения намеченной цели в ход пускается все, и он идет к ней, не считаясь ни с чем. В своей политике он являет себя полностью беспринципной личностью, использующей систематические провокации среди туземных общественных течений и группировок. В беседе с нами он с гордостью заметил, что при посредстве своих доверенных лиц руководит работой самых разнообразных слоев общества. А когда его спросили, как он относится к весьма влиятельной в меджлисе «Зеленой армии», представляющей самое радикальное его течение, он рассмеялся. «В свое время, — заявил он, — я поддерживал эту фракцию как баланс против крайне правого крыла, но когда они захотели повести самостоятельную игру, я быстро расстроил всю их организацию!»

Возможно, так оно и было, и все же Кемаль не изобрел в этом отношении ничего нового и правил так, как правила десятки правителей. Конечно, в чем-то они были правы, и, несмотря на заявления самого Кемалья о народном характере установленного им в Анкаре режима, даже при всем желании в нем уже нельзя было не заметить его жестокой иерархии. Одним из первых о ней заговорил девятнадцатилетний Назым Хикмет, ужаснувшийся увиденному в будущей столице, где в это время уже начиналось преследование «неофици-

альных» коммунистов. Разочаровавшись установленным на его родине «народным режимом», поэт не нашел ничего лучшего, как бежать в другое «царство истинной свободы» — Советскую Россию. «Анкара, — писал в одном из своих писем Карабекиру директор прессы анкарского правительства Мухеттин, — являет собою самый настоящий ад, где нет даже намека на мораль. Я убежден, что успехи борьбы в Анатолии должны сопровождаться социальными изменениями. И мы приехали в Анкару с намерением проводить в жизнь именно эту идею. Но после проведенного там года мы ясно увидели, что, по сути дела, анкарские правители ничем не отличаются от стамбульских! Правительство народа и нации существует только на бумаге. На самом же деле народ Анатолии не поддерживает ведущуюся там борьбу и постоянно выступает против нее!»

И доля истины в этом крике души, конечно, была! Правительство Кемаля имело точно такое же отдаленное отношение к народу, какое имело к нему любое из существовавших в мире правительств. А если уж быть совсем откровенным, то нельзя не сказать и о том, что насаждаемый Кемалем «новый порядок» был намного жестче султанского! Другое дело, явился ли он таким уж откровением для привыкшего к авторитарной власти народа. Что же касается самого Кемаля, то уже с первого дня нахождения у власти он явил себя зрым мастером политической игры. Покидая Анкару только в самых экстренных случаях, он постоянно давил на меджлис, подчиняя его своей воле. Не обладая пока еще достаточно сильной базой, он был вынужден действовать и убеждениями, и ловкостью, и большая часть его работы приходилась на приватные встречи с нужными людьми. Очень часто эти встречи затягивались до утра и сопровождались обильными возлияниями.

В это время он уже жил в выстроенной для него в Чанкайя вилле в викторианском стиле с арабскими на потолке, декоративными жаровнями и бильярдной. Вилла была окружена прекрасным фруктовом садом с фонтаном, и с двух ее террас открывался великолепный вид на окрестности. Стены одной из комнат Кемаль украсил киренаикскими фотографиями и снимками матери. Позже к ним добавились фотографии Исмета, Февзи, Кязыма Озальпа, но больше подобной чести не удостоился никто. В одной из комнат стояло пианино, и, к великому удовольствию Кемалья, Фикрие часто играла его любимые мелодии. И конечно, она привнесла в его дом некоторый уют, украсив стены турецкими и персидскими коврами, с развешенным на них оружием, среди которого выделялась подаренная Кемалю одним из арабских шейхов дорогая шашка. И стоило только Кемалю появиться в своем уютном жилище, Фикрие ловила каждое его слово и спешила исполнить любое желание своего господина. Ну а когда ему нездоровилось, она ходила за ним как за ребенком. Она не только вела хозяйство и ухаживала за Кемалем, но и исполняла обязанности его личного секретаря. Всегда по-европейски одетая, красивая и стройная, она была предана Кемалю душой и телом, и в его доме веяло уютом и теплом. Но главное для него заключалось даже не в созданном для него комфорте, а в той атмосфере, какую она создавала в доме. Фикрие ничего не требовала от него и, будучи незаменимой, оставалась в то же самое время совершенно незаметной. Мягкая и деликатная, она была создана для семейной жизни, и тем не менее ни Зюбейде-ханым, ни сестра Кемалья Макбуле и слышать не хотели о ней как о будущей снохе и невестке. И если мать Кемалья еще кое-как выносила Фикрие, то сестра и не думала скрывать своей неприязни к ней. И наверное,

обе были не правы, поскольку лучшей жены для Кемаля нельзя было и пожелать.

Здесь же, в Чанкайя, поселились и его друзья детства и ближайшие сподвижники. Они часто приходили к Кемалю, пили вино и обсуждали текущие вопросы. После этих застолий сразу же стали ходить всевозможные слухи о диких скандалах и не совсем этичном поведении самого Кемаля. Но все они были сильно преувеличены! Никаких скандалов в Чанкайя не было и в помине, и всегда широко открытый для гостей дом Кемаля ничем не напоминал собою то самое гнездо хищной птицы, о котором так проникновенно писал в те дни поэт Фарук Нафиз. На вилле собиралась элита новой Турции, и никому даже в голову не приходило пикироваться со всегда так радушно встречавшим своих гостей хозяином, уже ставшим к тому времени безоговорочным лидером движения.

Да и не до скандалов ему было в то время! Разобравшись с большевиками и обезопасив свои восточные границы, Кемаль мог теперь по-настоящему заняться организацией армии. В Анкаре были открыты командирские курсы, и уже в ноябре они выпустили первых офицеров. И все же с всеобщей мобилизацией он не спешил. Даже призванные в армию старались как можно быстрее вернуться домой, заявляя о том, что султан отменил принудительную милицейскую службу. Дезертиров хватало, и созданные для борьбы с врагами Кемаля в сентябре 1920 года Суды независимости имели право выносить им смертные приговоры. Однако до них дело доходило крайне редко, и куда чаще дезертиров наказывали палками. И все же свою главную задачу Кемаль видел не в борьбе с дезертирами, а в наведении дисциплины среди партизанских отрядов.

Наиболее напряженные отношения сложились у Кемаля с лидером черкесов Этхемом и его братом

Тевфиком, которые предпочитали оставаться «вольными стрелками». Не намеренный терпеть самоуправство Кемаль решил положить конец своеволию и беспорядкам на Западном фронте. Он вызвал к себе смотревшего сквозь пальцы на выходки Этхе-ма и его брата Али Фуада в Анкару и сообщил ему о своем решении назначить его послом в Москву! Как видно, общение с Энвером не прошло даром, и он не задумываясь сослал старого друга пусть и в почетную, но все же ссылку! Более того, он предложил ему захватить с собой в Москву и братьев, однако Этхем сразу же усмотрел в его желании отделаться от них диктаторские замашки и заявил, что ни он сам, ни его братья не потерпят подобного развития событий. Был ли доволен своим новым назначением сам Али Фуад? Вряд ли! Да и что ему, боевому генералу, было делать в Москве в самый разгар борьбы за свободу страны? Его место было в Анатолии, где он мог снискать новую славу и авторитет!

И все же по большому счету в новом назначении Али Фуада главную роль сыграла отнюдь не его дружба с Этхемом. Отправляя своего старого приятеля в дипломатическую ссылку, Кемаль избегал куда более крупной ссоры с ним, поскольку желал видеть на месте командовавших Западным фронтом Исмета и Февзи. Отношения Кемалья с «вольными стрелками» продолжали ухудшаться, и когда один из них, Демирджи Эфе, отказался войти со своими отрядами в регулярную армию, он был сразу же арестован. А вот с черкесами все было куда сложнее. В отличие от Эфе Этхем был куда более значимой фигурой и имел немало сторонников в меджлисе, где заседал его брат Решит. Недалеко от него в своем свободолюбии ушел и его второй брат Тевфик, напрочь отказавшись подчиняться Исмету. Привыкнув к безнаказанности, он превратился в самого настоящего средневекового барона и распо-

ряжался Кютахьей и близлежащими районами по своему усмотрению. Но особенно нагло он повел себя после того, как начинавший терять терпение Кемаль в довольно жесткой форме приказал ему прибыть в Анкару. В ответ Тевфик цинично заявил, что если он и приедет в Анкару, то только для того, чтобы повесить всех тех, кто осмеливается приказывать ему! Вынужденный до поры сдерживать себя Кемаль повторил приглашение, и Тевфик приехал в сопровождении целого отряда вооруженной до зубов охраны, готовой по первому же знаку своего вожака броситься на его защиту. Разговаривали они недолго. Да и о чем было говорить, если Тевфик сразу же заявил о своей исключительности и нежелании выполнять чьи бы то ни было приказы и как бы невзначай взглянул в окно, за которым разгуливали его обвешанные с ног до головы оружием головорезы. А когда ему показалось, что Кемаль готов броситься на него, он не выдержал напряжения и молниеносным движением выхватил пистолет. И дабы хоть как-то разрядить обстановку и не получить шальную пулю, Кемаль в последний раз предложил ему поехать к Исмету и обсудить все вопросы. Тевфик отказался и покинул комнату. А когда Исмет недоуменно воскликнул: «Кто же руководит страной, мы или все эти вооруженные до зубов и смотрящие на всех сверху вниз люди?» — Кемаль спокойно ответил: «Конечно мы! Потому что у нас есть голова на плечах!»

И он знал, что говорил! Не прошло и нескольких дней, как Кемаль уже по-настоящему приступил к укрощению строптивых и приказал провести чистку партизанских отрядов и включить их в состав регулярной армии. Конечно, наиболее анархически настроенные попытались «качать права», но Исмет очень быстро привел их в чувство, частично истребив, частично включив в регулярную армию. Этхем бежал в Кютахью к брату, и Кемаль имел

яростное объяснение с его братом-депутатом. Каждый стоял на своем, и в конце концов выведенный из себя Кемаль воскликнул: «До сих пор вы беседовали со своим старым товарищем, но теперь вы имеете дело с президентом Великого национального собрания и его правительства! И как глава государства, я прикажу командующему Западным фронтом принять все надлежащие меры!»

Разъяренный Решит поспешил к братьям, а Кемаль отправился в Биледжик на встречу с присланной великим везиром Тевфик-пашой делегацией во главе с министром внутренних дел Ахметом Иззет-пашой. Надеявшийся навести мосты с Кемалем Тевфик-паша неслучайно поставил во главе делегации его старого знакомого. Но, увы, Кемалья мало тронули излишества старого солдата, и, намеренный сразу же все расставить по своим местам, он поставил его на место своей первой же фразой. «Я — президент Великого национального собрания Турции и его правительства, — заявил он не ожидавшему ничего подобного генералу, — и мне хотелось бы знать, с кем я имею честь говорить?» Изумленные чиновники принялись называть свои титулы, но Кемаль, на полуслове оборвав очередного представлявшегося ему, заявил, что не знает никакого стамбульского правительства и не будет вести никаких переговоров до тех пор, пока прибывшие из Стамбула «джентльмены» будут называть себя его министрами! Затем оглушенных такой встречей «джентльменов» усадили в поезд и увезли в Анкару. Став, по сути дела, заложниками Кемалья, они были несказанно удивлены сделанным Анатолийским агентством от их имени заявлением, из которого явствовало, что все они «устали от оказываемого на них иностранного давления и решили присоединиться к анатолийцам!».

Возмущенный Этхем прислал в меджлис гневную телеграмму с требованием отпустить министров,

Кемаль ответил ему весьма своеобразно и двинул на него целую армию под командованием Исмета и Рефета. В считанные часы Кютахья была взята, и не пожелавший испытывать судьбу Этхем поспешил перейти... к грекам, после чего был объявлен предателем нации и приговорен к смерти. И к великому сожалению тех романтиков, которые все еще желали видеть в нем предводителя народной борьбы, Кемаль раз и навсегда покончил с партизанщиной и начал строительство новой армии. Вряд ли ему было известно выражение Ленина о том, что всякая революция только тогда чего-нибудь стоит, когда может себя защищать. Но в том, что это было действительно так, он не сомневался.

Глава 3

Его старания не пропали даром, и уже в январе 1921 года Анатолия пышно отпраздновала первую одержанную Исметом под небольшим селением Иненю победу над снова двинувшимися в наступление греками. Говоря откровенно, никакого уж особенно ожесточенного сражения под Иненю не было, и тем не менее Кемаль выжал из своей первой победы все возможное и постарался убедить нацию в том, что она способна решать любые задачи! И далеко не случайно сразу же после победы меджлис принял новую конституцию в виде «Закона об основных организациях» и объявил единственным представителем нации Великое национальное собрание Турции. Конституция закрепила частную собственность, неприкосновенность личности и капитала как священный закон новой Турции. По настоянию Кемалья о султানে в ней не было сказано ни слова, и он как бы само собою исключался из управления государством. Ну а избранный президентом собрания и главою правительства Ке-

маль, посадив в кресло премьер-министра анкаре-ского правительства преданного ему Февзи, сделал очередной шаг к абсолютной власти.

Одним из первых актов новой власти стала отмена всех договоров, распоряжений и обязательств султанского правительства, подписанных им после 16 марта 1920 года. В конце января Кемаль послал в Москву делегацию во главе с министром иностранных дел Юсуфом Кемалем. Именно он должен был подписать договор с большевиками. И момент для этого Кемаль выбрал как нельзя лучше! В феврале в Лондоне начинала работу конференция по пересмотру Севрского договора, и Кемаль должен был иметь веские аргументы для маневра. Он был настроен куда как решительно, и в Лондоне Союзники увидели не тех униженных и оскорбленных турок, которые так легко согласились на разграбление своей страны в Севре, а уверенных и хорошо знавших себе цену людей! И напрасно англичане предлагали им за определенные уступки протекторат над Закавказьем вместе с бакинскими нефтяными промыслами, провоцируя тем самым на войну с Россией. Посланцев Кемалья нельзя было соблазнить ничем! В конце концов переговоры зашли в тупик, и анкарская делегация демонстративно покинула Лондон. И хотя в самый последний момент Бекир Сами подписал-таки тайные соглашения с Францией и Италией о предоставлении им за вывод их войск из Анатолии обширных концессий и других экономических выгод, Кемаль был доволен: как бы там ни было, а Союзники признали анкарское правительство.

Ну а 16 марта 1921 года произошло то, чего так боялись на Западе, и в Москве был подписан Договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией! Советское правительство аннулировало навязанные Турции царским правительством долги, отказалось от режима капитуляций и отменило все старые дого-

воры с царской Россией. Были урегулированы и все пограничные вопросы. Но наверное, все же самым главным достижением Кемалья было его превращение как для России, так и для Запада в знаковую политическую фигуру на Ближнем Востоке.

Кемаль продолжил строительство армии и вступил в самую настоящую войну с депутатами. Да, иногда он терпеливо объяснял, что и зачем, но чаще всего срывался. И после очередной битвы с ничем не понимавшими в военном деле депутатами с горечью заметил: «Демократия — вещь хорошая, но только до известных пределов! И как все эти люди не могут понять, что я и сам знаю, как надо делать! А они должны делать то, что я от них требую!» И хотя «все эти люди» то и дело обвиняли его в диктаторских замашках, понять его можно. Наделенный талантами больше, чем все его окружение, вместе взятое, он то и дело становился заложником малосведущих в военном деле людей.

Тем временем греки готовились к новому наступлению, и Кемаль работал не покладая рук, а ночами «расслаблялся» с приятелями в Чанкайя. Постоянное нервное напряжение сказывалось, иногда его прорывало, и тогда доставалось всем: и Рефету с его космополитизмом, и Адану с его старомодностью, и Бекиру Сами, возомнившему себя полководцем, и многим другим. Его характеристики были остры, беспощадны и точны! Иногда он издевался над моралью, и тогда слушавшим его начинало казаться, что в эти минуты с ними говорит не так хорошо знакомый им Мустафа Кемаль, а слетевший с небес демон. И услышь речи Кемалья великий мятежник Ницше, он с радостью заметил бы, что наконец-то увидел воспетого им гиперборейца, чье появление он предсказывал только в конце XX века!

Зачастую Кемаль говорил до утра, и когда его измученные собеседники засыпали за столом, он

как ни в чем не бывало шел работать. Он вообще обладал весьма интересной и странной особенностью менять свой внешний вид буквально на глазах. Порою он казался настолько больным, что окружающие его люди только диву давались, как этот измученный человек с мешками под воспаленными глазами мог еще работать. Но они приходили в изумление, когда всего через каких-то полчаса Кемаль на их глазах превращался в цветущего человека. А ведь чувствовал он себя в то время неважно, его постоянно беспокоили почки и заполученная на фронтах малярия, и доктор настоятельно советовал ему хотя бы сократить возлияния и побольше отдыхать. И если бы не Фикрие, ходившая за ним как за ребенком, кто знает, чем бы все эти его недомогания кончились.

Как и предполагал Кемаль, терпевшая крах во всех своих начинаниях Англия снова пустила в ход уже битую им карту, и 26 марта 1921 года генерал Папулас начал новое наступление. И снова на его пути встал Исмет у того же самого селения Иненю, где он не так давно одержал свою первую победу. Лучшее вооружение греков оказалось, и им удалось потеснить турецкие войска и захватить важную высоту Метристепа. Исмет сделал все возможное, чтобы вернуть ее, но его отчаянная контратака не удалась, и Кемаль направил ему на помощь батальон охраны меджлиса, кавказский полк из Сиваса и несколько взятых у Рефета частей. Униженный Рефет тут же потребовал отставки, однако разъяренный его полным непониманием обстановки Кемаль в настолько жесткой форме приказал ему оставаться на своем месте, что тот даже не подумал возражать. Но обиду затаил! Ему еще много раз придется обижаться на Кемалья, но справедливости ради надо все же заметить, что как военачальник он был на несколько голов ниже Исмета, который сумел и на этот раз с честью выйти из тяжелейшего положения.

Три дня длилось второе сражение под Иненю, и 1 апреля он сообщил Кемалю: «Враг отступил, оставив на поле боя тысячи трупов!» Обрадованный Кемаль не без пафоса писал ему в ответной телеграмме: «Мало найдется полководцев, которым приходилось решать такие задачи, как Вам под Иненю. И наша нация преисполнена самых искренних чувств по отношению к спасшему ее военачальнику и его товарищам по оружию, честно исполняющим свой долг под Вашим блестящим руководством! И сейчас Вы победили не только наших врагов, но и несчастную судьбу нашей нации». 11 апреля уже сам Рефет доложил Кемалю об освобождении Афьонкарахисара, и тот радостно воскликнул: «Наша армия снова становится великой!»

Вторая победа под Иненю была торжественно отмечена по всей стране, сам султан молился за убиенных и дал деньги для их семей. А наследный принц Абдул Меджид настолько проникся симпатией к националистам, что отправил своего сына в Анкару. Однако Кемаль попросил его не делать этого. «В интересах нации, — писал он принцу, — Вашему сыну лучше вернуться в Стамбул, поскольку еще не пришло то время, когда она может использовать с пользой для себя представителей великой династии». Отказ принять у себя наследного принца вызвал заметное недовольство у преданных трону депутатов, но Кемаль сумел успокоить их, объяснив свой отказ опасением за жизнь столь драгоценной для страны личности.

Успехи под Иненю придали Кемалю еще больший вес, и к нему зачастили представители Союзников. В июне в Анкару якобы с частным визитом прибыл бывший председатель комитета по иностранным делам Национального собрания Франции Анри Франклен-Буйон. На самом же деле он приехал в качестве представителя министра иностранных дел Франции Аристиды Бриана, и главной те-

мой их бесед были все те же пресловутые капитуляции, в сохранении которых так нуждалась вложившая больше всех в Османскую империю Франция. Однако Кемаль придерживался на этот счет совсем другого мнения, и после длительного торга Франклен-Буйон отправился в Париж для «более детального рассмотрения этого вопроса». Не договорился Кемаль и с англичанами, и когда генерал Гарингтон предложил ему встретиться на борту британского крейсера «Аякс», он был категоричен. «Я приветствую Ваше решение встретиться со мною, — заявил он, — но такая встреча возможна только при том условии, что на ней пойдет речь о предоставлении Турции полной независимости и вывода всех оккупационных войск. Если же Вы намерены обмениваться мнениями по всем этим вопросам, то для такой беседы вполне будет достаточно моего представителя!»

Несмотря на резкий тон послания, англичане увидели в нем желание к сотрудничеству и выпустили арестованных 16 марта националистов с Мальты. В Анкару прибыли главный идеолог националистов Зия Гёкальп, старый приятель Кемалья Али Фетхи, Рауф, лидер «Каракола» Кара Васыф, генерал Якуп Шевки и еще несколько видных политиков. Кемаль был доволен: в своей борьбе с депутатами он нуждался в преданных ему людях. И для того, чтобы еще больше влиять на меджлис, он создал в нем свою фракцию, названную им Группой защиты национальных прав, составившую парламентское большинство. На самом же деле он принимал то или иное решение в узком кругу и только потом проводил его через меджлис! Создание Группы защиты явилось весьма симптоматичным признаком, поскольку из национальной организации Общество защиты национальных прав Анатолии и Румелии превращалось в политическую. А это означало только то, что теперь Кемаль мог исключать

из своих рядов всех тех, в чьей лояльности у него возникало хотя бы малейшее сомнение, самым что ни на есть законным образом!

Оппозиция создала свою собственную Вторую группу, а поскольку ее лидеры представляли восточные районы страны, эрзурумское Общество защиты национальных прав стало называться Обществом защиты национальных прав и святого наследства, под которым подразумевались султанат, халифат и шариат. И именно они явились инициаторами отставки премьер-министра Февзи из-за утверждения несбалансированного бюджета. Тем не менее Кемаль в результате сложных политических интриг добился его переизбрания на этот пост в новом кабинете министров, в котором Али Фетхи стал министром внутренних дел. Ну а на место «съеденного» депутатами за уступки в Париже министра иностранных дел Бекира Сами Кемаль поставил преданного ему Юсуфа Кемаля. В эти же дни он выступил с большой речью на съезде учителей в Анкаре. «Новое поколение, — заявил он, — должно проникнуться чувством порядка и дисциплины. Наша новая культура должна быть свободна от всех чужеземных идей и иметь свой собственный характер!»

Но, как это ни печально, пока ему было не до культуры! Король Константин заявил на весь мир о своей решимости сломить сопротивление «анатолийских банд, стремящихся к ниспровержению порядка, установленного Севрским договором», и Лондон благословил его на будущие подвиги. Стотысячная греческая армия двинулась в глубь Анатолии. Турецкая армия потеряла огромное количество убитыми и ранеными, дороги были забиты тысячами беженцев, и кольцо окружения сжималось все теснее! Ллойд-Джордж радостно заявил: «После одержанных Грецией блестящих побед она уже не может довольствоваться Севрским договором и должна получить удовлетворение в более широких масштабах».

Испуганные и озлобленные депутаты дали волю своему гневу и потребовали немедленного наказания всех военачальников, ответственных за поражение турецкой армии! Досталось и Кемалю! Никто так толком и не понимал, почему он, боевой и прославленный генерал, вместо того чтобы отправиться на фронт и возглавить армию, сидит в Анкаре и произносит бесконечные речи!

Однако Кемаль на фронт не спешил. Стоит ему только потерпеть военное поражение, и с его политической карьерой будет покончено навсегда! И он видел единственный способ спасения армии в отступлении. Но как только он заговорил об этом, на него снова набросились депутаты. Да и какие там могли быть объяснения, когда тихая Анкара превратилась в прифронтный город и всем им угрожала смертельная опасность! Паниковало и перепуганное страшными слухами население, и премьер-министр Февзи стал поговаривать о переезде правительства в Кайсери. Депутаты снова заговорили об отправке Кемалья на фронт, и поскольку отступить дальше было уже некуда, он выдвинул свое требование.

Да, заявил он, он возглавит армию, но только при условии наделения его всей полнотой военной и политической власти! Депутаты в изумлении умолкли. Подобной дерзости они не ожидали даже от известного своей непредсказуемостью Кемалья! Впрочем, депутаты были не только изумлены, но и озадачены, поскольку прекрасно понимали: в случае чего эта самая полнота может обернуться против них самих, как это и было, по сути дела, задумано. Уж кто-кто, а Кемаль всегда найдет применение полученным им чрезвычайным полномочиям! И все же они дали ему их! Да и как не дать, когда с фронта поступали известия одно тревожнее другого! Правда, всего на три месяца!

Получив практически неограниченную власть, Кемаль сразу же потерял интерес ко всем этим брыз-

жущим слюной и орущим людям. Да и что ему было бояться их теперь, если даже при всем своем желании они уже не могли избавиться от него в его отсутствие! И тем не менее, чтобы еще больше обезопасить себя, он предложил назначить премьер-министра Февзи начальником генерального штаба, а Рефета военным министром и министром внутренних дел. Собрание согласилось только на два первых предложения, а желавший возглавить генеральный штаб Рефет снова был недоволен, поскольку Кемаль указал ему на его место.

Несмотря на увеличившуюся советскую помощь, вооружение и экипировка турецких войск не шли ни в какое сравнение с таковыми в греческой армии. И Кемаль был вынужден пойти на крайние и весьма непопулярные меры. Пообещав нации, что «враг будет задушен», он тут же издал жестокий приказ о реквизиции у населения одежды, оружия и всего того, что было необходимо армии. Не обошлось, конечно, и без возмущений, поскольку у многих отбирали последнее, и все же основная масса крестьян отнеслась к его требованиям с пониманием. «Каждая семья, — писал в своей книге «Турция сегодня» известный французский журналист Стефан Ронар, — посылала белье, каждая лавка отвозила в армию материю для шитья формы, кожу для обуви и экипировку, гвозди, одеяла, топоры, ремни, подпруги, упряжки. Везли солому, зерно, муку, соль, сахар, рис, масло, сухие фрукты, сальные свечи. Отдавали телеги, лошадей, мулов, верблюдов...»

Тем временем уверенные в своей победе греки двинулись на Анкару, и Кемаль устроил свой штаб в небольшой деревушке Алагёзе. Вместе с Кемалем находилась и Халиде Эдип, которая уже после ссоры с ним описала все то, чему она была свидетельницей в те напряженные дни. Со всей откровенностью она рассказала о частой смене его настроения,

удивительной силе духа и в то же время о нередких приступах отчаяния. А отчаиваться было чему! Армия была плохо обучена и вооружена, командиры неопытны, и вдобавок ко всему его войска занимали плохие позиции. И единственное, в чем он имел преимущество, так это в кавалерии.

Первые дни завязавшегося сражения принесли Кемалю сплошные разочарования. Греки захватили многие господствовавшие над местностью высоты, и взбешенный Кемаль пригрозил собственноручно расстрелять командиров Пятой дивизии, если они не сумеют закрепиться на новых позициях. Однако греки продолжали развивать успех, и вскоре дело дошло до того, что Кемаль приказал готовить линию обороны в пригороде Анкары!

«Сейчас, — писал он в своем приказе, — мы защищаем не линию фронта, а всю страну!» 2 сентября греки завладели господствующей над местностью горой Чал, ее потеря повергла Кемалья в самое настоящее отчаяние, и лишь благодаря невероятному напряжению воли он продолжал руководить сражением. И в конце концов несущая огромные потери греческая армия дрогнула! Турки вернули Чал и провели несколько успешных контратак. Но за три недели непрерывных тяжелейших боев они были настолько измотаны, что даже не щадивший ни себя, ни других Кемаль дал приказ преследовать противника только через несколько дней.

К этому времени на западном берегу Сакарьи не осталось уже ни одного греческого солдата, и особенно в те дни отличилась турецкая кавалерия. Легкая и мобильная, она наводила ужас на в беспорядке отступавшего врага. Длившаяся 21 день «офицерская битва» была выиграна, страна снова праздновала победу, и в мечетях молились за четыре тысячи погибших за веру воинов. Почему Кемаль назвал ее «офицерской»? Да только потому, что в сражении на Сакарье он потерял большую часть своих молодых офицеров.

Несмотря на блестящий успех, война была еще далеко не кончена, и греки снова закрепились на своих исходных позициях в Эскишехире и Афон-карахисаре. Правда, в наступление они больше уже не ходили! И тем не менее Кемаль отдал приказ о всеобщей мобилизации. Да и что ему еще оставалось делать? Никто не собирался за него выбивать греков из Анатолии и заканчивать войну!

В эти же дни Кемалю было присвоено звание маршала и Гази, и теперь уже мало кто сомневался в том, что победа на Сакарье стала поворотным пунктом не только в жизни самого Кемаля, но и возглавляемого им движения. Конечно, турецкое национальное государство возникло бы даже в том случае, если грекам удалось взять Анкару. Но для самого Кемаля подобное развитие событий означало бы политический крах, и он вряд ли стал бы тем самым признанным лидером нации, каким он в конце концов стал! После услышанных во всем мире залпов на Сакарье он превращался, возможно, в самую крупную фигуру на Ближнем Востоке, а и без того не очень-то прочный союз западных государств дал еще большую трещину. Италия не только эвакуировала свои войска, но и начала приторговывать оружием. Ну а Франция пошла еще дальше и 20 октября 1921 года подписала с Кемалем так называемый Анкарский договор, который Англия назвала «бесчестным».

Насторожил он и большевиков. Франция оставалась злейшим врагом Советской России, и Москва очень опасалась ее сближения с Кемалем. На чем, как поговаривали, тот довольно тонко играл, всячески подогревая подобные слухи! В Анкару был срочно направлен официально представлявший Украину Михаил Фрунзе, и уже достаточно искушенный в политике Кемаль повел себя поначалу настолько сдержанно, что Фрунзе сразу же написал Троцкому: «Успешность переговоров с правительством Анато-

лии стоит в прямой связи от размеров той реальной помощи, которую мы в состоянии сейчас же оказать правительству Кемаль-паши. Я считаю практически целесообразным послать вместе со мной или в скором времени после моего отъезда известное количество военного имущества и снаряжения неосновных образцов, которое мы безо всякого ущерба для снабжения нашей армии могли бы направить турецкому командованию. Такого рода реальное подкрепление дипломатических уверений в нашем дружеском расположении к правительству Ангорской Турции должно дать самые благоприятные результаты, и самый из них первый и важный — удержание Турции в пределах нашей ориентации».

И странное дело, стоило только Фрунзе «рядом конкретных и практических дел доказать, что Россия остается верной своим обязательствам», как отношение к его делегации мгновенно изменилось и ей были предоставлены все документы договора с Францией. Ну а отбросивший в сторону уже не нужную ему дипломатию Кемаль попросил ускорить поступление помощи. «Удержание Турции в пределах советской ориентации» стоило России 100 тысяч винтовок, столько же ящиков патронов, 3,5 тысячи пулеметов, 550 тысяч снарядов и огромного количества другого военного снаряжения! Но игра стоила свеч, и Фрунзе не торговался. Как поговаривали, он не только подписывал соглашения, но и принимал участие в разработке осенней операции по разгрому греческих войск, и неслучайно самого выдающегося советского военачальника сопровождали командармы Александр Андерс и Петр Каратыгин. Да и бывший начальник оперативного отдела Наркомата по военным и морским делам и член Реввоенсовета ряда армий Семен Аралов, назначенный полномочным представителем СССР в Турции, был тоже далеко не потомственным дипломатом.

Несмотря на в самом деле действительную помощь большевиков, им не удалось удержать Кемалья от контактов с Западом. И дело здесь было уже не только в неприятии им доктрины коммунизма и полном отсутствии иллюзий по отношению к ее носителям. Сама жизнь уже вовлеченной в сферу капиталистических отношений страны и ее прошлое заставляли его строить новые отношения с Западом. Тем не менее Кемаль поспешил заверить Москву в том, что ни один из этих контактов не будет направлен против нее, и подписал в октябре Карсское соглашение с республиками Закавказья и официальным представителем России, полностью обезопасив свои восточные границы.

Наладилась обстановка и в восточной части Центральной Анатолии, где свирепый и амбициозный Нуреттин по всем статьям разобрался с потребовавшими автономии курдами из племени кочгири. Жестокость, с какой он подавил восстание, вызвала возмущение некоторых депутатов, а один из них был вынужден заявить о том, что подобная кровожадность недопустима даже для «африканского дикаря»! Депутаты решили создать специальную комиссию, а самого Нуреттина отдать под суд. Но благодаря стараниям Кемалья дело до трибунала так и не дошло! Да и какой там мог быть еще суд, если сам Кемаль уже тогда твердо придерживался выдвинутого им самим же лозунга о том, что власть должна быть сильной, а нация — единой! Принципиальный враг политического сепаратизма и идейных разногласий, он не допускал и мысли о каких-то там национальных автономиях, а уж тем более о суверенитетах! Единый народ — единая Турция! И только так! Пользуясь ситуацией, он проводил в жизнь и другую свою идею о том, что нация должна быть гомогенной, и как только греческие военные корабли принялись обстреливать турецкие порты, проживавшие там греки были депортированы,

а Суд независимости вынес более пятисот смертных приговоров участникам мгновенно активизировавших свою деятельность греческих и армянских партизанских отрядов. Уже к середине 1922 года на этих территориях почти не осталось армян, да и окончательное выселение греков было делом времени. Правда, те попытались было поднять на борьбу с Кемалем черкесов, однако эта затея провалилась, а собравшийся по инициативе греков черкесский конгресс в Измире не произвел на националистов никакого впечатления. Да и чего было опасаться Кемалю, если большинство черкесов, среди которых было много офицеров бывшей османской армии, оставались на его стороне.

Конечно, противники Кемалья постарались обвинить его во всех смертных грехах, но все было напрасно, и Кемаль блестяще использовал приезд известного французского писателя Клода Фаррера. Он тепло встретил знаменитого представителя великой нации, «сотворившей революцию и пролившей свою кровь за дарованную всему миру свободу и независимость», и со свойственным ему красноречием постарался убедить писателя в том, что причиной страданий греков, армян и самих турок являются те самые люди, которые пытаются с помощью греческой армии покончить с независимостью Турции и ее святым стремлением к свободе! И война с греками, заявил он, есть не что иное, как своеобразное продолжение борьбы французского народа против иностранной интервенции времен революции! Да, говорил Кемаль, многие западные политики отказывают туркам в их желании стать цивилизованной страной и только «благородная» Франция понимает это стремление! Намек был куда как понятен, и уже на следующий день Фаррер заявил на весь мир о желании Кемалья жить в дружбе со всеми цивилизованными народами! И он был далеко не единственным представителем западных стран, говоривших об этом.

Одерживаемые Кемалем военные и дипломатические победы привлекали к его личности повышенное внимание, и в Анкаре постоянно появлялись иностранные корреспонденты. И почти все они были покорены не только его запоминавшейся внешностью, но и поведением. А он умел нравиться, когда хотел! Куда больше похожий со своими голубыми глазами и светлыми волосами на тевтона, нежели на турка, он производил неизгладимое впечатление на всех общавшихся с ним людей!

Но не все шло так гладко, и тот же Анкарский договор с Францией вызвал со стороны депутатов целую бурю возмущения из-за Александретты. И только после долгих и жарких дебатов Кемалю удалось убедить меджлис, что даже без Александретты заключенный им договор давал многое. Франция уступала националистам по бросовой цене оружие и обмундирование, и теперь они могли не только использовать его на Западном фронте, но и перевести туда сосредоточенные на юге войска. Вместе с французами покидали Киликию и армяне. Что же касается Александретты, то он и не собирался отдавать ее французам и обещал в свое время разобраться и с этим важным для страны портом.

Другим камнем преткновения в его отношениях с депутатами стали полученные им от меджлиса чрезвычайные полномочия, которые тот то и дело пытался у него отобрать. Но не тут-то было! Кемаль не горел желанием расставаться со своей охранной грамотой. «Готовящаяся воевать армия, — то и дело повторял он, — не может остаться без своего командира! И именно поэтому я не собираюсь слагать с себя данные мне полномочия!» Депутаты смирились, но разговоры о желании Кемалья узурпировать власть не прекратили, и когда выступавший на открытии очередной сессии Кемаль вдруг заявил о том, что настоящим хозяином страны является крестьянин, в зале раздался откровенный смех.

Постоянно подливали масла в огонь и критиковавшие его военную политику Карабекир, Рауф и Рефет. Обделенные при раздаче высших постов, они люто ненавидели прыгнувшего через их головы Исмета и не желали с ним работать. И объяснять им что-либо было бесполезно! Да и какой генерал мог вдруг поверить тому, что его соперник лучше разбирается в тактике и лучше воюет! Завистливые и самолюбивые, они ревниво следили друг за другом и не прощали успехов. И Кемаль был вынужден терпеть их выходки, поскольку даже он не мог разбрасываться подобными командирами перед началом военных действий и вносить напряжение в свои ряды. Все правильно! Терпение и выдержка, а когда придет время, он сумеет обломать всех возомнивших о себе.

В июле оппозиции удалось сменить Февзи на хорошо умевшего слушать других Рауфа. Но даже сейчас тот, хорошо зная, с кем ему придется иметь дело, отправился за благословением к Кемалю. «Если я стану премьером, — откровенно сказал он, — вы обязательно будете вмешиваться в мою работу. И у меня нет никакого желания ссориться с вами, поскольку я продолжаю считать, что только вы можете спасти нацию, пребывая во главе армии!» Кемаль милостиво обещал «не вмешиваться», и Рауф стал премьер-министром. Февзи остался начальником генерального штаба и членом правительства, а военное министерство Кемаль доверил своему старому приятелю Кязыму Озальпу, страшным образом обидев при этом обойденного со всех сторон Карабекира, который все подозрительнее смотрел в сторону Кемалья и ни с того ни с сего вдруг потребовал создать сенат! Ну а депутаты нашли себе новую отдушину и принялись обвинять его в нежелании... как можно быстрее закончить войну! И ему снова пришлось часами убеждать их в том, что армия еще не готова и что о степени ее готовности могут судить только све-

лучшие в этом люди! Конечно, его бесили эти глупейшие требования. Он и сам был бы рад как можно скорее выбить греков из Анатолии, но у него не было той волшебной палочки, с помощью которой можно было в мгновение ока создать мощную армию. А его принуждали с измотанными войсками выступать против мощной военной силы. И кто? Те, кто никогда в жизни не слышал леденящего душу воя снарядов и не знал, как пахнет кровь!

И, чуть ли не каждый день вступая в бесконечные дискуссии, он продолжал кропотливую работу по созданию новой армии. Свои постоянно растущие потребности он выразил весьма своеобразно. «Нам нужны ружья, снаряды, пушки и пулеметы, — заявил он, — а когда у нас будет все это, то мне понадобится все то же самое...»

И все же куда больше депутатов его волновали Союзники. На них уже нельзя было прикрикнуть и надавить, и он очень боялся, что Англия заставит Грецию выступить задолго до того, как его армия станет наконец полностью боеспособной. Ему оставалось только тянуть время, что он и принялся делать, посылая в Европу своих эмиссаров и ведя бесконечные переговоры. Он выиграл его, и в августе 1922 года его армия представляла собою грозную силу, способную решать самые высокие задачи. На руку Кемалю сыграла и смена Папоуласа на плохо знавшего обстановку нового главнокомандующего греческой армией. В глубине души он все-таки надеялся, что под давлением Союзников Англия прекратит военные действия и пойдет на подписание устраивавшего его мирного договора, и на первой же встрече с премьер-министром Франции Али Фетхи бросил пробный камень. «Мы, — заявил он, — способны выиграть войну, но нам хотелось бы избежать кровопролития!» Однако после того, как в Лондоне с посланцем Кемалю не стали даже разговаривать и Али

Фетхи сообщил ему о том, что «наши цели могут быть достигнуты только военным путем», Кемаль уже ни в чем не сомневался.

В эти дни в Анкару пришла сенсационная весть о гибели Энвера в Средней Азии. Сумев привлечь к себе внимание большевиков идеей организации восстания в Азии против английского господства и заполучив мандат ВЦИКа, он отправился в Бухару. Но, едва оказавшись в Средней Азии, он сразу же увлекся своей мечтой и, надеясь собрать под свое знамя весь Туркестан, возглавил большой отряд басмачей. Стремясь стать «наместником Мухаммеда» на грешной земле сначала Средней, а потом и всей Азии, он намеревался покончить с советской властью на Востоке в два месяца. Однако сами большевики думали иначе, и 4 августа 1922 года Энвер погиб в бою с отрядом красной кавалерии. Конечно, его гибель огорчила многих «бывших», хорошо помнивших своего лидера и в глубине души все еще надеявшихся на то, что рано или поздно, но именно он возглавит оппозицию в ее борьбе с Кемалем.

Что чувствовал сам Кемаль, услышав о гибели своего злого гения? Наверное, все-таки облегчение, поскольку прекрасно понимал, что лучшего знамени для оппозиции, чем Энвер, не было. Слишком многие депутаты, включая и ближайших сподвижников Кемаля, оставались в глубине души младотурками и мечтали о старых порядках. И неслучайно в последнее время ему приходилось вести все более ожесточенные дискуссии с депутатами, снова возжелавшими видеть все мусульманские и турецкие народы в едином государственном объединении. И надо ли говорить, как воспрянули бы духом все эти люди, явись к ним строитель «Великого Турана»! И все же гибель Энвера вряд ли удивила Кемаля, хорошо знавшего отчаянную натуру своего извечного противника, так бесславно нашедше-

го свой последний приют в горячих песках Средней Азии.

Конечно, можно по-разному относиться к этому по-своему выдающемуся человеку, но надо все же помнить, что он пришел в этот мир таким, каким был. И, оценивая младотурецкую революцию, надо, наверное, напомнить и вот еще о чем. Уже с XVI века судьба осmano-турецкого общества стала определяться утверждением мировой экономической системы и западной цивилизации. Ее центром были ведущие западные страны, а уже начинавший уступать им весь остальной мир превратился в своеобразную периферию. И наиболее важным результатом их взаимодействия стало уже неизбежное изменение в историческом развитии практически всех традиционных обществ, вовлеченных в новую и куда более передовую мировую систему.

Не стала исключением из этого общего исторического развития Османская империя, в конце концов приобщенная к современной цивилизации в форме вестернизации общественной жизни и политических институтов. И в этом интересном и очень мучительном для нее процессе можно выделить несколько этапов. Первый продолжался до конца XVII века и был отмечен очень слабым воздействием новой «микроэкономики» в уже сложившемся противостоянии между Османской империей и раннекапиталистическими государствами Европы. Оно и понятно! Слишком еще сильна была первая и слабы вторые! Но уже на втором этапе, длившемся до 70-х годов XIX столетия, положение меняется. Все более усиливающееся превосходство западных стран над Османской империей в экономике, политической и научно-технической сферах сделало возможным постепенное включение сначала ее отдельных районов, а потом и всей территории в сферу мирового рынка. Империя все больше превращается в источник сырья и рынок сбыта и в то же

время продолжает существовать из-за столкновения в ней интересов ведущих капиталистических стран, которое, так или иначе, ограничивало возможность их политической экспансии. И, пользуясь этим благоприятным для нее обстоятельством, империя все это время пыталась с помощью реформ сохранить свою политическую самостоятельность и территориальную целостность.

Но ее реформы, как и все в этом мире, имели двойственную природу и, способствуя, с одной стороны, развитию капиталистических отношений, с другой — еще более усиливали воздействие великих держав практически на все стороны общественной жизни империи. Что и довело ее в конечном счете до состояния полуколонии. В 70-х годах XIX столетия процесс втягивания Османской империи в мировую экономическую сферу уже завершился и начался третий этап в ее развитии — этап модернизации, отмеченный ее устойчивым функционированием в качестве периферийного компонента «микроэкономики». И в своем поступательном движении турецкое общество в куда более сжатой форме повторило западный опыт, сохранив при этом очень значительный разрыв в уровне развития с уже недостижимым для него центром. На первую роль в нем стали выходить политические и общественные деятели, попытавшиеся избежать печальный опыт идеологов Танзимата, ставших первыми османскими западниками, которые слепо копировали европейские порядки. Но только на рубеже XIX—XX веков уже полной мерой обозначилась ответная реакция самого общества на ход модернизации, выразившаяся в пробуждении национального самосознания турок, их попытке сохранить политический суверенитет и целостность своего государства и поиске средств по выходу из состояния периферийной зависимости. И конечно, в этом плане младотурецкая революция, направленная на

ускорение развития национального капитала, пробуждение интереса к историческому прошлому и к поиску новой идентичности на основе идей Гёкальпа и его сторонников, имеет непреходящее значение.

Да, результаты революции оказались весьма ограниченными и в конечном счете не только негативно сказались на отношениях турок с другими народами, но ускорили гибель самой империи. И в то же самое время без всего этого вряд ли было бы возможно создание той самой Турецкой Республики, за которую так бился сам Кемаль.

Да, Энвер многого не понимал, но он был одним из тех, кто первым пробил брешь в начинавшем оседать под непомерной тяжестью фундаменте Османской империи. Он был человеком определенных исторических условий, и было бы наивно упрекать его в том, что он, пантюрист до мозга костей, не воспыал любовью к чуждой ему республиканской форме правления. Никому не дано прыгнуть выше себя, и Энвер не стал исключением. И сменившему его Кемалю оставалось только доделать то, что было начато новыми османами и младотурками. Но если для самого Энвера все было уже кончено, то для Кемалья по большому счету все еще только начиналось...

Глава 4

Его титанический труд по созданию армии не пропал даром, и в ночь на 18 августа Кемаль уехал в Акшехир, где находился штаб Западной армии. Армия была готова к решающим сражениям, и он вместе с Исметом и Февзи проверил те участки, через которые был намечен прорыв. Наступление началось с мощной артподготовки, и греческие батареи были сразу же подавлены этим морем огня.

Но стоило только турецкой пехоте пойти на штурм господствующей высоты около горы Коджатепа как пришедшие в себя греки принялись оказывать упорнейшее сопротивление. Ожесточенные бои продолжались до вечера, но турки так и не смогли прорвать греческую оборону. Кемаль нервничал, злился, и после того, как Пятьдесят седьмая дивизия не выполнила его приказ и не завладела важной высотой Чигильтепе, он в жесткой форме потребовал от ее командира полковника Решата взять ее в течение получаса. Решат обещал, а час спустя Кемаль прочитал адресованную ему записку. «Я не сдержал данное вам слово, — писал полковник, — и поэтому ухожу из жизни...» «Я, — говорил позже Кемаль, — никогда не одобрял поступок Решата и всегда считал подобное поведение недопустимым. И тем не менее я не могу не сказать о той высочайшей ответственности, с какой наши офицеры и солдаты подходили к исполнению своего долга!»

Только на следующий день турки сумели прорвать оборону и захватили важную высоту Эркментепе, а кавалеристы Фахреттина пронеслись по греческому тылу словно смерч, сея панику и смерть! И все же о победе говорить было рано, греки продолжали защищать небольшой городишко Думлупынар, через который проходила дорога на Измир, — по ней они намеревались в случае неудачи отводить свои войска. Завязалась отчаянная битва, и 30 августа в решающем сражении турки нанесли греческой армии сокрушительное поражение. Они уничтожили почти половину ее солдат и захватили в плен главный штаб. «Греки, — описывал встречу со своими врагами Исмет, — выглядели изможденными, с бледными и трясутимися губами. Я предложил им чаю, но они не могли даже держать чашки в руках! Я заметил, что они сражались как и подобает настоящим солдатам, но счастье было на нашей стороне! Затем я представил их появившемуся в штабе Ататюрку...»

Кемаль повел себя как истинный джентльмен. Он предложил кофе и сигареты и попытался хоть как-то успокоить своих недавних противников, но те оставались безутешными. В тот же день Исмет издал приказ, в котором назвал битву при Думлупынаре «битвой главнокомандующих», многие командиры были награждены, а Исмет и командующий Первой армией Нуреттин получили звание генерал-майоров. Однако последний отказался на пути в Измир видеть рядом с собою Вторую армию, и недовольный таким поведением Кемаль в довольно жесткой форме указал командующему на его место. Да, он не так часто появлялся во главе армии, но тем не менее все должны были знать, кто в ней настоящий хозяин! 1 сентября Кемаль отдал свой, наверное, самый знаменитый приказ. «Солдаты, — писал он в своем обращении к армии, — ваша главная цель — Средиземное море! Вперед!» И солдаты быстро продвигались к этой цели, продолжая гнать перед собой беспорядочно отступавшую греческую армию. Не сумев оказать достойного сопротивления на полях сражений, греки срывали зло на мирных жителях, оставляя за собой вместо цветущих городов пепелища и безжалостно уничтожая мусульман.

Неприятно пораженные той легкостью, с какой Кемаль одерживал одну победу за другой, Союзники заговорили о перемирии, но тот только пожал плечами. Да и какое могло быть перемирие с полностью разбитой армией! Он продолжил свое победоносное наступление, и в эти дни в полном блеске проявила себя турецкая кавалерия, совершившая рейд в район Измира. Легкая и подвижная, она появлялась в самых неожиданных местах и не знала пощады! 10 сентября была освобождена Бурса, и уже на следующий день войска Кемалья двинулись в направлении Проливов, где гарнизоны Союзников к этому времени были основательно укрепле-

ны прибывшими туда из Стамбула английскими французскими и итальянскими солдатами. Тем же менее 11 сентября турецкие войска заняли Гемли и Муданью, полностью окружив находившуюся там греческую дивизию. И вот тут-то началась уже самая настоящая паника. Не верившие уже ни в какие уговоры и не подчинявшиеся приказам греческие солдаты в полнейшем беспорядке бросились в Измир, где их ожидали транспортные суда Союзников. Гражданское правление в Измире перешло в руки турок, и 12 сентября турецкая армия, сломя последнее сопротивление греческих войск, вошла в Измир. Не сумевшие попасть на уходившие корабли солдаты спасались кто как мог. В ход были пущены лодки, катера и даже плоты. Но турецкая кавалерия преследовала их, и прямо на пляжах шла ожесточенная рубка. Вопреки ожиданиям греков английские военные суда и не подумали вступаться за них и остались стоять на рейде Измира с захваченными пушками.

На следующий день в освобожденный город вступил Кемаль. Стоял прекрасный солнечный день, и последние километры он проделал в открытой машине. На протяжении всего пути его приветствовали стоявшие по обе стороны дороги огромные толпы благодарных жителей. У ворот города Кемаля встретил эскадрон кавалерии с шашками наголо. Он вышел из машины и, окруженный кавалеристами, медленно двинулся по улице, заполненной ликующими жителями. Он пожимал протянутые к нему руки и впервые за многие месяцы улыбался. О чем он думал в этот счастливый для себя миг? О том, что уже исполнил то самое высокое назначение, о котором когда-то заявил в школе, или о том, что ему еще только предстоит понастоящему оправдывать свои слова? Кто знает...

Так, в сопровождении кавалеристов с блестящими на солнце клинками и торжествующей толпы он

дошел до расположенного недалеко от порта красивого здания, где размещалась греческая администрация. Перед настезь раскрытыми дверями был расстелен греческий флаг, по которому, по замыслу встречавших Кемалья людей, он был должен пройти. Однако он и сейчас явил себя не только блестящим полководцем, но и знавшим меру человеком и попросил флаг убрать. Оказавшись в отведенном ему кабинете, он с великим удовольствием выпил бокал раки и закурил сигарету. Война за Независимость была выиграна...

Едва отгремели последние выстрелы, как в городе начались погромы. Конечно, при желании можно было бы остановить начавшуюся резню, однако новый военный комендант Измира Нуреттин не только не спешил наводить порядок, но и всячески поощрял беспорядки и поджоги! В считанные часы красивейший город превратился в дымящиеся руины, среди которых валялись горы трупов. Греки тоже не отличались особой жалостью, и повсюду можно было видеть распятых на деревьях мусульманских женщин. Над руинами стоял отвратительный запах горелого человеческого мяса, и до самой ночи в городе были слышны выстрелы и крики.

С непроницаемым лицом стоял на балконе Кемаль и смотрел на дымившиеся руины. Багровое зарево пожара отражалось в темной воде залива, и создавалось впечатление, что горит не только воздух, но и вода. Кемаль повернулся к стоявшим позади него офицерам. «Там, — указал он рукой в сторону дымящегося города, — сгорает старая эпоха! И этот огонь — символ очищения! Отныне Турция принадлежит только туркам!» И все почтительно склонили головы в знак согласия с непобедимым Гази. Кемаль бросил взгляд на начальника штаба. «Немедленно сообщите в Анкару, — приказал он, — что армия приветствует нацию с берегов Средиземного моря!»

Вся страна отмечала великое событие в своей новой истории, и депутаты с превеликим удовольствием сменили лежавшую на столе президиум меджлиса с 1920 года черную траурную скатерть на зеленую. А на следующий день адъютант вручил Кемалю послание от... султанского правительства которое поздравляло его «с одной из самых величайших побед в истории Османской империи». Прочитав его, он недоуменно пожал плечами. Как видно, в Стамбуле так ничего и не поняли! Да и какая там еще могла быть «Османская империя» когда речь давно уже шла о совершенно другой Турции! Но куда больше его позабавило сообщение о том, что султан решил отпраздновать победу турецкого оружия в мечети вместе с... английским маршалом Пломмером, исполнявшим обязанности губернатора Мальты, куда еще совсем недавно англичане ссылали опальных кемалистов! И из всей этой истории Кемалю порадовало только то, что стоявшие в почетном карауле офицеры весьма своеобразно приветствовали монарха. Повернувшись к нему спиной, они громко прокричали: «Да здравствует Мустафа Кемаль-паша!» И вместе с ними этот возглас снова и снова повторяла ставшая полностью турецкой Анатолия. А вот сам Кемаль был далек от того состояния эйфории, в каком пребывала страна.

Да и о какой эйфории могла идти речь, если Восточная Фракия, Стамбул и Проливы все еще оставались в руках оккупантов, а в Европейской Турции находилось 50 тысяч греческих солдат! Что бы там ни говорили, но Клаузевиц был прав, и война кончалась только тогда, когда от армии противника оставалось одно воспоминание, и он решил идти ва-банк! Все правильно! Сейчас или никогда, и нельзя давать ни Союзникам, ни разбитой в пух и прах Греции ни минуты передышки! И когда британский консул в конце концов «достал» его своими настойчивыми

требованиями обеспечить безопасность подданным ее величества в Измире, Кемаль разыграл благородное негодование и в довольно жесткой форме заявил, что ему странно слышать подобные требования до заключения мира. «А разве Британия, — воскликнул изумленный консул, — находится с Турцией в состоянии войны?» — «Можно подумать, — пожал плечами Кемаль, — для вас это новость!» Озадаченный консул поспешил откланяться и сообщил в Лондон о... «твердом намерении Кемаля продолжать боевые действия и войти в «нейтральную зону».

С умолявшим его остановить продвижение его войск генералом Пелле Кемаль был еще откровеннее. «Я, — заявил он, — не знаю на территории Турции никаких «нейтральных зон», и наши победоносные войска продолжают свое шествие!» Конечно, он блефовал и, как только весьма обеспокоенный генерал уехал, с грустью в голосе произнес: «Наши победоносные армии... А ведь я даже не знаю, где они сейчас и сколько понадобится времени, чтобы собрать их!»

Но блефовать он тем не менее не прекратил и, постоянно пугая Союзников, продолжал передвижения войск в направлении Чанаккале.

Конечно, это была только видимая активность и ни о каких провокациях с его стороны не могло быть и речи. «Несмотря на нашу силу, — не уставал повторять Кемаль, — мы продолжаем проводить весьма взвешенную и умеренную политику и стараемся изолировать Британию. И хотя наши войска продвигаются к Стамбулу и Чанаккале, я предпочел бы мирное решение!»

Ну а пока озадаченные сложившейся на Проливах ситуацией Союзники раздумывали над тем, что же им теперь делать, Кемаль решил сменить помещение для своего штаба, поскольку от трупов в заливе шел отвратительный запах. Среди предложенных ему резиденций был и дом известного турецкого негоциан-

та Муаммера в Гёзтепе, где Кемаль встретился с его дочерью Латифе. Одета в элегантный европейский костюм, стройная, с оливковой кожей и большими темными глазами, она производила впечатление. Она давно хотела познакомиться со знаменитым генералом, портрет которого носила в висевшем у нее на груди медальоне. Трудно сказать, что происходило в душе самого Кемалья, но в Гёзтепе он переехал.

Вскоре после переезда Кемаль устроил пышный прием, и на нем блистали только два человека: хозяйка дома и он сам! Они являли собою весьма смотревшуюся пару. Она в черном платье и он в белом кавказском костюме, она с мило улыбающимся лицом и он со своим словно выбитым на металле чеканным профилем. Она — сама жизнь и он, проливший ради этой жизни реки крови... Пожелав как можно чаще видеть Латифе, Кемаль сделал ее своим секретарем, и, прекрасно знавшая английский и французский, она целыми днями разбирала его с каждым днем увеличивавшуюся корреспонденцию. Латифе была не только женственна, но и честолюбива и настолько поразила его своими способностями, что он в шутку стал называть ее своей «начальницей штаба»! А когда у них выдавалось свободное время, Кемаль с удовольствием беседовал с ней на самые различные темы. И Латифе, которой все больше и больше нравился Кемаль, делала все возможное, чтобы завоевать его сердце. Но уже тогда в ее поведении проскальзывало до времени скрытое желание управлять своим будущим спутником жизни и его весьма изменчивым настроением.

Тем временем Союзники решили в свою очередь «попугать» зарвавшегося лидера националистов и направили в Анкару коллективную ноту с требованием не вводить войска в «нейтральную зону». Гарнизоны фортов были усилены, и Лондон заявил о решении западных стран не пускать турецкие вой-

ска в Стамбул. Снова почувствовав под ногами твердую почву, Англия решила направить в распоряжение Гарингтона еще одну дивизию и предложила доминионам прислать на Проливы свои войска. И можно только догадываться, какие чувства испытывал Кемаль, когда прочитал составленное Черчиллем коммюнике, в котором тот извещал весь цивилизованный мир о том, что «английское правительство не допустит утраты Союзниками всех результатов победы над Турцией в мировой войне, не позволит кемалистам занять зону Проливов и применит против этого всю необходимую силу!».

И все же это бряцание оружием не очень-то испугало Кемалья. Ему слишком хорошо были известны противоречия между западными странами, чтобы поверить в возможность новой войны. Предпринятая Лондоном игра мускулами казалась ему попыткой не столько запугать его, сколько прощупать своих союзников. И он оказался прав! Пущенный не очень умелой рукой пробный шар вместо попадания в лузу срикошетил в бьющего, и имевший свои виды на Турцию Пуанкаре сразу же сообщил в Лондон о своем крайнем «удивлении столь серьезной инициативой британского кабинета по поводу дел на Востоке, публично объявленной до какого-либо соглашения с Союзниками», и тут же вывел свои войска с азиатского берега Проливов. Вслед за ними ушли итальянцы, и теперь там сиротливо развевался только один английский флаг!

Кемаль все рассчитал правильно, и куда больше военных действий Францию страшила его капитуляция перед Англией, которая сразу же превратилась бы при таком исходе в законодательницу мод на Ближнем Востоке! И теперь, когда инициатива перешла к куда более благожелательно настроенной по отношению к Кемалю Франции, он мог вздохнуть свободно. Но уже на новой встрече все с тем же генералом Пелле, просившим остановить про-

движение в «нейтральную зону», он снова заявил том, что не знает такой зоны и у него «нет никакой возможности остановить продвижение наших армий до тех пор, пока Фракия не будет ими освобождена! Что же касается самой Фракии, — добился он, — то по поводу ее не будет никакого торга и греческие войска должны быть немедленно отведены на другую сторону Марицы».

И напрасно Пелле убеждал Кемалья в опасности подобного курса, тот не поддавался ни на какие уговоры. А в конце разговора перешел на повышенные тона и уже без переводчика высказал генералу все, что думал о политике западных стран в отношении Турции. «Ответственными за все эти события, — громыхал он, — являются ваши союзники англичане и вы сами, французы! Вы снарядили и бросили на нас греческие армии и разожгли пожар в Анатолии!» И снова его расчет оказался правильным, и на заседании министров иностранных дел стран Антанты было принято французское предложение давить на Кемалья только с помощью дипломатических методов. Что же касается его войск, то было решено пустить их в «нейтральную зону» только после заключения мира и введения международного контроля над Проливами! Ллойд Джордж однозначно заявил, что Англия «будет отстаивать свои требования о Проливах, но даже и не подумает воевать из-за Восточной Фракии!». Впрочем, после восстания эвакуированных из Анатолии на Эгейские острова греческих войск, отречения короля Константина и казни премьер-министра Гунариса воевать за эту самую Восточную Фракию было уже некому!

Тем не менее тонко чувствовавший ситуацию Кемаль решил проверить англичан на слабость. Этот рискованный эксперимент он доверил отряду своей кавалерии. Но все кончилось благополучно, и когда ворвавшиеся в «нейтральную зону» турец-

кие кавалеристы наткнулись на патруль английских гусар, те, вместо того чтобы открыть по ним огонь, затеяли... обмен подарками!

Теперь Кемаль уже точно знал, что ни о каких военных действиях не может быть и речи и наступил самый удобный момент добиться не только вывода всех греческих войск из Восточной Фракии, но и вообще всех иностранцев с турецких территорий. И ему надо было спешить: в стране все еще сохранялось двоевластие, да и сообщения из Анкары не очень-то радовали его. Там все громче и громче звучали голоса оппозиции. Оно и понятно! Ведь теперь, когда общая цель была почти достигнута, каждый из депутатов собирался отстаивать свои собственные интересы! И самое печальное заключалось в том, что никто из них даже и не помышлял о республике и собирался отдать все свои силы за сохранение так милого их сердцу султаната-халифата!

Помимо всего прочего, оппозиция и некоторые члены правительства стали все чаще выражать свое недовольство тем, что политикой занималось не предназначенное для этого правительство, а главнокомандующий. И в конце концов Кемаль вызвал в Измир Рауфа и министра иностранных дел Юсуфа Кемалья. Так, на всякий случай! В честь их прибытия он устроил прием в доме Латифе, на котором неожиданно для всех появился в русской рубашке, пел песни своей родной Македонии и много танцевал. «Его движения были энергичны и полны достоинства, — вспоминал позже Фалих Рыфкы. — Он избегал ненужных жестов, и что самое странное, в его танце ясно виделось слияние западных и восточных манер». Но еще больше журналиста поразили услышанные им в тот вечер речи Кемалья. «Это, — рассказывал он, — были речи решительно настроенного воина, расчетливого политика и гуманиста!»

В эти же дни в Измир прибыл и хорошо известный Кемалю Франклен-Буйон, и на радостях тот даже обнял своего «старого друга»! Обрадованный таким началом, тот предложил Кемалю принять выдвинутые Союзниками условия и обещал поддержку на предстоящей мирной конференции. И отправленной в тот же день Пуанкаре телеграммой Кемаль сообщил, что, «полагаясь на заверения, которые г-н Франклен-Буйон дал в согласии с представителями Антанты», он приказал остановить военные операции в «направлении Константинополя и Чанаккале». Переговоры он предложил провести в небольшом порту на побережье Мраморного моря Муданье и, не желая лишний раз напрягать Союзников, обошел молчанием вопрос о выводе оккупационных войск из зоны Стамбула и Проливов. Но на немедленном возвращении Турции Восточной Фракии настоял. По вполне понятным причинам его телеграмма вызвала и в Париже, и в Лондоне вздох облегчения. Да и сам Кемаль был доволен. Он не только добивался таким образом вывода из Турции оккупационных войск, но и развязывал себе руки для занятий внутренними делами. И напрасно огорченная его внезапным отъездом в Анкару Латифе просила взять ее с собой. Кемаль был немолчим, и прежде чем ввести в свой дом одну женщину, ему было необходимо отделаться от другой! «Ждите меня здесь! — сказал он и, улыбнувшись, добавил: — Это приказ!»

Глава 5

В Анкаре Кемалья встретили с превеликими почестями. Правительство, депутаты, жители Анкары, ее гости, журналисты, дипломаты — все пришли выразить свое восхищение непобедимым Гази! На улицах были сооружены многочисленные арки с

написанными на них приветствиями и лозунгами. Здесь же проводились народные гулянья, выступления борцов и различные игры. В мечетях шли молебствия в честь победоносного турецкого оружия. Повсюду слышались поздравительные речи, и, слушая некоторых ораторов, Кемаль с трудом сдерживал улыбку. Да, сегодня они прославляли его, но куда больше он обрадовал бы их, сложив свою голову где-нибудь под Эскишехиром или в Измире! И неслучайно один из лидеров не думавшей складывать оружие оппозиции недавно заявил: «Мы избавились от греков и точно так же избавимся и от Кемаля!» Но что делать, политика была грязной игрой, и игравшим в нее часто приходилось улыбаться, сжимая в кармане рукоятку пистолета!

Целый день он принимал многочисленные поздравления, но по-настоящему расслабился только вечером в окружении самых близких ему людей. Много было выпито в тот вечер вина, но то, что сделали эти люди, стоило того! Потому и горел свет всю ночь на вилле в Чанкайя. А когда гости разошлись и Кемаль остался один, он еще долго сидел за накрытым столом и курил. Много вспомнил он в эту памятную для него ночь и почему-то чаще всего видел себя на палубе уносившего его в Сирию парохода. Да, много воды и крови утекло с того времени, многое изменилось в мире, и, конечно, изменился он сам. И теперь в этой комнате сидел совсем другой человек, напрочь лишенный романтизма и сентиментальности. Интересно, что бы сказала Корина, увидев его? Да и был бы он сейчас интересен ей так, как был интересен в незабываемые дни их близости? Ведь тогда она видела в нем рыцаря без страха и упрека. Остался ли он таким сейчас? Кемаль грустно усмехнулся. Ему даже не хотелось отвечать на этот вопрос! Слишком многое разделяло того приходившего с широко раскрытой душой в дом прекрасной вдовы молоденького офи-

цера от сидевшего сейчас на вилле беспощадного и трезвого политика...

Кемаль в последний раз глубоко затянулся, задушил сигарету и отправился в спальню. Фикрие не спала и с призывной улыбкой смотрела на своего знаменитого на весь мир возлюбленного. В ее блестящем в свете свечей взоре было столько любви и нежности, что Кемаль невольно вздохнул. Будет ли вот так же ненавязчиво и преданно любить его та, другая, с которой он намеревался связать свою судьбу? Конечно, он понимал, какой трагедией будет для Фикрие их разрыв, но место в его спальне было только для одной. И этой одной была Латифе...

Вскоре после возвращения в Анкару Кемаль выступил в меджлисе с подробным рассказом об одержанной победе. И вот тут-то произошло нечто неожиданное. Из всех принимавших участие в войне за Независимость высших военных он выделил только Февзи, Исмета и Кязыма Озальпа, словно не было ни Рефета, ни Али Фуада, ни того же Карабекира, столько сделавшего для Восточной Анатолии. Возможно, они не обладали блеском Февзи и основательностью Исмета, и все же не тот был сегодня день, чтобы забывать своих ближайших друзей! Да, они не пожелали служить под началом Исмета, но разве они мало сделали для победы? Разве не они днями и ночами старались приблизить ее? Да и как было можно славить бывшего сторонника Энвера и забывать про тех, кому он стольким обязан:!! Как выяснилось, можно, и сделавшему свой выбор Кемалю не хотелось возвышать людей, которые должны были сойти с дистанции. Ну а в том, что ему было уже не по пути со своими бывшими соратниками, он не сомневался. Никто из них даже и не думал ни о какой республике и уж тем более о тех крутых переменах в стране, какие он намеревался проводить! К тому же все они были, так или

иначе, обижены на него. Да и трудно работать с людьми, с которыми ты сидел за одной партией! А посему ему были нужны совсем другие попутчики, и он начал готовить свое новое политическое и военное окружение из людей, не только разделявших его убеждения, но и безоговорочно преданных ему! И такие уже были, особенно из молодых генералов, выдвинутых им во время войны. Тот же Исмет был в высшей степени ответственным человеком, прекрасно справлявшимся со всеми возложенными на него обязанностями. За ним стоял Февзи, только один вид которого производил неизгладимое впечатление на всякого, кто видел его в первый раз. Высокого роста, с длинными черными усами, густыми бровями и темными вдумчивыми глазами, он, казалось, постоянно думал о чем-то очень важном. Он прекрасно излагал свои мысли, быстро оценивал обстановку и, несмотря на религиозность, являл собою олицетворение настоящего солдата. Под стать ему был и военный министр Кязым Озальп, человек с приветливым лицом и большими серыми, всегда широко открытыми глазами. Серьезный и вдумчивый, он, несмотря на постоянную улыбку, умел работать основательно и быстро. Все эти люди по-своему были близки к нему, но все же они находились на совершенно другой от него дистанции, нежели сидевший с ним за одной партией Али Фуад. Но даже при всем своем желании он не мог вот так в одночасье распрощаться со своими старыми друзьями. Все они были заслуженными и известными в стране людьми, и он оставил их на политической сцене, надеясь уже в ближайшем будущем окончательно отделаться от них.

Тем временем возглавивший турецкую делегацию на переговорах в Муданье Исмет продолжал оправдывать надежды Кемалю. Он вникал в малейшие детали, слышал только то, что хотел слышать, и не обращал равным счетом никакого внимания

на сыпавшиеся на него со всех сторон угрозы и обещания! Как и всегда, переговоры быстро превратились в торг, и потерявший в конце концов терпение Кемаль заявил: «Если Союзники не согласятся на немедленный возврат Восточной Фракии, я отдам приказ наступать на Стамбул». Те не спешили, и тогда он приказал двум своим лучшим полкам идти на английские позиции. В воздухе снова запахло порохом, и весь мир устремил напряженный взгляд на Анкару.

И все же до войны дело не дошло, требования турок были приняты, и теперь уже Союзники как о великой милости просили его отложить эвакуацию своих войск из Стамбула до заключения окончательного мира. «Мы, конечно, уйдем, — заявил Гарингтон, — но хотим уйти с честью!» Трудно понять, о какой чести шла речь, но слушавший рассказ Исмета Кемаль сразу же вспомнил серый ноябрьский день 1918 года, покачивавшиеся на крутой босфорской волне военные корабли Союзников и свои пророческие слова. Его губы тронула тонкая улыбка. Он оказался прав: как пришли, так и ушли...

На этот раз никто не решился испытывать терпения Кемалья, греческие войска быстро покинули Восточную Фракию, и туда сразу же вступила турецкая жандармерия. Ну а поездка в Бурсу стала первым общением Кемалья с той самой нацией, от имени которой он столько раз выступал. Теперь, когда с единством в его и без того не очень стройных рядах было покончено, ему надо было не только готовить ее к задуманным им переменам, но и заручиться ее согласием на них! И чаще всего в его речах звучали призывы к борьбе с окружающим невежеством! «Мы должны, — то и дело повторял он, — заставить понять каждого, что только с помощью знаний нация сможет процветать! И эти знания надо распространять по всей стране любимыми

доступными методами!» И по сути дела, Кемаль впервые так откровенно высказывался о намеченной им культурной революции, которую он намеревался проводить вопреки всем традициям и привычкам!

Здесь же, в Бурсе, он простился с уезжавшей в берлинскую клинику Фикрие. Печальное это было прощание! Верой и правдой служившая ему женщина не сказала ему ни единого слова упрека, но в ее глазах плескалась такая боль, что никогда не отличавшийся особой сентиментальностью Кемаль вздохнул свободно только после того, как поезд скрылся в степи. И по рассказам охраны, в первую свою проведенную в одиночестве ночь Кемаль чувствовал себя весьма неуютно! И конечно, ему не хватало Фикрие! Да, он настолько привык к ней, что не замечал ее присутствия. Но теперь, когда ее не стало, он сразу же почувствовал пустоту. Да и на душе было неуютно. Она не задумываясь отдала бы за него жизнь, а он поступил с нею так, словно она была его злейшим врагом из Второй группы. В ту ночь он долго не мог уснуть. Как когда-то в Сирии, он долго лежал, глядя в темноту, и курил сигарету за сигаретой, и только когда за окнами забрезжил серый рассвет, он забылся тяжелым беспокойным сном.

Он проснулся после полудня, когда в прозрачном октябрьском небе уже ярко сияло стоявшее в зените солнце. Но ясный день не улучшил его настроения, и он долго сидел за столом с хмурым лицом и пил кофе. Но уже через два часа, когда адъютант принес ему приглашение Союзников на мирную конференцию в Лозанну, он сразу же забыл о причине своей грусти. Вместе с ним в Швейцарию пригласили представителей султанского правительства, и великий везир уже успел заявить о том, что отныне нет «никаких разногласий между Стамбулом и Анкарой и победа восстановила временно нарушенное между ними единство!».

Кемаль поморщился. Даже сейчас до сидевших в Стамбуле людей так и не дошло, что в Турции было только одно законное правительство! Ну да ладно, это их дело, а ему надо думать о том, как побыстрее покончить с установившимся в стране двоевластием и с самим султаном.

Кемаль еще раз пробежал глазами приглашение и глубоко затянулся вновь прикуренной сигаретой. Да, ему предстояло иметь дело с весьма пестрой и в то же время воинствующей армией политиков, и он был обязан победить ее! Что-что, а база у него была! Прошедшие годы закалили его, дали бесценный опыт политической борьбы, и он был готов к любой схватке, какими бы недозволенными приемами она ни велась!

Да и не было в политике никаких недозволенных приемов, были только цели и попутчики, временно становившиеся друзьями, — и ничего больше! И ради будущего страны он был обязан добиться любым способом того, чтобы в Лозанну ехал представитель только анкарского правительства. А раз так, то почему бы ему не сделать главным действующим лицом в последнем акте драмы «Конец султана»... Рефета! Он не раз заявлял о своем желании служить на благо нации, вот пусть и послужит ей в качестве представителя анкарского правительства в Стамбуле и командующего турецкими вооруженными силами во Фракии! И этим выстрелом он убивал двух зайцев. Доверяя Рефету эту в общем-то далеко не благодарную для него миссию, он как бы лишний раз напоминал о своем безграничном доверии известному лидеру национального движения и в то же время отрывал его от оппозиции, не желавшей и слышать ни о каком упразднении султаната!

Как и предполагал Кемаль, Рефета встретили в столице с большим почетом, но, выслушав поздравления от встречавших его великого везира и министра иностранных дел, тот, как и не так давно сам

Кемаль, заявил, что не знает таких должностей! Столь вызывающее поведение Рефета не понравилось оппозиции, и ее представители сразу же заявили о том, что эмиссар Кемалья не имеет права делать какие бы то ни было заявления от их имени. Но... было уже поздно. На встрече с султаном Рефет потребовал распустить давно уже напоминавшее собою скорее привидение, нежели дееспособный орган правительство и признать Великое национальное собрание! Отнюдь не обрадованный обещанием оставить в неприкосновенности халифат султан отказался, и в тот же день великий везир обратился к Анкаре с предложением устроить встречу и обсудить все разногласия.

Но куда там! Кемаль даже не удостоил его ответом и тут же потребовал от меджлиса раз и навсегда покончить с султанатом и стамбульским правительством. По его настоянию группа верных ему депутатов внесла законопроект, гласивший о том, что с 16 марта 1920 года «султанат навеки отошел в область истории». Отослать вместе с султанатом «в область истории» и халифат он не решился. И не только из-за все еще сильных мусульманских традиций в народе. Он прекрасно знал, какие баталии ждут его в Лозанне, и желал иметь на своей стороне такую мощную силу, как триста миллионов мусульман, обожавших своего халифа! В отличие от Энвера он мало верил в ее действительность и тем не менее предпочитал иметь ее на своей стороне.

Оппозиция встала на дыбы, и напрасно Кемаль с утра до вечера тратил свое недюжинное красноречие, стараясь убедить депутатов в необходимости принятого им решения. Все было напрасно, и куда больше новой гражданской войны и возни Британии вокруг трона их пугало усиление его собственной власти! Сказывалось, конечно, и воспитание! Да-и зачем выгонять султана из страны?

Кому мешает этот безобидный человек? Шесть веков простоял султанский трон, так зачем же сейчас, когда все идет так хорошо, усложнить ситуацию? И даже самые близкие друзья были не в восторге от задуманного им. В чем и не было ничего удивительного: все они были выходцами из почтенных семей и с молодых ногтей воспитывались в духе почитания султана. И тот же Рауф не раз заявлял о своей преданности султану, осыпавшему его отца своими милостями. «Воспоминания об этих благодеяниях, — однажды разоткровенничался он, — живут у меня в крови, и мой долг — остаться верным султану и халифату. Без них Турция придет к катастрофе!»

Да и кому опасен Мехмет VI? — надрывались противники Кемалья. Неужели им, только что сокрушившим мощную греческую армию? Нет, это уж слишком! А раз так, пусть себе живет и здравствует! И в конце концов утомленный всем этим пустословием Кемаль прекратил уговоры, понимая, что все сказанное им так и останется гласом вопиющего в пустыне. Все, хватит с него, со всеми этими людьми надо было говорить по-другому, и как только очередной оратор снова принялся переливать из пустого в порожнее, Кемаль с решительным видом поднялся со своего места. «Хватит! — оборвал он депутата. — Вы болтаете уже два с половиной часа, а я так и не услышал ни одного умного слова! Вопрос стоит очень просто: султанат должен быть отменен! И я жду от вас решения! Но прежде, чем вы примете его, я хочу вам всем напомнить о том, что именно вы противитесь сейчас воле требующей отмены султаната нации, и это может очень плохо для вас кончиться! Суверенитет и власть не передаются в результате академической дискуссии. Они приобретаются только с помощью силы, а когда надо, и насилия! Именно так сыновья Османа в свое время добились этой самой вла-

сти над всей турецкой нацией и удерживали ее в течение шести столетий. Но сегодня эта нация поднялась против узурпаторов и желает взять эту власть себе! И чем быстрее вы поймете это, тем лучше в первую очередь для вас! В противном случае нация не остановится ни перед чем, султанат будет отменен в любом случае, но только при этом полетит несколько голов ее врагов!»

Как это чаще всего и бывало, угроза подействовала куда лучше уговоров, и в напряженной тишине раздался голос особенно рьяно защищавшего султанат депутата. «Мы, — робко пояснил он, — рассматривали этот вопрос совершенно в ином свете, и теперь у нас нет никаких возражений!» А мгновенно позабывший обо всех оказанных монархом благодеяниях Рауф тут же предложил считать день упразднения султаната... национальным праздником! Кемаль усмехнулся. Ну вот и все! Он снова победил! И все же справедливости ради надо сказать и о том, что по странному стечению обстоятельств все проходы в меджлисе в этот день были забиты вооруженной с головы до ног охраной Кемалья, а сам он взошел на трибуну с расстегнутой кобурой. Так, во всяком случае, об этом говорят некоторые авторы. И если это и на самом деле так, то ничего удивительного в этом не было. Как несовместны гений и злодейство, так, наверное, невозможны и политические игры по правилам. Да и кто их писал, эти правила!

4 ноября возглавляемый Тевфик-пашой кабинет министров ушел в отставку, и Рефет опечатал министерские кабинеты. В этот же день каким-то таинственным образом исчез министр внутренних дел султанского правительства Али Кемаль! Впрочем, что странного! Возможно, это было недвусмысленным предупреждением всем тем, кто пытался противиться новой власти! Но больше всех напуганным оказался сам султан, в мгновение ока оказавшийся

лишним в еще несколько часов назад принадлежавшей ему стране! И задерживаться он в ней не собирался! Поздним вечером к потайному выходу султанского дворца подкатила карета «Скорой помощи». Дверь открылась, и в сопровождении сына и нескольких слуг, один из которых держал над ним зонтик, на улицу вышел Мехмет VI.

Моросил дождь, на улице было пустынно, и никто так и не увидел, как покидал столицу бывший владыка некогда могущественной империи. Ежась от пронизывающего ветра, султан уселся в машину, и та сразу же тронулась. Через несколько минут она прибыла в порт, и султана проводили на палубу стоявшего под парами английского крейсера. И хотя Мехмета VI встретили с подобающими его сану почестями, было в проявленных к нему знаках уважения что-то жалкое. А когда через несколько минут крейсер взял курс на Сан-Ремо, Мехмет VI долго стоял на палубе, глядя на удаляющийся турецкий берег. Теперь он не прятался от дождя, и было непонятно, текли ли по его лицу дождевые струи или это были слезы. Так грустно и прозаично закончилось шестисотлетнее правление турецких султанов, и на смену им уже шел другой владыка...

Глава 6

На следующий день меджлис лишил Мехмета VI звания халифа и избрал на его место наследственного принца Абдул Меджида II. Во дворце Топкапы было устроено пышное торжество по этому поводу, и новый халиф выступил с обращением к мусульманам всего мира с просьбой признать его лидерство. Кемаль прочитал его послание с такой странной улыбкой на губах, словно слушал рассуждения о будущем приговоренного к смерти! Ну что

же, покачал ¹он головой, пусть поговорит, недолго ему осталось. Очень скоро он покончит с халифатом, и никто не осмелится противоречить ему!

Весьма симпатизировавший националистам халиф был настроен весьма миролюбиво и даже попросил разрешения у Кемаля явиться на пятничную молитву в одеянии Мехмета II. Но Кемаль решил сразу же показать ему, кто есть кто, и... решительно отказал! Затем Кемаль разобрался с Рефетом. В своем страстном почитании халифа тот подарил ему прекрасного арабского скакуна и буквально рассыпался в уверениях в своей преданности, за что и был сразу же заменен мужем Халиде Эдип и вице-спикером парламента доктором Аднаном. И хотя он оставался командующим вооруженными силами во Фракии и продолжал появляться за столом Кемаля, к высшей власти он не будет допущен уже никогда!

Покончив с Рефетом, Кемаль начал боевые действия с меджлисом из-за предложенного им главой турецкой делегации в Лозанну Исмета. Кемаль и на этот раз пошел обходными путями и заставил депутатов согласиться на назначение Исмета, в очередной раз больно хлестнув по самолюбию премьер-министра Рауфа, с которым он даже не посоветовался. Возмутился и Карабекир, тоже изъявивший свое желание возглавить делегацию. Кемалю все же удалось уломать упрямого генерала, и тот скрепя сердце дал свое согласие. Ну а то, что делегации возглавляли министры иностранных дел, его уже не смущало. Кемаль пошел напролом и, пригласив к себе Юсуфа Кемаля, сообщил ему, что как никто другой понимает его желание уйти в отставку и рекомендовать на освобождавшийся пост Исмета! Еще минуту назад не помышлявший ни о какой отставке министр и не подумав возмущаться, и поворчавшее собрание утвердило Исмета в обоих ипостасях! Да и как не утвердить, если Исмет назначался с «благословения» таких

видных в стране людей, как Карабекир и Рефет? Кемаль был доволен и даже не сомневался в том, что Исмет будет исполнять его волю.

От конференции он ждал многого. Именно там, в Лозанне, по образному выражению самого Кемалья, Турции предстояло разобраться в «запутанной и малоприятной куче счетов», и ему надо было проявить чудеса дипломатии, дабы добиться нужных ему и стране решений. На что он рассчитывал? Да все на ту же грызню между западными странами, и, отправляя Исмета, он приказал ему уступать одним, давить на вторых и обещать третьим! Есть противоречия между Англией и Францией? Прекрасно! Надо еще более углубить их и сыграть на них! Зарится Болгария на греческую территорию? Пусть зарится! Надо только подыграть ей! И конечно, Исмет обязан добиться отмены гробивших страну капитуляций, затянуть решение по Мосулу и найти наиболее приемлемое для Турции решение по Проливам и еще целому ряду важных для нее вопросов! Нельзя было забывать и о Советах, а чуть что — путать Союзников дальнейшим сближением с ними! Именно Советская Россия должна стать той самой дубиной, которой можно в любое время погрозить Западу.

Исмет оправдал его надежды, изворачивался как мог и, как только речь заходила о невыгодных Турции предложениях, проявлял такую твердолобость, что в конце концов Керзон потерял всю свою аристократическую выдержку и то и дело раздраженно стучал тростью о стену. Уже очень скоро переговоры превратились в настоящее испытание нервов и выдержки западных дипломатов, и в конце концов потерявший терпение Керзон решил сорвать их и как следует надавить на турок. Устроив на очередном заседании истерику, он от имени Англии, Франции и Италии в ультимативной форме потребовал от Турции подписать выра-

ботанный имя проект договора, угрожая в противном случае уехать из Лозанны. Однако на Исмета угроза не произвела ни малейшего впечатления, и он сам покинул Лозанну.

А тем временем Кемаль снова сошелся в жесточайшей схватке с оппозицией, которая в своем стремлении отделаться от него не нашла ничего лучшего, как внести изменения в Положение о выборах и лишить права быть избранным в депутаты тех, кто не принадлежал по рождению к населению, живущему в пределах нынешней Турции. А так как сам Кемаль родился в уже не входивших в состав новой Турции Салониках и не проживал пять лет на одном месте, он автоматически лишился права быть депутатом. И некоторые доброхоты сразу же посоветовали ему «уйти в отставку в собственных интересах и в интересах страны»!

Но не тут-то было, и Кемаль дал достойный отпор провокаторам. «Да, — гневно блестя глазами, восклицал он, — я родился в принадлежащих теперь Греции Салониках, но, видит Бог, в этом нет моей вины! И в то время, когда предавшие интересы страны люди оставили мой родной город, я сражался на Дарданеллах, на Кавказе и в Африке! И я еще мог бы понять желание моих зарубежных врагов изолировать меня от политической жизни страны! Но я никогда не мог даже представить себе, что с подобным предложением выступят депутаты собрания! И я хочу спросить этих господ: кто дал им право лишать меня моих гражданских прав? С этой трибуны я обращаюсь с этим вопросом к высокому собранию, к населению избирательных округов, ко всей нации и требую ответа!»

Ответа Кемаль так и не получил, и предложенный оппозицией проект не прошел даже предварительного чтения. Он получил множество телеграмм «с мест» с просьбой проявлять «больше решительности» по отношению к меджлису! Оно и понятно!

Ведь сидевшие там люди замахнулись на честь и славу Турции, ее непобедимого Гази! В одной из центральных газет появилась статья известного журналиста Юнуса Нади, который весьма критично отзывался о нежелании некоторых депутатов видеть свет в конце тоннеля и как бы между прочим предупреждал о том, что нация «не потерпит предательства» и «не остановится ни перед чем!».

Но оппозиция не утихала, и особенно усердствовала Вторая группа. Пожелавшие поставить во главе меджлиса халифа клерикалы основательно мутили и без того мутную воду, поднимали голову «бывшие», а так до конца и недобитый «Единение и прогресс» не только возобновил свою деятельность в Стамбуле, но и получил на муниципальных выборах большинство голосов. Кемалю приходилось трудно, и неслучайно журналист Якуп Кадри в порыве откровения писал: «Если бы Кемаль не опирался на верившую в него армию, он не только не мог бы влиять на Собрание, но и вообще вряд ли бы остался в живых! И то, что за ним словно тень повсюду следовала его вооруженная с ног до головы и готовая на все охрана, являлось лучшим подтверждением этого!»

Поставленный в сложные условия Кемаль все чаще стал подумывать о смене меджлиса и создании своей собственной партии, поскольку только с ее помощью он мог превратить свой военный авторитет в политическую власть. С заседавшими сейчас в парламенте депутатами ему было явно не по пути, и он был обязан посадить в их кресла послушных ему людей! И именно его Народная партия должна составить большинство в меджлисе! Дабы заручиться поддержкой нации, Кемаль снова отправился в «народ», и даже телеграмма о кончине матери не изменила его планов. Попросив Салиха заняться похоронами, он продолжил свою поездку по Западной Анатолии. О чем он говорил? Да

все о том же! О мешающей ему и нации оппозиции, о роли просвещения и необходимости... изучать ислам так, как изучают религию в цивилизованном обществе! Что для этого надо? Только одно: новые выборы! Ну а если депутаты не пойдут на них, то у нации найдется свое собственное решение, ибо закон революции был выше всех существовавших законов!

Что ж, как видно, не зря он так внимательно изучал историю Великой французской революции и подобно всем рвавшимся к абсолютной власти тоже предпочитал мешавшим ему законам революционную необходимость! Выступая «от имени нации», Кемаль играл беспроигрышную партию, и увлеченным его страстными речами людям даже в голову не могло прийти, что на самом деле скрывалось за его фразами! Да и что там было задумываться! Великий Гази не мог ошибаться, и если в собрании сидели враги нации, значит, их надо было гнать оттуда! Доставалось от него и клерикалам, и в то же самое время, зная о силе традиционного ислама, он и не думал перегибать палку. «Мы вовсе не намерены, — не уставал повторять он, — отрывать ислам от нашей культуры, это невозможно да и ни к чему! Мы не коммунисты, чтобы одним разом покончить с религией! Да, правительство придерживается материалистических взглядов, но это вовсе не означает, что каждый должен думать так, как правительство! И не надо бояться никакого халифата! Ведь это мы с вами разгромили армии халифа, и не нам бояться жалкой тени все еще остающейся в стране династии! Настанет день, и мы отошлем эту самую тень туда, где ей и надлежит быть!»

Кемаль умело оперировал понятиями, и у слушавших его людей создавалось впечатление, что, помимо него, у религии нет лучшего друга. Да, говорил он, медресе принадлежат прошлому и в новой жизни не нужны. Да и арабский язык обнов-

ленной нации тоже ни к чему, и давно уже пори-
писать божественные книги на турецком языке. И
конечно, ислам надо изучать вместе с другими на-
уками. Так, как это давно уже делается во всем
цивилизованном мире! «Наш Пророк, — говорил
он, — внушал людям истины религии, и ее основ-
ные законы охватывают все правила, соответствую-
щие природе, разуму и логике. Сейчас мы нахо-
димся в доме, где Пророк устраивал собрания
верующих. Мечети построены не для того, чтобы
смотреть друг на друга, дремать, а затем вставать и
уходить. В мечетях надо обсуждать, что мы долж-
ны делать для народовластия и независимости.
Здесь надо изучать общественное мнение нации.
Народная партия — партия политическая, она со-
здана для руководства властью от имени народа и
для народа. Народная партия не придерживается
никаких классовых позиций, Народная партия бу-
дет представлять народ и явится школой, давшей
народу политическое воспитание. Необходимо
иметь уверенность в том, что достигнутые народом
завоевания сохранятся. Пока я не свободен от та-
ких опасений и никому из вас не советую быть без-
заботным! У нас, как и везде, может возникнуть
сила против нового движения. Необходимо быть
настороже!»

Да, многие не советуют создавать ему партию и
предлагают в его же собственных интересах уйти в
отставку, как с честью выполнившему свой долг
перед родиной. И он, конечно, последует этим со-
ветам, но только после того, как убедится, что со-
зданному ими ничто больше не грозит и страна
сможет развиваться сама! Конечно, задуманное им
обновление общества не нравится реакционерам, а
поэтому надо быть готовыми к жесточайшей схват-
ке с ними. «Только орошенные кровью революции
чего-то стоят! — как бы предупреждал он. — Но мы
уже пролили достаточно ее на полях сражений с

прагами отечества и в гражданской войне! Так давайте же надеяться на то, что на этот раз мы обойдемся без кровопролития, поскольку главной задачей нашего просвещенного народа является просвещение и воспитание всех мешающих нашей революции! Конечно, мы хотели бы провести культурную революцию только с помощью убеждения, но, если этого окажется недостаточно, мы прибегнем к принуждению!» Что ж, все правильно, и, если выразаться проще, лозунг был куда как прост: кто не с нами, тот против нас!

Венцом выступлений Кемалья в Западной Анатолии стала его речь на могиле матери в Измире, где он говорил о ней как о самой настоящей жертве султанского режима, выплакавшей свои глаза из-за вечной боязни за него, брошенного султанскими палачами сначала в тюрьму, а затем отправленного в ссылку! «И на этом святом для меня месте, — как бы подводил он черту под всем сказанным им ранее, — я клянусь в том, что отдам свою жизнь, если этого потребует родина!»

Здесь же, в Измире, Кемаль наконец-то женился. Как таковой, свадьбы не было, и ее заменил обычный чай в доме тестя, несказанно обрадованного свалившимся на него счастьем. И только присутствие освятившего брак главного муфтия Измира напоминало о торжественности чаепития. Согласно мусульманским традициям, свадьба началась с торга между друзьями невесты и жениха, и в конце концов Кемаль «выкупил» невесту за десять серебряных дирхем. «Вы получили жену даром!» — пошутил Февзи. Кемаль равнодушно махнул рукой. Даже сейчас он думал не о первой брачной ночи, а о том, как приблизить те благословенные времена, когда свадьбы будут справляться так, как это принято делать во всем цивилизованном мире. Да и не муфтия он желал бы видеть у себя за столом в столь торжественный день, а мэра города.

И все же Кемаль не был бы Кемалем, если бы здесь не пошел против течения и, к великому негодованию священника, не разрешил невесте присутствовать на церемонии с открытым лицом! Ну заодно еще раз больно стегнул по самолюбию пришедшего на свадьбу Карабекира, предложив ему поработать председателем экономического конгресса в Измире! Высоко оценивая свои заслуги перед родиной, Карабекир все еще не терял надежды ни то, что рано или поздно займет достойное его место и вместе с Кемалем будет определять политику страны! А вместо этого его посылали на какое-то совершенно ненужное ему экономическое собрание! И все же возмущаться не посмел. Тем более, что на открытии конгресса выступил сам Кемаль.

«Я не буду вам рассказывать о положении дел в стране, — сказал Кемаль делегатам, — вы его сами прекрасно знаете! Но я хочу обратить ваше внимание вот на что: память о нашей отсталости должна способствовать сплочению всех тех, чьи интересы совпадают! И мы в любом случае должны покончить с капитуляциями, тормозящими развитие нашей страны и толкающими ее назад! Они явились результатом полного непонимания султанами того, что причиной упадка Османской империи стала прежде всего слабая экономика! Те, кто собирается удержаться у власти только с помощью меча, обречены, и история любой страны пишется в первую очередь не мечом, а плугом!»

В Анкару Кемаль возвращался вместе с женой, начальником генерального штаба Февзи и приехавшим из Лозанны Исметом. Судя по всему, их ждала далеко не самая теплая встреча в меджлисе, и всю дорогу они провели в обсуждении предстоящей политической борьбы. Кемаль не строил никаких иллюзий в отношении оппозиции и прекрасно понимал, что все интриги вокруг Мосула и Исмета были только предлогом, и не будь их, у его против-

ников нашлись бы другие поводы. И далеко не случайно на вопрос иностранного журналиста о том, что же он будет делать, когда внешний враг будет разбит, Кемаль с какой-то двусмысленной улыбкой ответил, что теперь развлечения ради они начнут нападать друг на друга!

И он не ошибся! Они нападали! Да по-другому и быть не могло! И если с патриотизмом, во всяком случае в их понимании, у депутатов все было в порядке, то в большой политике они разбирались плохо. Над разумом чаще всего преобладали эмоции, многие были подвержены ксенофобии и не отличались ни хорошим образованием, ни необходимой для политиков широтой взглядов. Как и все дилетанты, они считали себя всеведущими и отличались крайней завистливостью и подозрительностью. И Кемалю давно надоела вся эта игра в демократию и бесконечные уговоры упрямых депутатов.

Как это ни печально для Кемалья, но появилась едва заметная на первый взгляд трещинка и в его отношениях с женой. Латифе была неприятно поражена не отвечавшей ее требованиям обстановкой виллы, но вскоре у нее появились куда более серьезные причины для огорчения. Как только к Кемалю приходили друзья, он отсылал жену и до трех часов ночи говорил с ними о политике. Не нравилось ей и выпитое Кемалем количество раки. А когда он, как ни в чем не бывало напевая какую-то веселую песенку, наконец-то появлялся в спальне и даже не извинялся перед нею, Латифе была даже не столько поражена, сколько убита поведением мужа! Но стоило ей только возмутиться, как Кемаль в довольно резкой форме попросил ее не лезть не в свои дела, больше общаться с женами его приятелей и, если уж ей это так нравится, заниматься благоустройством их жилища. Латифе на время отступила. Правда, будь Кемаль немного повнимательнее, он обязательно заметил бы то внут-

реннее напряжение, в каком постоянно пребывала его жена. Но ему было не до нее. В меджлисе снова шли схватки с депутатами из-за якобы проваленных Исметом переговоров. Недовольно их ведением было и правительство, поскольку подчиненный ему министр иностранных дел получал инструкции от него, а от главнокомандующего и президента меджлиса. Но особенно депутаты были недовольны позицией Кемалья по Мосулу, судьба которого должна была решиться на переговорах с Британией. Кемалю снова пришлось с утра до вечера убеждать их в том, что он не собирается отдавать Мосул, специально откладывает решение по нему. «Надо только немного подождать, — говорил он, — пока наша страна не окрепнет! Только и всего!»

Однако решительно настроенная оппозиция встречала в штыки все его объяснения, напряжение нарастало, и на закрытом заседании 6 марта Кемаль дал волю своей ярости. Ну неужели так трудно понять, кричал он, что без определенных уступок Западу Турция никогда не получит более или менее приемлемых условий мира и обречена на тяжелую борьбу с мощными западными государствами? И именно эти уступки разбивали и без того нестройные ряды Союзников, пытавшихся урвать все, что угодно, за счет друг друга. «Я намеренно создаю тонкую систему дипломатических противовесов, в которой Советы будут сдерживать Союзников, Британия — Францию, а Греция — Болгарию! И не понимать этого могут только глупцы, — гневно закончил он, — или, что еще хуже, предатели!»

Услышав столь страшное обвинение, не менее Кемалья разъяренный Али Шюкрю вместе со своим близким другом Зией Хуршитом и другими членами Второй группы кинулся на ненавистного ему человека, сжимая спрятанный в кармане пиджака пистолет. На помощь Кемалю поспешили его сто-

ронники, еще немного — и в зале началась бы перестрелка! И только с огромным трудом Али Фуаду удалось спасти положение и объявить заседание закрытым. И тогда Кемаль изменил тактику. Он не стал приглашать «на ужин» Рауфа и принялся обрабатывать его через Али Фуада. И, как нетрудно догадаться, в ход пошел весь обычный в таких случаях и далеко не джентльменский набор, состоявший из обещаний и угроз.

Озадаченный Рауф не осмелился противиться воле Кемалья, после бурных дебатов правительство поручило продолжение переговоров тому же Исмету, и турецкие предложения по мирному урегулированию были вручены находившемуся в Стамбуле представителю Союзников. Ну а для того, чтобы умерить пыл французов, которым были обещаны экономические концессии, Кемаль начал широкую кампанию в печати против зверств французских войск в Александrette и Антакье. Затем последовал тонкий ход против снова начавших сблизиться Англии и Франции, и Кемаль с великим знанием дела разыграл «американскую» карту, пообещав представителям деловых кругов Америки выгодные концессии. И хотя ничего из этого не вышло, своего Кемаль добился. Обещанные им американцам концессии встревожили как англичан, так и французов, сразу же увидевших в сделанных им предложениях ущемление своих деловых интересов.

Проводив Исмета в Лозанну, Кемаль снова отправился в поездку по стране, на этот раз с Латифе. И по сути дела, его путешествие по южным городам явилось продолжением уже начатой им избирательной кампании. На встречах с нацией Кемаль говорил обо всем: о переговорах в Лозанне, торговцах овощами, фермерах, о новых выборах и, конечно, об образовании! И все его речи были пронизаны страстной уверенностью в том, что турецкая нация сумеет приобрести необходи-

мые познания и обеспечит прогресс своей родины «Нация, — внушал он внимательно слушающим ее людям, — будет отсталой до тех пор, пока ее противники будут доминировать во всех областях науки и знаний! Так давайте же осознаем, в какой стране мы сейчас живем, и будем изучать то, что и следует изучать! Этого от нас требует религия Бог!» И не надо обращаться за разъяснениями священникам, каждый должен понять ту простую истину, что все совместимое с разумом и общественными интересами совместимо и с исламом! Именно поэтому ислам и национальные интересы совпадают! Но в то же самое время он постоянно напоминал и о том, что все иссушившее мощь нации зло было сделано от имени религии!

Вместе с проповедью рациональной формы ислама он ударился в изобретение своих собственных версий истории. Адана и ее окрестности всегда принадлежали туркам, говорил он, и их отняли у них персы и Александр Македонский. Потом они снова вернули их себе, и ни армяне, ни кто другой не имеют на них никакого права! Много внимания он уделил положению женщин, главной задачей которых он считал воспитание подрастающего поколения.

Выступая в Кютахье перед учителями, он еще раз заявил о том, что все они являются самыми настоящими офицерами служащей делу образования армии и у него нет ни малейшего сомнения в том, что именно они уже очень скоро «разгонят тучи невежества над страной!». Ну а чтобы как можно скорее добиться этого, надо выбрать в меджлис куда более решительных и прогрессивных людей, готовых не щадя себя работать на благо нации. И побежденные его красноречием люди верили ему! Да и как не поверить спасшему Турцию человеку. Одно дело читать в газетах или слышать о том, что творилось за закрытыми для всех дверями прави-

тельства, и совсем другое — видеть и слушать национального героя, с такой готовностью отвечавшего на любые вопросы!

После его возвращения в Анкару в ней разыгралась самая настоящая драма! Не так давно собиравшийся пристрелить его Али Шюкрю был найден мертвым недалеко от виллы в Чанкайя. Подозрения сразу же пали на Хромого Османа, но, когда Кемаль отдал приказ арестовать его, начальник его охраны оказал вооруженное сопротивление и был смертельно ранен в перестрелке. Оставшихся в живых допрашивал сам Кемаль, но истины так и не установил. После доклада Рауфа о следствии по делу об убийстве Али Шюкрю депутаты приняли решение выкопать труп лаза и повесить его на установленной у здания меджлиса виселице. И хотя официальные власти постарались как можно скорее позабыть о громком убийстве, похороны депутата в его родном Трабзоне собрали огромное количество людей. Памяти Али Шюкрю оппозиция посвятила целое заседание, и еще долго его сторонники заявляли о том, что дух покойного присутствует вместе с ними на всех заседаниях.

Что же произошло на самом деле? Тщательно задуманная провокация оппозиции, чрезмерное усердие преданного Кемалю начальника его личной охраны или же инициатива самого Кемалья? Это так и осталось тайной! Правда, хорошо известно другое. Истребитель греков, армян и мусульман, Хромой Осман, так или иначе, должен был сойти со сцены. При новом порядке ему на ней уже не было места, и руки Кемалья должны были оставаться чистыми! И далеко не случайно Исмет считал все случившееся с Али Шюкрю неизбежным всплеском десятилетиями накапливавшегося в стране зла. «Ататюрк, — скажет он позже, — появился из существующих в стране противоречий... И его талант политика намного превосходил его

военные дарования...» Хотя тот же Карабекян вспоминал о неоднократных угрозах Кемалю в адрес ненавидевшего его депутата и созданной им в Анкаре оппозиционной прессы.

Но, как бы там ни было на самом деле, очень многие истинным виновником смерти Али Шюкря считали Кемалю и начинали его бояться уже по-настоящему! Что же касается самого Кемалю, то он никогда не говорил ни об Али Шюкря, ни о Храме Османе. И хотя оппозиция еще долго продолжала обсуждать случившееся, занятый подбором «своих» депутатов Кемаль не слушал ее. И хотя из двух сотен подобранных им кандидатов только половина отвечала его требованиям — личной преданностью вождю и определенными способностями, — все же он набрал себе команду, с которой намеревался пуститься в бурное море политической борьбы, а вернее, покончить с нею раз и навсегда.

Борьба предстояла тяжелая. Оппозиция не желала и слышать ни о каких радикальных переменах в стране. Но Кемаль думал иначе и после очередной ожесточенной схватки с оппозицией заставил меджлис принять решение о новых выборах. А добившись своего, тут же клятвенно заверил депутатов в том, что во главе турецкого государства никогда не будет стоять диктатор! Но ему и этого было уже мало, и когда до выборов оставались считанные недели, он заявил о преобразовании Общества защиты национальных прав Анатолии и Румелии в Народную партию. А затем провел через меджлис изменение к принятому в 1920 году «Закону о высшей измене». И теперь любое направленное против отмены султаната и верховенства меджлиса действие рассматривалось как высшая измена! «В нашей стране, — говорил в своих комментариях к принятому изменению Кемаль, — неограниченной свободой пользуются все, кроме врагов национального суверенитета! Но пусть они только предпри-

мут хотя бы один шаг не только против моих идей и целей, но и против всего, с чем связана жизнь турецкого народа, — и этот шаг придется рассматривать как отравленный кинжал, направленный в сердце народа. Тогда я и мои единомышленники всегда и везде будем уничтожать их! Скажу больше: если даже не будет законов, обеспечивающих это право, если кто отступит перед подобными попытками, если я даже останусь один, то все равно буду бороться с ними!»

Однако не питавшая никаких иллюзий в отношении будущей политики оппозиция позволила себе не согласиться с подобным утверждением и заговорила о посягательстве на свободу слова. Особенно активно она повела себя в Трабзоне, где было много «неуправляемых» юнионистов, желавших возродить «Единение и прогресс».

Кемаль отреагировал мгновенно, с помощью направленных им в Трабзон эмиссаров местные филиалы Общества защиты прав мгновенно прекратили свое существование, а в городе по какой-то необъяснимой случайности сразу же появились прокемалистски настроенные избиратели! Куда сложнее дело обстояло со все еще оккупированным Стамбулом, где младотурки всеми доступными им способами вели через оппозиционную прессу яростную борьбу с грядущей диктатурой. Но все было напрасно, и выборы в меджлис превратились в простую формальность. «Мы, — с горькой иронией говорил губернатор небольшого городка на побережье Черного моря Гюмюшхане, — присутствуем на весьма замечательных выборах, на которых не надо выбирать, а только вносить имена тех, кого наметило правительство!» Правда, были округа, где подобные игры не проходили, и в одном из них избиратели оказались настолько упорными, что Кемаль в конце концов махнул рукой: «Пусть голосуют, за кого хотят!» Теперь он мог себе по-

зволить такую роскошь: подобных округов был единицы, и погоду они не делали!

Хотя из Второй группы в новом парламенте и было никого, в него все-таки вошли оппозиционно настроенные по отношению к нему депутаты как и совершенно уже ненужные ему Рауф, Карибекир, Али Фуад и Нуреттин-паша! И теперь между Кемалем и абсолютной властью в стране стоял только его «старые друзья». Да, их было совсем немного, и все же он не мог сбрасывать их со счетов, поскольку все они обладали достаточным авторитетом в стране и являлись признанными лидерами национального движения.

И первым, кто пошел с ним на окончательный разрыв, стал Рауф. Как у главы правительства, у него постоянно возникали разногласия с уехавшим в Лозанну Исметом, и в конце концов он заявил, что, если подобное непонимание будет продолжаться, он подаст в отставку! Угроза не испугала Кемалю, Исмет продолжал свои консультации только с ним и 24 июля 1923 года с его благословения подписал специально врученной ему для этой цели Кемалем ручкой договор о мире! По Лозаннскому соглашению Турция сохраняла все указанные в «Национальном обете» территории, за исключением Мосула и Александретты. Было навсегда покончено с капитуляциями, и иностранный капитал потерял один из своих важнейших рычагов финансового контроля над страной. Правда, все еще оставался открытым вопрос об оттоманском долге, хотя Турция и дала свое принципиальное согласие выплачивать его. И конечно, много лучшего оставляла желать Конвенция о Проливах. Она предусматривала демилитаризацию Босфора и Дарданелл, а в Константинополе учреждалась Международная комиссия по Проливам. И хотя во главе ее стоял представитель Турции, по сути дела, именно она осуществляла контроль над проходом военных ко-

раблей. В Лозанне была подписана и еще одна важная конвенция об обмене населения между Турцией и Грецией. Конечно, далеко не все нравилось Кемалю в заключительных документах Лозаннской конференции, и все же, несмотря на все свои издержки, подписание мирного договора явилось великой исторической победой турецкого народа и его предводителя!

Телеграмму от Исмета Кемалю в Чанкайя принесли Рауф и Али Фуад. Гази принял старых друзей в арабском бурнусе и, быстро пробежав текст телеграммы, с необычайным оживлением воскликнул: «Вы доставили мне самую настоящую радость! Благодарю вас!» Находившийся в прекрасном расположении Кемаль пригласил гостей отобедать, и поначалу за столом царила непринужденная обстановка. Но в конце концов разговор скатился на личности, и Рауф снова заговорил о своей отставке. Он догадывался, с какими почестями будут встречать Исмета, и не хотел новых унижений. Да и что, даже будучи премьер-министром, мог он, подписывавший позорное Мудросское перемирие, сказать теперь своему одержавшему блестящую победу министру иностранных дел! Окончательно обед испортил Али Фуад, снова заговоривший о неучастии Кемаля ни в одной из политических партий, и, уставший от подобных разговоров, тот резко оборвал старого приятеля. «А я вообще не понимаю, — раздраженно воскликнул он, — для чего в стране надо столько партий! Только для того, чтобы расколоть нацию? Но ведь этого делать нельзя! У нации не должно быть ни различных партий, ни тем более разных идеологий! И я не хочу видеть никаких других партий!» Настроение у всех было испорчено, гости поспешили откланяться, и все же перед самым уходом Али Фуад не выдержал. «Интересно, — вопросительно взглянул он на нахмуренного Кемаля, — кто же теперь будет

вашиими апостолами?» Кемаль смерил его неприязненным взглядом и холодно произнес: «Все те, кто будет служить нации и стране!» На этот раз Али Фуад не нашел что ответить, и недавние друзья расстались еще более недовольные друг другом. Все было предельно ясно, и после того как Рауф отказался принимать участие в торжественной встрече прибывавшего из Швейцарии Исмета, борьба между лидерами национального движения вступила в открытую фазу.

13 июля меджлис единодушно избрал Кемаль своим президентом, и он приступил к пространным комментариям только что подписанного мирного договора. Переговоры в Лозанне, заявил он, подвели черту не только под четырьмя годами войны за Независимость, но и под четырьмя веками узаконенного зла. Но их святая борьба стоила жертв, и достигнутые нацией успехи открывали перед ней широкую дорогу к прогрессу и цивилизации. На следующий день меджлис одобрил назначение Али Фетхи на пост премьер-министра, оставив за Исметом кресло министра иностранных дел. Выразив горячую благодарность «превратившей Севр в Лозанну» армии, депутаты ратифицировали договор.

На этот раз Союзники сдержали слово и приступили к эвакуации своих войск из зоны Проливов, и 6 октября турецкая армия торжественным маршем вступила в Стамбул! Сам Кемаль в продолжавшую оставаться ему враждебной столицу не поехал. Да и что ему было там делать, если он намеревался перевести ее в Анкару! Конечно, многим подобная затея пришлась явно не по вкусу. Да и кому хотелось менять прославленный на весь мир цветущий город на какое-то захолустье, известное разве что своими кошками! Ни воды, ни света, ни канализации, ни дорог! Было от чего прийти в ужас привыкшим к роскоши стамбульских дворцов и босфорских вилл министрам. Но Кемаль был непреклонен,

считая свой выбор в высшей степени не только справедливым, но и символичным. Ангора, как называлась раньше Анкара, без особого напряжения могла встать в один ряд с такими известными древними поселениями, как Дамаск, Тир, Иерихон и Иерусалим. Как утверждали историки, на этом месте уже пять тысяч лет назад жили люди с довольно развитой цивилизацией. Несмотря на все свое нежелание, 13 октября депутаты все-таки приняли решение о переносе столицы на священную землю Эртогрула, и теперь уже мало кто сомневался в том, что Кемаль и дальше будет считаться с чужим мнением. В трабзонском журнале «Кахкаха» («Смех») появился весьма многозначительный рисунок, символизирующий нацию, парламент и правительство, и все три изображенных на нем лица были удивительно похожи на Кемалья! Но когда один из его близких друзей в шутливой форме заметил, что теперь он похож на пребывавшего в трех лицах христианского Бога, тот довольно холодно ответил ему: «Да, это правда... Но не говори об этом никому!»

И все же до абсолютной власти было еще далеко. Решение о переносе столицы в Анкару было принято, по сути дела, в частном порядке, и даже Али Фетхи не был извещен о нем заранее. Показали зубы некоторые депутаты и при ратификации Лозаннского договора, поскольку не всем нравилось оставление Александретты и Антакьи в зоне французских интересов! Продолжавшие интриговать старые друзья через Исмета попытались уговорить Кемалья принимать все важнейшие решения после консультаций с лидерами национального движения. Кемаль сразу же усмотрел в этом заговор и, решив ударить первым, провел реорганизацию командования армией. Он распустил штабы фронтов, снова ввел систему армейских инспекторов, и находившийся в оппозиции к нему Нуреттин-паша остался без армии. Что же касается Ка-

рабекира и оставившего пост вице-спикера Аа Фуада, крайне недовольных возвышением окружения Кемалья, то он назначил их инспекторами соответственно Первой и Второй армий в Стамбуле и Конье.

25 октября меджлис избрал спикером Рауфа получившего и пост министра внутренних дел. Крайне недовольный таким усилением своего противника Кемаль тут же собрал министров у себя в Чанкайя и потребовал от них не только уйти в отставку, но и отказаться от повторных выборов и новой администрации. Конечно, Али Фетхи был недоволен сделанным ему предложением, но противиться непреклонной воле своего старого приятеля не посмел. «В выбранном меджлисом правительстве, — к удовлетворению Кемалья заявил он, — не может быть порядка!» Но Кемалю и этого было уже мало, и он решил использовать правительственный кризис для исполнения своей мечты!

28 октября он пригласил к себе на обед героев войны за Независимость Кемалеттина Сами, военного министра Кязыма Озальпа, коменданта Анкары подполковника Фуада Булджу, журналиста Рушена Эшрефа, Али Фетхи и Исмета. И не успели гости разместиться за столом, как Кемаль изумил их неожиданным заявлением. «Завтра, — сказал он, — мы провозгласим республику!» И, не дав никому опомниться, он быстро распределил роли для задуманного им спектакля и сделал несколько дополнений к конституции 1921 года. Турция, говорилось в них, является республикой; ее президент избирается меджлисом из числа его депутатов; срок его пребывания на посту определяется сроком работы Великого национального собрания, и он может быть переизбран на новый срок; президент назначает премьер-министра, тот подбирает министров из числа депутатов меджлиса, который по просьбе президента утверждает их; президент име-

ет право возглавлять меджлис и кабинет министров по своему желанию и, таким образом, является главой законодательной и исполнительной власти. Два других дополнения касались турецкого языка и ислама, провозглашенных соответственно государственными языком и религией.

На следующий день исполнительный комитет Народной партии принялся за обсуждение нового состава кабинета министров. После долгих и ни к чему не приведших дебатов Кемалеттин Сами предложил вызвать, как это и было задумано, Кемалья и попросить его выступить в роли арбитра. Тот не замедлил явиться и тут же зачитал написанные им накануне добавления в конституцию. Изумленные депутаты заговорили о своей неготовности голосовать, поскольку подобные вопросы требовали куда более тщательного и взвешенного изучения. Но после того, как взявший слово Исмет заявил о том, что дальнейшее затягивание решения этих вопросов ослабляет страну, депутаты приняли подготовленные Кемалем дополнения и тут же отправили их на рассмотрение всего меджлиса. Присутствующий на заседании священник заявил, что объявление Турции республикой «находится в полном соответствии с нормами ислама», и под крики «Да здравствует республика!» меджлис тут же провозгласил ее. Дальше все шло по принятому в Чанкайя сценарию, и меджлис единогласно избрал Кемалья ее президентом! Он поблагодарил депутатов за оказанную ему честь и назначил премьер-министром Исмета. А чтобы еще больше укрепить свою власть, он оставил Февзи начальником генерального штаба, а Кязыма Озальпа — министром обороны. Теперь Кемаль мог быть доволен! Он обладал высшей властью, практически ничем не отличавшейся от той, какую имел во время войны! Послушное правительство, большинство в собрании, законы, обсуждаемые за закрытыми дверями Народной

партии и без возражений одобряемые меджлисом значили многое. Депутаты все еще продолжали авторитарно относиться к нему, но взгляд его слегка потемневший глаз был устремлен куда-то мимо них. Что он видел, что вспоминал в эту, возможно, самую торжественную минуту своей жизни? Отправившего его некогда в ссылку чиновника? Дымящийся Чанаккале и горящий Измир? А может быть, военную школу в Салониках и себя, окруженного такими же, как и он, юношами, смеявшимися над его «особым предназначением»? Что ж, теперь о нем знал не только он сам, и уже никто не думал потешаться над ним, как потешались тогда, много лет назад. Великими и на самом деле не рождались, ими становились...

Книга четвертая

НОВЫЙ ПОРЯДОК

Глава 1

Провозглашение республики не произвело на страну впечатления, и чем отличался в ее понимании президент этой самой никому не ведомой республики от недавно изгнанного из страны султана, не сказал бы, по всей видимости, никто.

А вот для старых друзей Кемалья претворение в жизнь его мечты явилось самым настоящим громом среди ясного неба, и они сразу же увидели в его детище не путь к новой Турции, а очередной тактический ход по созданию новой политической системы абсолютной власти. О чем с генеральской откровенностью и поведал явившимся к нему многочисленным журналистам Карабекир. И как знать, не кусал ли себе в очередной раз губы так поздно прозревший генерал, снова и снова вспоминая тот теперь уже такой далекий день, когда он мог одним ударом отделаться от Кемалья. «Только благодаря нам, — с трудом сдерживая отчаяние, говорил он, — Кемаль не превратился в свое время в султана и халифа! Но теперь он снова пытается стать им, для чего и избрал себя президентом!» «Провозглашение республики, — вторил ему Рауф, — дело безответственных лиц, которым придется дать отчет народу!» И, читая эти излияния, Кемаль невольно вспоминал избавлявшегося от него при первой же возможности Энвера. Да, те-

перь он мог говорить все, что угодно, но ему совсем не нравилось то, что говорили о нем и его политике другие. Недовольных грядущими переменами хватало, и он не очень удивился, когда все они потянулись к олицетворявшему столь любимую ими старину халифу. Кто только не подвизался в те дни в гостеприимно раскрывшем двери султанском дворце! Общественные деятели ушедшего режима, министры, улемы, ходжи, журналисты, генералы, помещики, эмиссары западных финансистов, тесно связанные с ними компрадоры и, конечно, феодалы с их мечтами о восстановлении столь милого их сердцу султана!

Не было недостатка в недовольных им и среди простого населения Стамбула, хотя Абдул Меджид даже и не думал заниматься подрывной деятельностью. Да и какая там деятельность! Это был совершенно безвольный и изнеженный аристократ, очень образованный и набожный. Почти пятьдесят лет прожил он в своем дворце на Босфоре, занимаясь живописью, теологией и выращиванием роз. Каждую пятницу в сопровождении огромной свиты он посещал Святую Софию, где усердно молился, а в остальные дни с важностью истинного правителя принимал многочисленных посетителей.

Но постепенно и он проникся собственной значимостью и принялся устанавливать связи с недовольными политикой Кемаля не только в Турции, но и за рубежом, где от имени мусульманских организаций Индии, Египта и других стран стали публиковаться многочисленные воззвания в «защиту халифа». Во весь голос о защите его прав и достоинства затрубила оппозиционная печать, и стамбульские газеты в своем уже бившем через край рвении угодить халифу дописались до того, что стали сравнивать республику «с приставленным к виску пистолетом». Известный юрист Лютфи Фикри призывал халифа оказывать сопротивление посягательствам на его

права и «не повторять историю Людовика XVI», а все выше поднимавшие голову клерикалы требовали созыва общемусульманской конференции и выработки на ней положения о халифате, способного оградить халифа от любых нападков.

К великому негодованию Кемаля, даже заседавшие в парламенте бывшие сановники и генералы то и дело отправляли халифу послания, в которых именовали его «своим повелителем», а себя «его верными солдатами». А Рефет в своем рвении услужить Абдул Меджиду дошел до того, что шифрованной телеграммой сообщил ему о том «чувстве покорности и глубокой верности», с каким он целует своему повелителю руки. Постоянно подчеркивал свое глубокое уважение к династии и с подозрительным постоянством зачастил во дворец халифа и Рауф. Но к огромному неудовольствию Кемаля, все эти, так или иначе, обиженные им люди не только целовали руки и лили слезы на плече у любимого халифа, но и вели с ним долгие разговоры о политике, что было куда опаснее любого лизоблюдства.

И в конце концов не выдержавший этой верно-подданнической вакханалии Кемаль был вынужден поставить всех этих пресмыкавшихся за его спиной у ног халифа рауфов и рефетов на место. По его поручению Исмет в довольно жесткой форме напомнил депутатам о том, что именно «армии халифа превратили их страну в развалины», и закончил свою в прямом смысле этого слова убийственную речь откровенной угрозой. «Если когда-либо какому халифу взбрет в голову попытаться повлиять на судьбу нашей страны, — холодно глядя на присмиривших депутатов, заявил он, — то могу сказать наверняка, что мы снимем ему голову!» Вот так вот, просто и без затей! И весьма доходчиво! А что прикажете еще делать? Сидеть и ждать, пока эту самую голову снимут самим? Нет уж, увольте, и Кемаль,

и он сам достаточно рисковали жизнью в боях за республику, чтобы теперь получить нож в спину!»

«Душа революционера, — некогда сказал Тьер, — всегда разделена между двумя одинаково сильными страстями: страсти для достижения цели и ненависти к тем, кто ему в этом мешает!» И Кемаль не был исключением! Он страстно мечтал о превращении страны в светское государство и так же страстно ненавидел всех тех, кто ему в этом мешал. И хотя прямой угрозы ни провозглашенной им республике, ни ему самому не было пока еще и в помине, уже проходивший через все эти игры с показным смирением и сам в свое время игравший в них Кемаль приказал начальнику генерального штаба Февзи перевести предназначавшуюся для армии Карабекира дивизию на восток, а генерал Сами получил от него тайный приказ идти на Стамбул при первом же известии о начале мятежа! Однако воевать с Кемалем никто из его старых друзей не собирался, и они даже попытались навести с ним мосты. Но... нельзя примирить непримиримое, и они расстались еще более недовольные друг другом. Ну а чтобы еще больше ограничить их активность, Кемаль провел через меджлис закон, запретивший военным принимать участие в политике. И хотя уже избранным из их числа депутатам было разрешено доработать до конца положенного им срока, права на участие в парламентских дискуссиях они были лишены.

Обезопасив себя от давления в парламенте, Кемаль вместе с Латифе отправился в Измир. Отдохнуть. Сказались старые недуги и то постоянное нервное напряжение, в каком он пребывал вот уже столько лет, и уставший Кемаль чувствовал очень сильное недомогание. Доктор прописал покой и строго-настрого запретил алкоголь, сигареты и кофе.

В середине января с огромным трудом выдерживавший запрет Кемаль почувствовал себя лучше и, дабы лишний раз поиграть мускулами, провел в

районе Измира военные учения. На их разборе он выступил с объяснением своих военных принципов, но все это было так, к слову, и по-настоящему он заговорил только тогда, когда коснулся политики. «У нашей республики, — заявил он, — есть две силы, на которые она может положиться. Это решимость нации и сила армии! И мы сделаем все, чтобы убрать любые препятствия, лежащие на пути к безопасности и процветанию нации!»

Весьма недвусмысленно предупредив всех инакомыслящих, Кемаль как ни в чем не бывало устроил встречу с представителями оппозиционной стамбульской прессы. И, говоря откровенно, это была странная встреча! На что она была рассчитана? На мир с прессой? Так это было наивно. Да и как можно было примириться с пока еще свободными газетчиками, в любой свободной стране призванными как раз для того, чтобы критиковать любую власть?

И конечно, это была встреча с подтекстом. Как и любой властитель, Кемаль совершенно не нуждался в свободной прессе и все чаще начинал подумывать о тех самых знаменитых «хлысте и шпорах», которые, по образному выражению Наполеона, были необходимы «для управления печатью»! Тем не менее он радушно принял журналистов и, проговорив с ними целых два дня, выразил свою неизвестно на чем основанную уверенность в том, что пресса будет служить на благо республики.

Журналисты приняли навязанную им игру, и от имени своих коллег Хусейн Джахит весьма туманно заметил: «Свобода завоевывается насильем, но требует взаимной терпимости, и я счастлив, что все мы нашли такое взаимопонимание в нашем Гази!» Засим они и расстались, с улыбками на лицах и камнями за пазухой!

И все же главной головной болью Кемалья были не все эти независимые шелкоперы (пройдет время, и он сумеет обломать их!), а чуть ли не каждый

день продолжавший досаждать ему своими просьбами халиф. И когда буквально на следующее утро после его возвращения в Анкару Абдул Меджид в своем очередном послании потребовал предоставления ему дополнительных средств для оплаты своих расходов, и без того постоянно пребывавший на взводе Кемаль сорвался. «Халифат, — не стесняясь в выражениях, написал он в ответном послании, — является реликтом истории, и ничто не может служить оправданием его существования. И Ваше письмо мне я рассматриваю как проявление неуважения!» А когда к нему в качестве просителя за своего духовного владыку явился сам шейх-уль-ислам, взбешенный Кемаль даже не стал его слушать и, как говорили, даже запустил в него Кораном.

Результатом этого в высшей степени нечестивого в глазах верующих деяния явилась усилившаяся религиозная пропаганда против президента. В мечетях стали еще больше говорить о его аморальности, пристрастии к вину и играм, и все чаще слышались открытые призывы не подчиняться свалившемуся на их головы безбожнику и всячески бороться с ним. В знак своего согласия с клерикалами многие видные противники Кемалья демонстративно перебрались в Стамбул «под защиту халифа».

Обстановка накалилась до предела, и многие хорошо знавшие Кемалья только удивлялись его долготерпению. И все же Кемаль не спешил. Да, у него было достаточно сил, чтобы, не вдаваясь ни в какие объяснения, изгнать из страны халифа точно так же, как он совсем недавно изгнав из нее султана. Но подобное деяние могло произвести самое неприятное впечатление на остававшееся сплошь мусульманским население, и, не желая давать и без того не дремлющим врагам лишний козырь, Кемаль отнюдь не смирился, а лишь ждал удобного случая. И он дождался его!

В присланном Исмету письме два известных мусульманских деятеля Индии просили оградить халифа от нападков и обеспечить ему должное уважение. Но еще до того, как попасть к Исмету, письмо индусов было опубликовано в трех стамбульских газетах! Ничто не дрогнуло в лице Кемалья, когда он прочитал это послание, и тем не менее позволил себе закурить четвертую за день сигарету. Ну вот наконец-то и он получил то, о чем только мог мечтать, а все остальное было делом техники!

Правительство расценило письмо индусов как вмешательство во внутренние дела государства и по обвинению в высшей измене арестовало издателей опубликовавших письмо индусов газет. Ну а официальная печать тут же с великим знанием дела принялась рассказывать всей стране о «подрывной деятельности» связанных с английской разведкой индийских шейхов, с чьей помощью Англия пыталась оказывать влияние на внутреннюю политику Турции! И вывод был, конечно, один: нация не потерпит подобных выпадов ни от кого, в том числе и от халифа! Наверное, по большому счету все это выглядело не очень убедительно и в какой-то степени опереточно, и тем не менее сработало.

Но даже сейчас, когда халиф был скомпрометирован в глазах всей нации, Кемаль остался верен себе и не пожелал выглядеть инициатором расправы с ним в глазах мусульман. Прекрасно понимая, что отмена халифата будет самым настоящим шоком для многих, он предоставил право разбираться с ним меджлису. 3 марта депутаты из Народной партии представили на обсуждение парламента предложение об отмене халифата и высылке из страны халифа и всех членов Османской династии, а Исмет заверил депутатов в том, что с отменой халифата у Турции не будет никаких проблем во внешней политике. Конечно, для депутатов, с которыми уже основательно «поработали», это пред-

ложение не явилось новостью, и против выступил только беспартийный Зеки из Гююшхане. Он напомнил парламенту о его решении навсегда сохранить пост халифа и потребовал проведения референдума. Однако его выступление не произвело на парламентариев ни малейшего впечатления, и, словно не слыша его, тут же выступивший майор Ихсан предложил «вырыть и уничтожить кости всех султанов и халифов!». Однако настроенные куда благодуще своего ослепленного ненавистью коллеги депутаты оставили кости в покое, а вот с халифатом покончили.

Представителям Османской династии дали десять дней на сборы, а вот с самим халифом решили не церемониться! И не успели еще просохнуть чернила на указе об отмене халифата, как к нему во дворец в сопровождении полиции явился губернатор Стамбула и приказал собираться. Не привыкший к подобному обращению халиф попытался было возмутиться, на что ему было без обиняков заявлено: «Если потребуется, мы выдворим вас силой!» В 5 часов вечера 4 марта 1924 года последнего халифа Османской империи в сопровождении его четырех жен, сына, дочери, личного врача и секретаря отвезли на станцию Чатаджа. Там Абдул Меджиду вручили 2 тысячи английских фунтов стерлингов и паспорта со швейцарскими визами, и в сделанном им для прессы заявлении он сообщил о своем полном подчинении воле нации и намерении посвятить всю свою оставшуюся жизнь изящным искусствам. Однако стоило ему только пересечь границу, как он сразу же заговорил о своем непризнании права заседавших в Анкаре безбожников лишать повелителя мусульман всего мира его сана! Но это был уже глас вопиющего в пустыне...

Что же касается самого Кемалю, то он сохранил все необходимые формы приличия. Да, он был президентом, но высшая власть в стране принадлежала

ла являвшемуся выразителем воли нации парламенту, и он был обязан подчиняться ему! «Принятые собранием решения есть не что иное, как воля нации, — заявил он издателям газет в своем выступлении на анкарском вокзале, — и не надо смотреть на них как на что-то из ряда вон выходящее!»

Но как уже очень скоро выяснилось, с отменой халифата смирились прежде всего те, кто заседал в меджлисе, и по стране прокатилась волна недовольства. «Отмена султаната, — писал в своих воспоминаниях Исмет, — нам далась намного легче, поскольку существование халифата, так или иначе, обнадеживало сторонников султаната. И все они очень надеялись на то, что монарх вернется под именем халифа и даст надежду на продолжение Османской династии. И именно поэтому отмена халифата вызвала такое сопротивление и стала источником множества конфликтов...» Другое дело, что все эти столкновения носили локальный характер и не приобрели такого широкого размаха, как это было в той же Франции, где «неприсягнувшие» священники поднимали целые восстания.

Недовольных, конечно, хватало, но только в Бурсе местные религиозные деятели открыто призывали верующих выступить против безбожного правительства, за что тут же и были приговорены к смертной казни.

Покончив с халифатом, Кемаль сразу же провел ряд важных реформ. Было упразднено министерство по делам религии и вакуфов, закрыты мусульманские духовные школы, а контроль над всеми учебными заведениями получило министерство просвещения. Были упразднены религиозные суды, занимавшиеся свадьбами, разводами и наследством, и отменен запрет на алкоголь. В марте было введено новое административное устройство, и теперь все местные правители были подчинены центральной власти.

20 апреля 1924 года была принята первая республиканская конституция, провозгласившая безусловность суверенитета нации, неприкосновенность республиканской формы правления и объявившая ислам государственной религией Турции. Высшим органом государственной власти являлось однопалатное Великое национальное собрание Турции (меджлис), избиравшееся на четыре года и осуществлявшее законодательную и исполнительную власть, последнюю через президента и совет министров. Депутаты не имели права занимать никаких должностей на государственной службе, за исключением постов министров. Главой государства являлся президент, избиравшийся из числа депутатов на четыре года и имевший право быть переизбранным неограниченное число раз. По представлению премьер-министра он утверждал министров и все изменения в правительстве и являлся главнокомандующим вооруженными силами республики. Правительство являлось исполнительным и распорядительным органом власти и имело право вводить чрезвычайное положение при «угрозе общественной безопасности», приостанавливавшее действие статей конституции, гарантировавших права турецких граждан. Выборы в ВНСТ были двухстепенными, и правом выбирать пользовались мужчины, достигшие двадцатидвухлетнего возраста. И в то же время конституция носила явно выраженный националистический характер, определяя всех жителей Турции без различия религии и национальной принадлежности турками и таким образом узаконивая ассимиляцию национальных меньшинств. Меджлис внес в конституцию все затребованные Кемалем изменения, но постарался обеспечить и свои права и, памятуя о том, как султаны разбирались с неудобными им парламентами, отказал ему в праве распускать парламент и назначать новые выборы. А вот отсылать не нравившиеся ему законы на новое

рассмотрение (кроме закона о бюджете) ему разрешили.

Правда, все эти положения мало чего стоили, поскольку Кемаль уже контролировал меджлис через послушное ему большинство, практически полностью подчинил себе местное управление и получил возможность вводить чрезвычайное положение.

Еще более обеспокоенная таким усилением президентской власти оппозиция продолжила борьбу с ним и даже убрала из правительства негодного ей министра внутренних дел. Но это была пиррова победа, поскольку на его место тут же встал всей душой преданный Кемалю Реджеп Пекер. И тогда стамбульские газеты принялись наперебой писать о коррупции среди членов нового правительства и его сторонников, без малейшего стеснения занимавших оставленные христианами дома.

И это было чистой правдой, поскольку чиновник всегда оставался чиновником и никогда не упускал возможности обогатиться. Имевшая богатые традиции высшая турецкая бюрократия не составляла исключения, и вчерашние патриоты, получив чины и деньги, быстро и безболезненно перерождались со всеми вытекающими отсюда последствиями. Печальной становилась судьба не только простых людей, но и клерков, провинциальных учителей, журналистов и все больше попадавших в зависимость от чиновников и властей беженцев. И как писал известный турецкий писатель Сабаххатин Али, в стране, во весь голос заявившей о своем демократизме и законности, как и в «доброе султанское время, власти могли безнаказанно похитить у бедного человека жену и любимую, а над ним самим учинить жестокую расправу!» К великому сожалению, он был прав, и заключение в тюрьму невинного, обман и ограбление неграмотного, издевательство над слабым — все это было нормой жизни! И конечно, депутаты, высшие офи-

церы и чиновники обогащались везде, где только было возможно.

Знал ли об этом Кемаль? Да, конечно, знал! Но закрывал до поры до времени глаза и всячески продолжал поддерживать становление национальной буржуазии, поскольку только с ее помощью он мог создать так необходимую стране для укрепления суверенитета промышленность. А чтобы еще больше усилить ее позиции в борьбе с и без того уже начинавшими терять свою опору компрадорами, он решил допускать в страну иностранный капитал только в «безвредной для нее мере». Что будет потом? Наверное, то, что и должно быть... Да и не заглядывал он так далеко, почти каждый вечер медленно расхаживая по своему ухоженному садику в Чанкайя и думая все же больше о настоящем, нежели о будущем. Иногда он останавливался и морщился от боли. Сердце... Как хочется курить! Но... нельзя! Врачи разрешили ему всего три сигареты в день, а он уже выкурил четыре. Предписанная эскулапами диета ему тоже порядком осточертела. Но Латифе была непреклонна и не позволяла ему съесть ни одного лишнего куса хлеба. Да и с так любимой им раки дело обстояло не лучшим образом. Она ему попросту была запрещена. Правда, время от времени врачи разрешили взбадривать себя стаканчиком виски, но разве это иностранное пошло шло хоть в какое-нибудь сравнение с его божественным напитком? Так, чепуха...

К великой досаде Кемалья, политические неурядицы в стране осложнились его личной драмой, связанной с не пожелавшей смириться с отведенной ей участью Фикрие. Услышав о женитьбе так жестоко поступившего с ней Кемалья, она вернулась в Стамбул и попросила разрешения приехать в Анкару. Кемаль ответил гневной телеграммой и, приказав ей оставаться в Стамбуле, потребовал объяснений. Странная это была телеграмма! Да и что

должна была объяснять ему любящая его женщина, узнав об измене любимого человека? Она повторила свою просьбу, и еще более недовольный ее непослушанием Кемаль приказал губернатору Стамбула не слускать с Фикрие глаз. В Чанкайя хватало сцен и без нее! И все-таки она появилась на той самой вилле, где совсем еще недавно была так счастлива и где теперь царствовала другая женщина! А когда Кемаль отказался встречаться с ней, она... выстрелила себе в голову.

Неприятно пораженный случившимся Кемаль приказал своему личному врачу сделать все возможное, чтобы спасти Фикрие. Тот принял все необходимые меры и очень надеялся на ее выздоровление. Однако несчастная женщина так некстати заболела воспалением легких и умерла. Как вспоминали близкие к Кемалю люди, смерть Фикрие мало тронула его, и он был куда больше раздосадован, нежели огорчен ее гибелью, поскольку оппозиция сразу же принялась кричать о его распушенности и моральной нечистоплотности. Конечно, его окружение сделало все возможное, чтобы замять скандал, и все же во всей этой трагической истории не очень понятно отношение Кемаля к так страстно любившей его женщине. Остаться совершенно равнодушным — это было слишком даже для него! Ведь судя по рассказам одной из его приемных дочерей Сабихи Гёкчен, Кемаль испытывал к Фикрие сильную привязанность и всегда считал ее куда более подходящей для семейной жизни, нежели Латифе...

После принятия еще больше укрепившей его власть конституции и отмены халифата для Кемаля наступила горячая пора, и летом 1924 года он проехал по городам, в той или иной степени ставшим этапами его «большого пути» и теперь с великим восторгом встречавшим великого Гази. Он много рассказывал о войне за Независимость и всякий раз, обращаясь от прошлого к будущему, по-

стоянно напоминал о том, что главным условием жизнеспособности любой нации является появление у нее образованных и умевших свободно мыслить людей! И главная роль здесь принадлежала семье. Все начиналось с нее и кончалось ею, поскольку именно от будущего поколения зависело экономическое развитие страны!

Хорошо зная один из основных лозунгов оппозиции о его неучастии в политических организациях, Кемаль уделил своей партийности особое внимание. «Я горд тем, — без устали повторял он, — что являюсь председателем Народной партии, деятельностью которой руководит Исмет! Ну а тем, кто постоянно твердит о том, что президентство и лидерство в партии несовместны, я хотел бы еще раз сказать: я являюсь самым горячим сторонником республики и социальных реформ! И мне не хотелось бы верить, что в Турции есть кто-то, кто не разделяет принципы Народной партии!» Намек был куда как прозрачен, и Кемаль откровенно предупреждал старых друзей: «Бросив вызов партии, вы бросите его мне!»

В Бурсе, самом консервативном по тем временам городе со множеством мечетей, Кемаль обрушился с жестокой критикой на Османскую династию. Ведь именно Бурса, убеждал он слушателей, больше всех пострадала от постоянных султанских распрей, разрушавших их прекрасный город! Да и сейчас совсем еще недавно цветущий город все еще лежал в развалинах. Встреча в Самсуне превзошла все его ожидания, и переусердствовавший в своем поклонении великому Гази мэр чуть было не поцеловал стул, на котором тот когда-то сидел в гостинице. Бывшая столица «героя Кавказа» Карабекира не значилась в его планах, но в Эрзуруме только что произошло землетрясение, и он был обязан посетить этот важный центр восточных вилайетов. Конечно, он обещал помощь оставшимся без крова и пищи людям, но все же куда больше внима-

ния уделил произошедшим в стране изменениям, снова сделав особое ударение на воспитание нового поколения и решающую роль семьи. А вот и в по сей день враждебном ему Стамбуле он так и не показался! Да и зачем? Он поклялся вернуться в него абсолютным победителем, а до этого было еще далеко. Стамбульские оппозиционеры снова сплачивали свои ряды, и от службы безопасности он знал о постоянных встречах в бывшей столице Али Фуада, Карабекира, Рауфа и бывших видных младотурок Рахми и Исмаила Джанбулата. Не было для него секретом и намерение генералов уйти из армии, дабы снова принимать самое активное участие в парламентских дебатах.

Как это ни прискорбно для него самого, но так много и красиво говоривший о роли семьи Кемаль так пока и не мог разобраться со своей собственной. Несмотря на женитьбу, он не изменил своего образа жизни и каждый вечер устраивал продолжавшиеся до глубокой ночи застоля, и Латифе все чаще высказывала свое недовольство. Да, это была не кроткая и милая Фикрие! Она была требовательна, настойчива и упряма, сочетая в себе, таким образом, все то, чего так не терпел Кемаль! Но больше всего она была разочарована своим превращением из светской дамы и советницы президента в лишенную права голоса восточную женщину!

Да, она ходила в европейском костюме и много говорила с мужем о равноправии, но какой во всем этом был толк, если Кемаль всякий раз морщился, когда она садилась за стол вместе с мужской компанией и высказывала свое мнение! И уж конечно, ей не нравилось то, что после обильных возлияний муж становился раздражительным, а нередко и просто грубым, что было в общем-то его естественной реакцией на ее поведение. Она дерзко отвечала ему на его замечания, позволяла себе критиковать его в присутствии гостей и громко смеялась над его

рассуждениями. Как и всякая женщина, она мылила от одного предела до другого и не могла понять той простой вещи, что равенство женщины и мужчинами в социальной жизни вовсе не означало безмятежной семейной жизни, в которой всегда будут главный и подчиненный.

Кемалю все больше не нравилось ее слишком независимое поведение. Латифе постоянно вмешивалась в разговор, всячески старалась сократить число выпитых им рюмок и с некоторых пор взяла за несказанно раздражавшую мужа привычку входить в комнату и восклицать: «Что такое, Кемаль! Опять раки?» А когда застолье затягивалось, она без малейшего стеснения напоминала гостям о том, что завтра рабочий день и всем пора отдыхать.

Но особенно Кемалю убивала какая-то патологическая ревность Латифе, ревновавшей его ко всем без разбора. Как и всякий мужчина, Кемаль хотел, чтобы его любили, но, несмотря на всю свою просвещенность, он так и остался восточным мужчиной, и любовь к женщине никогда не была для него той все сжигающей страстью, из-за которой герцог Бекингемский объявлял войны, а Наполеон мчался на свидание с Жозефиной через несколько границ. Вопреки всем передовым теориям, которые он отстаивал публично, идея равенства полов была изначально противна его властной натуре, и женщины как личности мало интересовали его. Их роль заключалась в служении мужчине, а посему ему было что делить с женой. Он хотел быть господином, Латифе не желала быть рабой. И далеко не случайно сам Кемаль однажды заметил, что женился вопреки старинной турецкой поговорке «холостяк есть султан» и только для того, чтобы иметь рядом с собой пример эмансипированной женщины.

Возможно, так оно и было на самом деле. Но для самой Латифе подобный эксперимент закончился

печально. Ведь одно дело говорить об эмансипации женщины, и совсем другое — жить с этой самой эмансипированной женщиной, имеющей к тому же свои собственные взгляды на семейную жизнь. И проповедуемое Латифе не на словах, а на деле семейное равенство не могло нравиться такому властолюбивому человеку, каким был Кемаль, с молодых ногтей не терпевший возражений и уж тем более поучений от кого бы то ни было! Он не желал испытывать на себе чье бы то ни было влияние, и его дом и привычки были только его, и ничьи больше! И он вовсе не собирался их менять, как того желала Латифе, постепенно превращавшаяся для него в своеобразного домашнего оппозиционера, совершенно позабыв о том, что оппозиции Кемаль не терпел ни в каких ее проявлениях. Но самым печальным во всей этой истории было все же, наверное, бесплодие Латифе, что не могло не вызывать охлаждения к ней у любившего детей и желавшего иметь их Кемаля. И хотя он все еще терпел жену, всем окружающим его было ясно: долго Кемаль не выдержит и в конце концов положит конец посягательствам Латифе на свою независимость.

К великому для себя сожалению, Латифе так и не осознала нависшей над ней угрозы и продолжала делать все для того, чтобы еще более увеличить уже явно наметившуюся в ее и без того далеко не самых безоблачных отношениях с мужем трещину. А посему и настояла на продолжении путешествия, несмотря на нежелание самого Кемаля видеть ее рядом. И уже в Токате, где она, испортив ему званый ужин, чуть ли не силой попыталась вытащить Кемаля из-за стола, тот обошелся с ней весьма неучтиво. Ну а настоящая гроза грянула уже в самом Эрзуруме, где на одном из обедов основательно выпивший Кемаль высказал слишком недвусмысленный комплимент восхитившей его своей игрой на фортепьяно жене одного из военных и чокнул-

ся с ней бокалами через стол. И зашедшаяся от ревности Латифе не сдержалась. «Смотри за своими руками, Кемаль! — громко воскликнула она. — Они вытянуты слишком далеко!»

За столом установилось тягостное молчание, только каким-то невероятным усилием воли в бешенстве смотревший на жену Кемаль сдерживал себя. Но уже на следующий день он отослал ее в Анкару. «Мадам Латифе прибудет в Анкару раньше меня, — писал он Исмету. — Дальнейшее наше совместное путешествие не имеет смысла, и после двух лет совместной жизни я пришел к твердому убеждению, что наша совместная жизнь невозможна. О чем я уже сообщил жене. Она пребывает в отчаянии и может попросить вас или Февзи-пашу примирить нас. Но мое решение окончательное. Тем не менее я не хотел бы унижать жену и ее семью, к которой я по-прежнему испытываю самые дружеские чувства. Детали развода будут обсуждены после моего возвращения в Анкару, но сейчас необходимо сделать так, чтобы она согласилась уехать в Измир».

Но и на этот раз до развода так и не дошло, и как только отошедший Кемаль получил от пребывавшей в глубоком отчаянии жены покаянное письмо, он даровал ей прощение...

Глава 2

Вернувшись в Анкару, Кемаль не увидел среди встречавших его политиков несколько весьма значимых фигур и сразу же насторожился. По сути дела, это был открытый вызов, и последующее развитие событий только подтвердило его наихудшие опасения. Образовав внутри Народной партии собственную группу, его противники весьма преуспевали в своей ожесточенной критике правительства,

благо что причин для нее у них хватало. Разгневанный Кемаль не остался в долгу и обвинил ушедших ради занятий политикой в отставку генералов в том, что из-за собственных амбиций они оставили свои боевые посты в такие тревожные для Турции дни, когда обстановка вокруг Мосула снова обострилась и в любой момент могла вспыхнуть война с Британией! Но эти в общем-то справедливые обвинения и ответная реакция отставных генералов еще больше накалили обстановку, и Кемалю не осталось ничего другого, как только обратить пристальный взор на партию, к его великому неудовольствию оказавшуюся на поверку отнюдь не таким уж монолитом, каким ему хотелось видеть ее.

Как того и следовало ожидать, в нее проникло очень много людей, для которых их лояльность президенту служила лишь пропуском во власть. И теперь, когда борьбу против него возглавили такие испытанные бойцы, как Карабекир и Али Фуад, из-за личины преданных партии и президенту партийцев стало все чаще и чаще проглядывать их истинное лицо! «На одном из частных заседаний, — вспоминал близкий к Кемалю Якул Кадри Караосманоглу, — оказалось столько симпатизирующих оппозиции, что Кемаль стал серьезно опасаться, как бы ему в конце концов не оказаться в меньшинстве». И неприятно пораженному открывшейся истиной Кемалю не оставалось ничего другого, как только приняться за чистку собственных рядов. Как и всегда в таких случаях, в ход были пущены кнут и пряник и в Чанкайя вовсю шла обработка «заблудших сынов».

Но, увы, время было упущено, и в конце концов правительство получило вотум недоверия. На открывшемся 5 ноября 1924 года заседании сторонники Кемалья сразу же набросились на Рауфа и Рефета, обвиняя их в нежелании поддерживать республику, и в какой уже раз начались старые песни о главном! «Мы, — упорно продолжал стоять на своем Рауф, —

боремся не с республикой, а против авторитарного некомпетентного правительства!» Всего хватало в том заседании: и взаимных упреков, и уничижительной критики, и оскорблений, тем не менее воту недоверия был отклонен, и вышедшей из Народной партии оппозиционной группе вместе с еще 29 делегатами не осталось ничего другого, как только создать свою собственную Прогрессивно-республиканскую партию.

Не очень обрадованный появлением официальной оппозиции Кемаль сделал хорошую мину при плохой игре и в своем рассчитанном на широкий резонанс интервью анкарской газете «Национальный суверенитет» сообщил, что ничего страшного в этом нет. Существование нескольких политических партий является лучшим подтверждением наличия в стране демократии. С нескрываемым раздражением он не забыл обвинить лидеров новой партии в полнейшем непонимании экономического момента и тяге к исламу. Тем не менее в стране нашлось достаточно людей, сразу же потянувшихся к прогрессивистам. И что бы ни говорил сам Кемаль о каком-то там непонимании момента, они представляли собой мощную силу. Карабекир, Али Фуад, Рауф, Рефет, доктор Аднан, бывший адъютант Кемалья полковник Ариф, первый министр иностранных дел Бекир Сами, бывшие видные члены «Единения и прогресса» Кара Васыф, Исмаил Джанбулат, изгнанные из меджлиса Хусейн Авни и другие члены Второй группы являлись испытанными бойцами и были способны на многое. Националисты до мозга костей, они были убежденными либералами, и всех их объединяло страстное желание бороться против шедшего к откровенной диктатуре Кемалья и его ставленника Исмета.

Первый тревожный для Кемалья звонок прозвучал на состоявшихся в Бурсе выборах, где предложенный Кемалем кандидат потерпел сокрушитель-

ное поражение от ненавистного ему Нуреттин-паши. Кемаль выразил свое крайнее недовольство подобным исходом, техническая комиссия мгновенно нашла какие-то «несоответствия», и в марте 1925 года выборы состоялись повторно. К великой ярости Кемалья, Нуреттин-паша победил и на этот раз! И это поражение было особенно неприятно ему по той причине, что его не поддержал всегда соглашавшийся с ним во время его хождений в него народ. Или, как он теперь начинал понимать, только делавший вид, что соглашается. Но стоило ему только почувствовать даже самое небольшое послабление, как он и не подумал идти у него на поводу! И слегка растерявшийся Кемаль не нашел ничего лучше, как принять для укрепления партийной дисциплины постановление, запрещающее выступать против политики партии, переименованной им в Народно-республиканскую.

Осмелевшие оппозиционные газеты продолжали нагнетать обстановку и очень скоро дошли до открытых оскорблений, сравнивая Народную партию с живущим за счет страны паразитом. Подлил масла в огонь и поднятый в меджлисе скандал о коррупции, в которой были замешаны ближайшие сподвижники Кемалья, якобы использовавшие деньги государственного промышленного предприятия на организацию политической борьбы.

На этот раз страсти разгулялись не на шутку, дело дошло до откровенной драки прямо в зале заседаний, и весьма обеспокоенный таким развитием событий Исмет на закрытом заседании партийного руководства предложил ввести в стране военное положение. «Ну что ж, — пожал плечами Кемаль, — мне не привыкать к запаху пороха и крови!» Однако большинство лидеров партии не пожелали вводить в стране откровенную военную диктатуру, да, говоря откровенно, многие из них, уже хорошо зная, с кем они имеют дело, побаива-

лись не ведавшего пощады Кемалья. Не получивши поддержки Исмет подал в отставку, и ушел он в нее весьма своевременно: еще немного, и, измученный напряженной работой и дизентерией, он не выдержал бы этой сумасшедшей гонки! Это был уже самый настоящий нокдаун, и место отправившего поправлять подорванное здоровье на Принцева острова Исмета занял старинный приятель Кемалья Али Фетхи, хорошо известный своей умеренностью и симпатиями к западному капиталу. Вынужденный включить под давлением Кемалья в свой кабинет таких радикалов, как Реджепа Пекера и председателя стамбульского Суда независимости Ихсана, новый премьер тем не менее был намерен проводить по возможности либеральную политику.

Кемаль быстро оправился от полученного удара, и уже очень скоро один из его самых доверенных людей поспешил на тайную встречу с Карабекиром. «Тебе, — откровенно сказал он, — предлагают распустить партию! И если ты не сделаешь этого, то прольется кровь!» Однако brave генерал был не из тех, кого можно было напугать подобными угрозами, и с нескрываемым презрением ответил: «Если правительство хочет покончить с нашей партией, то пусть само и сделает это!» Не ожидавший иного ответа Кемаль задумался. Говоря откровенно, ему давно уже осточертело все это бесконечное пустословие о путях и развитиях, и, вместо того чтобы приступить к реформам, он продолжал топтаться на месте и переливать из пустого в порожнее! И ему как можно скорее надо было сломить выступавшую против него силу! Да и не могло быть по-другому! Страна была не в состоянии двигаться сразу в нескольких направлениях и должна была идти только туда, куда укажет он!

В довершение ко всем обрушившимся на него неприятностям, в какой уже раз обострилась обстановка и на семейном фронте, и его отношения с женой продолжали ухудшаться буквально по часам. Так и не

сделавшая никаких выводов из всего случившегося Латифе снова сорвалась и, чуть ли не силой ворвавшись на один из обедов в Конье, куда они прибыли на годовщину победы под Иненю, прямо с порога закричала: «Кемаль, я пришла забрать тебя домой!» Побледневший от гнева президент отослал ее домой, и присутствовавший при этом скандале инспектор Второй армии Фахреттин-паша только недоуменно развел руками. «Я был весьма удивлен, — напишет он позже в своих воспоминаниях, — что такая воспитанная женщина не понимала того, что ее поведение не могло не раздражать такого человека, каким был Ататюрк!»

Вернувшись в Анкару, Кемаль снова попал на парламентские разборки, где после особенно жаркой дискуссии парламентарии устроили перестрелку и Лысый Али смертельно ранил героя войны за Независимость Халит-пашу. И хотя следствие доказало, что он стрелял только в целях самообороны, оппозиция еще больше усилила свое давление на правящую партию, обвиняя ее в самых настоящих террористических актах! Слова Кемалья о «ворохе и крови» были претворены в жизнь, и судьба страны снова повисла на дулах винтовок. И кто знает, чем бы закончились все эти схватки, если бы в феврале 1925 года не вспыхнуло восстание курдов, продолжавших мечтать о независимом Курдистане.

Никогда не любившим центральную власть свободолюбивым племенам не нравились установленные над ними после провозглашения республики контроль и ставший куда более жестким сбор налогов, и как только разразился мосульский кризис, несколько курдских офицеров дезертировали из брошенной против айсоров турецкой армии и отправились в занятые англичанами северные провинции Ирака. Все они были связаны с тайной курдской националистической организацией «Азади» («Свобода»). Ее лидер полковник Халит Джибран был арестован, и опасав-

шийся его участи шейх Саит выступил против центрального правительства. В считанные дни восстан охватило 14 вилайетов, и командующий войсками веру Саит заявил на весь мир о своем желании восстановить нарушенные анкарскими безбожниками законы ислама. Захватив несколько провинциальных центров, Саит установил самую настоящую блокаду Диярбекира, который он намеревался превратить в будущую столицу своего государства.

Мечтавший о возвращении в премьерское кресло Исмет Кемаль очень тонко сыграл на создавшемся положении, и как только в столицу стали поступать все более тревожные известия о продвижении курдов в глубь страны, он сразу же вызвал его в Анкару. Со свойственной ему жесткостью Исмет обвинил во всех свалившихся на страну бедах Али Фетхи, и, видимо уже догадываясь об уготованной ему Кемалем участи, тот и не подумал оправдываться. «У меня, — холодно ответил он, — не было никакого желания пачкать руки в крови без особых на то оснований!» И тогда заговорил сам Кемаль. «Политика должна быть решительной, — заявил он, — и революцию должен закончить тот самый человек, который начал ее!» Воспользовавшись еще большим ухудшением обстановки, он сумел-таки навязать меджлису «решительного» Исмета, которому и надлежало, по словам самого Кемалея, «закончить революцию».

Тем временем с коранами и шашками в руках курды продвигались в глубь страны, занимая деревню за деревней. «Ислам не может существовать без халифата! Давайте все вместе восстановим его и уничтожим правительство безбожников!» — убеждали они крестьян и повсюду расклеивали большие листы бумаги, на которых огромными буквами было написано: «ДОЛОЙ РЕСПУБЛИКУ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СУЛТАН-ХАЛИФ!» Старания мятежников не пропали даром, и их глас был услышан и в по-прежнему враж-

дебно настроенном к Кемалю Стамбуле, и в тайных исламистских организациях, и в редакциях оппозиционных газет, и даже в центральной администрации. И снова Кемаль решил воспользоваться моментом, дабы еще больше укрепить свою власть. Не мудрствуя лукаво, он предложил принять закон о смертных наказаниях не только в районе восстания, но и на всей территории страны. Так появился печально знаменитый «Закон об охране порядка», предоставивший правительству исключительные полномочия в борьбе с народными выступлениями и любой оппозиционной деятельностью и разрешавший ему с одобрения только одного президента закрывать любые организации!

В тот же день были созданы Суды независимости в Анкаре и Диярбекире, и их председателями были назначены преданные Кемалю Лысый Али и Мазхар Мюфит. «Не надо ждть, когда реакционеры успокоятся, — напутствовал их Кемаль, — надо действовать и действовать!» И надо отдать им должное, они действовали! 6 марта правительство сделало серьезное предупреждение издаваемому либеральным журналистом Ахметом Эмином «Ватану», а выступивший на следующий день Кемаль заявил о врагах нации, «пытавшихся спрятать свои истинные намерения под маской религии и своей активностью по всей стране рассчитывавших ослабить государственную власть». «Непременным условием благополучия и экономического развития страны, — заявил он, — является спокойствие, безопасность и порядок, и такой порядок будет установлен!» И как утверждали близкие к нему люди, он очень жалел в те дни о том, что так и не настоял на введении в стране военного положения.

Несмотря на все принимаемые «решительным» Исметом меры, восстание набирало все большие обороты, и встревоженный успехами сорока тысяч повстанцев Кемаль начал частичную мобилизацию.

Положение было настолько серьезным, что мелис пошел на беспрецедентную меру и 17 февраля заменил продолжавший тяжким бременем давить на крестьян ашар денежным налогом. Но сделал это было отнюдь не от большой любви к крестьянам. Отнюдь! Правительство очень опасалось, чтобы вслед за курдами не восстало и доведенное до полной нищеты турецкое крестьянство. И как знать, не вспомнил ли в тот в общем-то исторический для страны день Кемаль стамбульское кафе и того прочитавшего ему его первую экономическую лекцию и затем арестованного шпионами Абдул Хамида пьяненького преподавателя истории.

И все же курды были обречены, правительство держало «под ружьем» около десяти дивизий, и ним было бороться с теми, кто прошел через ад Инею и Сакарьи и видел горящий Измир. В середине апреля главные силы мятежников были разбиты, шейх Саит вместе с другими руководителями восстания был схвачен и вместе со своими ближайшими сподвижниками повешен перед самой большой мечетью Диярбекира. До самой последней минуты он сохранял удивительное хладнокровие и прежде, чем подняться на эшафот, с улыбкой сказал председателю трибунала: «Делайте свое дело, мы с вами рассчитаемся на последнем суде!»

Но дело только начиналось, и Кемаль решил воспользоваться восстанием курдов для расправы с оппозицией, всегда означавшей, по образному выражению одного из политиков прошлого, «в этой стране революцию». И благовидный повод для этого был незамедлительно найден!

В отличие от поставившего единственной целью восстановление исламских порядков Саита его сподвижник майор Касым Джибран, не без основания заподозренный в сотрудничестве с турецкими спецслужбами, много и как-то уж чересчур охотно говорил о являвшейся идейным вдохновите-

лем повстанцев Прогрессивно-республиканской партии! Более того, в руках судей оказалось письмо другого близкого к Саиту полевого командира. «Я не сомневаюсь, — писал тот, — что партия Карабекир-паши не откажет нам в своей поддержке...»

Конечно, его надежды вовсе не означали участия оппозиционной партии в восстании, но это уже мало кого волновало, и анкарский Суд независимости отдал приказ обыскать все принадлежавшие прогрессивистам помещения. И стоило «Танин» только заикнуться об этих «рейдах», как ее главный редактор был арестован, а из четырнадцати стамбульских газет восемь закрыты. Ну а остальным было настоятельно «рекомендовано» воздержаться от какой бы то ни было критики и запрещено употреблять в своих статьях некоторые слова. И весьма примечательно, что с того самого времени сам Кемаль ни разу не произнес слово «курд».

Принципиальный противник политического сепаратизма, он не допускал даже самой мысли о каких-то там национальных автономиях и суверенитетах, и неслучайно проводимую им в отношении курдов политику курдские националисты называли «политикой отрицания». В чем и не было ничего удивительного. Идеалом Кемаля было единое государство, объединенное турецким языком и литературой. А посему в декабре 1926 года министерство культуры уже официально запретило употребление таких слов, как «курд», «лаз» и «черкес», поскольку они «нарушали единство турецкой нации». Было исключено из обихода и такое слово, как «диктатура», и надо было обладать завидной смелостью, чтобы произнести его. Да что там турки, корреспонденты иностранных газет и те остерегались употреблять его, зная, что оно не нравится Гази. И в связи с этим интересны воспоминания западного журналиста Вилли Сперко. В довольно откровенной беседе с министром иностранных дел Тев-

фиком Рюшту журналист намекнул на установленный в Турции режим. «Вы говорите о диктатуре? — спокойно переспросил министр. — Ну что ж, пусть это будет диктатура, если вам так нравится. Только я хочу заметить, что эта диктатура радостно воспринимается целым народом, который знает Гази как высшего руководителя и доверяет ему. Для всех избирателей Гази является спасителем, изгнавшим интервентов и не желавшим, чтобы анатолийцы умирали за Йемен и Македонию. Президент республики — наш руководитель, и мы всегда испытываем надобность в его советах, поскольку признаем его превосходство и его гений». И после таких откровений журналисту не оставалось ничего другого, как только развести руками...

Как и всякий облеченный неограниченной властью человек, Кемаль любил выступить этаким защитником народа. И как повествует одна из легенд о нем, однажды он спросил министра внутренних дел, за что был арестован какой-то крестьянин. «За непочтительное высказывание в ваш адрес!» — последовал незамедлительный ответ. «А почему он ругал меня?» — спросил Гази. «Потому что опалил свои усы, когда курил завернутый в журнальную бумагу табак!» — ответил министр. «А вы сами когда-нибудь курили такие самокрутки?» — поинтересовался Кемаль. «Нет!» — недоуменно пожал тот плечами, не понимая, куда клонит президент. «А вот я курил их во время войны в Триполитании, — усмехнулся Кемаль. — И не крестьянина надо наказывать, а тех, из-за кого у него нет сигарет! Освободите его!»

Да, вернее всего, ничего подобного не было, и это всего лишь самая что ни на есть расхожая сказочка про мудрого правителя, снисходившего до нужд простого народа. Но они были нужны любому вождю, ибо на них и строился его образ радетеля за народ! И достаточно вспомнить, с каким умилением аплодировали Сталину, обнимавшему ребенка теми самыми

руками, которыми он уничтожил миллионы ни в чем не повинных людей! Впрочем, сам Кемаль прекрасно понимал все. И, прочитав в какой-то французской газете, что Турцией правят один пьяница (сам Кемаль), один слепой (премьер-министр) и триста глухих (депутаты), брезгливо отбросил газету. «Этот писака не прав, — поморщился он, — Турцией правит только один пьяница...»

Тем временем разборки с оппозицией продолжались, по всей стране шла «охота на ведьм», по улицам многих городов нередко провозили эшафоты с повешенными людьми, и уже очень скоро казни жителями Анкары стали восприниматься как нечто само собою разумеющееся. И не надо обладать большой фантазией, чтобы представить себе то, что происходило с курдами в эти дни. Впрочем, под эту марку досталось и уцелевшим армянам, и евреям, и конечно, греческим колонистам в Малой Азии. Изгоняя их из страны, Кемаль, по сути дела, только повторял то, чем в свое время занималась «Особая организация» «Единения и прогресса», пытавшегося таким образом освободить для турок нишу в занятых представителями национальных меньшинств финансах и торговле.

3 июня 1925 года правительство приняло постановление о роспуске Прогрессивно-республиканской партии, ну а заодно Кемаль весьма болезненно ударил и по левым рабочим организациям Стамбула, хотя даже самый предвзятый судья вряд ли смог бы обвинить их в симпатии к религиозным чувствам курдов. Однако Кемаль постарался обезопасить себя и с этой стороны, нанеся превентивный удар и по другим потенциальным бунтовщикам. Ну и конечно, по полной программе шли «разборки» с оппозиционной прессой. В конце концов были арестованы и создатели оппозиционной партии, однако суд признал их невиновными и освободил. И тем не менее многочисленные аресты среди клери-

кально-феодалных и оппозиционных элементов продолжались почти до 1930 года, когда вспыхнул новый мятеж в Менемене.

Но пока до него было еще очень далеко, и кудское «восстание невежества, фанатизма и враждебности к республиканскому устройству и прогрессу» еще более укрепило уверенность Кемалья в необходимости однопартийного правления и быстрейшего проведения культурной революции. И задача перед ним стояла куда как сложная! Всего 4 процента населения Турции было грамотным, в стране не хватало 35 тысяч школ и 70 тысяч учителей и в то же время в республике продолжало действовать около 20 тысяч медресе, что создавало определенные сложности со светским образованием. Так пока и не начавшая оживать экономика не сулила подъема благосостояния, и разоренным войнами и продолжавшим пользоваться средневековыми способами производства крестьянам даже при всем желании было не до учебы. Но Кемаль не был, наверное, самим собой, если бы не пошел на штурм и этой казавшейся неприступной крепости! Конечно, его страстное желание видеть свою нацию образованной заслуживало всяческих похвал, но именно здесь он представлял самым настоящим консервативным революционером, наивно полагавшим, что цивилизация неизбежно появляется там, где существует твердый порядок. И ему даже в голову не приходило то, что этот самый порядок был только одним из условий ее появления, но отнюдь не основополагающей причиной.

Глава 3

Некоторая оторванность от грешной земли выразилась и в страстном увлечении Кемалья авиацией. «Будущее в небе!» — часто говорил он, очень

надеясь, что развитие авиации в стране подействует на его набожных подданных. Ну а сама авиация должна была служить символом устремления в будущее, казавшееся Кемалю таким же безграничным, как небо! В феврале 1925 года по его инициативе было основано Турецкое общество авиации, и его президентом Кемаль назначил друга детства Фуада Булджу. Впрочем, Кемаль смотрел не только в небо, но и на землю и, решив показать всей стране, как можно и надо вести хозяйство, начал работы на возведенной рядом с его виллой ферме. Там были осушены болота, посажены деревья и построены небольшой домик и подсобные помещения. Любившему природу Кемалю очень нравилось превращать пустынную землю в цветущий сад, вид обыкновенной сосны приводил его в самый настоящий восторг, и он подолгу любовался растущими у него на вилле деревьями. По желанию Кемалья около фермы были вырыты два больших пруда, напоминавшие своими очертаниями Мраморное и Черное моря, а затем построены пивоваренный завод и ресторан. Кемаль очень любил работать на своей ферме, и особенно ему нравилось пахать на тракторе и обучать этому своих многочисленных гостей.

Таких ферм у него будет несколько, и со временем все они превратятся в прекрасно организованные и дающие большой доход хозяйства, сделавшие Кемалья весьма состоятельным человеком. В это же время он начал национализацию турецкой экономики, выразившуюся в переводе принадлежащих иностранцам и немусульманам предприятий под контроль государства, а в середине апреля с несказанным удовольствием прокатился по первой секции строившейся между Анкарой и Сивасом железной дороги. Чему-чему, а строительству железных дорог Кемаль придавал наиважнейшее значение...

А вот дома дела шли все хуже и хуже. Его долгие застоля с друзьями по-прежнему не нравились Латифе. Ей вообще многое не нравилось, и тем не менее она все еще надеялась на то, что Кемаль превторит наконец в жизнь хотя бы один из своих лозунгов и сделает ее депутатом. Положение «выставочной» жены на публике и бессловесного существа дома не устраивало Латифе, и чуть ли не каждый день она жаловалась на то, что не закончила свое университетское образование. В конце концов, Кемаль не выдержал ее стенаний и предложил ей незамедлительно закончить его!

Терпеть капризы жены становилось все трудней, и в своей безо всякого преувеличения безумной ревности она дошла уже до того, что стала подсматривать в замочную скважину за любимшим читать по ночам у себя в кабинете мужем и ревновать его к лежавшей у его ног собаке! Ну а посещение виллы президента его друзьями превратилось для них самих и их жен в самое настоящее испытание, поскольку неистовавшая в своей социальной неудовлетворенности Латифе постоянно затевала с ними ссоры по самым незначительным поводам. Так продолжалось каждый день, и понять Латифе, конечно, можно. Как и всякая не имевшая детей женщина, она очень боялась, что рано или поздно Кемаль оставит ее. Но смертельно уставшему от жены Кемалю было уже не до причин, после очередного скандала он переехал на свою старую квартиру и в оставленном Латифе послании попросил ее уехать к родителям. Конечно, он мог бы стукнуть кулаком по столу и отослать жену, не прячась от нее, но он настолько устал от скандалов, что даже у него, прошедшего Дарданеллы, Кавказ и Сакарию, не было сил вынести хотя бы еще одну ссору.

Латифе и на этот раз попыталась разжалобить Кемалья, но тот даже не пожелал отвечать на ее письма, и, убитой горем, ей пришлось подчинить-

ся. Несказанно горевавшая первое время Латифе отправилась в путешествие по Европе. Она жила сначала в Татрах, а затем на юге Франции. Вернувшись в Турцию, она попыталась через Салиха наладить отношения с мужем, но Кемаль и слышать не хотел ни о каком примирении! Латифе поселилась в Стамбуле в доме своих родственников, по-прежнему продолжавших пользоваться благосклонностью Кемаля. Замуж она больше не вышла и умерла в 1975 году, не оставив после себя никаких воспоминаний о своей жизни с президентом. И надо отдать ей должное: даже после смерти Ататюрка она осталась верна его памяти и не допускала никаких сплетен о нем, хотя уж кому-кому, а ей было что рассказать!

Переживал ли сам Кемаль разрыв с женой? По всей видимости, да, и, как рассказывали люди из его охраны, несколько ночей подряд после ухода Латифе из его кабинета раздавалась записанная на пластинке песня «Я стал обезумевшим соловьем». Ну а того, что творилось в его душе, не узнает уже никто, Кемаль был не из тех, кто плачется в жилетку. Да и не до переживаний ему было в те дни. Курдское восстание еще более утвердило его в мысли как можно быстрее приступить к реформам. Полученный им во время войн политический капитал таял, и ему было необходимо постоянно пополнять его. Понимал ли он сам всю сложность стоявшей перед ним задачи по выводу отсталой страны из средневековья в современный мир? Да, конечно, понимал! Потому и сказал Исмету: «Если это не может быть сделано никогда, надо делать это сейчас!» Да, именно сейчас, пока он еще имел в своем распоряжении такие действенные методы, как «Закон об охране порядка» и Суды независимости. Жестоко? Наверное! Но что ему оставалось делать? Сидеть и ждать у моря погоды? Он уже довольно ждал ее в своей жизни и, поймав, наконец, попут-

ный ветер, не собиравшись свертывать парус в самый решительный момент!

Начинать он решил... с одежды и был по-своему прав, ибо носивший шляпу человек рано или поздно должен был задуматься о том, что шляпа — это не только атрибут цивилизации, но и определенное обязательство. А сделать это было далеко не так просто, поскольку именно шляпа в мусульманской Турции считалась чуть ли не первым признаком «гяура» и убедить людей носить ее было делом чрезвычайной сложности. Кемаль и на этот раз решил прибегнуть к испытанному методу и отправился в поездку по стране. Да и кто, кроме него, мог бы выступить с таким в общем-то оскорбительным для мусульман предложением?

Первым городом, в котором он остановился, был Кастамону, небольшое пыльное и насквозь прокаленное солнцем местечко в 140 милях от Анкары. Как и повсюду, его встретили огромные толпы людей, восторженно приветствовавших своего героя. Но стоило ему только выйти из машины, как людское море мгновенно затихло и люди в великом недоумении взирали на представившееся им зрелище. Но отнюдь не из-за того, что впервые в своей жизни видели живого бога! Просто этот самый бог предстал перед ними в той самой шляпе, за ношение которой смельчака могли закидать камнями! А ничуть не смутившийся Кемаль продолжал изумлять собравшихся и... снял шляпу! По огромной толпе пронесся вздох, словно ее больно хлестнули кнутом. Впрочем, ее и на самом деле хлестнули, поскольку появление простоволосым считалось не менее страшным преступлением, нежели ношение шляпы! Поначалу разговора не получалось, и недоумевающие и в какой-то степени даже обиженные люди слушали своего вождя с явно показным вниманием. Кемалю пришлось пустить в ход все свое красноречие, не раз выручав-

шее его в подобных ситуациях: «А чтобы произвести еще более сильное впечатление, он сразу же заговорил о том экономическом вреде, который наносит их стране ношение фески. И был трижды прав, поскольку феска и по сей день оставалась покупаемым на валюту импортным товаром, в то время как шляпы и костюмы могли быть пошиты в стране. Пусть и с трудом, но все же растопив лед отчуждения, он заговорил о социальном значении столь почитаемой в стране фески. «Пока мы носим подобные головные уборы, — заявил он, — мы уходим в сторону от цивилизованного мира, вместо того чтобы быть его частью! И именно поэтому нам необходимо сделать так, чтобы не только наша одежда, но и все наши мысли были такие же, как и во всем цивилизованном мире. Мы должны носить ботинки, фраки, плащи, рубашки, шляпы, галстуки, а кто считает, что это не так, того я в свою очередь считаю консерватором и обскурантом! Изменения необходимы, и, если понадобится, мы пожертвуем своей жизнью ради этого!»

А затем случилось нечто удивительное. Многие из слушавших Кемаль тут же «прозрели» и выразили ему самую горячую поддержку, а ночью дело дошло до того, что особо рьяные борцы со старинной устроили вокруг дома, где остановился президент, шествие с горящими факелами и демонстративно бросали фески на землю. Впрочем, для посвященных в этом не было ничего удивительного. Кемаль был слишком искушен в политике, чтобы не устраивать таких сцен, о которых потом во весь голос трубила его печать!

В Инеболу он пошел еще дальше и на собрании местного «Турецкого очага», как назывались образовывавшиеся по всей стране национальные общества, затронул еще более деликатную тему о женской одежде. На обратном пути в Анкару он снова остановился в Кастамону и на этот раз обру-

шила на мусульманские братства. «Перед лицом знаний, науки и всего того, что несет с собой цивилизация, — заявил он, — я не могу мириться с существованием шейхов. Наша республика не может быть страной шейхов и дервишей! Самый лучший порядок — это порядок цивилизации! Для того, чтобы быть человеком, достаточно выполнять требования цивилизации, и слушающие меня главы дервишских монастырей должны признать мою правоту и сами закрыть свои ордена!»

Кемаль знал, какую роль играли беспрекословно подчинявшиеся своему «святителю», как назывался стоявший во главе ордена шейх, все эти «танцующие», «поющие» и «юлящие»! Пользовавшиеся крайней отсталостью неграмотного населения восточных провинций, они имели огромное влияние на верующих, и их распоряжения исполнялись куда быстрее и охотнее указаний властей. Трудности заключались еще и в том, что святость текке, как назывались их монастыри, делала их неприкосновенными, поскольку все они являлись частной собственностью того или иного шейха. Именно текке чаще всего служили базой многих восстаний и заговоров, и, дабы избежать неприятностей в будущем, Кемаль был намерен упразднить их. Коснулся он и мусульманских святых. «Это самая настоящая дикость, — сказал он, — прибегать к помощи мертвых!»

Конечно, не все понимали то, о чем говорил президент, но спорить с ним не посмел никто. Слишком уж темны были слушавшие его люди, чтобы возражать ему, да и не приучены они были спорить с султанами. А ведь, что бы там ни говорил сам Кемаль, для всех этих нищих и темных крестьян он оставался точно таким же султаном, каким были для них предыдущие властители Турции! Если, конечно, не хуже, ведь ни для кого не было секретом, что, в конце концов, установлен-

ный Кемалем режим оказался на поверку куда более жестким.

В очередной раз заручившись «поддержкой нации», Кемаль вернулся в Анкару, и вскоре правительство постановило закрыть дервишские обители и усыпальницы, а также запретить ношение фески и других средневековых головных уборов и одежды и ввести европейские головные уборы и одежду. Еще через месяц новым постановлением всем чиновникам было предписано появляться на торжественных церемониях в котелках и фраках. «Наша нация, — заявил на открытии новой парламентской сессии Кемаль, — твердо решила принять ту самую жизнь, которую современная цивилизация гарантирует всем нациям!» Ну а поскольку некоторые стамбульские газеты продолжали издеваться над спадавшими на каждом шагу у непривычных к ним турок шляпами, он весьма настоятельно «посоветовал» прессе с пониманием относиться ко всему происходящему в стране.

В конце ноября правительственный указ о новых головных уборах вышел уже в виде закона. «Шляпа, — говорилось в нем, — является всеобщим головным убором турок, и правительство запрещает относиться к ней иначе». А когда Нуреттин-паша попытался было доказать, что принятый закон нарушает конституцию, депутаты обрушили на него целый шквал негодования, объявив его в конце концов противником воли нации, и депутат от Муша весьма прозрачно предупредил всех недовольных. «Революция, — сказал он, — представляет собою мощный поток, который сметает все встающее у нее на пути!» Тем не менее провинциальные священники осмелились выступить против этого «мощного потока», и туда, где было произнесено хотя бы одно слово протеста, сразу же спешили Суды независимости, и некий Атиф Ходжа был повешен только за то, что осмелился выступить

против подражания французам. Но слишком немногие горели желанием встретиться с глазу на глаз с Лысым Али, и новые традиции постепенно входили в привычку в становившемся все более послушным турецком обществе.

В конце декабря 1925 года Кемаль еще больше сблизил республику с цивилизованным миром, введя в стране европейское летоисчисление, и теперь Турция считала свои дни от Рождества Христова. В феврале следующего года меджлис принял новый гражданский кодекс, даровавший женщинам равные права, и теперь акт бракосочетания и развода регистрировался государством. И хотя мужчины все еще продолжали пользоваться куда большими правами, новый кодекс сыграл свою роль в эмансипации женщин в стране. Они стали работать в области законодательства, в здравоохранении, образовании и социальной сфере. А Кемаль шел уже дальше, и в марте меджлис упразднил шариатские суды, ввел светское судопроизводство и утвердил уголовный кодекс, запретивший коммунистическую деятельность в стране.

Ну а осенью произошло еще одно знаменательное событие в жизни самого Кемаля. Во время своего пребывания в Измире он был очарован внешностью и прекрасными манерами восемнадцатилетней преподавательницы по имени Афет. Выбор был сделан, и, представляя девушку инспектору Второй армии Фахреттину, Кемаль сказал: «Она родилась в Салониках, и ее семья связана с моей родственными связями. И я очень счастлив встретить ее здесь! Ее мать умерла, а отец женился на другой. Она работает учителем и очень хочет учиться дальше, но на это не хватает средств. Она согласилась стать моей дочерью и поедет вместе со мною в Анкару, я дам ей образование и заставлю выучить несколько европейских языков. Она будет настоящей леди». Так, ко всеобщей радости, Ке-

маль наконец-то устроил свою личную жизнь, и в одной из частных бесед Фахреттин-паша заметил: «Мы все были очень довольны тем, что наконец-то постоянно находившийся на грани нервного срыва Ататюрк обрел себе подругу, способную развеять его тоску. И нация многим была обязана этой женщине, вернувшей Ататюрку спокойствие!»

Что ж, все правильно, отсутствие женской ласки отрицательно сказывается на жизненном укладе любого мужчины, и Кемалю давно было пора упорядочить свою интимную жизнь. И Афет на самом деле удалось то, чего еще не удавалось никому: пусть и исподволь, но все же управлять Кемалем. Как-и Фикрие, она всегда оказывалась там, где он хотел ее видеть, и никогда не появлялась там, где он не нуждался в ней. Конечно, время от времени доставалось и ей, и сам Кемаль как-то откровенно заметил: «Афет очень любит меня, но иногда я заставляю ее грустить». Но как бы там ни было, она устраивала Кемалю, «дотянувшего» с ней до 1937 года, в котором она уехала учиться в Женеву. После смерти Ататюрка она получила место профессора истории в Анкарском университете и представила Кемалю в своих воспоминаниях таким, каким он хотел видеть себя. Но одной Афет Кемалю показалось мало, и он удочерил еще шесть девушек, его «настоящих жемчужин», как он сам называл их: Сабиху, Фикрие, Зехру, Небиле, Рюкийе и Юлькю. Был у него и приемный сын Мустафа. Появилась в его доме и некая мадам Бауер — бонна из Швейцарии, по словам часто бывавшего у Кемалю в Чанкайя Фахреттина, весьма «смазливая и покрашенная женщина в черном платье с декольте». Как утверждали злые языки, эта «смазливая женщина» не только танцевала с Кемалем, но и довольно часто делила с ним ложе. И что удивительного! Кемаль обладал могучим либидо, его взгляд мгновенно загорался при виде стройной женской фигуры и

красивого лица, порою он забывался и очень смущал своим поведением присутствующих. И примером тому служила крайне неприятная сцена в ресторане «Фреско», где отмечалась третья годовщина провозглашения республики.

После обильных возлияний с молодыми турецкими офицерами Кемаль пригласил на танец дочь французского посла, красивую стройную девушку с выразительными черными глазами и высокой грудью. Близость молодой и красивой девушки подействовала на него возбуждающе, и он принялся раз за разом целовать ее. Присутствующие почувствовали себя весьма неуютно, и, воспользовавшись первым же удобным случаем, посол поспешил покинуть вечер вместе с испуганным поведением президента дочерью. Весьма недовольный ее бегством Кемаль отправился вместе с Фахреттином на виллу и продолжил застолье чуть ли не до утра. «Это было в первый раз, — вспоминал потом тот, — когда я видел Ата-тюрка в нехорошем виде, в чем, на мой взгляд, были виноваты выпивавшие с ним офицеры!»

Конечно, французский посол был возмущен, и Исмет был вынужден объясняться с ним. В поведении президента, заявил он, не было и не могло быть ничего предосудительного, и, целуя девушку, он просто выразил свое восхищение ее молодостью и красотой. И французу не оставалось ничего другого, как сделать вид, что он верит в эти наивные объяснения. Уж кому-кому, а ему были хорошо известны имевшие под собою весьма веские основания слухи о том, что ни одна попавшая в поле зрения президента и понравившаяся ему женщина не могла чувствовать себя в безопасности. Не остался он в неведении и относительно того, что многие соискатели высоких и доходных мест специально подставляли ему своих жен.

И в то же самое время, срывая плоды в чужих садах, Кемаль ревниво следил за своими «дочерь-

ми» и, как поговаривали, даже приставил к ним своеобразного евнуха из своей охраны. Что ж, все правильно, цивилизация цивилизацией, а традиции традициями...

Глава 4

После разгрома оппозиционной партии открытого давления на Кемаля уже не было, хотя его бывшие соратники по-прежнему выступали против авторитарного правительства и требовали сохранения демократических норм. Но вкусившему абсолютной власти Кемалю все эти детские разговоры были уже не интересны, и он не собирался выпускать бразды правления из своих рук. Благо что верный Исмет был полностью согласен с ним. «Правительство, — говорил он, — есть не что иное, как высшее командование на войне, и все возражения должны вноситься до того, как принят план генерального сражения. После этого следует только подчиняться принятым решениям, но никак не обсуждать и уж тем более сопротивляться им! Что же касается политической борьбы, то, конечно, она допустима, но только в тех странах, которые в достаточной степени цивилизованы и политически зрелы. Турция пока к ним не относится, следовательно...» делайте соответствующие выводы!

И они были сделаны! В Анкару в сопровождении профессионального преступника Измаила по кличке Лаз прибыл один из самых ярких противников Кемаля Зия Хуршит. Близкий друг убитого охранниками Кемаля Али Шюкрю, он до сих пор не мог успокоиться из-за своего изгнания из медреса и ненавидел Кемаля лютой ненавистью. В Анкаре он встретился с некогда видным деятелем «Единения и прогресса» и Прогрессивной партии Ахметом Шюкрю и с удаленным Кемалем от себя Арифом.

Откинув совершенно ненужную дипломатию, они сразу же заговорили о покушении на Кемалю. А ~~де~~ говорившись, попытались привлечь в свои ряды Рауфа и некоторых других лидеров распушенной партии.

Но все было напрасно, никто даже и слышать не хотел ни о каком участии! А так и не сумевший отговорить их от этой опасной затеи Рауф поспешил уехать за границу. Не желая быть скомпрометированным подобными знакомствами, он тем не менее по каким-то ведомым только ему причинам ни единым словом не обмолвился властям о готовящемся на президента покушении. И как знать, не надеялся ли он в глубине души вернуться в уже свободную для него Турцию после того, как Кемалю не станет!

Подготовка к покушению шла полным ходом, и поначалу заговорщики намеревались покончить с Кемалем в Анатолийском клубе, где президент часто играл в карты с членами дипломатического корпуса. Однако из-за некоторых технических сложностей им пришлось отказаться от этой затеи, и в конце концов с Кемалем было решено покончить в Измире, где у Шюкрю был надежный человек по кличке Сары Эфе (Желтый Храбрец). Покушение планировалось совершить на одной из улиц, где президентский автомобиль всегда снижал скорость. Заговорщики намеревались открыть огонь из пистолетов, а затем для большей верности бросить в машину гранату. Однако один из них не выдержал нарастающего напряжения и выдал своих сообщников. Все они были мгновенно арестованы, и прибывший в Измир президент сам допросил Зию Хуршита. Тот подтвердил наличие заговора, и Кемаль вызвал в Измир Суд независимости. Судьи принялись за работу, и уже очень скоро «выяснили», что непосредственными организаторами покушения на президента являлись... бывший министр финансов

Османской империи Джавит и наиболее близкие к нему люди. Было ли это на самом деле так или так хотелось видеть желавшим угодить Кемалю судьям? На этот вопрос не ответит уже никто и никогда!

Конечно, устранение Кемаля было выгодно многим политикам, как бывшим, так и настоящим, но одно дело — желать его устранения и совсем другое — готовить его! Да говоря откровенно, Джавит и окружавшие его люди никогда не занимались подрывной деятельностью и не критиковали режим публично, отводя душу на своих встречах. Однако Суд независимости подобные мелочи уже не интересовали, и ему было достаточно собственной версии! Да и о чем еще было говорить, когда складывалась весьма интересная комбинация! Зия Хуршит в клубе прогрессивистов в Анкаре, уже арестованные и доставленные в Измир лидеры Прогрессивной партии, знавшие о заговоре, и, наконец, бывшие члены «Единения и прогресса»! Чего же еще надо! Да и когда еще представится такой удобный случай одним ударом покончить со всеми врагами Кемаля, если он, конечно, представится вообще!

Больше всех на суде откровенничал Сары Эфе, сразу же заявивший, что деньги на организацию покушения им давали связанные с прогрессивистами Кара Кемаль и Джавит! И мало кто из слушавших этого молодца сомневался в том, что он являлся самым обыкновенным провокатором. Да он и сам невольно подтвердил это, когда обвинитель потребовал для всех обвиняемых в заговоре с целью свержения правительства смертной казни. Все оживление разом исчезло с его лица, и он в отчаянии воскликнул: «Никто даже не обратил внимания на мои услуги!»

Но если Джавит и компания мало волновали Кемалю, то участь бывших друзей не могла оставить равнодушным даже его, всегда беспощадного к своим врагам. И без особого энтузиазма он сказал при-

шедшим поужинать с ним Исмету и Фахреттини; «Лысый Али намерен повесить наших генералов вместе с другими!»

Сразу же уловив явно сквозившее в каждом слове их хозяина нежелание отправлять своих бывших друзей на виселицу, генералы приняли игру, и с несвойственной ему дипломатичностью Фахреттин заметил: «У меня нет ни малейшего сомнения в том, что вы лучше нас знаете, что надо делать. И все же меня не покидает ощущение, что вы проявите милосердие!» Солидарен с ним был и тонко уловивший настроение Кемалья Исмет. «Если вы помилуете их, — со смиренной улыбкой произнес он, — нация еще больше будет прославлять вас!» — «Ну и прекрасно! — удовлетворенно кивнул ничего другого и не ожидавший от своих собеседников Кемаль и испытующе взглянул на Исмета. — Надеюсь, мы можем быть уверенными в будущем?» — «Я, — сразу же заверил его тот, — обещаю вам проявлять необходимую твердость!» — «Ну что ж, — усмехнулся Кемаль, — в таком случае мне надо еще раз поговорить с Али!»

Утром Кемаль уехал в Анкару и всю дорогу с увлечением читал французский роман. В тот же день Неджип Али вынес 13 смертных приговоров и оправдал Карабекира, Али Фуада, Рефета и Джафера Тайяра. Но как только они появились на улице, окружившая их огромная толпа принялась скандировать: «Слава Аллаху, спасшему наших пашей!»

Лысый Али недовольно покачал головой: похоже, все начиналось сначала! Увидев приветствовавших их людей, Али Фуад взглянул на Карабекира. «Ну вот, — негромко заметил он, — теперь мы оправданы полностью!» Тот грустно покачал головой, снова и снова вспоминая тот самый день, когда он так неосмотрительно поддался влиянию Кемалья и не сдал его султану. Что же касается шагавшего рядом с ним Али Фуада, то ему было не до воспо-

мианий и он был несказанно счастлив своему чудесному спасению! Очень скоро он снова сойдется с Кемалем, и на первом же обеде тот скажет ему: «Только ради вас я даровал прощение всем остальным!» И по всей видимости, это будет правдой, поскольку Кемаль и на самом деле был расположен к Али Фуаду, с которым его связывали самые светлые воспоминания его юности. Со временем будет прощен и допущен в большую политику Рефет. Что же касается изгнанных из страны Карабекира и Рауфа, то с ними Кемаль разошелся уже навсегда...

2 августа 1926 года в Анкаре начался процесс над бывшими юнионистами, и теперь их обвиняли не только в участии в заговоре против Кемалья, но и в «безответственном поведении», позволившем втащить Турцию в Первую мировую войну, в коррупции лидеров и страданиях народа. И роль первой скрипки по-прежнему отводилась Джавиту, что, возможно, совершенно не соответствовало действительности. «Джавит, — писал о нем близкий к Кемалю Фалих Рыфкы, — не был революционным террористом... Напротив, это был в высшей степени цивилизованный человек. Начиная с Лозаннской конференции, где он являлся советником турецкой делегации, он встал в оппозицию, поскольку всегда считал, что без помощи Запада мы не в силах создать мощное государство. И Кемаль и Исмет были солдатами, и анкарское правительство по своей сути являло собою военную диктатуру, для которой республика являлась только маской. Джавит был прирожденным финансистом и рассматривал национализм как нечто весьма ограничивающее возможности развития. Он был патриотичен и честен, и единственным его недостатком были самонадеянность и гордость»...

Что ж, возможно, так оно и было, и все же причины конфликта между Кемалем и Джавитом были

куда серьезнее, нежели предъявленное ему обвинение. Джавит был не меньшим модернистом, чем сам Кемаль, хотя и не верил в способность народа построить мощную экономику без посторонней помощи. И именно поэтому он был очень опасен для Кемаля! В Турции его было кому слушать, и для компрадорской буржуазии и желавших сотрудничать с Западом политиков Джавит был самой подходящей фигурой. Он был масоном, имел хорошие связи с деловыми кругами Запада и пользовался репутацией знающего и умного человека.

Сыграло во всей этой страшной истории свою зловещую роль и ближайшее окружение Кемаля, не намеренное впускать в свои ряды какого-то салоннического «еврея Джавита»! Хотя сам Кемаль был свободен от подобных предрассудков. И еще бы ему не быть от них свободным, если его самого обвиняли в принадлежности к сынам Израиля и как-то он даже сказал другу детства Нури Джонкеру: «Некоторые говорят, что поскольку я родился в Салониках, то я еврей. Но при этом они почему-то забывают, что родившийся на Корсике Наполеон был итальянцем, и тем не менее он вошел в историю как француз! И любой человек должен служить тому обществу, которое окружает его!»

За время следствия Кемаль получил огромное количество петиций от самых различных организаций, умолявших проявить милосердие. Влиятельные евреи из Нью-Йорка, Лондона и Берлина, могущественные финансисты из многих стран мира, известные масоны и даже члены некоторых европейских правительств просили помиловать Джавита. Однако подобное заступничество делало его в глазах Кемаля еще опаснее, и он остался непреклонен. «Правосудие, — заявил он в своем интервью французским журналистам, — иногда судит невиновных, однако История наказывает всегда виноватых! Эти люди хотели убить меня. Но не это

самое главное. Я рисковал своей жизнью сотни раз на полях сражений и завтра снова буду рисковать ею, если в этом возникнет необходимость. Но они посягнули на будущее турецкого народа, и поэтому я не имею права на снисходительность!» Да и какую еще снисходительность мог проявить Кемаль к человеку, который во всеуслышание заявил на суде: «Страна находится в очень тяжелом положении. Гнев нации постепенно поднимается против руководителя правительства, у которого, кроме амбиций и плохих способностей, больше ничего нет! И этот процесс — не что иное, как попытка повернуть против нас общее недовольство. Обвиняя нас в саботаже, правительство хочет спрятать истинные причины своего поражения. А они лежат в полной некомпетентности тех, кто нами правит, и в абсурдности программы, разработанной Гази. Никакие планы не будут реализованы по той простой причине, что они уже изначально нереальны! Кемаль-паша — великий полководец, и будет куда лучше, если он вернется в казарму и займется теми вопросами, которые хорошо знает! Господа, не будьте же ни простофилями, ни соучастниками этого преступления!»

Однако выслушавшие его «господа» и не подумали внимать этому призыву, и 26 августа Джавит и еще несколько человек были приговорены к смертной казни, а находившиеся в Европе Рауф и Рахми — к десяти годам тюремного заключения.

Понимал ли сам Кемаль, какую светлую голову теряет? Да, конечно, понимал и в конце концов все же собирался помиловать финансиста, но как только Рауф стал раздувать сразу же подхваченные за границей слухи о том, что весь этот процесс инсценирован им самим, отказался от своего намерения. «В таких обстоятельствах, — заявил он, — мое вмешательство только подтвердило бы высказанные всеми этими людьми предположения!»

Можно ли верить в подобное откровение Кемалья? Если и да, то, наверное, только в той степени, в какой вообще можно верить политикам.

Несомненно другое: Кемаль никогда до конца не верил юнионистам, чья все возрастающая активность была отмечена как внутри страны, так и за ее рубежами, и рано или поздно ему все равно пришлось бы разбираться с ними. Ну и конечно, он был политиком, а какой политик не воспользовался бы представленным ему шансом не только окончательно разгромить оппозицию, но и запугать всех недовольных! Тем не менее утверждение, что казненные явились той ценой, какую Турция заплатила за свое обновление, довольно часто повторялось турецкими политиками. И в то же время надо заметить, что жертвы кемалистских репрессий не шли ни в какое сравнение с убиенными в той же Франции времен Великой революции и России...

С непроницаемым лицом просмотрел Кемаль привезенные ему Лысым Али приговоры. Среди приговоренных к смерти был и полковник Ариф, наверное единственный человек в мире, которому Кемаль некогда открывал свою душу. Но ни один мускул не дрогнул на медальном лице Гази, когда он, положив сигарету в пепельницу, вместе с другими обвиняемыми подписал смертный приговор и своему бывшему товарищу. Ровно в полночь приговоренных к смерти вывели на тюремный двор, где стояли четыре виселицы. Риза Нури горько усмехнулся. «Большинство из уже казненных повинны во многих преступлениях, — громко произнес он, — но все они были совершены раньше, а сейчас всех их повесили ни за что!» Джавит насмешливо взглянул на него. Наивный, он даже сейчас не понял того, что все его преступление заключалось только в том, что он пошел против Кемалья...

А в Чанкайя в это время звучала музыка и танцевали пары. Мужчины были во фраках, женщины в

вечерних платьях. Кемаль принимал их в вестибюле в черном фраке с белой гарденией в петлице. Два оркестра играли в ярко освещенных салонах. Пышный стол ломился от напитков и яств. Шампанское лилось рекой. Кемаль был настоящим королем бала и поразил всех пришедших к нему своим прекрасным настроением, в каком его давно уже не видели. Он шутил и громко смеялся, что в последнее время с ним бывало довольно редко. «Танцуйте, танцуйте все! — подбадривал он гостей. — Веселитесь! Прошу вас!» И пары крутились под звуки громкого джаза. Становилось жарко. Испарения потных тел, дыхание, наполненное винными парами, духи, смешанные с потом, — все это создавало удушливую атмосферу. Но сквозь наполненные табачным дымом комнаты раздавался все тот же звенящий металлом голос: «Танцуйте! Веселитесь! Прошу вас!»

В половине первого к Кемалю подошел Лысый Али и доложил о том, что «все прошло без инцидентов». Кемаль закурил сигарету и вышел на балкон. В ярком лунном свете его лицо казалось бледнее обычного, а слегка прищуренные глаза приобрели весьма неожиданный даже для него светло-стальной цвет. Он стряхнул пепел и, бросив окурок, снова закурил. Так, куря одну сигарету за другой, он долго смотрел в направлении Анкары. Вот и все, его враги были мертвы...

Кемаль долго дышал посвежевшим ночным воздухом, напоенным тяжелым ароматом посаженных им цветов. Потом вернулся в дом. Еще танцевало несколько пар, а сидевший в гордом одиночестве в углу Лысый Али допивал очередной стакан с раки. Окинув присутствующих брезгливым взглядом, Кемаль едва слышно процедил сквозь зубы: «Какие же вы все собаки! И одна хуже другой!» Грубо оттолкнув кинувшегося к нему Лысого Али, он вернулся в кабинет, налил из стоявшей на столе бутылки ста-

как раки, залпом выпил его и поморщился. Никогда он еще не испытывал такого презрения к человеческому роду, как в эту душную ночь...

На следующий день Кемаль произнес одну из своих самых блестящих речей. «Все мои деяния, — заявил он, — были инспирированы только одной страстью: сделать Турцию независимой и сильной. Для этого я прогнал всех врагов с ее территории, заключил почетный мир и разрушаю все, что мешает турецкому народу идти к будущему. Не говорите мне о султанах и халифах! Не повторяйте чепухи, что я покончил с ними из-за какой-то личной ненависти к ним! Я покончил с ними, чтобы вернуть вас вам же самим! Я завоевал армию! Я завоевал страну! Я завоевал власть! Люди, которых казнили этой ночью, хотели мне помешать. Они хотели отделить меня от того, что составляет смысл всей моей жизни: от турецкого народа! Я поразили их и буду поступать каждый раз так же, когда мне будут мешать, попытаюсь встать между народом и мной! Пусть об этом знают все. Турция — это я! Пытаться убить меня — значит пытаться убить Турцию! Благодаря мне она дышит, и благодаря ей я живу! Кровь пролилась. Это неизбежно... Конечно, вы скажете, что революции всегда купаются в крови, но революция, которая не орошается кровью, не является постоянной. Я хочу, чтобы мое творение шло за мною! Всякое великое движение должно пускать свои корни в глубину народной души: это естественный источник всякой силы и величия. Все остальное есть тлен и пыль! Я знаю многие нации... Я их видел на полях сражений, перед лицом смерти, когда характер человека предстает во всей своей наготе. И я вам клянусь, что духовная сила турецкого народа не уступит никакой другой в мире. Я веду мой народ за руку до той минуты, пока он сам не выберет по своей воле своего поводыря и руководителя. Только тогда моя миссия будет выполнена и я смогу уйти... Но не раньше!»

Последние слова Кемаль произнес с особым выражением, в упор глядя на собрание. И когда он спускался с трибуны, депутаты проводили его шквалом аплодисментов и оваций, в которых слились восхищение и страх перед этим человеком. В какой уже раз его мощная энергия подавила волю окружающих его людей. И Кемалья совсем не смущало то, что установленная им система напоминала диктатуру, сохранившую признаки парламентской демократии. Чем-чем, а своей властью он не был намерен делиться ни с кем. Не для того он ее завоевывал! Республика была его детищем, и ее воспитание он не мог да и не хотел доверить никому!

Да, он был беспощаден в своей борьбе с врагами, зато теперь никто не мешал ему исполнить свою мечту и вывести наконец нацию из «мрака средневековья и возвысить ее до чистого света современности». Геракл оказался способным не только расчистить авгиевы конюшни, но и создать на их месте светлое и чистое жилище!

Но по большому счету дело было даже не в его желании или нежелании устанавливать диктатуру. Несмотря на все свои таланты и заслуги, Кемаль был не только выразителем определенного исторического времени, но и его заложником. Турция являла собой редкий пример страны, где возглавившая борьбу крестьянства буржуазия сама смогла довести ее до победы над старым порядком. Что было в значительной степени обусловлено слабостью пролетариата, отсутствием коммунистов, оставшимися не у дел стамбульскими компрадорами, а значит, и отсутствием в стране классовой борьбы. Ну а поскольку в эпоху глубокой социальной ломки буржуазное государство может быть организовано только в форме откровенной диктатуры, то преследовавшую свои цели буржуазию никогда не смущала ее природа. Именно поэтому не имевшая противников турецкая буржуазия с такой охотой и

восприняла руководство национально-освободительным движением не через партию, а через единоличную военную диктатуру. Что бы там ни говорил сам Кемаль, опорой его власти была преданная ему армия. Но его приход к власти был обусловлен не только ролью армии, но и политической незрелостью и экономической слабостью самой национальной буржуазии, как никогда нуждавшейся в своем защитнике. И как почти всегда бывает в таких случаях, роль диктатора получил наиболее талантливый и популярный военачальник!

Но Турция и здесь имела свою специфику; и в то время, когда те же Кромвель и Наполеон пришли к власти на гребне реакции в условиях спада революционной борьбы, когда задачи революции были уже практически решены сокрушившей внутренних и внешних врагов мелкобуржуазной диктатурой и на смену ей уже пришла крупная буржуазия, Кемаль одержал победу на фоне войны за Независимость, и его диктатура органично вышла из национально-освободительной борьбы в стране уже втянутой в систему капиталистических отношений. Таким образом, Кемаль явился не только организатором революционной армии и революционной власти, но и вдохновителем экономической политики новой Турции! И если бонапартизм являл собою власть, лавировавшую между классами, то в основе кемализма лежали исторические интересы турецкой национальной буржуазии и ее диктатуры через своего ставленника. Ну а сам путь Кемалья можно определить как путь революции в полукOLONиальной стране с неразвитой промышленностью, слабой дифференциацией классовых сил и незрелым пролетариатом. По-настоящему турецкая буржуазия встала на ноги только во время Второй мировой войны, и таким образом, Кемаль не дожидаясь того печального для него момента, когда он неизбежно превратился бы в преграду, стоявшую на

пути окрепшей для самостоятельного волеизъявления национальной буржуазии. Но пока она продолжала нуждаться в нем, как в своей единственной опоре и защитнике, ему нечего было опасаться. И что бы там ни говорили, диктатура Кемалья являлась самой обыкновенной исторической необходимостью на определенном этапе исторического развития турецкого государства со всеми вытекавшими отсюда последствиями. И именно с этой точки зрения лето 1926 года стало в значительной степени переломным моментом в жизни не только самого Кемалья, но и всей Турции. Именно тогда он обрел ту самую полноту власти, о какой мог только мечтать любой политический деятель, и теперь, когда перед ним была открыта свободная дорога к будущему, он мог устремляться по ней вперед с той же смелостью и решительностью, с какими совсем еще недавно шел в наступление на фронтах...

Последующие дни Кемаль жил с весьма для него удивительным чувством, что ему не надо ни с кем бороться! Странное это было состояние! Ведь с той самой минуты, когда его арестовали султанские чиновники, он не испытывал ничего подобного, и каждый новый день означал для него борьбу! С Энвером, с чиновниками, с греками, с англичанами, с оппозицией, с Латифе, и вот теперь все! Первое время ему было даже не по себе, и он напоминал бегуна-марафонца, упорно наматывавшего свои километры и вынужденного сразу же после окончания дистанции остановиться.

Но он быстро пришел в себя и решил увековечить себя не только в своих деяниях, но и в многопудье бронзы и камня. Вся страна должна была каждый день видеть его памятники и бюсты и свыкнуться с мыслью о его непреходящем величии. Еще в 1925 году была достигнута договоренность с известным австрийским скульптором Генрихом Криппелем о создании монумента свободы, кото-

рый Кемаль намеревался установить на центральной площади Анкары. Но если говорить откровенно, то прежде всего это был памятник самому себе, поскольку именно он должен был взирать с высоты шести метров на площадь. И только там, внизу стояли два солдата, крестьянка, а на барельефе пьестамента был изображен опять же он, дающий инструкции Исмету и Февзи! Готовясь к работе Кrippель приехал в Стамбул, где сделал другую его скульптуру, установленную в городе. Однако на открытие Кемаль не поехал и ограничился благодарностью жителям Стамбула за выраженные ему чувства в посланной им телеграмме.

В это же самое время в Анкару прибыл другой известный в Европе скульптор Пьетро Каноника, и Кемаль стал позировать ему на своей вилле. Повидавший на своем веку многих выдающихся людей итальянец с огромным интересом наблюдал за этим таким, как ему казалось, простым, но в то же время отмеченным необыкновенным достоинством человеком, жившим, к его удивлению, весьма скромно. Привыкший на лету схватывать характер позировавших ему людей, скульптор сразу же отметил неизгладимые следы страданий на лице Кемалья. Несмотря на его щедрую душу, он был лишен в жизни, возможно, самого дорогого: любви и дружбы! И Каноника не очень удивился, когда Кемаль, перехватив брошенный им взгляд на висевший на стене фотографический портрет грустной женщины, с глубокой печалью в голосе произнес: «Это моя мать... Она была моим единственным и самым близким другом, и, потеряв ее, я потерял все... Вы, конечно, знаете, что я был женат, но, как это ни печально, семейная жизнь не для меня! Да и нельзя найти женщину, которая бы понимала всю тонкость своего положения спутницы жизни политического лидера! Моя жена так этого и не поняла, и нам пришлось расстаться...» И было в его лице нечто такое, что заставило художника с

удивлением взглянуть на прославленного на весь мир воина. На какие-то доли секунды Кемаль приподнял закрывавшее его, по всей видимости, очень измученную душу покрывало, и лепивший его художник увидел перед собой не изощренного политика и бесстрашного солдата, а очень одинокого и несказанно страдавшего от своего одиночества человека. И в какой уже раз он подумал о том, какую же все-таки дорогую цену платят люди за обладание властью...

Он быстро работал, этот итальянец, и одну за одной создавал скульптуры для Анкары, Стамбула, Измира, Таксима и других городов, где отныне должен был стоять только один бог! Конечно, многочисленные памятники Кемалю шокировали и набожных мусульман, и скрытых оппозиционеров, и некоторых его друзей, но никто даже и не подумал возмущаться. Да и о каком возмущении могла идти речь после недавних и столь памятных событий, если сами депутаты каждый день соревновались в своей лести по отношению к нему! И когда на открытии сессии в ноябре 1926 года он заговорил о неудавшемся покушении, в зале поднялся страшный шум и один из особо усердствовавших депутатов громко воскликнул: «Эти негодяи никогда не принадлежали к турецкой нации! И даже ад не примет их!»

Кемаль слушал все эти выкрики без особого восторга. Он слишком хорошо знал цену всем этим красивым и громким словам и произносившим их людям, еще вчера готовым любой ценой избавиться от него. А потому и был счастлив иметь рядом с собой Исмета, обладавшего, по словам все того же итальянского художника, гибким умом, исключительной хитростью и врожденными идеалами. Именно он убедил его распустить наводившие страх на народ и ненавистные многим Суды независимости, и 7 марта 1927 года они прекратили свое существование. Все работавшие в них судья-

ми депутаты получили в подарок по машине, а Лысый Али продолжал служить своему хозяину в качестве своеобразного министра и по-прежнему восседал за его обеденным столом. Сохранил свое место среди «привычных джентльменов», как стали называть ближайшее окружение президента, и Кылыч Али. И все же «Закон об охране порядка» Кемаль пока оставил в силе. Реформы были еще не закончены, и ему все еще нужна была плеть. Так, на всякий случай...

Глава 5

1 июля 1927 года в жизни Кемалья и всей страны произошло знаменательное событие, получившее оживленные отклики в турецкой и мировой прессе. После восьмилетнего перерыва он приехал в Стамбул. И теперь, когда он сдержал данную самому себе на борту «Бандырмы» клятву и имел полное право появиться в покоренной им бывшей столице, ничто уже не могло помешать ему посетить прекрасный город, с которым у него были связаны не только самые худшие воспоминания. Да и горевшие страстным желанием увидеть своего президента жители Стамбула в своих многочисленных обращениях к нему просили его забыть старое.

Он прибыл в Стамбул на борту «Эртогрула», довольно старой, но пока еще крепкой султанской яхты. На набережной его встретили тысячи празднично одетых горожан, отовсюду слышались приветственные крики, и куривший сигарету Кемаль с задумчивым видом смотрел на взволнованных людей. Все правильно! Так, и только так он и должен был вернуться, в конце концов, в покоренный им город! То и дело отвечая на приветствия, Кемаль отправился в Долмабахче, где его сестра и несколько дам высшего света готовили дворец к его приезду.

Расположенный на самом берегу Босфора дворец был обращен своим богатым фасадом к азиатскому берегу. Росшие в изобилии вокруг канадские ели, ливанские кедры, мадагаскарские пальмы и американские секвойи создавали атмосферу покоя и неги. А чего стоили все его 400 комнат со свезенными в них султанами со всего света сокровищами? В них поражало все: и гигантские люстры, и витые стеклянные колонны, и огромная коллекция часов с музыкальным боем, и китайский фарфор, и индийские безделушки из слоновой кости, инкрустированные золотом и драгоценными камнями, и огромная ваза весом 300 килограммов, вырубленная из целого куска нефрита. Очень понравились Кемалю и собранные в Долмабахче многочисленные картины, и особенно одна из них, написанная знаменитым русским художником Айвазовским. Полотно было посвящено взятию турками Константинополя, и Гази долго смотрел на османских воинов в окровавленных тюрбанах на головах, горевших мрачной решимостью истребить неверных псов.

«Отныне, — сказал Кемаль на устроенном в его честь приеме, — этот дворец принадлежит не теням Аллаха на земле, а всей нации, и я счастлив тем, что являюсь ее представителем и вашим гостем!» Он много говорил в тот знаменательный для всех вечер, но ни единым словом так и не обмолвился о том, почему же столько лет не был в Стамбуле, и никто не осмелился спросить его об этом.

На следующее утро сестра Кемаля показала ему найденное в одном из секретеров написанное Абдул Меджидом по-французски письмо в парижский магазин «Лувр» с приложенными к нему образцами материи, которые он предлагал своим дамам в гареме. «Вот чем занимался наш почтенный халиф», — усмехнулся Кемаль и отправился на прогулку, с видимым удовольствием узнавая те места,

где некогда мечтал о будущей Турции. Как и много лет назад, он подолгу сидел за стаканом вина или раки и под звуки негромкой турецкой музыки задумчиво смотрел в морскую даль. Как недавно все это было: ссылка, Корина, Энвер, войны, оккупация, Сакарья, Фикрие, Латифе — и... как давно...

Обедал Кемаль в «Парк-отеле», где отныне для него всегда был накрыт столик с цветами. Во время своего первого посещения роскошного ресторана он вдруг узнал в метрдотеле некогда сражавшегося с ним на Дарданеллах сержанта. И по-настоящему обрадовался. Глядя на улыбавшееся лицо растроганного до самой глубины души старого солдата, он снова видел идущие в атаку британские полки, дым и слепящее глаза солнце. Да что там говорить, было время! И после обеда он долго беседовал с почтительно внимавшим ему бывшим сержантом о тех далеких и славных днях.

С интересом заходил Кемаль и в многочисленные русские рестораны и кабачки, где с удовольствием пил вкусную русскую водку и слушал зажигательные песни. И, говоря об этих ресторанах, нельзя не вспомнить об оказавшихся к тому времени в Стамбуле почти четырех сотнях тысяч русских эмигрантов. Самым же удивительным было то, как веками воевавшая с Россией Турция с каким-то необъяснимым пониманием встретила бежавших от расстрелов и репрессий русских. И она не только приютила их, но многим дала кров и работу, что по тем условиям было равноценно подаренной жизни. А разве можно забыть трогательную историю турецких моряков, с риском для собственной жизни спасших тысячи русских беженцев с тонувших во время сильного шторма у берегов острова Килоса кораблей!

Эмигранты привозили в Турцию не только сожаление о навсегда потерянной родине, но и свою культуру, и неслучайно одними из самых популяр-

ных увеселительных заведений на Гран рю де Пера становились русские рестораны и кабаки с их разудалыми цыганскими песнями и рвущими душу русскими романсами. Ну а самым знаменитым эмигрантом был, наверное, генерал Врангель, на которого в октябре 1921 года было совершено покушение. Итальянский пароход «Адрия» по какой-то никому не объяснимой случайности со всего хода врезался в стоявшую на рейде Босфора яхту Главнокомандующего Русской Армией «Лукулл». Самого Врангеля на ее борту не было, и после того как все члены ее экипажа были спасены, дежурный офицер «Лукулла» мичман Сапунов вместе с яхтой нашел свой последний причал в водах Босфора. В начале 1929 года в Турцию прибыл изгнанный из СССР Троцкий. И Лев Давидович даже не сомневался в том, что его ссылка в Турцию является результатом сговора Сталина с Кемалем. Однако тот даже не ответил ему и только пообещал, что Троцкого «никогда не интернируют и не сделают объектом любого насилия на турецкой территории». И, говоря откровенно, ему не было никакого дела до его беспокойного гостя, да и кого интересовать уже отработанный политический материал...

К сожалению для жителей Стамбула, не обошлось без инцидентов, и полиция задержала группу армян, державших склад с оружием в Бейоглу. И хотя власти объявили, что арестованные собирались грабить открывшееся во дворце «Йылдыз» казино, по городу ползли упорные слухи о том, что мишенью армянских коммунистов, каковыми якобы оказались армяне, было отнюдь не казино, а сам Кемаль! Ну а финансировали прибывших в Стамбул боевиков большевики! И кто знает, что же это было на самом деле! Ведь к этому времени от рук армянских боевиков уже погибли бывшие лидеры «Единения и прогресса» Талаат и Джемаль, да и сам

Кемаль, по мнению многих армян, тоже был повинен в обрушившемся на их народ геноциде!

Но Кемаль и не подумал «обижаться» на бывшую столицу и стал посещать ее каждое лето, спасаясь на море от страшной азиатской жары. Для него выстроили прекрасную виллу во Флориде, и он несколько раз в день купался в море, следуя завезенной белогвардейцами моде. К развлечениям на море он прибавил танцы, посещение отелей, ресторанов и ночных клубов.

Да, теперь Кемаль мог пользоваться всеми удобствами жизни и наконец-то вздохнуть свободно, а чем он мечтал все эти годы. Еще во время измирского процесса он сказал: «Нам давно уже пора перестать волноваться и подозревать, мы должны стать спокойными...» Но, увы, желанного успокоения он так и не обрел. «Дайте ему место султана, и он потребует себе место бога!» — много лет назад сказал о нем Энвер. И был трижды прав! Даже получив место и султана и бога, Кемаль, как, во всяком случае, утверждали близко знавшие его люди, так и не обрел душевного равновесия, и к его великому сожалению, расслабление для него отождествлялось все же больше с обильными возлияниями, несколькими пачками сигарет и невероятным количеством кофе, нежели с действительным освобождением от всех тревог души и тела! И наверное, с этим уже ничего нельзя было поделать! Напряженные до предела в течение стольких лет нервы требовали хоть какой-то нагрузки, и таковую ему могли дать только раки, кофе и сигареты! Начиная постепенно отходить от активной политической жизни, Кемаль решил создать свою собственную версию всего содеянного им. Благо что случай для этого представился самый что ни на есть благоприятный — съезд Народно-республиканской партии.

Сразу же по возвращении в Анкару он принялся за подготовку своей речи и работал чуть ли не

сутками, сменяя падавших от изнеможения машинисток и выкуривая огромное количество сигарет. Поднявшись в день открытия съезда под шквал аплодисментов на трибуну, он поднял руку, и как только установилась тишина, торжественно произнес: «Деятнадцатого мая 1919 года я прибыл в Самсун...» Произнеся эту фразу, Кемаль замолк, с необычайной четкостью вспомнив тот весенний день, шумящее море и ободранную комнату в гостинице. Его губы тронула улыбка. Нет, все-таки не зря обвел он тогда эту дату в английском календаре красным карандашом, и теперь она уже золотыми буквами вписана в историю Турции...

Выдержав паузу, он продолжил свой рассказ, и у всех внимательно слушавших его сложилось впечатление, что история новой Турции есть не что иное, как часть собственной биографии ее первого президента и достижения одного человека, воплотившего в себе волю нации!

Впрочем, так оно и было, и, как это всегда бывает с участниками тех или иных исторических событий, Кемаль рассказывал уже не о том, что было на самом деле, а о том, как ему хотелось видеть прошедшее. Даже о своем заключении в тюрьму после окончания классов генерального штаба он теперь рассказывал совсем по-другому, и, как следовало из рассказа, его во избежание всевозможных инцидентов под конвоем доставили на борт уходившего в Сирию судна, даже не дав проститься со следовавшей за ним в слезах матерью. «Мать моя с громким плачем шла за мною, — говорил он, — но ей запретили встретиться со мной, и она осталась одна на пристани со слезами на глазах, полная горя и печали...»

И он знал, что делал! Да и кому в стране было известно о его переживаниях в тот исторический день, когда в вотчине Карабекира Эрзуруме он в отчаянии ожидал ареста? А вот то, как он, снятый со всех постов и приговоренный к смерти предав-

шим страну султаном, сумел переломить ход событий и победить, должны были знать все! Но если молодое поколение было готово поверить прославленному на весь мир человеку на слово, то у многих свидетелей всего происходившего в эти годы в стране произнесенная Кемалем речь вызвала весьма неоднозначные чувства, а некогда близкие ему друзья порою вообще терялись в догадках, о чем шла речь. А снова допущенный к столу Кемалья Рефет часто прерывал «воспоминания» хозяина отчаянным: «Не выдумывай, Кемаль!» Чем вызвал его вполне понятное неудовольствие.

И все же ничего удивительного в стремлении Кемалья представить историю и себя в выгодном ему свете нет. Да и какой политик поступал и будет поступать иначе? С политиками вообще происходят в этом отношении странные вещи, и зачастую они настолько заговариваются, что порою уже и сами не в силах отличить правду от вымысла. Не являвшийся исключением из этого правила Кемаль создал свою собственную легенду, и до недавнего времени мало кто осмеливался подвергнуть сомнению изложенные им версии происходившего в стране. Что же касается других участников всех этих событий, то только один Карабекир попытался явить свету свои мемуары при жизни Ататюрка и «пролить свет» на все рассказанное им. Конечно, Кемаль не удержался и, ознакомившись с творением своего бывшего соратника, ничего хорошего для себя в нем не увидел. И как вспоминали близкие к нему люди, чуть ли не после каждой строчки он яростно восклицал: «Какая чушь!»...

В конце октября в Турции была проведена первая перепись населения, а в апреле 1928 года произошло наконец то, о чем так страстно мечтал Кемаль: ислам перестал быть государственной религией. Со стен зданий были убраны монограммы султанов и изречения из Корана, а на улицах и пло-

щадях стало появляться еще больше статуй и портретов Кемалья. «У меня, — как-то в порыве откровенности заявил Кемаль, — нет религии, и очень часто мне хочется видеть все религии на дне моря! И тот, кто собирается править с помощью религии, является слабым правителем! Он стремится поймать народ в ловушку. Мой народ стремится постигнуть демократические принципы, познавая истину через научные знания! А это значит, что все религиозные предрассудки должны исчезнуть! Так давайте же доверимся свободной воле людей, и пусть каждый следует своей собственной совести и не пытается посягать на свободу других людей!»

Да, все так, и религиозные предрассудки должны, наверное, исчезнуть, и в то же время нетерпимый к ним Кемаль почему-то забывал о том, как в самые тяжелые минуты на фронте читал собравшимся у него командирам... Коран и, «призывая познавать истину через научные знания», пытался, так или иначе, толковать виденные им сны. И наверное, именно поэтому он постоянно подчеркивал в своих выступлениях, что его борьба направлена совсем не против религии как таковой, что она остается делом совести каждого гражданина новой Турции и что отделение религии от государства ни в коей мере не является символом безбожия, а продиктовано только желанием исключить ее использование в политике.

Отделив религию от государства, он был преисполнен желания покончить и с арабской письменностью. И не только из-за ее связи с исламом. Простому человеку было практически невозможно овладеть слишком сложным для понимания арабским алфавитом самому, и даже самые образованные люди делали огромное количество ошибок не только при письме, но даже при чтении.

Многие десятилетия в стране существовало как бы два отличных друг от друга языка: являющийся

по своей сути народным турецкий разговорный и османский — язык придворных кругов, совершенно непонятный для простых людей, и вопрос о замене арабской вязи на доступный всем латинский алфавит выходил далеко за рамки только языковедческой проблемы, поскольку это был вопрос будущего нации. И настроенный куда как решительно Кемаль уже в июне 1928 года создал в Анкаре специальный комитет, занимавшийся проблемой переложения турецкой фонетики на латинскую письменность. Затем новым алфавитом занялся сам Кемаль, постаравшийся как можно ближе приблизить фонетику к своему македонскому диалекту. Комиссия приняла все его замечания и тут же заявила, что переход на новый алфавит займет от пяти до пятнадцати лет. Кемаль громко рассмеялся. «Все будет сделано, — заявил он, — в несколько месяцев!» И ученым осталось только согласиться.

Через несколько дней Кемаль пригласил в Долмабахче учителей, журналистов и ученых и попросил их принять самое активное участие в создании специальных классов по ликвидации неграмотности. «Наш прекрасный и гармоничный язык, — сказал он, — должен теперь найти свое воплощение в новом турецком алфавите. Мы должны принять новые буквы для нашего прекрасного языка и освободиться от непонятных значков, в железных тисках которых наш мозг томился в течение веков... Научитесь без промедления новым буквам. Обучите им весь народ, крестьян, пастухов, грузчиков, лодочников. Рассматривайте это как патриотический и национальный долг. И помните о том, что восемьдесят процентов нации не умеют читать и писать и что это позор! Но мы с вами исправим эти ошибки. Наша нация еще докажет с этим алфавитом свое место в цивилизованном мире». На следующее утро у дворца была установлена огромная доска, и президент республики сам давал уроки всем желающим.

В 1929 году меджлис принял закон о переходе с арабского алфавита на латинизированный, и Кемаль сразу же назвал его «ключом, с помощью которого турецкий народ быстро научится читать и писать».

В первый раз в истории Турции речь Кемалья транслировалась по радио, и на многих зданиях Анкары горели буквы нового алфавита. По всей Турции были открыты «национальные школы», где население училось читать и писать. Процесс, что называется, пошел, и тем не менее Кемалю до самой смерти было суждено править, по сути дела, неграмотной страной, поскольку проводимые им реформы почти не коснулись турецкой деревни. Конечно, старания Кемалья не пропали даром, и число грамотных людей увеличивалось в Турции с каждым годом, но если уж быть совершенно объективным, то нельзя не сказать и о том, что одним из самых сильных стимулов социальной революции было все же не желание самого Кемалья, а массовый отъезд христианского населения, нанесший значительный урон хозяйству и культуре страны. Ну и конечно, благодаря ему Турция стала относительно гомогенной страной. В 1929 году был принят «Закон о турецком гражданстве», который положил конец остаткам капитуляционных норм.

Послушный воле Кемалья меджлис продолжал проводить в жизнь заимствованные из Европы законы и принял сделанный по немецкому образцу коммерческий кодекс и «Закон о банкротстве». Была реформирована судебная система, и даже появилась первая турецкая женщина-судья, создавались сельскохозяйственные кооперативы, значительно была увеличена протяженность железных дорог, что в значительной мере способствовало укреплению порядка в стране. И неслучайно в марте 1929 года парламент отменил «Закон об охране порядка». «Было бы несправедливо, — писала стам-

бульская «Джумхуриет», — понимать под национальной борьбой только военные операции в Анатолии... Лозаннский мир, уничтожение султаната и халифата, провозглашение республики, судебные реформы, упразднение текке и медресе, запрещение фески, выработка гражданского кодекса — все эти явления составляют различные последовательные фазы национальной борьбы...»

Глава 6

Мировой экономический кризис оказался для молодой республики серьезным испытанием, и все же он не стал для нее таким бедствием, как для других капиталистических государств. Особенности сельского хозяйства и принятые правительством меры не только спасли страну, но даже стабилизировали национальную валюту, и начиная с 1930 года Турция имела активное внешнеторговое сальдо. И тем не менее экономическое положение в стране было очень серьезным. Плохо обстояли дела с финансами, поскольку полным ходом шла национализация принадлежащих иностранцам предприятий и строились новые железные дороги, которым Кемаль придавал первостепенное значение для обороны страны и создания внутреннего рынка.

Положение осложнялось еще и тем, что Кемаль был полон решимости справиться с трудностями без привлечения западного капитала и был уверен в том, что его народ сумеет быстро выучиться и самостоятельно построить развитое общество. Тем не менее уровень жизни катастрофически падал, и совершивший в начале 30-х годов очередную поездку по стране Кемаль был поражен увиденным. «Где бы мы ни оказались, — говорил он, — на нас сразу же обрушиваются лавины жалоб. Повсюду бедность, упаднические настроения, нищета. И как ни печально, это ис-

тинное состояние страны! Но в этом нашей вины нет. Безответственные правители, не обращая никакого внимания на развитие мирового хозяйства, десятилетиями тащили нашу страну к пропасти. Большинство наших служащих совершенно некомпетентно. Наш бедный народ имеет способности, но он попал под влияние религиозных предрассудков, представленных ему как священные догмы».

Конечно, ничего уж особенно нового Кемаль из этой поездки не вынес: все те же ликующие толпы встречавших его людей, все те же льстивые речи чиновников и все та же бедность и нищета. И все же она навела его на вполне определенные размышления после так всех неприятно поразившего инцидента в Самсуне, где наводнивший город войсками в день приезда Кемаля правитель провинции генерал Кязым Инанч «позабыл» пригласить на встречу с президентом некогда числившегося в рядах прогрессивистов мэра.

Недовольный Кемаль сам вызвал чиновника и предложил ему выпить с ним раки. «Я уже обедал!» — к неопишуемому ужасу всех присутствующих, ответил не потерявший самообладания мэр. А когда оскорбленный его отказом Кемаль предложил ему уйти в отставку, мэр с непоколебимым спокойствием заявил, что служит не партии, а избравшим его людям. «Ну а если правительство больше не нуждается в моих услугах, — с нескрываемой насмешкой заявил он, — то оно может оспорить результаты выборов в суде!» Даже не испросив высочайшего изволения, он ушел, и давно не получавший таких пощечин взбешенный Кемаль сорвал всю свою ярость на посеревшем от страха генерале. «Вы видели, как ведет себя выбранный вами мэр? — кричал он. — И мне совершенно непонятно, как такой высокий пост может занимать человек, совершенно не умеющий себя вести! К нему в город приезжают гости, а он изволит обедать до встречи с ними! Они предлагают ему вы-

пить с ними раки, а он отказывается! И в конце концов он уходит из-за стола президента, даже не испросив на то разрешения!» Немного поостыв, он взглянул на убитого всем случившимся генерала и усмехнулся. «Этот человек, — уже спокойно произнес он, — больше не работает мэром!»

Но как бы там ни было, этот не потерявший собственного достоинства человек лишней раз убедил Кемалья в том, что рано или поздно, но в его полунищей стране обязательно найдется новый борец за «светлое будущее». И ему оставалось только одно: сыграть на опережение и сделать созданную им самим же оппозицию тем самым отводным каналом, по которому потечет общественное возмущение. Во главе «оппозиционной» партии он решил поставить известного своими прогрессивными настроениями Али Фетхи. «Я не собираюсь оставлять в Турции единоначалие, — убеждал Кемаль внимательно слушавшего его Фетхи, — и хочу создать либеральную республику. Я только номинально числюсь лидером Народно-республиканской партии и не собираюсь влиять на отношения между оппозицией и правительством!»

И все же Али Фетхи колебался. Да и как не колебаться? Ведь Кемаль предлагал ему не увеселительную прогулку по Мраморному морю, а весьма опасные игры на самом краю политической пропасти. Но в то же время ему представлялся пусть и небольшой, но все же шанс в борьбе с жестоким экономическим правлением Исмета. Как и у всякого политика, у Али Фетхи была своя собственная концепция по выводу страны из кризиса, и, намереваясь хотя бы частично провести ее в жизнь, он согласился. Кемаль удовлетворенно кивнул и, дав название новой политической организации, тут же продиктовал ее программу и составил список тех депутатов, кто должен был перейти из правящей партии в оппозиционную.

12 августа Свободно-республиканская партия была создана, и уже очень скоро Кемаль убедился не только в бессмысленности, но и в опасности своей затеи! Несмотря на всю свою условность, новая партия сразу же привлекла к себе всех недовольных жизнью, и первая же поездка Али Фетхи в Измир превратилась в самую настоящую демонстрацию против режима. Стоило ему только сойти с парохода, как он был окружен огромной толпой, и собравшиеся потребовали его немедленного выступления. Растерянный Али Фетхи бесцветным голосом выдал из себя несколько лозунгов, передал привет жителям Измира от «духовного руководителя нации» и как-то уж очень несмело произнес несколько критических слов в адрес Исмета. Но даже эти робкие замечания вызвали у собравшихся необычайный энтузиазм, и воинственно настроенная толпа тут же принялась громить редакции официальных газет и рвать портреты ненавистного Исмета! Затем измученные отсутствием свобод граждане двинулись к штаб-квартире Народно-республиканской партии и камнями выбили все стекла в ее окнах. А когда охранявшая здание служба безопасности открыла огонь и убила четырнадцатилетнего школьника, его отец положил тело сына у ног Али Фетхи. «Эта жертва, — сказал он, — принесена ради вас! Мы готовы на новые выступления, только защитите нас!»

Поставленный в весьма затруднительное положение Али Фетхи отделался туманными фразами и поспешил покинуть площадь. Но когда через три дня он снова выступил на ней, беспорядки начались с новой силой и полиции лишь с огромным трудом удалось навести в городе порядок, арестовав зачинщиков бесчинств.

В Манисе и Балыкесире повторилось то же самое. На одном из выступлений Али Фетхи снял шляпу, и вся толпа последовала его примеру, сначала сняв шляпы, а потом бросив их на землю, весьма красно-

речиво выразив таким образом свое отношение к введению новых порядков. А в некоторых местах его вообще встречали с исламскими знаменами как защитника веры от безбожной республики.

«Новая партия, — писал американский посол Гру, — стала своего рода термометром для измерения политической температуры в стране, и не было никакого сомнения в том, что страну лихорадит...» И ничего удивительного в этом не было. Да и какое дело крестьянам было до Бетховена и проблем языкознания, если в разоренных войнами деревнях не было самого необходимого! Не лучше дело обстояло и с рабочим классом, а тем самым образованным людям, на которых собирался делать ставку Кемаль, не очень-то нравилось постоянное закручивание гаек. Потерявшие все свое влияние клерикалы тоже были не в восторге от проводимой им политики, и, конечно, царившее в стране смирение было во многом показным и определялось не состоянием души успокоенного народа, а самым обыкновенным страхом перед властью: Но стоило этой самой власти лишь чуть-чуть ослабить поводья, как реакция последовала незамедлительно! Осмелевшие свободные республиканцы принялись жестко крикить правительству. Постоянно подливал масла в огонь и сам Кемаль, попросив стороны «не стесняться» и обещая быть «самым беспристрастным судьей в их споре». И те «не стеснялись», обвиняя друг друга во всех смертных грехах.

«Гази, — писал в своих воспоминаниях тот же Гру, — садился на свое обычное место и наблюдал за борьбой правительства и оппозиции». Кемаль следил за дебатами с сумрачным видом, и очень часто его голубые глаза светлели от гнева. Большинство из болтавших на трибуне людей вызывало у него откровенное презрение. Похоже, никто из них так и не понял, что, помимо их мелких личных интересов, существовали еще и интересы той самой

Турции, во главе которой они стояли! Конечно, ничего хорошего в однопартийной системе не было, но только от одной мысли о том, во что превратился бы меджлис, если бы в нем заседали представители нескольких ненавидевших друг друга партий, ему становилось не по себе. И он все чаще склонялся к мысли о том, что еще слишком рано переходить к дебатам и что страной должна править одна рука. Битвы в меджлисе продолжались, и своей высшей точкой борьба между партиями достигла во время муниципальных выборов, проводившихся в условиях жестокой дискриминации по отношению к представителям оппозиции. «Выиграет тот, — цинично заявил своему окружению Кемаль, — на кого я укажу!» И все же несколько мест оппозиционной партии он дал. А когда встретившийся с ним Али Фетхи пожаловался на открытую дискриминацию, Кемаль с нескрываемой насмешкой взглянул на него. «А вы бы хотели того, чтобы Народная партия прекратила свое существование и мы опять остались с одной партией?» И в конце концов все понявшему Али Фетхи не осталось ничего другого, как только заявить о «невозможности вести борьбу против самого Гази» и роспуске «своей» партии и снова отправиться за границу.

После ликвидации «либеральной оппозиции» Народно-республиканская партия снова стала единственной легальной партией в Турции. Ее генеральным секретарем был назначен Реджеп Пекер. Это был в высшей степени интеллигентный и в то же время безжалостный автократ, и вся его философия выражалась всего в двух словах: сила и принуждение...

И все же, как поговаривали близкие к Кемалю люди, он был не очень-то доволен таким мирным исходом и очень сожалел, что у него нет повода объявить в стране очередную «охоту на ведьм», как это было после восстания курдов. Но стоило ему

только обмолвиться об этом, как такой повод сразу же нашелся!

Предвестником новых репрессий послужило появление в небольшом городке Менемене в окрестностях Измира дервиша Мехмета, провозгласившего себя мессией и собиравшегося сбросить пришедших к власти безбожников. На площади, где новоявленный мессия водрузил зеленое знамя ислама, сразу же собралась огромная толпа сочувствующих, и ободренный поддержкой Мехмет заявил, что город окружен семьюдесятью тысячами его сторонников.

Несколько находившихся на площади офицеров попытались разогнать собравшихся, однако сделать это не удалось, и тогда к ним на помощь поспешил отряд полиции под командованием лейтенанта Кубилая. Лейтенант выстрелил в Мехмета холостым патроном, дервиш в свою очередь тоже нажал на спуск и смертельно ранил Кубилая. Тело несчастного лейтенанта перенесли во двор мечети, где ему отрезали голову и под аплодисменты насадили ее на кол. Полицейские открыли огонь, но уже в следующую минуту были разорваны в клочья озверевшей толпой. И с беспорядками было покончено только после того, как на площади появился большой отряд полиции и убил Мехмета и его спутников.

Давно уже привыкшие ко всему депутаты не видели своего президента в таком гневе, поскольку он был убежден (или старался убедить себя) в том, что выступление верующих в Менемене являлось только частью существовавшего против него заговора, так или иначе связанного с распущенной Свободно-республиканской партией и инспирированного снова почувствовавшими свободу газетами! Разъяренный Кемаль приказал ввести на довольно большой территории Западной Анатолии военное положение и послал туда военный трибунал во главе со свирепым генералом Мустафой Муглали. Кемаль был до того разгневан, что потребовал объ-

явить Менемен «проклятым городом» и стереть его с лица земли, а жителей депортировать!

«Ни один из фанатиков не получит пощады, — гремел он, — даже если это будут женщины, казни не замедлят себя ждать! А все эти писаки должны постоянно трястись за свои жизни и как огня бояться военного трибунала!» Что же касается ордена Накшибенди, к которому принадлежал этот самый Мехмет, продолжал Кемаль, то он должен раз и навсегда прекратить свое существование. И внимательно слушавший его Исмет сразу же согласился с тем, что все эти фанатики «должны быть представлены как предатели и необходимо расследовать их связи со свободными республиканцами».

Однако не все оказалось так просто, следователи буквально сбивались с ног, разыскивая виновных, но даже при всем своем желании они так и не сумели найти никаких доказательств вины оппозиционной партии и прессы по той простой причине, что их просто не было! Тогда их взоры обратились на членов братства Накшибенди, и даже такие веские оправдания, что ортодоксальные последователи ислама Накшибенди не могли поддерживать мессианские заявления Мехмета, находившегося к тому же, по заверению свидетелей, в состоянии наркотического опьянения, не произвели на генерала Муглали никакого впечатления. Возглавлявший орден старый шейх Эсад был брошен в тюрьму, где вскоре и умер, а его сын и еще 27 членов братства были повешены. Вот так из маленькой искры при большом желании можно было раздуть большой пожар, и далеко не случайно многие французские газеты писали о том, что этот инцидент был инсценирован самим Кемалем, желавшим во что бы то ни стало скомпрометировать им самим же и созданную Свободно-республиканскую партию, к которой сразу же потянулись недовольные его режимом. Но как бы там ни было на самом деле, пусть и весьма умеренный террор снова

был пущен в дело, и Кемаль еще раз предупредил всех своих врагов, как опасно становиться у него на дороге! Погибшему от рук фанатиков Кубилаю был поставлен в Менемене памятник, ну а Кемаль как ни в чем не бывало продолжил свои выступления перед народом.

В апреле 1931 года по инициативе намеренного подкрепить политический суверенитет государства созданием национального языка и истории Кемаля было образовано Историческое общество. И увлечение Кемаля историей было далеко не случайным. Ведь именно в те годы была широко известна теория национального самоопределения, согласно которой владение той или иной территорией должно было подтверждаться «историческими правами» на нее. И в свете этой теории сразу же возникал вопрос, как же быть в таком случае с Турцией, чья территория пестрела памятниками, оставленными хеттами, греками, византийцами, римлянами, армянами и еще десятком народов. Что, в свою очередь, означало, что пришедшие позже всех в Малую Азию турки не имели никаких «исторических прав» на свою землю!

Кемаля подобные воззрения не устраивали, и для того чтобы выбить почву из-под ног у подобных толкователей истории, он призвал турецких историков найти предков современных турок среди древнейших обитателей Малой Азии. «В мире, — заявил Кемаль собранным им для работы ученым, — нет более великой и почитаемой нации, нежели турецкая, и она являлась таковой и до принятия мусульманской религии!» Принявшийся за работу вместе с учеными Кемаль диктовал им целые отрывки и постоянно вносил свои исправления, и уже в 1930 году в стране появились «Очерки турецкой истории», повествующие о том, как тюрки переселялись со своих родных мест в Центральную Азию и вносили решающий вклад в мировую цивилизацию.

И в тезисе об автохтонности турецкого народа доля истины, конечно, была! Современные турки и на самом деле являются преемниками и продолжателями истории всех тех народов Малой Азии, которые населяли ее до прихода сюда тюркских племен и затем вошли в состав турецкой народности и нации. Что же касается сведений о собственно древних тюрках, то они и на самом деле уходят в седую старину, и уже в древних китайских летописях говорится о вынужденном переселении тюркских племен в V веке из Северо-Восточного При Тяньшанья на Алтай. Именно с Алтаем связывается первое упоминание о племенном союзе «тюрков», и именно из Центральной Азии начинается через столетие его выход на историческую сцену и развитие древнетюркской государственности каганатов, закончившееся образованием огромной и могучей Османской империи.

Однако вдохновленные Кемалем и поставленной перед ними задачей историки стали заходить слишком уж далеко и в своих выводах принялись усердно доказывать, что именно турки являются наследниками великих древних цивилизаций, игравших решающую роль в зарождении и развитии мировой цивилизации, и что именно они внесли решающий вклад в развитие всей Юго-Восточной Европы. А большинство из них и вообще стали сторонниками теории, доказывающей извечность обитания турок как этнической общности чуть ли не со времен неолита. И основной мыслью многих из них стала та, что колыбелью мировой культуры была Средняя Азия, в понятие которой они включали Алтай и Памир, где турки появились как культурная белая раса уже в IX тысячелетии до нашей эры. Но ничего удивительного и уж тем более странного в этом не было! Где и какие исполнявшие определенный заказ историки свято следовали истине!

Да и не могли они, прекрасно знавшие, чего хотел от них не прощавший вольнодумия Кемаль, иначе! Можно понять и самого Кемалья, стремившегося с помощью пусть даже и такой истории вселить в народ желание продолжать вносить вклад в дальнейшее развитие мировой цивилизации. Всячески превознося свой народ, Кемаль тем самым давал нации новый мощный заряд энергии, и, что бы там ни говорили, в те трудные для страны дни моральное состояние общества стоило дорогого. Другое дело, что чрезмерное усердие турецких ученых не могло не привести к другой крайности — чрезмерному возвеличиванию турецкой нации над всеми другими.

Отдавая дань истории, Кемаль не мог пройти и мимо языка, поскольку у прародительницы мировой цивилизации должен был быть и соответствующий ее высокому статусу язык. Для чего в 1932 году и было создано Общество турецкого языка. Дабы доказать первичность турецкого языка, Кемаль взял за основу теорию известного австрийского лингвиста Х. Квергича, согласно которой все языки произошли из восклицаний наблюдавшего природу древнего человека. Ну и само собой понятно, что первое такое восклицание принадлежало туркам! С подачи Кемалья эта гипотеза была переработана турецкими лингвистами в их собственную «солнечную теорию». Исходявшие из того, что главным культом древнего человека был культ солнца, а самым простым звуком человеческой речи «а», они объявили турецкое слово «аг» («свет, белый») изначальным словом всех языков мира. И само слово «ариец» являлось, по их мнению, производным от слияния «аг» и «ар», где под последним словом подразумевалось турецкое «ер» — «мужчина, человек». Именно это и дало повод создателям «солнечной теории» провести неразрывную связь между арийцами и турками и перенести прародину первых в Среднюю Азию.

Ну а затем дело стало доходить до смешного, и поскольку турецкий язык насчитывал всего сорок тысяч слов и значительно уступал развитым языкам, Кемаль принялся не только сам выдумывать новые слова, но и потребовал подобных нововведений от каждого приходившего к нему. Для чего и установил в своей столовой специальную доску. Что же касается новых технических терминов, то для их создания была образована специальная комиссия, и, как утверждали некоторые шутники, в конце концов Кемаль изобрел еще более непонятный язык, на котором и произнес мало кем понятную речь на приеме в честь шведского принца Густава Адольфа.

Он и в дальнейшем не отступит от своей идеи и, совершая в ноябре 1937 года путешествие по только что построенной линии железной дороги в расположенные на юго-востоке страны курдские районы, отметит свое пребывание там переименованием в соответствии с «солнечной теорией» Диярбекира в Диярбакыр. Ведь корень слова «бакыр» по-турецки означает «медь». Не останется без его внимания и переименованный в Элязыг Элязыз. Сделав остановку в Адане и вдоволь налюбовавшись установленной в городском саду своей скульптурой, он тут же объяснит, что название Тарсус происходит от древнего тюркского племени теркеш.

Ну и конечно, увлеченный своими идеями Кемаль не мог пройти мимо «участия» турецкого языка в исламе. Коран был переведен с арабского на турецкий, а традиционный эзан — призыв мусульман к молитве — звучал с минаретов теперь уже на турецком языке. Но Кемалю и этого было уже мало, и 18 июля 1932 года высшие духовные лица Стамбула объявили о том, что наряду с эзаном на турецком языке будет проходить и камет (начало молитвы). Некоторые верующие возмутились, и небольшая группа мусульман выразила публичный протест против нововведения в

самой большой мечети Бурсы. Все они были сразу же арестованы, власти сообщили в Анкару о «разгуле реакции», а правительство тут же получило сотни телеграмм с требованием наказать «реакционеров».

Однако год назад жестоко расправившийся с фанатиками из Менемена Кемаль на этот раз был настроен куда более благодушно. Он сам отправился в Бурсу и заявил, что не придает никакого значения случившемуся! Ведь на этот раз причиной беспорядков явилась не религия, а язык! «И каждый должен понять, — заявил он, — что наш национальный язык только придаст целостность всей нашей жизни!» Но в то же время, на всякий случай напомнил он, любая попытка использовать религию в политических целях будет безжалостно подавлена! И хотя на этот раз кровь не пролилась, несколько местных чиновников были уволены, а зачинщики беспорядков осуждены.

В мае 1931 года Кемаль был в третий раз избран президентом и тогда же на партийном знамени появились знаменитые «Шесть стрел» Гази, шесть принципов, составлявших его политическую и философскую концепцию: республиканизм, национализм, народность, революционизм, ляиклык (секуляризм) и этатизм. И одну из главных ролей в осуществлении последнего играл Исмет. По своей сути этатизм являл собою форму государственного капитализма, при котором многие частные предприятия работали под контролем государства, и тем не менее журнал «Кадро» представлял кемализм как некий третий путь между капитализмом и социализмом, наиболее приемлемый для развивающихся стран, где власть принадлежала просвещенной элите.

Конечно, ничего нового в этом не было и, по сути дела, Турция повторяла уже пройденный в США путь, получивший название «нового курса», в основе которого лежала разработанная президен-

том Рузвельтом система экономических мероприятий. Впрочем, сам Кемаль, будучи прагматиком до мозга костей, никогда не задавался теоретическими вопросами и постоянно повышал участие государства в экономической жизни страны. И хотя особых успехов в экономике он не достиг, сметавший все на своем пути экономический кризис не убил молодую республику, и в ней не только появились построенные при участии государства и частного бизнеса фабрики, но и было воспитано первое поколение турецких специалистов.

Ну и конечно, Кемаль продолжал уделять значительное внимание развитию культуры, и по его инициативе многие «народные дома» превращались в активные клубы, в которых молодежь занималась театром, музыкой и спортом. Помимо «народных домов», в стране появились женские училища, где девушки и женщины обучались не только материнству, шитью и хозяйству, но и искусству делать цветы из бумаги. В рекордные сроки Ахметом Аднаном, представлявшим молодую группу воспитанных в западных традициях композиторов, занимавшихся с благословения Ататюрка переложением анатолийских народных мелодий на западный манер, была поставлена опера «Озсой». И это лишний раз подчеркивало его страстное желание сделать турецкую культуру национальной по содержанию и западной по форме. Ну а поскольку автор прославлявшего его подвиги эпического произведения «Лидер», как ему казалось, недостаточно использовал в нем чисто турецкие слова, он сам правил текст.

В другой привлечшей его внимание пьесе он вычеркнул рассуждения автора о любви как о забаве. «Думать о любви подобным образом, — написал он на полях, — значит принижать ее!» Мечтавший видеть среди своих соотечественников великих художников, композиторов и скульпторов, он и здесь оставался твердым прагматиком, считавшим, что

искусства должны служить прогрессу страны, бичевать реакцию и способствовать дружбе Турции с ее соседями и друзьями. И вполне понятно, что только воспринимавшие его идеи художники могли рассчитывать на его покровительство.

Да что там художники, если даже воспитанию официантов Кемаль придавал первостепенное значение и на одном из митингов заявил о том, что стране необходимы специалисты, умеющие накрывать столы и обслуживать своих клиентов так, как это делается во всех цивилизованных странах. Но при этом, постоянно подчеркивал он, не следует готовить слишком много блюд, поскольку это наносит вред не только здоровью, но и экономике. И подобное пожелание недоброжелатели Кемалья тут же объяснили не только его равнодушием к еде, но и плохим состоянием сельского хозяйства. Но как бы там ни было, главной задачей всех этих клубов, школ и домов являлась пропаганда западной цивилизации. И несмотря на все издержки, Турция в 30-е годы являла собою страну с устоявшимся порядком и не имевшим оппозиции, прагматичным правительством.

Глава 7

После разгона оппозиционной партии в Турции не могло быть и речи о сколько-нибудь острых политических спорах, и центр общественной и политической жизни переместился на виллу президента. Именно там, за обеденным столом Кемалья, обсуждались новые назначения и министры тасовались как карточная колода. Ну и конечно, плелись интриги против тех, кто мешал «привычным джентльменам»! И как уже очень скоро выяснилось, больше всех им мешал не кто иной, как сам Исмет! В чем в общем-то и не было ничего удивительного: примерный се-

мьянин и очень воздержанный человек, он так и не смог сблизиться с весьма распушенной, на его взгляд, компанией президента. Да и сами «привычные джентльмены», чувствуя в нем совершенно инородное для них тело, косо посматривали на недолюбливавшего их премьера, и в конце концов к их личным антипатиям к нему добавились и деловые. Всячески опекая верой и правдой служивший Народной партии «Деловой банк», ближайшее окружение президента постоянно требовало для него все новых привилегий и, преследуя свои далеко не бескорыстные интересы, часто хлопотало за того или иного бизнесмена, даже если за ним стояли иностранные фирмы. И всякий раз у них на пути вставал твердокаменный Исмет, не желавший идти на поводу даже у самых близких к президенту людей!

Неуступчивость Исмета раздражала, и в конце концов они начали оказывать на него давление через самого Кемалья. Хорошо зная о тех теплых чувствах, какие питал их хозяин к Исмету, они действовали с великим знанием дела, то и дело очень ненавязчиво подставляя премьер-министра и очень надеясь на то, что рано или поздно болевший за свое дело премьер выскажет свое неудовольствие. Так оно и случилось! И когда с их подачи был снят министр экономики Мустафа Шереф и Исмет действительно вспылал, обиженный на него Кемаль не подал ему после ужина руки. Правда, в тот же вечер Исмет прислал Кемалю записку с уверениями в своей преданности. «Вы великий человек, Исмет! — написал ему уже отошедший Кемаль. — И я даже не сомневаюсь в том, что Вы расчувствуетесь, когда будете читать мое послание, точно так же, как и я, получив Ваше! Я люблю Вас и не сомневаюсь в Ваших ответных чувствах!»

Конечно, все эти «люблю Вас» и «не сомневаюсь» выглядели чересчур уж сентиментально для такого человека, каким был Кемаль, но, по всей ви-

димости, между двумя этими так не похожими друг на друга людьми и на самом деле существовали никому не видимые нити, которые не могли порвать даже всемогущие «привычные джентльмены»! И наверное, именно поэтому оставшийся до конца дней своих очень одиноким человеком Кемаль так цеплялся за дружбу с преданным ему Исметом. Да, в конце концов он удалит его от себя, но сделает это на удивление мягко, и, что самое главное, Исмет никогда не будет его личным врагом, как те же Рауф и Карабекир. И даже в их расхождении не было ничего удивительного. Каким бы ни был лояльным по отношению к Кемалю Исмет, он был премьер-министром, и ему совсем не хотелось выслушивать чьи-либо советы, даже если они исходили от самого президента, весьма далекого от хозяйственной жизни страны.

И, говоря откровенно, у него были все основания быть недовольным поведением президента! Ухудшение здоровья Ататюрка и частая смена его настроения постоянно грозили самыми непредсказуемыми последствиями. Если раньше, приняв то или иное сомнительное решение, на следующий день президент, что называется, «отходил», то теперь Кемаль все чаще и чаще продолжал настаивать на нем. Но особенно Исмету не нравилось то, что в последнее время Кемаль уже не делал особой разницы между работой и отдыхом и зачастую весьма важные для жизни страны решения принимал за обеденным столом. Не был он в восторге и от привычки президента сопровождать застолье уничижительной критикой его министров. Да, он пока терпел, но и его терпение могло оказаться небеспредельным...

Временное, как им всем казалось, примирение Кемалья с премьер-министром не смутило его окружение, и как только Исмет отказал в кредите владелице стамбульского ночного бара «Черная роза»,

где любил бывать сам просивший за нее Кемаль, они снова принялись плести вокруг премьер-министра свою густую паутину, надеясь рано или поздно запутать его в ней. И кто знает, чем бы закончилась вся эта возня, если бы Кемаль так вовремя не сорвал свой гнев на одном из своих секретарей, Тевфике, вымогавшем взятку у египетского принца Аббаса Хильми за содействие в получении выгодных нефтяных концессий. Тем не менее «привычные джентльмены» продолжили свою подрывную работу и сделали все возможное, чтобы назначить министром экономики всегда с пониманием относившегося к их пожеланиям директора «Делового банка» Джеляля Байяра, которого давно уже наметили на место самого Исмета. Сделав шаг к заветному креслу, тот сразу же дал Кемалю верноподданническую телеграмму, выдержанную в лучших традициях султанских чиновников. «Я счастлив, — писал он, — идти по открытому вашим гением, лучше всех других знающим, что надо нашему народу, пути!» И в своем довольно пространным ответном послании Кемаль выразил надежду на то, что в тяжелом положении национальной экономики наконец-то произойдут сдвиги.

Конечно, Исмет был возмущен навязанным ему Байяром, но, хорошо зная, откуда дует ветер, продолжал работать с часто сидевшим за президентским столом министром. По воле Кемалья этот самый стол давно уже превратился в своеобразный полигон, за которым Кемаль испытывал «на прочность» или, что будет вернее, «на верность» интересовавших его людей. Дабы как можно быстрее выяснить «кто есть кто», он с большим знанием дела ставил своих высокопоставленных гостей, и, разгоряченные вином и спором, те очень часто говорили то, о чем следовало бы молчать. Конечно, с точки зрения общепринятой морали это выглядело не очень порядочно, но тот, кто думает, что правя-

щая элита представляет собою тесно сплоченное единство самых что ни на есть высоконравственных людей, очень сильно заблуждается на этот счет. Да, тот же Исмет был национальным героем и ему симпатизировал сам Кемаль, и тем не менее это не имело ровным счетом никакого значения для его противников. А раз так... поливай грязью, рано или поздно имевший уши услышит тебя! И поливали! Не так чтобы сразу и из ушата, а тонко и планомерно. Впрочем, хозяин сам подавал им пример, нападая на Исмета в присутствии его врагов и критикуя их при нем. Но все же куда больше он слушал. И когда в один прекрасный вечер перебравший спиртного бывший член Суда независимости доктор Решит Галип обрушился с жесткой критикой на министра просвещения Эсада Мехмета, не разрешившего женщинам-учителям выступать в анкарском «народном доме», недовольный чрезмерной горячностью гостя Кемаль попросил его сбавить пыл и отзываться более уважительно о своем учителе. Тот отказался, и тогда Кемаль попросил его выйти из-за стола. «Я не сделаю этого, — заявил окончательно забывшийся Галип, — поскольку это не ваш личный стол и он принадлежит всей нации!» И тогда сам Кемаль покинул обед.

Ко всеобщему удивлению, быстрый на расправу Кемаль не только не наказал его, но и назначил... министром просвещения! И тот оправдал его доверие, реорганизовав Стамбульский университет и много и успешно работая с бежавшими из гитлеровской Германии еврейскими учеными, внесшими значительный вклад в развитие высшего образования в Турции. Но чем больших успехов добивался чувствующий мощную поддержку Кемалья Галип, тем больше он терял чувство меры и в конце концов снова вступил в пререкания с ним.

Однако тот и на этот раз повел себя весьма странно и, не обращая никакого внимания на его

дерзость, предложил ему выпить вместе с ним раки. Но как только Галип уселся в кресло, к нему подошли стоявшие у двери охранники и, высоко подняв его кресло, бросили его на пол. «Вот так, — сверкнул глазами Кемаль, — мы поднимаем людей, а потом ставим их на место!» И напрасно расстроенный Галип умолял Кемалья простить его: тот даже не стал его слушать. А однажды, когда разыгравшись за его столом страсти стали перехлестывать через край и разразился самый настоящий скандал, он с посветлевшими от презрения ко всему человеческому роду глазами воскликнул: «Да замолчите вы все и запомните раз и навсегда! Я могу возвеличить человека, но, если он так и не поймет и будет считать, что своему возвышению он обязан только своим способностям, я отброшу его в сторону, как булыжник!»

И эти слова объясняют многое, ибо это уже слова политика, ценившего людей не по способностям, а по преданности себе. «Когда Кемаль основал новое государство, — совершенно откровенно писал в своих воспоминаниях один из самых близких к нему людей, — в его распоряжении оказалось очень мало по-настоящему образованных и знающих свое дело людей. Притока мозгов в Анкару не было, а многие из думающих и способных людей были вообще настроены против нового режима». Да и что можно было ждать от людей, которые на вопрос Кемалья «Что есть ноль?» не моргнув глазом отвечали: «Мы в вашем присутствии, паша!» — «Но ноль тоже очень важная цифра!» — усмехнулся польщенный Кемаль. «Такими должны быть и мы, — мгновенно нашелся один из льстецов, — но только при условии, если находимся рядом с вами!» И унижался этот человек не зря: через две недели Кемаль назначил его на весьма ответственный пост в правительстве.

Трудно сказать, насколько уж на самом деле беззаветно были преданы ему все эти люди, но, когда на

одном из вечеров в стамбульском парке неожиданно погас свет, «привычные джентльмены» мгновенно закрыли хозяина своими телами и с пистолетами в руках простояли так около часа. И далеко не случайно все они, за исключением Реджепа Зюхтю, изгнанного из-за стола Кемалья за убийство своей любовницы, оставались с ним до самой его смерти. Другое дело, что, оказавшись по своей собственной воле среди преданной ему серости, в первую очередь от окружавших его совершенно неинтересных людей страдал сам Кемаль! И как знать, не от этого ли внутреннего одиночества шла его удивительная сентиментальность и любовь к животным. И надо было видеть его глаза, какими он смотрел на только что родившегося на его конюшне жеребенка, и с какой любовью заботился о своей лошади, носившей весьма символичное имя Сакарья! А какую неподдельную радость вызывал в нем его любимый пес Фокс? Как гласит легенда, была у него и еще одна собака, обыкновенная дворняжка. Тем не менее Ататюрк очень любил ее и даже разрешал ей спать в своей спальне. Как-то вечером не в меру разошедшийся пес укусил его за руку, и вышедший из себя Кемаль приказал избавиться от него. Управляющий фермой понял его приказание слишком буквально и, умертвив животное, сделал из него чучело. Увидевший своего любимца в таком виде Кемаль пришел в неопишемую ярость и, отругав перепуганного до полусмерти управляющего последними словами, приказал немедленно убрать чучело. В другой раз грубоватый Салих Бозок решил потешить компанию и выпустил живого перепела в тот самый момент, когда подавали жаркое из этих птиц. Перепуганная птица не нашла ничего лучшего, как бухнуться в тарелку президента, и с той поры Кемаль больше никогда не ел перепелов...

И все же еще относительно здоровый в те годы Кемаль занимался не только выяснением отноше-

ний между своими министрами, но и пытался принимать активное участие во внешней политике. Напряжение в мире не спадало, и он был полон решимости доказать, что уже вкусившая всю прелесть обладания покоренными народами и вдоволь навоевавшаяся в своей истории Турция не собирается претендовать на чужие земли и что завоевательное прошлое империи навсегда похоронено под ее обломками. Хорошо познав на своем богатом опыте, что такое война, Кемаль стремился превратить свою страну в самый мирный уголок на в высшей степени взрывоопасном Востоке.

«Мир дома — мир во всем мире!» — любил повторять он, и именно этим лозунгом определялась его внешняя политика. В те годы он встречался с такими видными политиками, как король Афганистана Амануллах, японский принц Такамуцу, король Ирака Файсах, король Югославии Александр и греческий лидер Венизелос.

Но какую бы важность всем этим мероприятиям ни придавал сам Кемаль, по большому счету это были уже мало что решавшие представительные встречи, и он все дальше и дальше уходил от активной жизни. И по всей видимости, он уже в те годы переживал тот самый внутренний разлад, о котором так неосторожно упомянул еще в 1929 году на праздновании десятилетия республики. В глубокой задумчивости смотрел он на веселившихся вокруг людей, и неожиданно у него вдруг вырвалось: «Я уже ничего не чувствую!» И в отношении этой в общем-то знаменательной фразы можно строить самые различные предположения. Возможно, в конце концов сказалось то невероятное напряжение, в каком он провел последние сорок лет, и привыкшему к постоянной борьбе, ему стало смертельно скучно в спокойной и уже не щекотавшей нервы жизни. «В нашей стране, — жаловался он своему секретарю Хасану Ризе, — президент нужен только

для того, чтобы подписывать документы! Мне скучно до слез. Целый день я предоставлен сам себе. Все заняты своими делами, а я выполняю свою работу за один час! Затем передо мной стоит весьма небогатый выбор: отправляться спать, читать либо писать хоть что-нибудь. Если я захочу подышать воздухом, мне надо брать для этого машину. А если я остаюсь дома, то должен либо играть сам с собой в бильярд, либо слоняться в ожидании обеда. Впрочем, и обед не вносит разнообразия. Где бы я ни сидел за стол, меня окружают все те же люди, все те же лица, все те же разговоры...»

Да что там говорить, это уже настоящий крик души, и, читая эти строки, можно подумать, что Кемаль снова оказался в каком-нибудь забытом богом гарнизоне в Сирии. А возможно, с ним происходило совсем другое, и скорее уже подсознательно-понимая, что он выполнил свою историческую задачу и уже достиг своего предела, Кемаль мучился тем, что так и не сумел превратить Турцию в ту самую процветающую страну, какой он всегда видел ее в своих мечтах. Взгляните на его фотографии тех лет — и вы увидите все, что угодно: печаль, затаенную грусть, глубокую задумчивость погруженного в себя человека, познавшего нечто недоступное другим, но только не радость! Хотя жизнь он, конечно, любил во всех ее проявлениях. Чтение, музыка, танцы, бильярд, верховая езда, спорт, женщины — все это было в ней, но, по всей видимости, не имело для него никакой самостоятельной ценности, и, отдав долг миру внешнему, он постоянно уходил в совершенно другие измерения, куда вместе с ним не мог проникнуть уже никто...

Но как бы там ни было на самом деле, по своему образу жизни он стал напоминать такого средневекового короля, вверившего управление своей страной первому министру и повсюду искавшего развлечений. Проснувшись во второй поло-

вине дня, Кемаль начинал день с просмотра утренних газет, выпивая при этом несколько чашек кофе и выкуривая пять-шесть сигарет. Вообще же он выпивал до двадцати чашек кофе и выкуривал три пачки сигарет в день. Затем он принимал ванну и... начинал свое тягостное ожидание ночи. Что бы он сам ни говорил о наводящих на него тоску обедах, но по-настоящему он оживал только в полночь, когда к нему приходили гости. И достаточно только ознакомиться с записками одного из его охранников, чтобы понять, в какую муку начинала превращаться для него жизнь!

«Восьмого декабря... Его Превосходительство Гази встал в 15.25, в 17.00 он отправился на ферму, вернулся в 19.15. Спать лег в 3.30...

Девятого декабря... Его Превосходительство встал в 13.15, в 16.15 уехал в город, вернулся в Чанкайя в 18.00. Спать лег в 4.30. Принимал двух министров и «привычных джентльменов»...

Десятого декабря... Его Превосходительство президент встал в 17.30. Из дому не выходил и просидел с гостями до 5.30...

Одиннадцатого декабря... Его Превосходительство президент встал в 15.30, в 21.15 уехал в болгарскую оперетту, вернулся в 00.30, лег спать в 5.30...»

И конечно, такой образ жизни никак не подходил для пятидесятилетнего мужчины, каким в то время был Кемаль, привыкший к напряженному труду и постоянной борьбе! И однажды с болью в сердце наблюдавший за его мучениями секретарь не выдержал. «Вы, — в великом отчаянии воскликнул он, — не заметили бы, как летит время, если бы продолжали работать так, как вы работали в годы борьбы! Но поскольку вы из кровати садитесь за стол, а из-за стола ложитесь в кровать, время тянется для вас медленно, а жизнь превращается в довольно нудное занятие!»

К великому удивлению ожидавшего взрыва другого его секретаря Хасана Ризы, Кемаль лениво заметил: «Если бы мы не знали его как честного человека, мы бы наказали его!»

Такая жизнь не могла не ослаблять нервы, и иногда Кемаль срывался так, как он сорвался на одном из приемов в честь Дня республики, когда увидел на египетском после феску. С трудом сдерживая себя, он в довольно резкой форме заметил, что посол будет чувствовать себя намного лучше без навоящего на него такую тоску головного убора. Правда, некоторые газеты давали совсем другую версию случившегося, и по ней Кемаль просто-напросто приказал египтянину снять раздражавшую его феску и положить ее на серебряный поднос.

Несказанно обиженный подобным обращением посол выразил свой протест, и лишь с большим трудом турецкие дипломаты сумели доказать отсутствие злого умысла в действиях президента. Инцидент был исчерпан, на следующих приемах посол безнаказанно щеголял в своей красной феске, а Кемаль продолжал шокировать окружающих его людей своим становившимся все более эксцентричным поведением. В одну прекрасную ночь он приказал привезти к нему на виллу немецкого композитора Пауля Хиндемита и, когда его распоряжение было исполнено, предложил изумленному подобной бесцеремонностью немцу... поиграть для его гостей.

Помимо всех своих прочих развлечений, Кемаль очень любил азартные игры, но куда больше выигрыша его привлекала сама игра. И как-то выиграв у бывшего с ним почти целую ночь в покер посла Британии сэра Перси Лорейна крупную сумму, он отказался взять у него деньги. Случалось ему и работать. Правда, вся эта работа сводилась опять же к встречам с иностранными гостями, участию в конференциях, поездкам по стране и посе-

щению военных маневров. И тем не менее очень многим казалось, что президент вел жизнь, полную удовольствий. Да он и сам любил повторять, что, как и всякий добившийся успеха человек, счастлив. Однако близкий к нему Якуп Кадри считал его одним из самых несчастных людей, каких он когда-либо видел, поскольку та жизнь, какую он был вынужден вести, совершенно не отвечала его внутренним потребностям. Даже изгнанный из страны Карабекир говорил о том, что ведет куда более насыщенную жизнь, нежели окруженный «несказанной помпой» Кемаль. И уж конечно, на его настроении сказывалось постоянное потребление алкоголя, сопровождавшееся длительными депрессиями.

В июне 1934 года Кемаль принял историческое решение о введении в Турции фамилий. Основная масса населения имела только имена, что создавало в стране великую путаницу, и старая система уже не могла соответствовать новому государству. Многие видные генералы и государственные деятели брали в фамилии названия тех местностей, где они сражались и работали, и тот же Исмет теперь уже официально стал Исметом Иненю, что не мешало его матери и братьям взять себе другие фамилии.

Что же касается тех людей, которых принято называть «простыми», то они избирали своими фамилиями профессии своих отцов и названия местностей, где родились. Многие брали фамилии, прославлявшие мужские и общечеловеческие добродетели, и в считанные дни в стране появилось огромное количество «стальных», «решительных», «твердых» и «железных»! Нередкими стали и такие искусственно образованные фамилии, как «юртсервер» («любящий родину»), «демирель» («железная рука») и многие-многие другие! И надо заметить, что подобные фамилии являлись не только отра-

жением требований нового времени, но и тех чувств, какие начинали испытывать турки к своей нации. В чем и не могло быть ничего удивительного, поскольку слово «турок» совсем недавно стало означать принадлежность к определенной нации, а не «мужлана» и «невежду», как это было в Османской империи на протяжении шести веков. Совсем не случайно эти самые «мужланы» и «невежды» становились «любящими родину» и «твердыми как скала», и, что бы там ни говорили, эти фамилии, так или иначе, отражали заложенную Кемалем идеологию возвышения своей нации.

Ну а сам Кемаль взял себе именно ту самую фамилию, какую и должен был взять! Ататюрк, Отец турок! И что бы там ни говорили, в этом имени был заложен великий смысл! Его родная сестра Макбуле стала теперь Атадан, а все его приемные дочери получили свои собственные фамилии. Чтобы еще больше укрепить уверенность турок в своем равенстве, в ноябре 1934 года меджлис отменил все традиционные в Османской империи титулы пашей и беев, а также обращения эфенди, ханым и ходжа. Правда, в повседневной жизни от всех этих изменений толку было мало, генералов по-прежнему называли пашами, а бей и ханым все так же ставились после имени того, к кому обращались.

Другим важным нововведением был запрет духовным лицам носить свои одеяния в общественных местах, что еще больше понизило их авторитет и значимость. 2 февраля 1935 года знаменитая Святая София, ставшая мечетью сразу же после завоевания турками Константинополя в 1453 году, была превращена в музей. А в мае 1935 года новый закон определил выходным днем воскресенье, а не традиционную для мусульман пятницу.

К середине 30-х годов проводимые Ататюрком реформы были закончены, и поскольку ему уже было больше нечего и некого бояться, он разре-

шил шестнадцать независимым кандидатам принять участие в состоявшихся в феврале 1935 года выборах, и одним из них был хорошо известный генерал Рефет Беле. Впервые в выборах приняли участие женщины, и восемнадцать из них стали депутатами. Другим нововведением было назначение четырех депутатов-немусульман: двух греков, одного армянина и еврея, которым по странному стечению обстоятельств оказался один из лечащих врачей Ататюрка.

1 марта 1935 года Ататюрк был избран президентом республики в четвертый и теперь уже в последний раз. В это же время, не очень-то довольный развитием дел в партии, он раз и навсегда разобрался с ней. Как ни опекал Кемаль созданную им партию, тем не менее он так и не позволил ей подмять под себя государство. И когда побывавший в нацистской Германии и уже довольно могущественный Реджеп Пекер предложил поставить верных партийцев в каждую администрацию, Ататюрк недобро взглянул на него. «И кто же будет выбирать этих хулиганов?» — вкрадчиво спросил он тоном, не предвещавшим ничего хорошего. Это была его не первая схватка с генеральным секретарем из-за дискуссий об усилении партийной власти в стране. Однажды он уже попытался давить на правителя Измира и друга Ататюрка генерала Кязыма Дирика, отменив его распоряжение, и тогда Ататюрк, сурово отчитав его, встал на сторону генерала. Ну а когда смущенный Пекер перевел разговор и, высоко отозвавшись о фашистской системе, предложил кое-что позаимствовать из нее, Кемаль, смерив его еще более уничижительным взглядом, холодно сказал: «Вы сделаете это после моей смерти!»

И конечно, ему было чего опасаться: у него перед глазами стоял пример Советского Союза с его пришедшими к власти партийными чиновниками, и он не мог не понимать, что это означает гибель

для страны. Помимо всего прочего, это была попытка, так или иначе, потеснить на воздвигнутом им пьедестале его самого, а этого он допустить не мог! В преддверии партийного съезда он в довольно жестких тонах настоятельно посоветовал приглашенному на ужин в Чанкайя Реджепу более внимательно подбирать партийные кадры и не назначать приехавшего из Фракии партийного чиновника куда попало! Пекер был взбешен устроенной ему публичной поркой и демонстративно покинул обеденный зал, и не привыкший к таким демаршам Ататюрк снял его.

На следующий день Исмет Иненю объявил о назначении генеральным секретарем партии министра внутренних дел Шюкрю Кайя и о том, что она будет управляться президентом, премьер-министром и министром внутренних дел, а все региональные инспекторы и провинциальные правители отныне будут возглавлять местные партийные организации! Таким образом Ататюрк предупредил сползание Турции к тоталитарному партийному правлению, и, к великому счастью для страны, хозяином Турции осталось государство.

Тем временем международная обстановка продолжала ухудшаться, в октябре 1935 года Муссолини захватил Эфиопию. Ататюрк не удивился. Не испытывавший ни малейшего уважения к этому, как он называл его, «комедианту в солдатском одеянии», он всегда говорил о том, что рано или поздно в нем обязательно проснется дух римских цезарей.

Трудно сказать, насколько это правда, но он предсказал и то, что рано или поздно дуче «будет повешен своим народом». И когда в один прекрасный вечер итальянский посол «достал» его своими откровенными намеками о притязаниях Италии на все ту же Анталю, Ататюрк вышел из комнаты. Но уже через несколько минут он вернулся в нее... в

маршалской форме, на которой висело огромное количество полученных им наград. Величаво усевшись на своё место, Ататюрк холодно предложил послу продолжать, и, подавленный величественным видом восседавшего напротив него человека, тот, так и не вымолвив ни единого слова, поспешил откланяться. Но по-настоящему продолжавший постоянно вещать о своих притязаниях на африканские и азиатские территории Муссолини беспокоил Ататюрка после того, как принялся укреплять Додеканесские острова и проводимая им политика начинала серьезно угрожать безопасности Турции. Ему пришлось выезжать с инспекцией войск на юг и даже выходить на борту миноносца в море. И конечно, он без особых рассуждений присоединился к принятым против Италии Лигой Наций санкциям. На чем весьма удачно сыграла Англия, которая сразу же начала внушать Анкаре, что она не только способна оградить Турцию от итальянской угрозы, но и может разрешить проблему Проливов, по-прежнему являвшихся самой сильной головной болью Ататюрка.

И его голове было от чего болеть! Как и накануне Первой мировой войны, на Ближнем Востоке все ту же затягивался узел противоречий между западными державами, и, конечно, Ататюрка не могла не волновать ситуация с Проливами, поскольку установленный в Лозанне режим больно бил по безопасности Турции. Лишенная права укреплять зону Проливов и пропускать через них военные корабли, Турция в любой момент могла оказаться в весьма тяжелом положении. И хотя Анкара неоднократно заявляла о необходимости пересмотра Лозаннской конвенции, та же Англия постоянно выступала против. Но теперь было совсем другое дело! Угроза военных действий против Италии в Средиземном море требовала определенных уступок Турции. К тому же появлялась еще одна прекрас-

ная возможность вбить клин в отношения Турции с Советским Союзом. И в конце 1935 года Англия заключила с Турцией так называемое «джентльменское соглашение», по которому та обязалась оказывать ей свое содействие в случае конфликта с Италией. Таким образом она одним выстрелом убивала двух зайцев: заручалась военной поддержкой Турции и, так или иначе, втягивала ее в русло своей политики. Ну и взамен Англия обещала поддержать Турцию на предстоящем пересмотре режима Проливов.

В апреле 1936 года Анкара направила всем принявшим участие в Лозаннской конференции державам ноту, а уже в июне с благословения Англии начались переговоры в швейцарском городе Монтре. Как и всегда в подобных случаях, они проходили в сложной обстановке, как-никак, а на повестку дня были вынесены два жизненно важных для собравшихся вопроса: проход военных кораблей черноморских стран через Проливы и допуск в Черное море военных флотов нечерноморских государств. Снова начался ожесточенный торг, и уже очень скоро конференция стала заходить в тупик из-за разногласий между Западом и СССР. И прекрасно понимавший, что без подписи представителя Советского Союза на новой Конвенции о Проливах она просто не будет иметь никакой силы, Ататюрк через министра иностранных дел Араса согласился на советское требование о праве прохода через Проливы военных кораблей крупного тоннажа черноморских держав. После долгой подковоерной возни новая конвенция была подписана, международный контроль над Проливами был упразднен и Турция наконец-то стала единоличным стражем и контролером Проливов как в мирное, так и в военное время!

Это была блестящая победа турецкой дипломатии, и неслучайно известные ученые Гёнлюбол и Сар писали: «Конвенцию, заключенную в Монтре,

следует считать одним из самых важных достижений турецких руководителей во главе с Ататюрком в период между двумя мировыми войнами... Восстановление турецкого суверенитета в Проливах укрепило авторитет Турции в международных отношениях». Именно в Монтре началось еще более тесное сближение Турции с Англией, и известный историк Эмер писал по этому поводу: «После конференции в Монтре Турция стала связана со своим новым другом Англией значительно теснее, чем с Советским Союзом».

Конечно, заключенный в Монтре договор, как, наверное, и любой когда-либо подписанный договор, мог быть совершеннее, и тем не менее он явился новой большой победой Ататюрка. И в те самые дни, когда турецкие войска входили в расположенные на Проливах форты, по всей стране прошли торжества, а сам он достойно отметил это славное событие в кругу близких ему людей. И теперь ему оставалось только одно: вернуть стране Александретту!

На протяжении целых пятнадцати лет Турция не заговаривала о куда как важных для нее районах, входивших в находившуюся под французским мандатом Сирию. Но в 1936 году, когда в воздухе запахло порохом, тянуть с игравшим слишком важную роль на южных границах санджаком было уже нельзя. И, отправляя делегацию на переговоры с Францией в Женеву, Ататюрк был категоричен. «Там, — заявил он, — будет создано независимое турецкое государство под нашей гарантией!» И это самое «независимое государство» он назвал Хатай, по имени живших в Китае тюркских племен.

В середине ноября Ататюрк сильно заболел, врачи потребовали как следует отдохнуть и отказаться от алкоголя. Но возникшие проблемы с легкими были сущей чепухой по сравнению с первыми признаками уже развивавшейся в нем смертельной бо-

лезни. Однако зуд в ногах (один из первых симптомов цирроза печени) врачи приписали наличию комаров, Ататюрк отправился на воды в Ялова, а вилла в Чанкайя была тщательно дезинфицирована. Болезнь только усилила его решимость заполучить санджак, он начал переброску войск на юг, и в газетах сразу же стали появляться весьма многообещающие заголовки: «Мы сумеем защитить наши права. И если необходимость защищать нашу честь приведет нас к войне, вся ответственность за нее ляжет на Францию!» Напряжение нарастало, и Лига Наций пошла на компромисс, даровав санджаку полную самостоятельность во внутренних делах и в то же время оставив его связанным с Сирией в вопросах внешней политики и денежного обращения. Но вошедшему во вкус Ататюрку этого было мало! Тем более, что в самом санджаке турецкое население всячески уклонялось от участия в выборах в сирийский парламент и дело дошло до вооруженных столкновений с властями. И хотя Лига Наций послала в санджак «нейтральных» наблюдателей и предложила Турции и Франции начать переговоры с участием шведского посредника, Ататюрк проявил характер и стал угрожать выходом из нее.

«Если наше правительство, — заявил с его одобрения один из высших турецких дипломатов, — не сможет решить вопрос при помощи белых книг, то турецкий народ даст ему сколько угодно красных чернил для выпуска красной книги!» Не остались в долгу и французы, в свою очередь обвинившие турок в разжигании страстей и нападении на представителей других общин. Прошедшие в такой напряженной обстановке выборы в парламент турки проиграли, и Анкара тут же обвинила Францию и «нейтральных» наблюдателей в дискриминации турецкого населения. Ататюрк провел демонстративное совещание с начальником генерального штаба и, несмотря на плохое самочувствие, совершил поездку на юг, пос-

ле чего сразу же появились слухи о сосредоточении турецких войск на границе с Сирией и твердом намерении Гази отвоевать санджак.

Весной 1938 года там начались уличные столкновения между турками и остальным населением. Французские колониальные власти своим поведением только подливали масла в огонь, а комиссия Лиги Наций проявила в этой сложнейшей ситуации полнейшее бессилие. И все же у Франции хватило ума не начинать войну с Турцией, и ее правительство предпочло потерять Александретту, нежели остаться без поддержки Турции в случае войны на Средиземном море.

3 июля 1938 года в Антакье было подписано соглашение, и турецкие войска незамедлительно вступили на территорию санджака. Были проведены новые выборы, турки получили 22 места в парламенте из 40, и посланец Ататюрка Тайфур Сёкмен стал президентом «независимого государства» Хатай. И хотя окончательно Хатай перешел к Турции только на следующий год, когда Ататюрка уже не было в живых, возвращение столь важной со всех точек зрения провинции стало его прощальным подарком нации.

Одержав очередную победу, Ататюрк принял участие в последнем акте драмы по снятию Исмета. Слишком уж не понравилось ему поведение его свехосторожного премьера во время дебатов относительно ввода войск в Хатай, на которых тот выслушал от разгневанного президента немало неллицеприятных слов. Да и медлительность на устроенной по инициативе Британии и Франции конференции в небольшом швейцарском городке Ноене, на которой речь шла о мерах против пиратских действий итальянских подводных лодок, тоже восторгов у него не вызвала. «Да разве можно управлять страной, боясь собственной тени?» — в сердцах воскликнул он, когда Исмет в очередной раз начал уговаривать его быть осмотрительнее.

Как и предполагал сам Исмет, недовольство им постарались усилить «привычные джентльмены», и все чаще и чаще до Ататюрка стали доходить слухи о том, что ему остался только почет, а реальная власть в стране давно уже принадлежит Исмету. Положение усугублялось постоянным раздражением плохо себя чувствовавшего Ататюрка, и нетрудно догадаться, какое впечатление производили на него слухи о всеилии его премьер-министра и его собственной слабости! Ататюрк и без того был весьма удручен своей пассивной ролью, и не надо было обладать какой-то сверхъестественной прозорливостью, чтобы понять, что дни Исмета сочтены.

Появившиеся в их отношениях трещины после дискуссий вокруг Хатая и соглашений в Ноене еще больше увеличились из-за споров вокруг ферм президента, которые давно уже превратились в образцовые хозяйства и сделали Ататюрка одним из самых состоятельных людей Турции. Но стоило только Ататюрку через своих доверенных лиц пожелать, чтобы государство выкупило у него все принадлежавшие ему фермы, но при этом все доходы от них поступали бы в фонд партии, как он сразу же наткнулся на возражения своего премьер-министра, не видевшего никакого смысла платить за собственность, приобретенную на средства государства. Тогда Ататюрк сообщил ему о решении передать фермы государству без каких бы то ни было условий, и Исмету не оставалось ничего другого, как только поблагодарить президента.

Тем не менее конфликт продолжался, поскольку, помимо ферм с самой передовой по тому времени техникой, Ататюрк имел еще пивоваренный и сыроваренный заводы, маслобойню, фабрики по переработке шерсти, сеть магазинов и почти сорок тысяч овец. Но когда не без участия президента было принято решение расширить принадлежавшие ему предприятия и построить еще несколько новых,

и в том числе еще один пивной завод, в суд поступило заявление от владельца частного пивного завода в Стамбуле, который возражал против преждевременного изъятия у него концессии. Стоявший на стороне закона Исмет Иненю выступил на стороне потерпевшего, и «привычные джентльмены» тут же принялись распространять слухи о том, что родственники и друзья Иненю имеют свои собственные интересы в этом заводе.

Исмет был приглашен со всем своим кабинетом на ужин в Чанкайя, и, как только министры уселись за столом, Ататюрк обрушился на министра сельского хозяйства, обвинив его в отсутствии должного ухода за фермами. Расчет оказался правильным, Иненю не выдержал и, к великой радости своих недругов, заявил о том, что президент должен критиковать не министра, а назначенных им самим управляющих. Что же касается его личных интересов в стамбульском заводе, продолжал он, то президенту вряд ли пристало слушать распространяемые его недругами сплетни. «Вы, — уже окончательно теряя выдержку, заявил он, — даете свои указания из-за стола и тем самым создаете для нас большие проблемы!» Однако, как гласит легенда, Исмет в тот вечер выразился куда определеннее и после разноса его министру в сердцах воскликнул: «И до каких же, интересно, пор эта страна будет управляться из-за стола пьяниц?» Конечно, уже в следующую секунду он спохватился. Но было уже поздно. Вопрос был задан, и Ататюрк не замедлил с ответом. «Кажется, вы забыли, — произнес он ледяным тоном, в упор сверля взглядом премьера, — что один из этих пьяниц назначил вас на ваш пост!»

И тем не менее снова проявивший несвойственный ему либерализм Ататюрк решил оформить расставание с Исметом по-дружески. 19 сентября он вместе с ним отправился в Стамбул на вторую конференцию Исторического общества. В пути он пригласил Исмета к себе в купе и сообщил ему, что им

какое-то время надо поработать отдельно. Ну а поскольку парламент был в отпуске, ему предлагалось уйти в отставку по болезни. Давно готовый к подобному повороту Исмет не произнес ни слова и сразу же по прибытии в Стамбул уехал в свой дом на Принцевых островах. Правда, конференцию он все же посетил, и первое, что он сделал, появившись на ней, так это передал президенту записку, в которой спрашивал: «Вы не очень сердиты на меня?» — «Нет, я уже все забыл! Вы по-прежнему мой друг и брат!» — ответил ему Ататюрк. Президент и на самом деле не хотел рвать отношения с Исметом и вскоре пригласил его на военные маневры под Измиром. И как говорили, он даже признался одному журналисту в том, что, затеяв всю эту эпопею со сменой премьер-министров, он только заполучил совершенно ему ненужную головную боль.

Но как бы там ни было, 25 октября 1937 года премьер-министром Турции стал Джелаль Байяр. Не обмолвившись ни словом об истинной причине смены председателя правительства на сессии парламента, Ататюрк только заметил, что «мы не собираемся пересматривать свои принципы!». В ответном слове Байяр заявил, что источником вдохновения для работы нового правительства является Ататюрк, и его речь стала примечательной хотя бы потому, что слово «лидер» в ней он употребил девятнадцать раз. И надо ли говорить, что новый премьер-министр и его покровители из окружения президента делали все возможное, чтобы лишить Исмета возможности вернуться во власть. Как и всегда в таких случаях, они использовали любой повод, и стоило только болельщикам устроить посетившему футбольный матч Исмету Иненю бурную овацию, как весьма недовольному этим Ататюрку было доложено о том, что смещенный им премьер ищет поддержки у народа.

6 ноября парламентская группа Народно-республиканской партии собралась для обсуждения новой программы правительства, и близкий к Ататюрку Салих Бозок потребовал от Исмета объяснений. Тот извинился за свою дерзкую выходку на вилле и выразил крайнее удивление устроенной ему на стадионе овацией. Хотя ничего странного и уж тем более удивительного в том, что народ приветствовал человека, которого сам Ататюрк сделал вторым после себя героем войны за Независимость, конечно, не было. Закончив свои объяснения, Исмет тут же заявил, что он очень устал и хочет как следует отдохнуть. Салих был удовлетворен, и вскоре Фалих Рыфкы сообщил Исмету о том, что Ататюрк расценивает события на стадионе как выражение нацией ее благодарности за оказанные ей услуги и выражает свою уверенность в том, что его испытанный товарищ и впредь будет пользоваться заслуженным уважением в стране.

И все же думается или, во всяком случае, хочется думать о том, что причины всей этой истории лежали гораздо глубже, нежели симпатии или антипатии к Исмету ближайшего окружения Ататюрка или его нерешительность при вводе войск в какую-то там провинцию. За прошедшие годы проводимая Ататюрком политика этатизма вызвала заметное развитие промышленности в Турции, и, конечно, жесткий Исмет был хорош тогда, когда надо было проявлять твердость и не идти ни на какие уступки. Но уже с середины 30-х годов ситуация в мире, а значит, и в самой Турции начинала меняться, крепла национальная буржуазия, страна все больше сближалась с Западом и неизбежно вставал вопрос о привлечении в страну иностранного капитала. Новое время требовало новых исполнителей, и рано или поздно правительство должен был возглавить куда более знающий и гибкий руководитель, каким и являлся по отношению к Исмету Джеляль Байяр. И если пусть и инту-

итивно почувствовавший необходимость такой рокировки Ататюрк возвысился над своими личностными отношениями и именно по этой причине сменил уже начинавшего отставать в своем развитии Исмета, то он лишний раз заслуживает самой высокой похвалы. Хотя на самом деле все могло быть, конечно, намного проще...

Глава 8

Несмотря на постоянное нервное напряжение и многолетнее потребление раки, мощный от природы организм Ататюрка до поры до времени справлялся и с обрушившимися на него двумя сильнейшими сердечными приступами, и с продолжавшей трепать его малярией, и с мучившими его в течение многих лет почками. Сказывалось пребывание на воздухе (он много работал на ферме), езда верхом и плавание в море. Но если совсем еще недавно он был способен провести за столом всю ночь, а утром как ни в чем не бывало отправиться на военные маневры, то теперь подобные подвиги давались ему уже с огромным напряжением. Летом 1937 года признаки развивавшейся в нем смертельной болезни становились все заметнее, и тем не менее, в отличие от проводивших чуть ли не всю жизнь за закрытыми дверями своих дворцов султанов, Ататюрк продолжал бывать и в кафе, и на всевозможных выставках, и на морском берегу. И где бы он ни появлялся, его всегда окружали огромные толпы желавших взглянуть на своего президента людей. Не оставлял он своим вниманием и женщин, и французский военный атташе полковник де ля Вильнев не раз видел выходящего из номера «Парк-отеля» Ататюрка, где останавливалась молодая и красивая венгерка.

Несмотря на постоянное недомогание, он оставался все тем же Ататюрком, непреклонным и ре-

шительным, и когда призывавший мусульман на молитву муэдзин прервал его танец, уже через несколько дней вызвавшая неудовольствие президента мечеть по какому-то странному стечению обстоятельств была закрыта, а минарет снесен с лица земли! И хотя официальной версией его разрушения было объявлено строительство важного объекта, мало кто сомневался в том, что истинной причиной его исчезновения с лица земли послужило крайнее недовольство Ататюрка.

Впрочем, этот рассказ вряд ли что мог добавить ко всем тем бесчисленным легендам и сплетням, которые ходили об Ататюрке и его образе жизни по всей стране. А он даже и не пытался хоть как-то скрыть его. И когда в один прекрасный вечер он зашел в какой-то ресторан выпить с другом раки и его хозяин сразу же плотно закрыл шторы, Ататюрк тут же приказал ему снова открыть их. «Пусть все видят, — спокойно пояснил он, — как мы едим и пьем раки! Вся эта скрытность только увеличивает сплетни!»

Всякий раз, когда он выходил на своей яхте, ее сразу же окружало огромное количество лодок и катеров, и тогда он с бокалом вина в руке обращался к сидевшим в них людям. «Друзья мои, — восклицал он, — этот напиток называется раки. Я часто пью его, и сейчас я поднимаю мой бокал за вас!» Конечно, ничего страшного в бокале вина, выпитого вместе с пришедшими посмотреть на своего легендарного президента людьми, не было. Беда заключалась в другом: несмотря на явные признаки болезни, Ататюрк и не думал бросать свои привычки и продолжал развлекаться подобным образом, проводя ночи напролет с друзьями. Однако высыпающая в декабре на его теле и приносящая ему большие мучения сыпь заставила его серьезно обратить внимание на свое здоровье. Он отправился на минеральные воды в Ялова, и вот тогда-то заведовавший клиникой Нихат

Решат Белгер пришел к страшному выводу, что сыпь является признаком цирроза печени, и весьма тактично сообщил об этом президенту. «Зуд, — осторожно подбирая слова, сказал он, — является признаком очень серьезной болезни, вызванной вашей едой и особенно питьем». Понял ли его Ататюрк? Да, конечно, понял, но от своих привычек не отказался.

1 февраля Ататюрк отправился в Бурсу на открытие новой шерстеперерабатывающей фабрики. Как и всегда, он произнес пламенную речь, а затем вернулся в Стамбул, где и продолжил свои ночные застолья в «Парк-отеле», куда к нему чуть ли не каждый вечер приходил Байяр. Но уже очень скоро он почувствовал себя очень плохо. У него поднялась высокая температура и началась жестокая лихорадка с пневмонией. Целых две недели он приходил в себя, а едва поправившись, сразу же отправился в Анкару на заседание Совета Балканской Антанты. В дороге у него пошла носом кровь, и лишь с огромным трудом перепуганным врачам удалось остановить ее. И это был еще один признак его смертельной болезни.

Опасаясь, как бы известие о его тяжелом недуге не повлекло за собой нежелательные повороты в политике западных держав, он запретил вызывать к нему иностранцев, и пока его пользовали только турецкие врачи. Но положение ухудшалось с каждым днем, в конце концов Байяр уговорил его вызвать специалиста из-за границы, и вскоре известный французский профессор Фиссенгер прибыл в Анкару и подтвердил поставленный президенту диагноз. Цирроз печени в Турции неслучайно называли «он проглотил монстра», и всем посвященным в страшную тайну уже было ясно, что с этим монстром не справиться даже их непобедимому Гази. Фиссенгер был краток. «Вы, — безапелляционно заявил он, — были командиром во многих сражениях, но теперь командовать буду я!» И Ататюрку

не оставалось ничего другого, как подчиниться. Цирроз не был оппозицией, которую можно было запугать или запретить, это была сама судьба, а с судьбой бороться было бессмысленно даже ему.

Ататюрк повел самый умеренный образ жизни со специальной диетой и полным отказом от алкоголя. И теперь он уже не обманывал врачей, выкуривая намного больше, чем ему разрешалось, и выпивая тайком стакан раки. Страх смерти оказался сильнее непреклонной воли делать то, что ему хотелось. Покой и диета сыграли свою роль, весной Ататюрк почувствовал себя намного лучше, 19 мая он посетил парад в честь своего прибытия в Мерсин и почти сорок минут простоял под обжигающим солнцем. Конечно, он устал, но, когда адъютанты попытались было поддержать его, он с презрительной усмешкой на крепко сжатых губах слегка оттолкнул их. И те нисколько не обиделись на него. Не мог же великий и непобедимый Гази явить свою слабость в присутствии боготворившей его армии!

Немного отлежавшись, Ататюрк отправился на юг, где в преддверии выборов в Хатае было сосредоточено около трехсот тысяч турецких войск, призванных оказывать давление на Францию. И, потрянуv стариной, он провел инспекцию стоявших в Мерсине и Адане частей. На этот раз он не произнес ни одной речи, но одно его присутствие подействовало на французов угнетающе, и они даже не сомневались в том, что он введет свои войска в Хатай. Затем последовали не менее утомительные поездки в близлежащие города, с утра до вечера занятые встречами, обедами и разговорами. И только вечером неизменно устававший за день Ататюрк мог немного отдохнуть. Развалившись на диване, он часами слушал турецкие мелодии по граммофону и время от времени что-то негромко произносил вслух. Видимо, музыка навевала на

него какие-то философские размышления. А впереди еще был более продолжительный парад в Тарсусе и Адане, где он принял участие в празднованиях, посвященных освобождению города от французов.

Поездка очень утомила его, но он продолжил ее и даже сумел найти в себе силы посетить археологические раскопки недалеко от Мерсина. Оттуда вконец измученный Ататюрк отправился в Анкару, проведя ночь в тяжелом забытии в купе, в котором стоял неповторимый запах апельсинов. Утром ему стало совсем плохо, и у одного из встречавших его в Анкаре министров при виде с трудом выходящего из поезда президента невольно вырвалось: «У него кожа мертвеца!»

26 мая Ататюрк навсегда оставил Анкару и отправился в Стамбул. Ему устроили торжественную встречу, и по красной ковровой дорожке он спустился к набережной, где находился его знаменитый на весь Стамбул «Эртогрул». Из-за появившихся отеков ему было трудно стоять, и все же он, преодолевая боль, остался на палубе и долго слушал восторженные крики собравшейся на пристани огромной толпы. Но по дороге в свою резиденцию во Флории он почувствовал себя настолько плохо, что его отвезли назад в Долмабахче. Чтобы хоть как-то порадовать находившегося в угнетенном состоянии духа президента, Джемаль Байяр с одобрения правительства приобрел в Англии за полтора миллиона долларов «Саварону» — великолепно оснащенную морскую яхту, построенную для какого-то американского миллионера, — и от имени нации подарил ее Ататюрку. Увидев буквально летавшую по волнам морскую красавицу, не идущую ни в какое сравнение с его начинавшим разваливаться верным «Эртогрулом», Ататюрк с грустной улыбкой заметил: «Я ждал эту яхту, как ребенок ждет обещанную ему игрушку... Неужели она станет моей могилой?»

Никто не ответил ему. Но Ататюрк уже и не нуждался ни в чьих откровениях и, заглянув как-то в попавшуюся ему под руку медицинскую энциклопедию, с грустью заметил: «Похоже, мои дни сочтены...»

Ну а пока он нашел себе новое развлечение и стал ходить в небольшое кафе, где в далекой теперь уже молодости любил пить вино и слушать музыку. Вина он теперь, понятно, не пил, но подолгу с видимым удовольствием смотрел на танцующих молодых людей. И, наблюдая за веселой молодежью, он не мог не сравнивать ее с собой. Да, в их годы он был другим! Впрочем, иначе и быть не могло, ведь у него было особое предназначение, и в том, что теперь эти молодые люди могли беззаботно танцевать и смеяться, была его заслуга. Но больше всего Ататюрк любил слушать игру на лютне. И кто знает, какие картины видел в эти сладкие для него минуты Гази, задумчиво смотревший на игравшего. Его полный несказанной грусти взгляд странно поголубевших глаз был устремлен сквозь окружавших его людей, и вполне возможно, что он видел далекие картины своей молодости, когда он, молодой и полный сил, вот так же сидел в дешевых кафе и мечтал о будущем своей Турции...

Иногда в кафе заходили курсанты военного училища, и он рассказывал им о сражениях на Галлипольском полуострове, Сакарье и горящем Измире. И молодые люди, несказанно счастливые возможностью прикоснуться к живой легенде, почтительно внимали не знавшему поражений великому полководцу, овеянному славой стольких славных побед. Но на их лицах было написано выражение не только великого почтения к прославленному воину, но и чувство глубочайшей благодарности за все, что сделал для их нации этот великий человек, заслуженно носивший свою громкую фамилию. Все правильно! Отец турок, и лучше не скажешь! И если бы не его

воля и энергия, они вряд ли бы стали офицерами и, вместо того чтобы учиться военному делу, работали бы на итальянских или французских помещиков. И смотревший на них слегка затуманившимся взглядом Кемаль мог быть доволен. Да, его полная лишений и без остатка отданная нации жизнь давала хорошие плоды, и в каждом из сидевших с ним за столом курсантов была частичка и его самого, которая будет жить вечно, сначала в них, а потом в их детях и внуках. А ради этого стоило жить и бороться так, как жил и боролся он!

Помимо посещений кафе, Ататюрку очень нравилось плавать по Босфору и Мраморному морю на своей уже так хорошо известной всем жителям Стамбула великолепной «Савароне». Довольно часто он посещал и так хорошо известный ему остров, где бывал с Али Фуадом. Сойдя с яхты, он подолгу стоял на берегу и смотрел в морскую даль. Да, именно здесь много лет назад жгли они костры, пили дешевое вино, читали стихи и клялись родине в любви! И он сдержал свои клятвы, достойно пронеся эту любовь через всю жизнь.

Как уже очень скоро выяснилось, в Кемале и по сей день был еще жив юношеский дух, и он даже не подумал возвращаться в Стамбул после того, как на море появились первые признаки шторма и дальнейшее путешествие в Зонгулдак стало опасным. Несмотря на свои превосходные морские качества, легкая «Саварона» не была предназначена для плавания по бурному морю, и тем не менее Ататюрк, словно не замечая испуга находившихся на борту гостей, почти всю дорогу простоял на мостике, задумчиво глядя на игравшие до самого горизонта волны. А когда уже не на шутку встревоженная команда собиралась рубить мачты, улыбающийся Ататюрк поставил на граммофон пластинку с зейбеком, под которую его гости отплясывали, направляясь в Зонгулдак. И веселая музыка сделала свое дело, хотя куда боль-

ше уверенности членам экипажа и гостям придавал сам хозяин яхты, продолжавший хранить олимпийское хладнокровие.

Ататюрк полюбил в те дни не только морские прогулки, но и выходы в публичные места отдыха горожан, где его можно было часто видеть вместе с постоянно сопровождавшей его Юлькю. И надо было только видеть, как теплели его глаза, когда он смотрел на это милое создание с татарскими чертами лица и монгольскими глазами. Еще бы, ведь эта ласковая девочка была для него олицетворением молодости, а значит, и вечной жизни, о которой невольно думается на склоне лет.

Боялся ли он, чувствовавший себя все хуже и хуже, надвигающейся смерти? Наверное, боялся, как ее боится всякий нормальный человек. И как тут не вспомнить о той великой жертве, какую приносят подобные ему люди, бросая свои жизни на алтари отечества! Да, в его слишком раннем уходе, наверное, была и его собственная вина, слишком уж беспорядочную жизнь он вел и слишком велика была его зависимость от так любимой им рабы. Но как и в каких единицах высчитать нанесенный его некогда могучему организму вред тем нечеловеческим напряжением, в котором он пребывал в течение многих лет? Да и как еще можно было расслабиться на Сакарье или на тех же Проливах, где грозила грянуть Вторая мировая война? Конечно, в тяге к вину и женщинам при желании можно увидеть и распущенность, и слабость, и порок, которого так в свое время боялась его любимая мать. Но ведь давно уже доказано психологами, что все те излишества, какими отличался Ататюрк, являются у людей такой судьбы отнюдь не пороком, а своеобразной отдушиной, позволяющей им хоть как-то снять то нечеловеческое напряжение, в каком они пребывали целыми десятилетиями.

В конце августа он снова почувствовал себя плохо, и приехавший к нему Фиссенгер на этот раз даже не улыбался и, осмотрев Ататюрка, тут же предупредил министра внутренних дел Шюкрю Кайя, что президент может умереть в любую минуту. Ну а сам Ататюрк в это время писал находившейся в Женеве Афет письмо, в котором жаловался на ошибку врачей, вовремя не распознавших его болезнь. Но поскольку общее его состояние было пока еще весьма удовлетворительным, он очень надеялся на выздоровление. А посему просил Афет не беспокоиться. Тем более, что с ним все это время была его сестра Макбуле, которую его охрана называла не иначе как Бююк Байян (Великая Леди). Была с ним и его шестилетняя Юлькю, на которую он обратил всю свою так и не растраченную отцовскую любовь.

Что же касается еще одной его приемной дочери, Зехры, то, как утверждала французская полиция, она покончила с собой, бросившись под поезд. И надо ли говорить, с какой заботой и любовью ухаживали за ним самые близкие ему люди, старавшиеся хоть как-то скрасить последние дни его жизни. Ну а поскольку ему было уже трудно сидеть, для него было привезено из Лондона специальное кресло, в котором он мог полулежать в полный рост, что давало ему возможность не только читать, но и писать.

Глава 9

В последние дни своего пребывания на земле Ататюрк часто вспоминал свою молодость, и конечно, ему было приятно видеть приехавшего из Лондона Али Фетхи. Что бы там ни говорили, но для любого человека именно воспоминания о его юности остаются самыми светлыми в жизни, а люди из этой са-

мой юности — самыми желанными гостями. И теперь, когда все обиды и недомолвки отступили далеко-далеко и не надо было больше ничего выяснять и спорить, им было о чем поговорить и что вспомнить. Впрочем, говорил в основном только Али Фетхи, а Ататюрк только слабо улыбался, вспоминая давно позабытые лица и уже начинавшие стираться из памяти события. И, глядя на полузакрытые глаза своего старого приятеля, Али Фетхи все больше убеждался в том, что его старинный приятель Кемаль и на самом деле оказался великим человеком. Да, он не был выдающимся мыслителем и не изобрел новых теорий, и его величие заключалось в другом! Конечно, выдумать что-либо стоящее очень трудно, но все же куда труднее осуществить задуманное. И пока десятки философов возводили на страницах своих книг стройные теории, его друг и приятель совершил, казалось бы, невозможное и не только построил совершенно новое государство на развалинах Османской империи, но и, закалив и выпестовав его, дал ему долгую и, как он надеялся, счастливую жизнь! И что бы там ни говорили, но одних теорий для этого было мало, здесь требовались совсем другие качества: способная преодолеть любые преграды стальная воля, смелость, амбиции, вера в себя и, конечно, огромная любовь к той самой земле, на которой ты родился! К счастью для них, такая любовь у Ататюрка была. Конечно, можно было до бесконечности рассуждать о том, чего же в нем было больше, любви к родине или двигавших его по жизни амбиций. Но... какой в этом был смысл?.. Любовь и амбиции не товар, и на весы их не положишь! И трижды прав был Гегель! Ничто великое в этом мире без великой страсти не делается, а все остальное... уже не важно...

Когда Али Фетхи пришел к слабевшему день ото дня Ататюрку в последний раз, он собирался о многом сказать ему, но... так и не сказал... Да и не было у него таких слов, какими он мог бы выразить с

невыразимой печалью смотревшему на него приятелю все то, что он сейчас чувствовал. И вместо длинных и в любом случае трудных для них обоих объяснений, он сделал то, что, наверное, и должен был сделать! Опустившись на колени перед кроватью Ататюрка, он прижался лицом к его руке и на целую минуту застыл в этой одновременно скорбной и почтительной позе. Поцеловав некогда крепкую руку старого приятеля и с трудом сдерживая подступившие к глазам слезы, он прошептал: «Спасибо тебе за все, Кемаль!» — «Прощай, Али...» — ответил ему слабым пожатием руки Ататюрк. Али Фетхи встал и, отвесив с каким-то уже потусторонним выражением в глазах смотревшему на него приятелю низкий поклон, покинул дворец. Светило яркое октябрьское солнце, пахло цветами и морем, и было что-то неестественное между застывшей во всем своем блеске природой и тем, что происходило сейчас в одной из комнат только что покинутого им дворца. Али Фетхи взглянул в высокое прозрачное небо, и очень многое из того, что когда-то волновало и тревожило его, показалось настолько мелким и ничтожным...

Другим частым гостем Ататюрка стал и другой его друг юности, Али Фуад. Усевшись рядом с кроватью, он с затаенной грустью смотрел на старого товарища, и вполне возможно, что только сейчас, когда некогда сжигавшие их страсти улеглись и Кемалю оставалось провести на этой земле считанные дни, он начинал по-настоящему осознавать, чем Турция обязана этому так тяжело умирающему человеку. Только теперь до него начинала доходить вся мера той огромной ответственности, способной шутя раздавить любого из них, которую взвалил на свои плечи его приятель Кемаль, много лет назад в лунную ночь на Принцевых островах поклявшийся посвятить родине всю свою жизнь. Много воды и крови утекло с той ночи в Босфоре, прежде чем он,

сдержав свою клятву, сделал то, чего до него не удавалось никому. И вот теперь он умирал. Но даже в эту скорбную для него минуту он думал не о себе, а о созданной им республике, и Али Фуад не очень удивился, когда Ататюрк, устремив на него так хорошо ему знакомый взгляд светло-голубых глаз, заговорил о будущей войне.

«Если мы допустим даже самую маленькую ошибку, то можем оказаться перед катастрофой... Ох как дорого бы я заплатил, — с несказанной грустью в голосе воскликнул он, — дабы быть сейчас в форме и руководить государством! И если бы я сейчас оказался, ну, скажем, в Алемдаге, где мы когда-то отдыхали с тобой, — глядя мимо Али Фуада в открытое окно, мечтательно произнес Ататюрк, — я бы поправился куда быстрее...» Произнеся эту стоившую ему много как физических, так и моральных сил фразу, он опустил голову на подушку и, закрыв глаза, с минуту отдыхал. А когда снова открыл их и с трудом сдерживавший волнение Али Фуад произнес несколько соответствующих моменту дежурных фраз, Ататюрк остановил его слабым движением руки. «Ты напрасно стараешься успокоить меня, Али... — негромким, но уже достаточно твердым голосом произнес он. — Надо смотреть правде в глаза...»

Заметив, что Ататюрк утомлен беседой, Али Фуад с неожиданной нежностью обнял старого товарища и, с трудом сдерживая рыдания, вышел из спальни. Больше его к Ататюрку не пустили. Тем не менее пожелание президента не осталось неисполненным, и в тот же день в Алемдаг отправилась целая экспедиция из самых различных специалистов. Но ни о какой поездке Ататюрка туда не могло быть и речи, поскольку здание, где некогда останавливались султаны, оказалось сильно разрушенным и на его восстановление требовалось много времени.

Как видно, приближение смерти смягчило характер Ататюрка, и в преддверии пятнадцатой годовщины республики он подписал указ об амнистии 150 противников националистов, сосланных в конце войны за Независимость. И только членам Османской фамилии по-прежнему был запрещен въезд в страну.

Тем временем самочувствие Ататюрка становилось все хуже, его фантастическая энергия, которой, казалось, никогда не будет предела, покидала его с каждой минутой, и страдавший от лихорадки и боли Ататюрк то и дело жаловался: «Мой живот плавает в воде! Как можно так жить?» Как-то ночью он, не выдержав страшных мучений, позвал Кылыча Али. «Попроси мать, — тяжело дыша, чуть слышно проговорил он, — прислать мне своего снадобья!» И тут же доставленный на яхту розовый уксус на какое-то время уменьшил нестерпимую боль. Но это было временное облегчение, Ататюрку стало еще хуже, и врачи решили перевезти его во дворец. С великими предосторожностями его подняли с кушетки и посадили в кресло, и в сопровождении врачей процессия медленно двинулась во дворец. Кресло донесли до комнаты, и здесь Ататюрк нечеловеческим усилием воли сумел подняться с кресла и дойти до спальни. Совершенно обессиленный, он в изнеможении упал на кровать и едва слышно произнес: «Как здесь прохладно... Оставьте меня, я буду спать...»

В этой кровати Ататюрк провел остаток сентября. Слабый и усталый, он то и дело засыпал, а проснувшись, подолгу смотрел на Босфор, проходившие по нему суда и покрытые пышной зеленью холмы. Говорить ни о чем не хотелось, да и о чем было говорить на пороге вечности? Все, что мог, он уже сказал, и ему было чем оправдаться перед Всевышним, если бы тот призвал его на свой суд. И уже понимавшие, что до этой самой вечности ему остался всего один шаг, близкие к нему люди вме-

сте с шестью ухаживавшими за президентом врачами постоянно находились рядом с ним, и только маленькая Юлькю была отвезена в Анкару. Тем не менее бюллетени о состоянии его здоровья были полны оптимизма и надежд на его выздоровление. Только издатель либеральной «Тан» («Восход») Ахмет Эмин Ялман позволил себе усомниться в них, и его сомнения стоили ему закрытия на три месяца газеты.

В Стамбул вместе с двумя медицинскими светилами из Вены и Берлина снова приехал Фиссенгер, и Ататюрк с грустной улыбкой на измученном страшными болями, осунувшемся лице сравнивал их консилиумы с генеральным штабом, готовящимся к битве, ставкой, в которой была теперь его собственная жизнь. В конце концов врачи решили выкачать набирающуюся в желудке Ататюрка жидкость, и тот согласился на эту рискованную по тем временам операцию. Накануне операции Ататюрк позвал своего личного секретаря и, словно забыв о его присутствии, долго смотрел на Босфор. Потом взглянул на почтительно стоявшего в нескольких метрах от него секретаря и грустно улыбнулся. «Мне печально об этом говорить, — негромко произнес он, — а тебе не менее печально об этом слышать, но... — голос его впервые за многие дни пережитых им страданий слегка дрогнул, — это необходимо, и мы должны составить завещание...» С трудом сдерживавший рыдания секретарь отправился за нотариусом, и, когда тот появился в комнате, Ататюрк протянул ему большой конверт со своей последней волей. Даже в эту трагическую для себя минуту он казался совершенно спокойным, и только в его потемневших от с трудом сдерживаемых чувств глазах на какие-то доли секунды промелькнуло выражение, которое уже было невозможно выразить словами.

Согласно своей последней воле, он оставлял все свое имущество Народной партии. Выделил он

средства на содержание Макбуде и своих приемных дочерей и завещал достаточно крупные суммы Исмету и Историческому и Языковому обществам. Почему он, помнивший до самой последней минуты о своем верном спутнике, так и не позвал его в свои последние дни к себе? Ответить на этот вопрос не сможет уже никто. Примечательно и то, что именно в это время министр иностранных дел Тевфик Рюшту Арас предложил Исмету место посла в Вашингтоне, от которого тот решительно отказался. Уже очень скоро он мог стать главою государства, и такие второстепенные должности его не прельщали. Да и сам Ататюрк, так, кстати, и не назвавший своего преемника, даже не сомневался в том, что новым президентом Турции станет либо Исмет, либо выдвигаемый его окружением маршал Февзи Чакмак. Правда, предпочтение он отдавал все же Февзи, поскольку известный своей жестокостью Исмет Иненю не пользовался особой любовью в стране. И тем не менее факт оставался фактом: Ататюрк так и не назвал имени человека, которого хотел бы видеть на своем месте! На что он надеялся? На то, что парламент сделает это сам? Что он выживет? А может, ему не хотелось, назначая Исмета, расписываться в собственной ошибке, сместив его с поста премьер-министра? Но все это только догадки, и об истинных причинах столь упорного молчания Ататюрка теперь уже не узнает никто...

13 октября операция была сделана, за считанные минуты из Ататюрка вышло около десяти литров воды, и он грустно заметил: «И как только можно жить с таким количеством воды в животе?» Он сразу же почувствовал огромное облегчение и, широко улыбаясь, прошептал: «Я вновь начинаю жить, какое блаженство!» Но это блаженство длилось недолго, уже через три дня он впал в кому, и исполнявший обязанности вице-президента Абдулхалик Ренда вызвал кабинет министров в Стамбул.

Но даже сейчас Исмет не подумал покинуть Анкару. 22 октября Ататюрк пришел в себя. «Что со мною? — спросил он сидевшую рядом с кроватью сестру. — Я чувствую что-то странное...» — «Ничего особенного, Гази, — успокоила его та, — просто вы дольше обычного спали». К великому удивлению врачей, с каждым днем больной чувствовал себя все лучше и даже завел разговор о приближавшемся празднике в столице, на который он собирался ехать. «Я обязательно поеду в Анкару, — заявил он врачам, — и, если суждено, пусть это случится там...» И, как говорили близкие к президенту люди, сам профессор Фиссенгер, изумленный жадой жизни своего титудованного пациента, был не против, и в Анкаре начали делать специальный лифт, с помощью которого Ататюрк должен был подняться на трибуну. Но улучшение оказалось недолгим, и Ататюрк снова почувствовал себя плохо. Но даже сейчас, когда о поездке надо было забыть, он не собирался сдаваться и принялся за подготовку речи, которую от его имени должен был зачитать премьер-министр.

29 октября в Стамбуле стояла прекрасная погода, и огромный город отмечал пятнадцатую годовщину провозглашения республики. И только тот, кому нация была обязана этим праздником, неподвижно лежал в своей постели, с грустью глядя в широкое окно, за которым так весело светило солнце и благоухали осенние цветы. О чем он думал, о чем вспоминал в этот великий для него день? Но когда он, утомленный воспоминаниями, закрыл глаза, то сразу же увидел мать, ведущую его в медресе. Он слабо улыбнулся. Не тогда ли в нем начался пока еще неосознанный бунт против старого уклада и стремление к лучшей жизни. С этой улыбкой на лице он забылся. Но уже через полчаса его разбудили громкие голоса: это многочисленные кадеты из военной школы Кудели подплыли на лод-

ках и яхтах к Долмабахче и, остановившись перед дворцом, выкрикивали слова благодарности своему президенту. «Мы хотим видеть Ататюрка!» — громко скандировали молодые люди, и можно только догадываться о том, какие чувства испытывал в эти минуты так и не сумевший подняться с кровати Ататюрк.

С повлажневшими глазами слушал он доносившиеся с Босфора крики, и в его груди поднималось чувство великой гордости за то, что он сумел сделать. Крики становились все громче, и не выдержавший этой пытки Кылыч Али подошел к окну и сделал кадетам знак не тревожить взволнованного президента. 8 ноября Ататюрк снова впал в кому, и его последними словами стало традиционное «Aleykuseram» («Мир вам»). В полдень следующего дня всем стало понятно, что Ататюрку недолго осталось пребывать на этой грешной земле, и неотрывно смотревший на кровать, где прощался с жизнью главный солдат республики, его секретарь Хасан Риза Соьяк негромко сказал Кылычу Али: «Смотри, как уходит целая эпоха...»

В 9 часов утра 10 ноября Ататюрк в последний раз открыл ставшие удивительно голубыми в последние мгновения его жизни глаза и обвел долгим прощальным взглядом стоявших около его кровати людей. Он хотел что-то сказать, но так и не смог. Его голова бессильно опрокинулась на подушку, и он снова закрыл глаза. На этот раз уже навсегда. Ровно в 9 часов 5 минут маршал Гази Мустафа Кемаль-паша Ататюрк умер, и Кылыч Али остановил часы. Они и по сей день стоят в той самой комнате, где встретил свою смерть никем, кроме нее, не побежденный первый солдат республики. Впрочем, по большому счету он победил и ее, воплотившись в тысячи дел и миллионы турок, и по сей день помнящих и почитающих человека, которому нация была обязана многим. Много лет назад на борту

уносившей их в Самсун «Бандырмы» Кемаль сказал сопровождавшим его Арифу и Рефету: «То, что нам предстоит сделать, больше чем революция. Революции меняют те государства, которые существуют. Турции пока еще нет, но она обязательно будет и займет свое достойное место в мире...» И только что навеки успокоившийся человек сдержал данное им слово. А затем случилось непредвиденное: не в силах совладать со своим горем Салих Бозок выстрелил себе в сердце. В самый последний момент его рука все-таки дрогнула, и он остался жив, что дало повод работавшей в секретариате президента Халдун Дерин горько заметить: «Никто из «привычных джентльменов» не отважился на харакири!»

Сразу же после смерти Ататюрка национальный флаг над дворцом был приспущен, и скорбная весть разнеслась по всему миру. И не было в те дни в Турции никого, кто остался бы равнодушным к уходу человека, отдавшего нации все свое полное любви к ней сердце. Как, наверное, не было и ни одного иностранца, не сочувствовавшего неутешному горю всей Турции.

Печаль царила повсюду: в школах, в семьях, на фабриках и в редакциях газет. Девочки вплетали в волосы ленты и банты, женщины останавливались около многочисленных портретов Ататюрка, покрытых черным крепом, выставленных в витринах магазинов, и не скрывали своих слез. Огромный город застыл в каком-то оцепенении. На всех зданиях были вывешены траурные флаги. Кафе, бары, рестораны, театры, казино — все увеселительные заведения были закрыты. Были убраны все афиши и притушены все огни. Город скорбел...

12 ноября накрытый национальным флагом дубовый гроб был установлен в самом большом зале дворца Долмабахче на обложенном цветами постаменте, вокруг которого горели шесть факелов и стояли вазы с осенними цветами. Три высших офице-

ра и солдата стояли около гроба в почетном карауле. В 10 часов утра началось беспрецедентное в истории Турции прощание ее народа со столько сделавшим для него человеком. Это было грустное и одновременно торжественное зрелище: огромный город проходил перед гробом того, в ком вся страна признавала своего отца. И теперь мимо спящего вечным сном Гази в глубокой скорби шли сражавшиеся вместе с ним на Дарданеллах и на Сакарье солдаты, и по их морщинистым щекам текли неудержимые слезы, мимо уснувшего навеки президента проходили политики, которые, возможно, только теперь по-настоящему начинали понимать все величие этого не знавшего и не искавшего при жизни покоя человека.

Несколько дней длился нескончаемый скорбный поток. Вечером 17 ноября полиция утратила контроль над ситуацией, и 11 человек были раздавлены насмерть. В эти печальные для всей страны дни в секретариат президента поступило огромное количество телеграмм со всего мира, и свое сочувствие выразили даже такие люди, как не пожелавший возвращаться в Турцию после объявленной амнистии черкес Этхем. Из скорбевшей вместе с Турцией Европы было получено 13 вагонов венков и букетов цветов. На рейде стамбульского порта, отдавая последнюю честь великому воину, выстроились в ряд британский дредноут «Малайя», французский крейсер «Эмиль Бертин», советский корабль «Москва», немецкий крейсер «Эмден», румынский «Регина Мария» и множество других кораблей.

Суббота 19 ноября 1938 года выдалась теплой и солнечной. С самого рассвета огромная толпа заполнила весь город, все террасы и балконы, все окна были заняты двумястами тысячами человек, приехавших из провинций и Анатолии. И после того как отзвучали молитвы, покрытый нацио-

нальным флагом гроб с телом Ататюрка был вынесен из дворца и установлен на пушечный лафет, запряженный 12 лошадьми. Появление гроба словно послужило сигналом для огромной толпы, поскольку сразу же послышались рыдания. Величественный кортеж медленно двинулся через сотрясаемое рыданиями человеческое море. Вслед за ним шли премьер-министр Байяр, маршалы, высшие офицеры, иностранные делегации, члены дипкорпуса, народ Турции. Люди всех сословий, разных состояний, которые не могли следовать за кортежем, следили за его продвижением с улиц, узких тротуаров, переулков. Женщины и девочки плакали, впрочем, плакали и многие мужчины, слитые в этот день воедино огромным горем, обрушившимся на всех них в эти дни. Под траурную мелодию Шопена гроб с телом президента был доставлен на крейсер «Явуз», который в сопровождении других военных кораблей взял курс на Измит. Огромная толпа шла вдоль набережной по мере того, как крейсер проходил по Босфору. Среди рыданий слышались крики: «Прощай! Спасибо тебе за все! Мы никогда не забудем тебя!»

Никогда еще страна не видела подобного зрелища, каким явились похороны Ататюрка в Анкаре. В 10 часов утра 12 депутатов поставили гроб на артиллерийский лафет. Каждые пять минут траурная мелодия Шопена заглушалась орудийными залпами. Тысячи людей — старики, женщины, дети, юноши и девушки — рыдали в полный голос и, закрыв лицо руками, бессильно садились на асфальт. Затем к лафету медленно приблизились несколько генералов, с велюровыми подушками в руках, на которых разместились многочисленные награды Гази. И огромный кортеж, состоявший из полка улан, батальона артиллеристов, полка президентской гвардии и отряда морской пехоты, двинулся по улице.

В глубокой грусти за кортежем шла сестра Гази, Макбуле Атадан, близкие друзья Ататюрка и его товарищи по оружию: новый президент Турции Исмет Иненю и маршал Февзи Чакмак, президент меджлиса Ренда, премьер-министр Джелаль Байяр, послы, представители европейских и азиатских государств, батальон пехоты и, наконец, огромная толпа убитых горем людей. Несмотря на желание самого Ататюрка быть похороненным в Чанкайя, правительство приняло решение избрать местом его временного захоронения Этнографический музей Анкары. А 10 ноября 1953 года его останки с великими почестями были перенесены в возведенный на самом высоком месте столицы мавзолей из белого мрамора. Здесь он спит вечным сном, продолжая всем сделанным им напоминать о том, что судьба любой нации находится только в ее руках и нигде больше...

Родители — Зюбейде-ханым и Ати Риза

Со своим помішником Джевадом Аббасом 21 септjбря 1928 г

Выступленнє на 10-ї годовщине республїки 29 октjбря 1933 г

На аткарском ипподроме с Исметом Именю 1935 г

Прием в честь короля Афганистана Аманулла хана 1928 г

Портрет 1937 г.